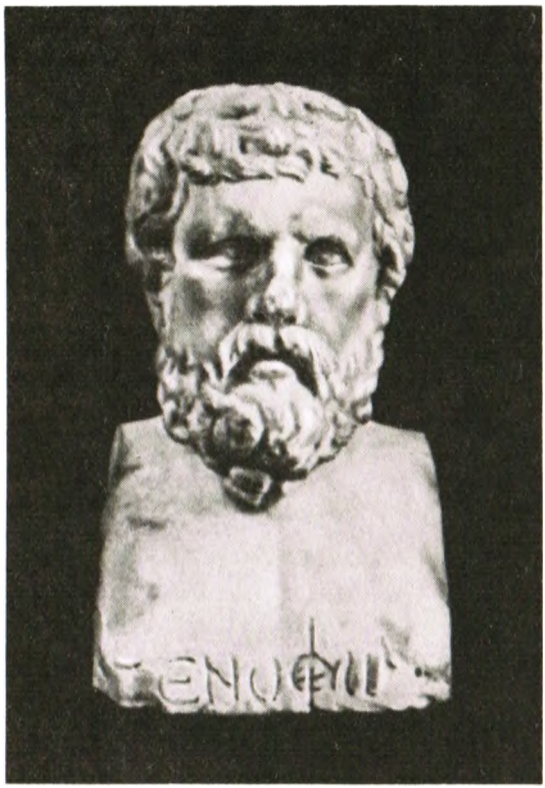
ПАМЯТНИКИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

КСЕНОФОНТ

Воспоминания о Сократе

КСЕНОФОНТ

Издательство «Наука»



КСЕНОФОНТ

Александрия

СОКРАТ

Лондон

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт философии

Издательство · Наука ·
Москва 1993

ПАМЯТНИКИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Серия основана в 1978 г.

Редакционная коллегия серии
«Памятники философской мысли»:
В. В. БЫЧКОВ, П. П. ГАЙДЕНКО, М. Н. ГРОМОВ,
А. В. ГУЛЫГА, М. А. КИССЕЛЬ, В. А. КУВАКИН,
И. А. ЛАВРЕНТЬЕВА (секретарь),
Г. Г. МАЙОРОВ, Н. В. МОТРОШИЛОВА,
И. С. НАРСКИЙ, В. С. НЕРСЕСЯНЦ,
Т. И. ОЙЗЕРМАН (председатель), В. В. СОКОЛОВ,
А. Л. СУББОТИН (зам. председателя)

КСЕНОФОНТ

Воспоминания о Сократе

Издательство · Наука ·
Москва 1993

Книгу составляют четыре сочинения древнегреческого историка и философа Ксенофонта — «Воспоминания о Сократе», «Защита Сократа на суде», «Пир», «Домострой», обычно объединяемые под названием «Сократические сочинения». Наряду с диалогами Платона это важнейшие источники, на основании которых судят о мировоззрении и личности великого Сократа. На протяжении многих веков «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта оставались одним из самых известных и популярных произведений европейской литературы.

Для философов, историков, широкого круга читателей, интересующихся классическим наследием мировой философской мысли.

0301030000-316
042(02)-93 391-93 I полугодие

ISBN 5-02-008058-6

© С. И. Соболевский, перевод, статьи и комментарии, 1935
© К. П. Полонская, статья о С. И. Соболевском, 1993
© Российская академия наук, 1993

ВОСПОМИНАНИЯ О СОКРАТЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ПЕРВОГО ПУНКТА ОБВИНЕНИЯ: СОКРАТ НЕ ОТРИЦАЛ БОГОВ

Часто удивлялся я, какими это доводами лица, возбудившие судебный процесс против Сократа, убедили афинян, что он заслужил смертного приговора от сограждан. В обвинительном акте против него было сказано приблизительно[1] так: Сократ виновен в том, что не признает богов, признаваемых государством, а вводит другие, новые божества; виновен также в том, что развращает молодежь.

2 Что касается первого пункта обвинения, будто он не признает богов, признаваемых государством, какое доказательство этого они привели? Жертвы он приносил часто как дома, так и на общих государственных алтарях: это все видели; к гаданиям прибегал: это тоже ни для кого не было тайной. По всему городу ходили слухи о рассказах Сократа, что божественный голос[2] дает ему указания: это-то, мне кажется, и послужило главным основанием[3] для обвинения его в том, что он вводит новые бо-
3 жества. На самом же деле он так же мало вводит нового, как и все другие, признающие искусство узнавать будущее, которые наблюдают птиц, голоса, приметы и жертвы[4]: они предполагают, что не птицы и не встречные люди знают, что полезно для гадающих, но что боги через них указывают это;
4 и Сократ думал так же. Но по большей части люди выражаются так, что птицы и встречные их отклоняют от чего-нибудь или побуждают; а Сократ, как думал, так и говорил: божественный голос, говорил он, дает указания. Многим друзьям[5] своим он заранее советовал то-то делать, того-то не делать, ссы-

лаясь на указание божественного голоса, и, кто следовал его совету, получал пользу, а кто не следовал, раскаивался. Однако кто не согласится, что он не хотел казаться друзьям ни дураком, ни хвастуном? А он казался бы и тем и другим, если бы, выдавая свои советы за божественные откровения, потом оказывался бы солгавшим. Отсюда видно, что он не стал бы предсказывать, если бы не был уверен в истине своих слов. А можно ли в этом поверить кому-либо другому, как не богу? Если же он верил богам, то как же он мог не признавать, что боги существуют? Мало того, он так еще поступал по отношению к друзьям: дела необходимые[6] он советовал делать так, как, по их мнению, их можно сделать всего лучше; а в тех случаях, когда исход дела был неизвестен, он посылал их к оракулу спросить, следует ли его делать[7]. Так, например, кто хочет с успехом заниматься хозяйством или заведовать государственными делами, тому, говорил он, нужно еще погадать. Правда, чтобы стать хорошим плотником, кузнецом, земледельцем или хорошим счетчиком, домохозяином, военачальником,— всеми такими знаниями, думал он, может овладеть, конечно, и человеческий ум[8]; но самое главное в них, говорил он, боги оставляют себе, и ничего из этого люди не знают. Так, например, кто превосходно засадил для себя деревьями участок земли, не знает, кто будет собирать плоды; кто превосходно построил себе дом, не знает, кто будет жить в нем; специалист по стратегии не знает, полезно ли быть стратегом; человек, опытный в государственных делах, не знает, полезно ли стоять во главе государства; женившийся на красавице себе на отраду не знает, не будет ли через нее терпеть горе; породнившийся через брак с влиятельными лицами в городе не знает, не лишится ли он из-за них отечества[9]. Кто воображает, будто в подобных случаях нет ничего зависящего от бога, а все будто бы зависит от человеческого рассудка, тот безумец; безумцы также и вопрошающие оракул о том, что боги предоставили людям самим познать и решать, как, например, если бы кто стал спрашивать, какого человека лучше взять в кучера экипажа — умеющего

править или не умеющего; или какого лучше взять в рулевые корабля — умеющего править или не умеющего; вообще, кто вопрошает богов о том, что можно знать посредством счета, меры, веса, и о тому подобных вещах, тот, думал он, поступает нечестиво. Что боги предоставили людям познать и делать, тому, говорил он, должно учиться; а что людям неизвестно, о том стараться узнать волю богов посредством гаданий: к кому боги милостивы, тому они дают указания.

10 Затем Сократ всегда был на глазах у людей: утром ходил в места прогулок и в гимнасии, и в ту пору, когда площадь бывает полна народа[10], его можно было тут увидеть; да и остальную часть дня он всегда проводил там, где предполагал встретить побольше людей; по большей части он говорил, так
11 что всякий мог его слушать. Тем не менее никто никогда не видал и не слыхал от него ни одного нечестивого, противорелигиозного слова или поступка.

Да он и не рассуждал на темы о природе всего, как рассуждают по большей части другие; не касался вопроса о том, как устроен так называемый философами «комос»[11] и по каким непреложным законам происходит каждое небесное явление. Напротив, он даже указывал на глупость тех, кто за-
12 нимается подобными проблемами[12].

Первый вопрос относительно их, который он рассматривал, был такой: считают ли они себя достаточно знающими то, что нужно человеку, и потому приступают к изучению таких предметов, или же, оставляя в стороне все человеческое, а занимаясь
13 тем, что касается божества, они думают, что поступают, как должно? Он удивлялся, как они не понимают, что это постигнуть человеку невозможно, когда даже те из них, которые больше всех гордятся своим уменьем рассуждать на эти темы, не со-
14 гласны между собою, а смотрят друг на друга, как сумасшедшие. Одни сумасшедшие не страшатся даже и страшного, другие опасаются даже не опасного; одни не считают непристойным говорить или делать что бы то ни было хоть среди большого стечения народа, другие находят, что не следует даже показываться людям; одни не почитают ни храма,

ни алтаря, ни вообще ничего божеского, другие благоговеют перед всякими камнями, кусками дерева, животными. Похожи на них и занимающиеся вопросами о естестве мира: одним кажется, что сущее едино, другим, что оно беспредельно в своей множественности[13]; одним кажется, что все вечно движется, другим, что ничто никогда не может двинуться; одним кажется, что все рождается и погибает, другим, что ничто никогда не может ни родиться ни погибнуть[14]. По поводу их он высказывал еще такое соображение. Кто изучает дела человеческие, надеется сделать то, чему научится, как себе, так и другим, кому захочет: думают ли исследователи божеских дел, что они, познав, по каким законам происходят небесные явления, сделают, когда захотят, ветер, дождь, времена года и тому подобное, что им понадобится, или же они ни на что подобное и не надеются, а им кажется достаточным только познать, как совершается каждое явление такого рода. Вот как он говорил о людях, занимающихся этими вопросами, а сам всегда вел беседы о делах человеческих: он исследовал, что благочестиво и что нечестиво, что прекрасно и что безобразно, что справедливо и что несправедливо, что благоразумие и что неблагоразумие, что храбрость и что трусость, что государство и что государственный муж, что власть над людьми и что человек, способный властвовать над людьми, и так далее: кто знает это, тот, думал он, человек благородный, а кто не знает, по справедливости заслуживает названия хама.

В тех случаях, когда убеждения его не были известны, ничего удивительного нет, что судьи пришли к ошибочному заключению о нем; но не удивительно ли, что они не приняли во внимание того, что все знали? Однажды, сделавшись членом Совета и принеся присягу, которую приносят члены Совета, в том, что они будут при исполнении этой должности руководиться законами, он попал в председатели Народного собрания[15].

Когда народу захотелось осудить на смертную казнь стратегов Фрасилла и Эрасинида с их коллегами, всех одним голосованием, вопреки закону,

Сократ отказался поставить это предложение на голосование, несмотря на раздражение народа против него, несмотря на угрозы многих влиятельных лиц: соблюдение присяги он поставил выше, чем угождение народу вопреки справедливости и охрану себя
19 от угроз[16]. Да, его вера в промысл богов о людях была не такова, как вера простых людей, которые думают, что боги одно знают, другого не знают; Сократ был убежден, что боги все знают — как слова и дела, так и тайные помыслы, что они везде присутствуют и дают указания людям обо всех делах человеческих.

20 Ввиду этого я удивляюсь, как же афиняне поверили, что Сократ неразумно мыслит о богах,— Сократ, который никогда не сказал и не сделал ничего нечестного, а, наоборот, говорил и поступал так, что всякий, кто так говорит и поступает, был бы и считался бы в высшей степени благочестивым человеком.

Глава 2

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ВТОРОГО ПУНКТА ОБВИНЕНИЯ: СОКРАТ НЕ РАЗВРАЩАЛ МОЛОДЕЖЬ

1 Удивительным кажется мне также и то, что некоторые поверили, будто Сократ развращает молодежь,— Сократ, который, кроме упомянутых качеств, прежде всего обладал больше всех на свете воздержанием в любовных наслаждениях и в употреблении пищи, затем способностью переносить холод, жар и всякого рода труды и к тому же такой привычкой к умеренности в потребностях, что, при совершенно ничтожных средствах, совершенно легко имел все в достаточном для него количестве.
2 Так, если он сам был таким, то как он мог сделать других безбожниками, нарушителями законов, чревоугодниками, сластолюбцами, неспособными к труду неженками? Напротив, он многих отвратил от этих пороков, внушив им стремление к добродетели и подав надежды, что если они станут заботиться

3 о себе, то будут людьми нравственными. А между тем он никогда не брался быть учителем добродетели; но, так как все видели, что он таков, то это давало надежду людям, находившимся в общении с ним, что они, подражая ему, станут такими.

4 Однако и тело он сам не оставлял без заботы и тех, кто не заботился о нем, не хвалил. Так, он осуждал тех, которые чрезмерно наедаются и потом чрезмерно работают[1], а находил полезным есть столько, сколько душа принимает с удовольствием, чтобы переваривать пищу удовлетворительно: такой распорядок он считал и довольно здоровым и не ме-
5 шающим заботиться о душе. Но при этом он не любил пышности и щегольства ни в одежде, ни в обуви, ни в других жизненных потребностях.

И корыстолюбцами он не делал своих собеседников: от всяких страстей он отвращал их, а с тех,
6 кто желал общения с ним, не брал денег. В таком бескорыстии он видел заботу о свободе; а кто берет плату за свои беседы, тех он презрительно называл продавцами самих себя в рабство, так как они обязаны разговаривать с теми, с кого берут плату. Он
7 удивлялся, как это человек, объявляющий себя учителем добродетели, берет деньги и не видит громадной пользы для себя в приобретении доброго друга, а боится, что тот, кто достигнет нравственного совершенства, не воздаст величайшей благодар-
8 ности своему величайшему благодетелю. Сократ, напротив, не обещал никому никогда ничего подобного, но верил, что если его собеседники проникнутся принципами, которые он одобряет, то они на всю жизнь останутся добрыми друзьями и с ним и между собою. Так как же такой человек может развращать молодежь? Разве только забота о нравственном совершенстве есть развращение!

9 Но, клянусь Зевсом, говорил обвинитель[2], Сократ учил своих собеседников презирать установленные законы: он говорил, что глупо должностных лиц в государстве выбирать посредством бобов[3], тогда как никто не хочет иметь выбранного бобами рулевого, плотника, флейтиста или исполняющего другую подобную работу, ошибки в которой приносят гораздо меньше вреда, чем ошибки в государст-

венной деятельности; подобные речи, говорил обвинитель, возбуждают в молодежи презрение к установленному государственному строю и склонность
10 к насильственным действиям. Я, напротив, думаю, что люди образованные, чувствующие в себе способность давать в будущем полезные советы согражданам, меньше, чем кто-либо другой, бывают склонны к насильственным действиям: они знают, что насилие сопряжено с враждой и опасностями, а путем убеждения можно достигнуть тех же самых результатов без опасности, пользуясь любовью; кого заставляют силой, тот ненавидит, как будто у него что-то отняли, а на кого воздействуют убеждением, тот любит, как будто ему сделали одолжение. Поэтому несвойственно образованным людям действовать насилием: такие поступки свойственны людям,
11 обладающим силой, но без разума. Затем, кто осмеливается действовать насилием, тому нужно иметь сообщников, и немало; а кто может убеждать, тому не нужно никого: он уверен, что и один он может убеждать. Да и к убийствам прибегать таким людям приходится очень редко: кто захочет убивать человека вместо того, чтобы он, оставаясь в живых, был его послушным орудием?

12 Однако, говорил обвинитель, двое бывших друзей Сократа, Критий[4] и Алкивиад[5], очень много зла наделали отечеству. Критий при олигархии[6] превосходил всех корыстолюбием, склонностью к насилию, кровожадностью, а Алкивиад при демократии среди всех отличался невоздержностью, заносчиво-
13 стью, склонностью к насилию. Если они причинили какое зло отечеству, я не стану оправдывать их; я расскажу только, какого рода была их связь с Со-
14 кратом. Как известно, оба они по натуре своей были самыми честолюбивыми людьми в Афинах: они хотели, чтобы все делалось через них и чтобы им достигнуть громкой славы. А они знали, что Сократ живет на самые скромные средства, вполне удовлетворяя свои потребности, что он воздерживается от всяких удовольствий и что со всеми собеседниками своими при дискуссиях делает, что хо-
15 чет. Можно ли сказать, что люди такого рода, как я их выше охарактеризовал, видя это, в своем

стремлении к общению с Сократом руководились желанием вести жизнь, какую он вел, и иметь его воздержность? Или же они надеялись, что благодаря общению с ним могут стать очень ловкими ора-
16 торами и дельцами? Я, с своей стороны, убежден, что если бы бог дал им на выбор или всю жизнь жить, как Сократ, или умереть, то они предпочли бы умереть. Это видно было по их действиям: как только они почувствовали свое превосходство над товарищами, они сейчас же отпрянули от Сократа и предались государственной деятельности, ради которой они и примкнули к Сократу.

17 По поводу этого, пожалуй, можно сказать, что Сократу не следовало учить своих собеседников политике, не научив их сперва властвовать собою. Против этого я не возражаю. Но все учителя, как я вижу, не только показывают ученикам собственным примером, как они сами исполняют свое учение, но и словом стараются склонить их к прини-
18 тию своих мнений. И, Сократ, я знаю, являл собою друзьям образец высоконравственного человека и вел превосходные беседы о добродетели и о других обязанностях человека. И они, я знаю, пока были в общении с Сократом, умели властвовать собой,— не из страха, что Сократ накажет их или побьет, но потому, что тогда они действительно считали такой образ действий самым лучшим.

19 Пожалуй, многие, называющие себя философами, возразят, что никогда справедливый не может стать несправедливым, владеющий собою — нахалом и, вообще, кто научился чему-нибудь, чему можно учиться, никогда не может обратиться в незнающего. Я держусь другого мнения об этом: подобно тому, как работу тела не может исполнять тот, кто не развивает тело упражнением, так и работу души, я вижу, не может исполнять тот, кто не развивает душу: он не может ни делать того, что нужно делать, ни воздерживаться от того, от чего нужно
20 воздерживаться. Поэтому и отцы удаляют сыновей, хотя бы они были и нравственными, от людей испорченных: они убеждены, что общение с хорошими людьми служит школой доброй нравственности, а общение с дурными — ведет к ее уничтожению. Об

этом свидетельствуют и поэты[7],— один говорит:

> У благородных добру ты научишься; если ж с дурными
> Будешь, то прежний свой ум ты потеряешь тогда,

другой:

> Но добродетельный муж то бывает хорош, а то дурен.

21 Да, и я согласен с ними: как, не повторяя стихов, забываешь их, так, вижу я, и слова учителей забываются при невнимательном отношении к ним. А когда забудешь наставления, забудешь и те впечатления, при которых душа стремилась к нравственному совершенству; а забывши их, не мудрено
22 забыть и о нравственном совершенстве. Я вижу также, что люди, погрузившиеся в пьянство и поддавшиеся увлечениям любви, уже не могут заботиться о том, что нужно делать, и воздерживаться от того, что не нужно делать: многие, которые могли беречь деньги, пока не были влюблены, влюбившись, уже не могут беречь их; а истратив деньги, уже не избегают таких способов наживы, которых
23 прежде избегали, считая их позорными. Так что же невозможного в том, что человек, прежде нравственный, потом становится не нравственным, и могший раньше поступать справедливо, потом не может? Ввиду этого мне кажется, что все хорошие, благородные навыки можно развить в себе упражнением, а особенно нравственность: вожделения, насажденные в одном и том же теле с душой, склоняют ее не быть нравственной, а поскорее угождать им и телу.

24 Так вот, пока Критий и Алкивиад находились в общении с Сократом, они могли благодаря союзу с ним одолевать низменные страсти; когда же они оставили его, то Критий бежал в Фессалию[8] и там вращался в обществе людей, склонных скорее к беззаконию, чем к справедливости; Алкивиад, которого из-за его красоты ловили в свои сети многие женщины из высшего общества, а вследствие его влияния в родном городе и у союзников многие именитые люди портили угодливостью, который пользовался уважением у народа и легко достиг первен-

ства, перестал наблюдать за собою, подобно тому, как атлеты, легко достигшие первенства на гимнастических состязаниях, манкируют упражнениями.
25 При таких обстоятельствах, величаясь родом, превозносясь богатством, надменные влиянием, испорченные многими лицами и сверх всего этого давно уже оставив Сократа, что мудреного, что они стали
26 высокомерными? И после этого за ошибки, сделанные ими, обвинитель считает ответственным Сократа? А что Сократ сделал их нравственными людьми, когда они были молоды и когда человеку особенно свойственно безрассудство и невоздержность, за это Сократ, по мнению обвинителя, не заслужи-
27 вает никакой похвалы? Нет, в других случаях судят не так. Какой, например, флейтист, какой кифарист, какой вообще учитель, сделавший своих учеников хорошими специалистами, может нести ответственность, если они, перейдя к другим учителям, окажутся хуже? Если чей-нибудь сын, находясь в общении с кем-либо, ведет себя нравственно, а потом, подружившись с кем-либо другим, станет негодяем, то какой отец винит за это прежнего знакомого? Не хвалит ли он, напротив, первого тем больше, чем хуже сын его окажется под влиянием второго? Нет, сами отцы, хотя сыновья находятся при них, не несут ответственности за ошибки детей, если только они сами ведут жизнь нравственную.
28 Справедливость требует так судить и о Сократе: если бы он сам поступал дурно, то было бы основание считать его негодным человеком; а если он всегда вел жизнь нравственную, то разве справедливо, чтоб он нес ответственность за пороки, которых у него не было?
29 Но даже если он сам не делал ничего дурного, но одобрял их скверное поведение, то и в таком случае он может заслуживать упрека. Заметив, что Критий влюблен в Евфидема[9] и соблазняет его, чтобы быть с ним в таких отношениях, в каких находятся люди, пользующиеся телом для любовных наслаждений, Сократ старался отвратить его от этой страсти: он указывал, как унизительно и недостойно благородного человека, подобно нищему, выпрашивать милостыню у своего любимца, которо-

му он хочет казаться дорогим, моля и прося у него подарка, да еще совсем нехорошего. Но, так как
30 Критий не внимал таким увещаниям и не отставал от своей страсти, то, говорят, Сократ, в присутствии многих лиц, в том числе и Евфидема, сказал, что у Крития, как ему кажется, есть свинская наклон-
31 ность: ему хочется тереться об Евфидема, как поросята трутся о камни. С этого-то времени и стал ненавидеть Сократа Критий: будучи членом коллегии Тридцати и попав в законодательную комиссию с Хариклом [10], он припомнил это Сократу и внес в законы статью, воспрещающую преподавать искусство слова: он хотел поставить ему препону, но, не зная, как к нему придраться, взвел на него упрек, который публика бросает огульно философам [11], и старался выставить его в невыгодном свете перед публикой: я и сам никогда не слыхал таких речей от Сократа, и никто, сколько мне из-
32 вестно, не говорил, что слышал. События показали это: когда Тридцать массу граждан казнили, самых выдающихся, и многих подстрекали к противозаконным действиям, Сократ однажды сказал: «Странно было бы, мне кажется, если бы человек, ставши пастухом стада коров и уменьшая число и качество коров, не признавал себя плохим пастухом; но еще страннее, что человек, ставши правителем государства и уменьшая число и качество граждан, не стыдится этого и не считает себя плохим правителем
33 государства». Когда Критию и Хариклу донесли об этом, они призвали Сократа, показывали ему закон и запретили разговаривать с молодыми людьми. Сократ спросил их, можно ли предложить им вопрос по поводу того, что ему непонятно в этом объявлении. Они отвечали, что можно.

34 Хорошо, сказал Сократ, я готов повиноваться законам; но, чтобы незаметно для себя, по неведению, не нарушить в чем-нибудь закона, я хочу получить от вас точные указания вот о чем: почему вы приказываете воздерживаться от искусства слова,— потому ли, что оно, по вашему мнению, помогает говорить правильно или неправильно? Если — говорить правильно, то, очевидно, пришлось бы воздерживаться говорить правильно; если же — гово-

рить неправильно, то, очевидно, надо стараться говорить правильно.

35 Харикл рассердился и сказал ему: Когда, Сократ, ты этого не знаешь, то мы объявляем тебе вот что, для тебя более понятное,— чтобы с молодыми людьми ты вовсе не разговаривал.

На это Сократ сказал: Так, чтобы не было сомнения, определите мне, до скольких лет должно считать людей молодыми.

Харикл отвечал: До тех пор, пока им не дозволяется быть членами Совета[12], как людям еще неразумным; и ты не разговаривай с людьми моложе тридцати лет.

36 И когда я покупаю что-нибудь, спросил Сократ, если продает человек моложе тридцати лет, тоже не надо спрашивать, за сколько он продает?

О подобных вещах можно, отвечал Харикл, но ты, Сократ, по большей части спрашиваешь о том, что знаешь; так вот об этом не спрашивай.

Так, и не должен я отвечать, сказал Сократ, если меня спросит молодой человек о чем-нибудь мне известном, например, где живет Харикл или где находится Критий?

О подобных вещах можно, отвечал Харикл.

37 Тут Критий сказал: Нет, тебе придется, Сократ, отказаться от этих сапожников, плотников, кузнецов: думаю, они совсем уж истрепались оттого, что вечно они у тебя на языке.

Значит, отвечал Сократ, и от того, что следует за ними[13],— от справедливости, благочестия и всего подобного?

Да, клянусь Зевсом, сказал Харикл, и от пастухов; а то смотри, как бы и тебе не уменьшить числа коров.

38 Тут-то и стало ясно, что им сообщили рассуждение о коровах и что они сердились за него на Сократа.

Итак, какого рода было знакомство Крития с Сократом и в каких отношениях они были друг с друг-
39 гом, сейчас сказано. Но я утверждаю, что никто не может ничему научиться у человека, который не нравится. А Критий и Алкивиад все время, пока были в общении с Сократом, были в общении с ним

не потому, чтобы он им нравился, а потому, что они с самого начала поставили себе целью стоять во главе государства. Еще когда они были с Сократом, они ни с кем так охотно не стремились беседовать,
40 как с выдающимися государственными деятелями. Так, говорят, Алкивиад, когда ему не было еще двадцати лет, вел такую беседу о законах с опекуном своим Периклом, стоявшим тогда во главе государства.

41 Скажи мне, Перикл, начал Алкивиад, мог ли бы ты объяснить мне, что такое закон?

Конечно, отвечал Перикл.

Так объясни мне, ради богов, сказал Алкивиад, когда я слышу похвалы некоторым за их уважение к закону, я думаю, что такую похвалу едва ли имеет право получить тот, кто не знает, что такое закон.

42 Ты хочешь узнать, Алкивиад, что такое закон, отвечал Перикл: твое желание совсем не трудно исполнить: законы — это все то, что народ в собрании примет и напишет с указанием, что следует делать и чего не следует.

Какою же мыслью народ при этом руководится,— хорошее следует делать или дурное?

Хорошее, клянусь Зевсом, мой мальчик, отвечал Перикл, конечно, не дурное.

43 А если не народ, но, как бывает в олигархиях, немногие соберутся и напишут, что следует делать,— это что?

Все, отвечал Перикл, что напишет властвующий в государстве класс, обсудив, что следует делать, называется законом.

Так, если и тиранн[14], властвующий в государстве напишет гражданам, что следует делать, и это закон?

Да, отвечал Перикл, все, что пишет тиранн, пока власть в его руках, и это называется законом.

44 А насилие и беззаконие, спросил Алкивиад, что такое, Перикл? Не то ли, когда сильный заставляет слабого не убеждением, а силой делать, что ему вздумается?

Мне кажется, да, сказал Перикл.

Значит, и все, что тиранн пишет, не убеждением, а силой заставляя граждан делать, есть беззаконие?

Мне кажется, да, отвечал Перикл; я беру назад свои слова, что все, что пишет тиранн, не убедивши граждан, есть закон.

45 А все то, что пишет меньшинство, не убедивши большинство, но пользуясь своей властью, должны ли мы это называть насилием или не должны?

Мне кажется, отвечал Перикл, все, что кто-нибудь заставляет кого-нибудь делать, не убедивши,— все равно, пишет он это, или нет,— будет скорее насилие, чем закон.

Значит, и то, что пишет весь народ, пользуясь своей властью над людьми состоятельными, а не убедивши их, будет скорее насилие, чем закон?

46 Да, Алкивиад, отвечал Перикл, и мы в твои годы мастера были на такие штуки: мы заняты были этим и придумывали такие же штуки, которыми, по-видимому, занят теперь и ты.

Алкивиад на это сказал: Ах, если бы, Перикл, я был с тобою в то время, когда ты превосходил самого себя в этом мастерстве!

47 Итак, как только они заметили свое превосходство над государственными деятелями, они уже перестали подходить к Сократу: он и вообще им не нравился, да к тому же, когда они подходили к нему, им было неприятно слушать его выговоры за их провинности. Они предались государственной деятельности, ради которой и обратились к Сократу.

48 Но Критон, Херефонт, Херекрат, Гермоген, Симмий, Кебет, Федонд и другие собеседники Сократа искали его общества не с тем, чтобы сделаться ораторами в Народном собрании или в суде, но чтобы быть благородными людьми и хорошо исполнять свои обязанности по отношению к семье, слугам, родным, друзьям, отечеству, согражданам. И никто из них ни в молодости, ни в пожилых годах не делал ничего дурного и не подвергался никакому обвинению.

49 «Но Сократ,— говорил обвинитель,— учил презрительно обращаться с отцами: он внушал своим собеседникам убеждение, что он делает их умнее от-

цов, и указывал что по закону можно даже отца заключить в оковы, если доказать его умопомешательство [15]: это ему служило доказательством в пользу законности того, чтобы образованный человек
50 держал в оковах необразованного». На самом деле Сократ был того мнения, что человек, заключающий в оковы другого за недостаток у него образования, может быть на законном основании сам заключен в оковы людьми, знающими то, чего он не знает. Ввиду этого он часто исследовал вопрос о различии между незнанием и сумасшествием: сумасшедших, думал он, следует держать в оковах как для их собственной пользы, так и для пользы их друзей; а что касается не знающих того, что нужно знать, то справедливость требует, чтобы они учились у знающих.

51 «Но Сократ,— говорил обвинитель,— внушал своим собеседникам неуважение не только к отцам, но и к другим родственникам: он указывал, что при болезни или судебном процессе помогают не родственники, но в первом случае врачи, а во втором —
52 ловкие защитники». По словам обвинителя, также и о друзьях Сократ говорил, что нет никакой пользы от их расположения, если они не будут в состоянии оказывать помощь; только те, говорил будто бы он, заслуживают уважения, которые знают то, что нужно знать, и умеют это выразить словами. Таким образом, он будто бы внушал молодым людям убеждение, что он сам умнее всех и способнее сделать и других умными, и чрез это приводил их в такое настроение, что в их глазах все другие не имели никакой цены в сравнении с ним. Да,
53 я знаю, он выражался так об отцах и других родственниках и о друзьях; мало этого, он говорил еще то, что, по исходе души, в которой только и происходит процесс мышления, тело самого близкого человека поскорее выносят и скрывают под землей.
54 «Даже и при жизни,— говорил он,— всякий, хоть и любит себя более всего, от своего собственного тела сам отнимает все ненужное и бесполезное и другому предоставляет это делать. Так, например, люди сами у себя обрезывают ногти, волосы, мозоли и врачам предоставляют отрезывать и отжигать

(больные части) со страданием и болью, да еще считают себя обязанными за это платить им и гонорар; слюну выглевывают изо рта как можно дальше, потому что, оставаясь во рту, пользы она не приносит им никакой, а гораздо скорее приносит
55 вред». Да, это он говорил, но не в том смысле, что отца надо зарыть живым, а себя разрезать на куски; но, доказывая, что все неразумное не заслуживает уважения, он внушал каждому стремление быть как можно более разумным и полезным, чтобы тот, кто захочет пользоваться уважением отца, брата или кого другого, не сидел сложа руки, полагаясь на свое родство, а старался быть полезным тем, от кого хочет заслужить уважение.

56 Говорил про него обвинитель еще то, что он из самых знаменитых поэтов выбирал самые безнравственные места и, приводя их в виде доказательства, внушал своим собеседникам преступные мысли и стремление к тирании, например, из Гесиода [16] стих:

Дело отнюдь ни одно не позор, а позор лишь безделье.

Цитируя этот стих, он будто бы говорил, что поэт советует не гнушаться никаким делом, ни бесчестным, ни зазорным, но и за такие дела браться
57 с целью наживы. Но на самом деле, когда Сократ в дискуссии приходил к соглашению, что быть работником — полезно человеку и хорошо, а быть бездельником — вредно и дурно, и что работать — хорошо, а бездельничать дурно, то он говорил, что люди, делающие что-нибудь хорошее, работают и что они — работники, а играющих в кости или делающих что-нибудь скверное и вредное он обзывал бездельниками. При таком понимании окажется верным изречение:

Дело отнюдь ни одно не позор, а позор лишь безделье.

58 По словам обвинителя, Сократ, часто цитировал место из Гомера [17] о том, что Одиссей

Если царя где встречал или воина знатного родом,
Став перед ним, он его останавливал кроткою речью:
«О многочтимый! Тебе не пристало дрожать, словно

Лучше на место садись и других усади средь народа».
Если ж кричавшего громко он мужа встречал из народа,
Скиптром его ударял и бранил его грозною речью:
«Сядь, злополучный, недвижно и слушай, что скажут другие,
Те, кто мудрее тебя; ты ж негоден к войне и бессилен
И никогда ни во что не считался в бою, ни в совете».

Эти стихи он толковал будто бы в том смысле, что поэт одобряет, когда бьют простолюдинов и бед-
59 няков. Но на самом деле Сократ этого не говорил: в таком случае, думал он, и ему самому пришлось бы быть битым; он говорил, что людей, ни словом, ни делом не приносящих пользы, не способных помочь в случае надобности ни войску, ни государству, ни самому народу, особенно если сверх того они еще и наглы, необходимо всячески обуздывать, как бы богаты они ни были. Нет, напротив того,
60 Сократ, как всем было известно, был другом народа и любил людей. Много было людей, усердно искавших общения с ним, и в Афинах и за границей, но он ни с кого не требовал платы за свои беседы, но со всеми щедро делился своими сокровищами; некоторые из них дорого продавали другим то немногое, что получили от него даром [18], и не были друзьями народа подобно ему: кто не мог платить им деньги,
61 с теми они не хотели вести беседы. Сократ был украшением родному городу во всем мире,— в гораздо большей степени, чем в Спарте Лих [19], прославившийся этим: Лих во время Гимнопедий [19] угощал иностранцев, приезжавших в Спарту, а Сократ, в течение всей жизни тратя свои сокровища, приносил громадную пользу всем желающим: кто пользовался его обществом, уходил от него нравственно улучшенным.

62 Итак, по моему мнению, Сократ при таких достоинствах заслуживал скорее почета, чем смертного приговора, от сограждан. Да если посмотреть на это дело с точки зрения законов, то придешь к тому же заключению. По законам смертная казнь назначена в наказание тому, кто уличен в воровстве, в похищении платья, в срезывании кошельков, в прорытии стен [20], в продаже людей в рабство [21], в свято-

63 татстве; а Сократ больше всех на свете был далек от таких преступлений. Далее, перед отечеством он никогда не был виновен ни в неудачной войне, ни в мятеже, ни в измене, ни в другом каком бедствии. В частной жизни он тоже никогда ни у кого не отнимал имущества, никого не повергал в несчастие; никогда он даже обвинения не навлек на
64 себя ни в чем вышеупомянутом. Так как же он может подлежать суду по этой жалобе? Вместо того чтобы не признавать богов, как было сказано в жалобе, он почитал богов больше, чем кто-либо другой, как всем было известно; вместо того чтобы развращать молодежь, в чем его обвинял тот, кто возбудил судебный процесс, он своих друзей, имевших порочные страсти, отвращал от них, как всем было известно, а внушал им стремиться к прекрасной, высокой добродетели, благодаря которой процветают и государства и семьи. А при таком образе действий разве не заслуживал он великого почета у сограждан?

Глава 3

СОКРАТ БЫЛ ПОЛЕЗЕН УЧЕНИКАМ ПРИМЕРОМ И УЧЕНИЕМ

1 Что Сократ, по моему мнению, и пользу приносил своим друзьям, как делом,— обнаруживая пред ними свои достоинства,— так и беседами, об этом я теперь напишу, что припомню.

Что касается отношения к богам, его дела и слова — это всем было известно — были согласны с ответом Пифии[1], который она дает на вопрос, как поступать относительно жертвоприношений, почитания предков или тому подобного: Пифия дает ответ, что кто поступает по обычаю родного города, тот поступает благочестиво. Сократ и сам так поступал и другим советовал, а кто поступает как-нибудь иначе, те, думал он, глупы и берутся не за свое дело.

2 В молитвах он просто просил богов даровать добро, убежденный, что боги лучше всех знают,

в чем состоит добро; а просить богов о золоте, серебре, царской власти или о чем-нибудь подобном — это все равно, думал он, что просить об игре в кости, сражении или о чем-нибудь другом, исход чего совершенно неизвестен.

3 Жертвы приносил он небольшие, потому что и средства у него были небольшие, но он считал себя нисколько не ниже тех, кто приносит много больших жертв от своих больших богатств. Богам, говорил он, не делало бы чести, если бы они большим жертвам радовались больше, чем малым: в таком случае часто дары порочных людей им были бы угоднее, чем дары хороших; да и людям не стоило бы жить, если бы дары порочных были угоднее богам, чем дары хороших. По его убеждению, боги всего более радуются почету от людей наиболее благочестивых. Он хвалил также следующий стих:

Жертвы бессмертным богам приноси сообразно достатку [2].

Также и по отношению к друзьям, иногородним гостям и в разных других обстоятельствах жизни совет «приноси по достатку» он находил прекрасным.

4 Если ему казалось, что ему дается какое-нибудь указание от богов, то уговорить его поступить вопреки этому указанию было труднее, чем уговорить взять проводника, слепого и не знающего дороги, вместо зрячего и знающего. Да и других бранил он глупцами, кто поступает вопреки указанию богов из опасения дурной славы у людей; сам же он совет от богов ставил выше всех человеческих отношений.

5 Тот образ жизни, к которому он приучил и душу и тело, был таков, что при нем всякий проживет безмятежно и безопасно, если только по воле богов не произойдет чего-нибудь необыкновенного и не затруднится добыть средства для покрытия таких расходов. Жизнь обходилась ему так дешево, что не знаю, можно ли так мало зарабатывать, чтобы не получать столько, сколько было достаточно для Сократа. Пищи он употреблял столько, сколько мог съесть с аппетитом, а к еде приступал с такой под-

готовкой, что голод служил ему приправой; питье всякое ему было вкусно, потому что он не пил,
6 если не чувствовал жажды. Если когда его приглашали на обед и он соглашался прийти, то он совершенно легко мог уберечься от чрезмерного пресыщения, от чего огромному большинству людей очень трудно уберечься. Кто не мог этого сделать, тем он советовал избегать таких кушаний, которые соблазняют человека есть, не чувствуя голода, и пить, не чувствуя жажды: это, говорил он,
7 вредит желудку, голове и душе. Он шутил, что и Кирка [3], должно быть, превращала людей в свиней, угощая их такими веществами в изобилии; а Одиссей, благодаря наставлению Гермеса и собственной умеренности, удержался от чрезмерного употребления таких кушаний и оттого не превратился
8 в свинью. Так он говорил об этом шутливо и вместе с тем серьезно.

От любви к красавцам советовал он тщательно воздерживаться: не легко, говорил он, владеть собою, касаясь таких людей. Услышав однажды, что Критобул [4], сын Критона, поцеловал Алкивиадова сына [5], красавца, он спросил Ксенофонта в присутствии Критобула:

9 Скажи мне, Ксенофонт, не правда ли, ты считал Критобула скорее скромным, чем наглым, скорее осторожным, чем безрассудным и рискующим?

Конечно, отвечал Ксенофонт.

Так считай его теперь в высшей степени отчаянным и необуздапным: он станет и между мечей кувыркаться [6] и в огонь прыгать.

10 Что же ты заметил в его поступках, что так дурно думаешь о нем?

Да разве он не отважился поцеловать Алкивиадова сына, такого хорошенького, цветущего?

Ну, если этот рискованный поступок — такого рода, сказал Ксенофонт, то, мне кажется, и я могу попасть в эту опасность!

11 О несчастный! сказал Сократ. Как ты думаешь, что с тобою может быть после поцелуя красавца? Разве не станешь ты сейчас же рабом из свободного человека? Разве не станешь разоряться на вредные удовольствия? Разве будет у тебя время поза-

ботиться о чем прекрасном? Разве не будешь ты вынужден усердно заниматься такими вещами, какими не станет заниматься и сумасшедший?

12 О Геракл! сказал Ксенофонт. Какую страшную силу ты приписываешь поцелую!

И ты этому удивляешься? отвечал Сократ. Разве ты не знаешь, что тарантулы величиной меньше пол-обола, только прикоснувшись ртом, изводят людей болью и лишают рассудка?

Да, клянусь Зевсом, отвечал Ксенофонт, ведь тарантулы что-то впускают при укусе.

13 Глупец! сказал Сократ. А красавцы при поцелуе разве не впускают чего-то? Ты не думаешь этого только оттого, что не видишь. Разве ты не знаешь, что этот зверь, которого называют молодым красавцем, тем страшнее тарантулов, что тарантулы прикосновением впускают что-то, а красавец даже без прикосновения, если только на него смотришь, совсем издалека впускает что-то такое, что сводит человека с ума? (Может быть, и Эроты потому называются стрелками, что красавцы даже издали наносят раны) [7]. Нет, советую тебе, Ксенофонт, когда увидишь какого красавца, бежать без оглядки. А тебе, Критобул, советую на год уехать отсюда: может быть, за это время, хоть и с трудом, ты выздоровеешь.

14 Таким образом, и по отношению к любовным увлечениям он держался того мнения, что люди, не чувствующие себя гарантированными от них, должны направлять их на такие объекты, которых, без особенно большой потребности тела, душа не примет и которые, при потребности его, хлопот не доставят. А сам он, несомненно, был так хорошо вооружен против таких увлечений, что ему легче было держаться в отдалении от самых цветущих красавцев, чем другим от самых отцветших уродов.

15 Так вот какие принципы усвоил он себе относительно пищи, питья и любовных наслаждений и был того мнения, что удовольствия он испытывает достаточно, нисколько не меньше, чем те, которые об этом много хлопочут, а печали испытывает гораздо меньше.

Глава 4

РАЗГОВОР С АРИСТОДЕМОМ ОБ ОТНОШЕНИИ БОЖЕСТВА К ЧЕЛОВЕКУ

1 Если некоторые, на основании письменных и устных свидетельств о Сократе, думают, что он обращать людей к добродетели умел отлично, но указывать путь к ней не был способен, то пусть они рассмотрят не только те беседы его, в которых он с назидательной целью при помощи вопросов опровергал людей, воображающих, что они все знают, но также и повседневные беседы его с друзьями, и пусть тогда уже судят, был ли он способен нравственно исправлять их.

2 В первую очередь я изложу слышанную мною беседу его с Аристодемом [1], по прозванию Малым, о божестве.

Заметив, что он не приносит жертв богам и не прибегает к гаданиям, а, напротив, даже смеется над теми, кто это делает, он обратился к нему с таким вопросом:

Скажи мне, Аристодем, есть ли люди, талантом которых ты восхищаешься?

Да, отвечал он.

3 Назови нам имена их, сказал Сократ.

В эпической поэзии я всего больше восхищаюсь Гомером, в дифирамбе [2] — Меланиппидом [3], в трагедии — Софоклом [4], в скульптуре — Поликлитом [5], в живописи — Зевксидом [6].

4 Кто же, по-твоему, заслуживает большего восхищения,— тот ли, кто делает изображения, лишенные разума и движения, или тот, кто творит живые существа, разумные и самодеятельные?

Клянусь Зевсом, гораздо больше тот, кто творит живые существа, если действительно они получают бытие не по какой-то случайности, но благодаря разуму.

Какие же предметы ты признаешь делом случайным и какие творением разума,— те ли, цель существования которых неизвестна, или те, которые существуют для какой-нибудь пользы?

Надо полагать, конечно, что предметы, получающие бытие для какой-нибудь пользы,— творения разума.

5 Так не кажется ли тебе, что тот, кто изначала творил людей, для пользы придал им органы, посредством которых они все чувствуют,— глаза, чтобы видеть, что можно видеть, уши, чтобы слышать, что можно слышать? А от запахов какая была бы нам польза, если бы не был дан нос? А какое у нас было бы ощущение сладкого и острого и вообще всего приятного на вкус, если бы не был вложен
6 язык, знаток этого? Кроме того, как ты думаешь, не похоже ли на дело промысла вот еще что: так как зрение слабо, то он защитил его веками, которые, когда надо им пользоваться, растворяются, как дверь, а во сне запираются? А чтобы и ветры не вредили ему, он насадил респицы в виде сита; бровями, словно навесом, отделил место над глазами, чтобы даже пот с головы не портил их. Далее, орган слуха воспринимает всякие звуки, но никогда не наполняется? Передние зубы у всех животных приспособлены к разрезыванию, а коренные — к раздроблению пищи, полученной от них? Рот, через который живые существа вводят в себя пищу, какую желают, он поместил близ глаз и носа? А так как то, что выходит из человека, неприятно, то он направил каналы этого в другую сторону, как можно дальше от органов чувств? Все это так предусмотрительно устроено: неужели ты затрудняешься сказать, что это? — дело ли случайности, или творение разума?

7 Нет, клянусь Зевсом, отвечал Аристодем, если смотреть на это с такой точки зрения, то оно очень похоже на искусное произведение какого-то гениального, любящего живые существа художника.

А то, что он насадил стремление к деторождению, насадил в матерях стремление к выкармливанию, а во вскормленных детях величайшую любовь к жизни и величайший страх к смерти?

Без сомнения, и это похоже на искусную работу кого-то, поставившего себе целью бытие живых существ.

8 А в самом себе ты признаешь присутствие чего-нибудь разумного?

Спрашивай: я буду отвечать.

А в других местах нигде нет ничего разумного? Неужели ты можешь это думать, зная, что в теле находится лишь маленькая часть громадной земли и ничтожная доля огромного количества жидкости? Равным образом, от каждого из остальных элементов, несомненно великих, ты получил по ничтожной частице в состав твоего тела; только ум, стало быть, которого нигде нет, по какому-то счастливому случаю, думаешь, ты весь забрал себе, а этот мир, громадный, беспредельный в своей множественности, думаешь, пребывает в таком стройном порядке благодаря какому-то безумию?

9 Да, клянусь Зевсом, думаю так: я не вижу хозяев, как вижу мастеров в здешних работах.

Да ведь и души своей ты не видишь, а она хозяйка тела: поэтому, если рассуждать таким образом, ты имеешь право сказать, что ты ничего не делаешь по разуму, а все по случайности.

10 Тут Аристодем сказал: Нет, Сократ, право, я не презираю божество, а, напротив, считаю его слишком величественным, чтобы ему нужно было еще почитание с моей стороны.

Если так, возразил Сократ, то чем величественнее божество, которое, однако, удостоивает тебя своего попечения, тем больше следует чтить его,

11 Будь уверен, отвечал Аристодем, если бы я пришел к убеждению, что боги хоть сколько-нибудь заботятся о людях, я не стал бы относиться к ним с пренебрежением.

Так неужели ты думаешь, что они не заботятся? Во-первых, из всех живых существ одному лишь человеку они дали прямое положение, а это прямое положение дает возможность и вперед смотреть дальше и вверху находящиеся предметы лучше видеть, а чрез это уменьшается опасность повредить зрение, слух и рот. Затем, всем животным они дали ноги, дающие им возможность только ходить, а человеку прибавили еще и руки, исполняющие большую часть работ, благодаря которым мы счастливее

12 их. Мало того, хотя все живые существа имеют

язык, но только язык человека они сделали способным, посредством прикосновения его в разных местах рта, произносить членораздельные звуки, так что мы можем сообщать друг другу, что хотим. Далее, утехи любви для животных они ограничили известным временем года, а нам они даруют их не-
13 прерывно до старости. Однако бог нашел недостаточным позаботиться только о теле, но, что важнее всего, он насадил в человеке и душу самую совершенную. Так, прежде всего, у какого другого существа душа заметила, что есть боги, создавшие этот великий, прекрасный мир? Какой другой род существ, кроме человека, чтит богов? Какая душа более, чем человеческая, способна принимать меры предосторожности против голода, жажды, холодов, жаров, бороться с болезнями, развивать силу упражнениями, работать над изучением чего-либо,
14 помнить все, что услышит, увидит, изучит? Неужели тебе не ясно, что в сравнении с другими существами люди живут, как боги, уже благодаря своему природному устройству далеко превосходя их и телом и душой? Если бы у человека было, например, тело быка, а разум человека, он не мог бы делать, что хочет; точно так же животные, имеющие руки, но лишенные разума, в лучшем положении от этого не находятся. А ты, получив в удел оба эти драгоценные дара, думаешь, что боги о тебе не заботятся? Что же они должны сделать, чтобы ты признал их попечение о тебе?

15 Я признаю это, когда они будут посылать мне, как, ты говоришь, они посылают тебе, советников[7] для указания, что делать и чего не делать.

А когда они, отвечал Сократ, дают через гадания указания афинянам, желающим узнать будущее, или когда эллинам и даже всем людям, посылая чудесные знамения, они предвещают что-нибудь, разве думаешь, не дают они и тебе указаний, а только тебя исключают и оставляют вне своих
16 забот? Как ты думаешь, неужели боги насадили бы в людях веру в то, что они могут делать добро и зло, если бы они не имели силы для этого? Неужели люди никогда не заметили бы, что они вечно подвергаются обману? Разве ты не видишь, что

самые долговечные и мудрые учреждения человеческие — государства и народы — наиболее почтительны к богам и самые разумные возрасты наибо-
17 лее преданы заботе о богах? Дорогой мой, прибавил он, пойми, что и твой ум, пока находится в твоем теле, распоряжается им, как хочет. На этом основании следует думать, что и разум во вселенной устраивает вселенную так, как ему угодно: не думай, что твой взор может простираться на много стадий[8], а глаз бога слишком слаб, чтобы сразу все видеть, и что твоя душа может заботиться и о здешних делах, и об египетских, и о сицилийских, а разум бога недостаточно силен, чтобы сразу обо всем
18 иметь попечение. Но, оказывая услуги людям, ты узнаешь, кто готов и тебе оказывать услуги; делая им приятное, узнаешь, кто и тебе делает приятное; советуясь с ними, узнаешь, кто умен: подобно этому, если, служа богам, ты попробуешь узнать, захотят ли они тебе давать советы о чем-нибудь, неизвестном людям, то поймешь, что божество обладает таким могуществом и такими свойствами, что может сразу все видеть, все слышать, везде присутствовать и сразу обо всем иметь попечение.

19 Этими беседами, мне кажется, Сократ так воздействовал на своих друзей, что они удалялись от всяких нечестивых, несправедливых и предосудительных поступков, не только когда их видели люди, но и когда они были одни, потому что были убеждены, что ни один их поступок не может остаться скрытым от богов.

Глава 5

СОКРАТ ВНУШАЛ УЧЕНИКАМ ВОЗДЕРЖАНИЕ

1 Если правда, что воздержание — драгоценное благо для человека, рассмотрим, содействовали ли ему такие беседы Сократа.

Друзья! Предположим, у нас началась бы война, и мы хотели бы выбрать человека, под начальст-

вом которого мы всего больше надеялись бы и себя спасти от поражения, и врагов покорить: могли бы мы выбрать человека, который не в силах бороться с чревоугодием, страстью к вину, сластолюбием, сонливостью, неспособен к труду? Как могли бы мы думать, что он спасет нас или одолеет врагов? Пред-
2 положим, при конце жизни мы хотели бы поручить кому-нибудь воспитание малолетних сыновей, охрану чести дочерей-девушек, сбережение имущества: сочли бы мы заслуживающим такого доверия человека невоздержного? А рабу невоздержному поручили бы мы скотину, кладовые, надзор за полевыми
3 работами? А в домашние слуги и закупщики провизии захотели бы мы взять такого хоть даром? Но, если даже раба невоздержного мы не взяли бы к себе, то не следует ли самому-то человеку остерегаться стать таким? Корыстолюбцы, отнимая деньги у других, думают, что обогащают себя; но про невоздержного человека нельзя сказать, что он для других вреден, а для себя полезен: нет, он — злодей для других, но для себя еще больший злодей, если только величайшее злодеяние — губить не толь-
4 ко свой дом, но и тело и душу. В дружеской компании кому понравится человек, про которого известно, что вкусные блюда и вино он предпочитает друзьям и проституток любит больше, чем товарищей? Не следует ли каждому проникнуться убеждением, что воздержание есть основа добродетели, и его прежде всего запасти в душе? И действитель-
5 но, кто может без него приобрести какие-нибудь полезные знания или достигнуть упражнением значительного навыка в них? Какой раб чувственных наслаждений не доведет до позорного состояния и тело и душу? Мне кажется, клянусь Герой[1], свободный человек не желает получить такого раба, а рабу таких наслаждений следует молить богов о том, чтоб ему получить хороших господ: лишь в этом случае такой человек может спастись.

Такие беседы вел Сократ; но в делах он выказывал еще больше воздержания, чем на словах: он поборол в себе не только страсть к чувственным наслаждениям, но и любовь к деньгам, потому что держался мнения, что, кто берет деньги от первого

встречного, тот делает его своим господином и впадает в рабство, которое не менее унизительно, чем всякое другое.

Глава 6

РАЗГОВОР СОКРАТА С СОФИСТОМ АНТИФОНТОМ

1 Нельзя обойти молчанием также и разговор Сократа с софистом Антифонтом.

Однажды Антифонт[1], желая отвлечь от Сократа его собеседников, подошел к нему и в присутствии
2 их сказал так: Сократ! Я думал, что люди, занимающиеся философией, должны становиться счастливее от этого; а ты, мне кажется, вкушаешь плоды от нее противоположные. Живешь ты, например, так, что даже ни один раб при таком образе жизни не остался бы у своего господина: еда у тебя и питье самые скверные; гиматий[2] ты носишь не только скверный, но один и тот же и летом и зимой; хо-
3 дишь ты всегда босой и без хитона[2]. Денег ты не берешь, а они доставляют радость, когда их приобретаешь, а когда владеешь ими, дают возможность жить и приличнее, и приятнее. В других областях знания учителя внушают ученикам желание подражать им: если и ты хочешь внушить своим собеседникам такую мысль, то смотри на себя как на учителя злополучия.

4 Сократ на это ответил: Как мне кажется, Антифонт, ты представляешь себе мою жизнь настолько печальной, что предпочел бы, я уверен, скорее умереть, чем жить, как я. Так давай посмотрим: что
5 тяжелого нашел ты в моей жизни? Не то ли, что я, не беря денег, не обязан говорить, с кем не хочу, тогда как берущим деньги поневоле приходится исполнять работу, за которую они получили плату? Или ты хулишь мой образ жизни, думая, что я употребляю пищу менее здоровую, чем ты, и дающую меньше силы? Или думаешь, что продукты, которыми я питаюсь, труднее достать, чем твои, потому что они более редки и дороги? Или думаешь,

что кушанья, которые ты готовишь, тебе кажутся вкуснее, чем мои мне? Разве ты не знаешь, что, кому есть хочется, тому очень мало надобности в лакомых блюдах, и, кому пить хочется, тот чувствует очень мало потребности в напитке, которого
6 нет у него? Что касается гиматиев, как тебе известно, меняющие их меняют по случаю холода и жара, обувь надевают, чтобы не было препятствий при ходьбе от предметов, причиняющих боль ногам: так видал ли ты когда, чтобы я из-за холода сидел дома больше, чем кто другой, или по случаю жара ссорился с кем-нибудь из-за тени, или от боли в ногах
7 не шел, куда хочу? Разве ты не знаешь, что люди, по натуре очень слабого сложения, благодаря упражнению становятся крепче силачей, пренебрегающих ими, в сфере трудов, к которым они подготовляют себя, и легче их переносят? Про меня, как видно, ты не думаешь, что я, всегда приучавший тело упражнениями ко всяким случайностям, переношу все легче тебя, не занимавшегося упражне-
8 ниями? Если я — не раб чрева, сна, сладострастия, то существует ли для этого, по-твоему, какая-нибудь другая более важная причина, чем та, что у меня есть другие, более интересные удовольствия, которые доставляют отраду не только в момент пользования ими, но и тем, что подают надежду на постоянную пользу от них в будущем? Но, конечно, тебе известно, что люди, не видящие никакой удачи в своих делах, не радуются; а которые считают, что у них все идет хорошо — сельское хозяйство, судоходство или другая какая профессия,— те
9 радуются, видя в этом для себя счастье. Так вот, от всего этого, как ты думаешь, получается ли столько удовольствия, сколько от сознания того, что и сам совершенствуешься в нравственном отношении и друзей делаешь нравственно лучшими? Я вот всегда держусь этого мнения. А когда нужна помощь друзьям или отечеству, у кого больше времени заботиться об этом,— у того ли, кто ведет такой образ жизни, как я, или такой, который тебе кажется счастьем? Кому легче быть в походе,— кто не может жить без роскошного стола, или кто довольствуется тем, что есть? Кого скорее можно вы-

нудить к сдаче при осаде,— кому нужны продукты, которые очень трудно найти, или кто довольствуется
10 тем, что легче всего можно встретить? Похоже, Антифонт, что ты видишь счастье в роскошной, дорого стоящей жизни; а по моему мнению, не иметь никаких потребностей есть свойство божества, а иметь потребности минимальные — это быть очень близким к божеству; но божество совершенно, а быть очень близким к божеству — это быть очень близким к совершенству.

11 Как-то в другой раз Антифонт в разговоре с Сократом сказал: Сократ! Конечно, честным я тебя считаю, но умным — ни в каком случае; да, мне кажется, и сам ты это сознаешь: по крайней мере, ты ни с кого не берешь денег за свои беседы. А между тем плащ, дом или другую какую вещь, принадлежащую тебе, ты никому не отдашь не только даром, но даже и дешевле ее стоимости, потому что
12 знаешь, что она стоит денег. Отсюда ясно, что если бы ты и беседы свои считал имеющими хоть какую-нибудь ценность, то и за них брал бы не меньше их стоимости. Таким образом, честным, пожалуй, тебя можно назвать за то, что ты не обманываешь людей с корыстной целью, но умным — нет, если твои знания ничего не стоят.

13 Сократ на это отвечал: Антифонт! у нас[3] принято думать, что из красоты и знаний можно делать равно и благородное и гнусное употребление. Так, красоту если кто продает за деньги кому угодно, того обзывают распутником; а если кто знает, что его любит человек благородный, хороший и делает этого человека своим другом, то мы считаем его нравственным. Точно так же, кто продает свои знания за деньги кому угодно, тех обзывают софистами[4]; а кто, заметив в человеке хорошие способности, учит его всему хорошему, что знает, и делает своим другом, про того мы думаем, что он поступает, как следует доброму гражданину. Во всяком
14 случае, Антифонт, как другие любят хорошую лошадь, собаку, птицу, так и я, да еще больше, люблю добрых друзей, учу их всему хорошему, что знаю, знакомлю их с другими, от которых, я думаю, они могут позаимствоваться чем-нибудь полезным

для своего нравственного развития. Также книги древних мудрецов, в которых они оставили нам свои сокровища, я раскрываю и читаю вместе с друзьями, и, если мы находим что-нибудь полезное, мы заимствуем это и считаем большой выгодой для себя, что становимся друг другу дороги.

Когда я слышал такие разговоры, мне казалось, что и сам он — счастливый человек и что слушателей своих ведет к нравственному совершенству.

15 В другой раз как-то Антифонт спросил его, почему он, думая, что других делает способными к государственной деятельности, сам не занимается ею, если правда, что умеет.

Сократ отвечал: А в каком случае, Антифонт, я больше занимался бы государственными делами,— если бы один занимался ими или если бы заботился, чтобы было как можно больше людей, способных заниматься ими?

Глава 7

О ХВАСТОВСТВЕ

1 Посмотрим также, не внушал ли он своим собеседникам стремления к нравственному совершенству тем, что удерживал их от хвастовства.

Он всегда говорил, что нет лучшего пути к славе, как сделаться на самом деле хорошим в том, в чем хочешь казаться хорошим. Истину этого тезиса он доказывал так.

2 Представим себе, говорил он, что надо делать человеку, который хотел бы иметь репутацию хорошего флейтиста, если он на самом деле не таков. Не следует ли ему подражать хорошим флейтистам в том, что не имеет прямого отношения к искусству? Прежде всего, так как они имеют красивые костюмы и ходят в сопровождении массы слуг, то и ему надо припасти себе побольше хвалителей[1]. Но за самое дело нигде не следует браться: иначе он сейчас же окажется в смешном положении, и все увидят, что он — не только плохой флейтист, но еще и хвастун. Но, если он расходов нести будет много,

а пользы получать никакой не будет, да сверх того еще будет иметь дурную репутацию, не будет ли жизнь его тяжелой, убыточной, всеми осмеянной?

3 Подобным образом вообразим себе, что случилось бы с человеком, который хотел бы казаться хорошим командиром или рулевым, не будучи таким на самом деле. Если бы он, желая казаться способным к этой деятельности, не мог убедить в этом других, разве не было бы это для него горем, а если бы убедил, то еще большим несчастием? Ведь несомненно, что, получив назначение править рулем или командовать войском, человек не умеющий был бы причиной гибели тех, кого вовсе не хотел бы губить, и сам должен был бы ретироваться с позором и горем.

4 Точно так же, доказывал он, невыгодно считаться богатым, храбрым, сильным, не будучи таковым: к ним предъявляют требования, говорил он, превышающие их силы, и если они не могут их исполнить, но считаются достаточно способными, то снисхождения они не получат.

Мошенником называл он немалым и того, кто получит от кого-нибудь с его согласия деньги или посуду и не возвратит этого; но величайшим мошенником называл он того, кто, на самом деле будучи ничего не стоящим человеком, сумеет обмануть сограждан, убедив их в своей способности стоять во главе государства.

Вот такими разговорами, казалось мне, он удерживал своих собеседников и от хвастовства.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1

РАЗГОВОР С АРИСТИППОМ ОБ УМЕРЕННОСТИ. РАССКАЗ ПРОДИКА О ГЕРАКЛЕ

1 Еще и такой беседой, казалось мне, Сократ внушал своим друзьям желание развивать в себе умеренность в еде, питье, сладострастии, сне и выносливость в перенесении холода, жара и труда.

Узнав, что один из его собеседников в этом отношении отличается довольно большой невоздержностью, он обратился к нему с такими словами:

Скажи мне, Аристипп[1], если бы тебе пришлось взять двоих молодых людей на воспитание,— одного воспитывать так, чтобы он умел властвовать, а другого так, чтоб он не мечтал о власти,— как стал бы ты воспитывать каждого из них? Хочешь, рассмотрим этот вопрос, начиная с пищи, как будто с азбуки?

Аристипп отвечал: Да, действительно, пища — это начало воспитания, как мне кажется: нельзя и жить, если не будешь питаться.

2 Значит, желание вкушать пищу, когда настанет время, должно являться у них обоих?

Да, должно, отвечал он.

Так вот, которого из них будем мы приучать ставить выше исполнение неотложного дела, чем удовлетворение желудка?

Того, клянусь Зевсом, отвечал он, которого будем воспитывать для власти, чтобы государственные дела не оставались не исполненными во время его правления.

Значит, продолжал Сократ, и когда они захотят пить, надо приучить его же переносить жажду?

Конечно, отвечал он.

3 А которого будем приучать к умеренности в сне, так чтобы он мог и поздно лечь, и рано встать, и совсем не спать в случае надобности?

И к этому — его же, отвечал он.

Ну, а к умеренности в наслаждениях любви, так чтобы это им не было помехой в исполнении обязанности?

И к этому — его же, отвечал он.

Ну, а которого будем приучать не избегать трудов, а, напротив, добровольно брать их на себя?

И к этому — того, кого воспитываем для власти.

Ну, а которого скорее следует приучать к усвоению науки побеждать врагов, если есть наука, пригодная для этого?

Гораздо скорее, клянусь Зевсом,— того, кого воспитываем для власти, отвечал он, потому что без таких наук не будет никакого толку от остальных.

a Значит, человек, прошедший такое воспитание, не правда ли, не так легко попадется в руки врагов, как попадаются животные? Как известно, некоторых из них соблазняет желудок: хоть они и очень пугливы, но желание поесть влечет их к приманке, и они попадаются; других ловят на питье.

Конечно, отвечал он.

Не попадаются ли иные в сети из-за своей похотливости, как, например, перепела и куропатки, которые стремятся на голос самки, объятые желанием и ожиданием наслаждений любви, и забывают об опасности?

Аристипп согласился и с этим.

b Так, не унизительно ли для человека, как ты думаешь, если с ним случается то же, что с самыми неразумными животными? Так, например, соблазнители чужих жен проникают в терема, хоть и знают, что соблазнитель рискует не только понести наказание, которым грозит закон[2], но и попасть в засаду и, попавшись, подвергнуться позорному обращению. И хотя соблазнителя ожидают такие бедствия и унижения, хотя есть много средств избавиться от любовной страсти без всякой опасности, они все-таки идут на риск: разве это не полное сумасшествие?

Мне кажется так, отвечал Аристипп.

c Хотя самые необходимые занятия по большей части происходят под открытым небом, как, например, военные, земледельческие и другие немаловажные, тем не менее люди в большинстве случаев не

закаляют себя против холодов и жаров: как по-твоему, не есть ли это большое упущение?

Аристипп согласился и с этим.

7 Значит, по-твоему, будущему правителю следует развивать в себе способность переносить и эти неудобства легко?

Конечно, отвечал он.

Значит, если людей воздержных во всем этом мы ставим в разряд годных к власти, то неспособных к воздержанию мы поставим в разряд тех, которые не должны даже мечтать о власти?

Аристипп согласился и с этим.

Что же? Раз ты можешь указать каждому классу этих людей его место, ты уж, верно, сообразил, в который из этих классов ты имел бы право поставить себя самого?

8 Да, отвечал Аристипп; и ни в каком случае я не ставлю себя в разряд тех, которые хотят властвовать. Трудное дело — добывать для себя самого, что нужно; но лишь совершенный безумец, кажется мне, может, не довольствуясь этим, налагать на себя еще новое бремя — доставлять всем гражданам, что им нужно. Человек отказывает себе в удовлетворении многих желаний и в то же время, стоя во главе государства, подвергается наказанию в случае неисполнения всех желаний граждан: да разве это не
9 совершенное безумие? Государства считают себя вправе распоряжаться должностными лицами, как я своими слугами: как я считаю своим правом, чтобы слуги мне доставляли продукты в изобилии, а сами ничего из них не касались, так и граждане думают, что должностные лица обязаны доставлять им всякие блага в возможно большем количестве, а сами должны от всего этого отказаться. Ввиду этого тех, кто желает и сам иметь много хлопот и другим доставлять их, я воспитал бы так и поставил бы в разряд годных к власти; а уж себя-то я ставлю в разряд желающих жить как можно вольготнее и приятнее.

10 Тогда Сократ сказал: Так, хочешь, рассмотрим и этот вопрос, кому живется приятнее — властителям или подвластным?

Хорошо, отвечал Аристипп.

Так, вот, прежде всего, из числа известных нам народов, в Азии персы властвуют, а подвластны им сирийцы, фригийцы и лидийцы; в Европе скифы властвуют, а меоты подвластны; в Африке карфагеняне властвуют, а африканцы подвластны. Так вот, кому из них, по-твоему, приятнее живется? Или из эллинов, к которым и сам ты принадлежишь, кому, думаешь, приятнее живется — господствующим или подчиненным?

11 Нет, отвечал Аристипп, я и в класс рабов тоже себя не ставлю: мне кажется, есть какой-то средний путь между этими крайностями, по которому я и стараюсь идти,— путь не через власть, не через рабство, а через свободу, который вернее всего ведет к счастью.

12 Да, сказал Сократ, если этот путь не ведет и через людей, как не ведет он ни через власть, ни через рабство, тогда, пожалуй, в твоих словах есть доля истины; но если, живя среди людей, ты не захочешь ни властвовать, ни быть подвластным и не станешь добровольно подчиняться властителям, то, думаю, ты видишь, как умеют сильные, доводя до слез слабых, как целые общины, так и каждого по-
13 рознь, держать их в рабстве. Или тебе неизвестны случаи, когда косят хлеб, посеянный другими, рубят деревья, посаженные другими, и всячески притесняют слабых, не желающих подчиняться, пока не заставят их согласиться лучше быть рабами, чем воевать с сильными? И в частном быту опять-таки — разве ты не знаешь? — храбрые и сильные порабощают трусливых и бессильных и выжимают из них соки?

Нет, отвечал Аристипп, во избежание этого я даже не включаю себя в число граждан: я везде иностранец.

14 Тут Сократ сказал: Да, вот это ловкая штука! Со времени уничтожения Синиса, Скирона и Прокруста[3] иностранцев разве никто уж не обижает? Нет, теперь заправилы в родных городах не только издают законы с целью оградить себя от обид, но кроме родственников, еще запасаются помощью друзей, города окружают укреплениями, приобретают оружие для защиты от обид да сверх того еще

в чужих краях добывают себе союзников. Но, обла-
15 дая всеми этими средствами, они тем не менее тер-
пят обиды. А у тебя ничего этого нет: напротив, ты
проводишь много времени в дороге, где люди всего
чаще подвергаются обидам, и во всяком городе,
куда бы ты ни приехал, пользуешься меньшими
правами, чем каждый гражданин, оказываясь в та-
ком положении, при котором охотники наносить
обиды всего больше любят делать нападения[4]. И, не-
смотря на это, ты думаешь, что как иностранец ты
не подвергнешься обиде? Верно, ты полагаешься
на то, что государства гарантируют тебе безопас-
ность и при въезде и при выезде? Или же на то,
что если бы ты попал в рабство, то был бы таким
рабом, который бесполезен для всякого хозяина?
И действительно, кому была бы охота держать
в доме человека, который работать ничего не хочет,
а роскошную жизнь любит? Давай рассмотрим
16 и этот вопрос, как хозяева обращаются с такими
слугами. Не смиряют ли они похотливость их голо-
дом? А воровать не мешают ли тем, что запирают
места, где можно что-нибудь стащить? А от побега
не удерживают ли оковами? А лень не выгоняют ли
из них побоями? Или как ты поступаешь, когда за-
мечаешь у какого-нибудь слуги такие наклонности?
17 Жестоко наказываю всячески, пока не заставлю
служить[5], отвечал Аристипп. Однако, Сократ, кто
воспитывается для этого царского искусства, кото-
рое ты, по-видимому, признаешь счастьем, чем те
отличаются от людей, испытывающих разные не-
взгоды в силу необходимости, если им придется тер-
петь и голод, и жажду, не спать ночи и переносить
всякие другие труды, но только добровольно?
Я с своей стороны не понимаю, какая разница,
если одну и ту же шкуру стегают плетью, хочет ли
этого человек или не хочет; разве только та, что,
кто хочет подвергаться неприятностям, вдобавок
еще и глуп.
18 Как же так, Аристипп, сказал Сократ, в подоб-
ных случаях разве нет разницы, по-твоему, между
страданиями добровольными и невольными, в том
отношении, что добровольно голодающий может по-
есть, когда хочет, и добровольно терпящий жаж-

ду — напиться и так далее; а кто терпит эти страдания в силу необходимости, тот лишен возможности прекратить их, когда хочет? Затем, кто терпит разные невзгоды добровольно, тот утешается мыслью, что трудится с надеждой на успех, как, например, охотникам приятно трудиться в надежде
19 на добычу. Конечно, подобные награды за труд имеют мало цены; но, кто трудится с целью приобрести добрых друзей или одолеть врагов, или укрепить тело и душу, чтобы хорошо вести свое собственное хозяйство, оказывать услуги друзьям, приносить пользу отечеству,— как же не думать, что и трудиться им приятно для таких целей и жить им весело, когда они сами довольны собой, а другие хва-
20 лят их и считают счастливыми? Кроме того, легкое времяпрепровождение и удовольствия, получаемые сразу без труда, ни телу не могут дать крепости, ни душе не доставляют никакого ценного знания; напротив, занятия, соединенные с упорным трудом, ведут к достижению нравственного совершенства, по словам добрых людей. Так, Гесиод[6] в одном месте говорит:

Можно порока набрать легко хоть целую кучу:
Путь к нему гладкий ведет, и живет он от нас очень близко.
Пред добродетелью ж пот положили бессмертные боги:
Только тропинкой крутою и длинной дойдешь до нее ты,
Очень неровной сначала; когда же достигнешь вершины,
Станет легка добродетель, тяжелою бывшая прежде.

О том же свидетельствует и Эпихарм[7] в следующем стихе:

Боги продают все блага людям только за труды.

И в другом:

Дурень, не гонись за мягким: как бы жестко не было!

21 Ученый Продик[8] в своем сочинении о Геракле, которое он читает перед многочисленной публикой, высказывает такое же мнение о добродетели; он выражается так, насколько я припомню.

Геракл, говорит он, в пору перехода из детского возраста в юношеский, когда молодые люди уже

становятся самостоятельными и видно бывает, по какому пути пойдут они к жизни — по пути ли добродетели или порока,— Геракл ушел в пустынное
22 место и сидел в раздумье, по которому пути ему идти. Ему представилось, что к нему подходят две женщины высокого роста — одна миловидная, с чертами врожденного благородства; украшением ей была чистота тела, стыдливость в очах, скромность наружности, белая одежда; другая была упитанная, тучная и мягкотелая; благодаря косметике лицо ее казалось на вид белее и румянее, чем оно было в действительности; фигура казалась прямее, чем была от природы; глаза широко раскрыты; одежда такая, что сквозь нее может просвечивать красота молодости; она часто оглядывала себя, наблюдала также, не смотрит ли кто другой на нее, часто обертывалась даже на свою собственную тень.

23 Когда они были уже близко от Геракла, то первая продолжала идти прежним шагом, а вторая, желая опередить ее, подбежала к Гераклу и сказала:

Я вижу, Геракл, ты в раздумье, по какому пути тебе идти к жизни. Так если ты сделаешь своим другом меня, то я поведу тебя по пути самому приятному и легкому; радости жизни ты вкусишь
24 все, а тягостей не испытаешь во весь век свой. Во-первых, ты не будешь заботиться ни о войнах, ни о делах, а всю жизнь будешь думать только о том, какое бы кушанье или напиток тебе найти по вкусу, чем бы усладить взор или слух, чем порадовать обоняние или осязание, с какими мальчиками побольше испытать удовольствия, как помягче спать, как поменьше трудиться, чтобы все это получить.
25 А если когда явится опасение, что не хватит средств на это, не бойся, я не поведу тебя добывать эти средства путем труда и страданий, телесных и душевных: пет, что другие зарабатывают, этим будешь пользоваться ты, не останавливаясь ни перед чем, откуда можно чем-нибудь поживиться: своим друзьям я предоставляю свободу извлекать пользу изо всего.

26 Выслушав это, Геракл спросил: А как тебе имя, женщина?

Друзья мои, отвечала она, зовут меня Счастьем, а ненавистники называют Порочностью.

27 В это время подошла другая женщина и сказала: И я пришла к тебе, Геракл: я знаю твоих родителей и твои природные свойства изучила во время воспитания твоего. Поэтому я надеюсь, что если бы ты пошел путем, ведущим ко мне, то из тебя вышел бы превосходный работник на поприще благородных, высоких подвигов, и я стала бы пользоваться еще большим почетом и славой за добрые деяния. Не буду обманывать тебя прелюдиями об удовольствиях, а расскажу по правде, как боги устрои-
28 ли все в мире. Из того, что есть на свете полезного и славного, боги ничего не дают людям без труда и заботы: хочешь, чтобы боги были к тебе милостивы, надо чтить богов; хочешь быть любимым друзьями, надо делать добро друзьям; желаешь пользоваться почетом в каком-нибудь городе, надо приносить пользу городу; хочешь возбуждать восторг всей Эллады своими достоинствами, надо стараться делать добро Элладе; хочешь, чтобы земля приносила тебе плоды в изобилии, надо ухаживать за землей; думаешь богатеть от скотоводства, надо заботиться о скоте; стремишься прославиться через войну и хочешь иметь возможность освобождать друзей и покорять врагов, надо учиться у специалистов теории военного искусства и упражняться в применении ее на практике; хочешь обладать и телесной силой, надо приучать тело повиноваться рассудку и развивать его упражнением с трудами и потом.

29 Тут Порочность, перебив ее, как говорит Продик, сказала: Понимаешь ты, Геракл, о каком трудном и длинном пути к радостям жизни рассказывает тебе эта женщина? А я поведу тебя легким и коротким путем к счастью.

30 Тогда Добродетель сказала: Жалкая тварь! А у тебя что есть хорошего? Какое удовольствие знаешь ты, когда ты не хочешь ничего делать для этого? Ты даже не ждешь, чтобы появилось стремление к удовольствию, а еще до появления его ты уже насыщаешься всем: ешь, не успев проголодаться, пьешь, не успев почувствовать жажду; чтобы еда

казалась вкусной, придумываешь разные поварские штуки; чтобы питье казалось вкусным, делаешь себе дорогие вина и летом бегаешь во все концы и разыскиваешь снега; чтобы сон был сладким, делаешь не только постели мягкие, но и подставки под кровати[9], потому что тебе хочется спать не от труда, а от нечего делать. Любовную страсть ты возбуждаешь насильственно, раньше появления потребности к ней, придумывая для этого всякие средства и употребляя мужчин, как женщин; так ты воспитываешь своих друзей: ночью их бесчестишь, а днем в самые лучшие для работы часы
31 укладываешь их спать. Хотя ты и бессмертна, но из сонма богов ты выброшена, а у людей, у хороших, ты в презрении. Самых приятных звуков — похвалы себе — ты не слышишь; самого приятного зрелища не видишь, потому что никогда не видела ни одного своего славного деяния. А кто поверит каким-нибудь словам твоим? Кто поможет тебе в какой-нибудь нужде? Кто в здравом уме решится быть в свите твоих почитателей? В молодые годы они немощны телом, в пожилые слабоумны душой; всю молодость они живут без труда, на чужой счет упитанные, а чрез старость проходят тяжело, изможденные, стыдясь своих прежних дел, тяготясь настоящими, чрез радости жизни промчавшись в молодости, а тягости отложив на старость.

32 А я живу с богами, живу с людьми, с хорошими; ни одно благое дело, ни божеское, ни человеческое не делается без меня; я больше всех пользуюсь почетом и у богов и у людей, у кого следует, потому что я — любимая сотрудница художников, верный страж дома хозяевам, благожелательная помощница слугам, хорошая пособница в трудах мира, надежная союзница в делах войны, самый лучший
33 товарищ в дружбе. Друзьям моим приятно и без хлопот бывает вкушение пищи и питья, потому что они ждут, чтобы у них появилась потребность в этом. Сон у них слаще, чем у праздных; им не бывает тяжело оставлять его, и из-за него они не пренебрегают своими обязанностями. Молодые радуются похвалам старших, престарелые гордятся уважением молодых; они любят вспоминать свои

старинные дела, рады хорошо использовать настоящие, потому что благодаря мне любезны богам, дороги друзьям, чтимы отечеством. А когда придет назначенный роком конец, не забытые и бесславные лежат они, а воспоминаемые вечно цветут в песнях. Если ты совершишь такие труды, чадо добрых родителей, Геракл, то можно тебе иметь это блаженное счастье!

64 Таков приблизительно был рассказ Продика о воспитании Геракла Добродетелью; но он разукрасил эти мысли еще более пышными словами, чем я теперь. Во всяком случае, Аристипп, тебе следует принять это во внимание и стараться сколько-нибудь заботиться и о том, что пригодится в жизни на будущее время.

Глава 2

РАЗГОВОР С ЛАМПРОКЛОМ О ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ К РОДИТЕЛЯМ

a Сократ, заметив однажды, что его старший сын Лампрокл[1] сердится на мать, спросил его: Скажи мне, сынок, знаешь ли ты, что некоторых людей называют неблагодарными?

Конечно, отвечал молодой человек.

Так заметил ли ты за какие поступки людям дают это название?

Да, отвечал он: кто получил благодеяние и может отплатить за него благодарностью, но не платит, тех называют неблагодарными.

Значит, по-твоему, неблагодарных причисляют к несправедливым?

Да, отвечал он.

e А задавал ли ты себе когда такой вопрос: как продажа друзей в рабство считается делом несправедливым, а врагов — справедливым, так ли неблагодарность друзьям дело несправедливое, а врагам — справедливое?

Конечно, задавал, отвечал он, и мне кажется даже, кто получит благодеяние от друга ли или от

врага и не старается платить благодарностью, тот — человек несправедливый.

3 Если это так, то неблагодарность будет, так сказать, несправедливостью без всякой примеси?

Лампрокл согласился.

В таком случае человек будет тем более несправедлив, чем бóльшие благодеяния он получил и не платит за них благодарностью?

Лампрокл согласился и с этим.

Так кто же и от кого, продолжал Сократ, получает бóльшие благодеяния, как не дети от родителей? Им, не бывшим прежде, родители дали бытие, дали им возможность увидеть столько прекрасного и сделали их причастными стольких благ,— всего того, что боги предоставляют людям; эти блага кажутся нам дороже всего на свете,— до такой степени, что мы все больше всего боимся расстаться с ними; да и государства в наказание за самые тяжкие преступления назначили смертную казнь, руководясь тем, что нет страшнее зла, которое могло

4 бы удержать людей от преступлений. И, конечно, ты далек от мысли, что люди производят детей ради любовных наслаждений: тем, что может избавить человека от этой страсти, полны улицы, полны публичные дома. Как всем известно, мы и то еще принимаем в соображение, от каких женщин могут родиться у нас самые лучшие дети: с этими женщинами мы и вступаем в союз для рождения

5 детей. При этом мужчина содержит женщину, которая будет в союзе с ним рожать детей, и для будущих детей заранее готовит все, что, по его мнению, пригодится им в жизни, и притом в возможно большем количестве. А женщина после зачатия не только носит это бремя с отягощением для себя и с опасностью для жизни,— уделяя ребенку пищу, которой сама питается, но и по окончании ношения, с большим страданием родив ребенка, кормит его и заботится о нем, хотя еще не видала от него никакого добра; и хотя ребенок не сознает, от кого он получает добро, и не может выразить свои нужды, но она сама старается удовлетворять его желания; долгое время она кормит его, и днем и ночью неся труды и не зная, какую получит за это бла-

годарность. Но недостаточно только выкормить де-
6 тей: когда родители находят, что дети уже в состоя-
нии чему-нибудь учиться, они сообщают им сведе-
ния, полезные в жизни, какие у них самих есть;
а если чему, думают они, другой более способен на-
учить детей, то посылают их к нему, не щадя рас-
ходов, и всячески заботятся, чтобы из детей у них
вышли как можно лучшие люди.

7 В ответ на это молодой человек сказал: Хоть
она и сделала все это и другое, во много раз боль-
шее, но, право, никто не мог бы вынести ее тяже-
лого характера.

Тогда Сократ сказал: Что же, по-твоему, труд-
нее выносить — лютость зверя или матери?

Я думаю, отвечал он, матери, по крайней мере
такой.

Так разве она когда причинила тебе какую-нибудь боль — укусила тебя или лягнула, вроде того, как это многим случается испытывать от животных?

8 Нет, но, клянусь Зевсом, она говорит такие
вещи, что готов всю жизнь отдать, только бы этого
не слушать.

А ты, возразил Сократ, мало, думаешь, доставлял ей хлопот и криком и поступками, и днем и ночью, капризничая с детства, мало горя во время болезни?

Однако, отвечая он, я никогда не говорил ей и не делал ничего такого, от чего ей стало бы стыдно.

9 Что же? сказал Сократ. Разве, думаешь, тебе
тяжелее слушать ее слова, чем актерам, когда они
в трагедиях говорят друг другу самые неприятные
вещи?

Нет, я думаю, они равнодушно к этому относятся, потому что видят, что кто бранится, бранится не с целью сделать неприятность и, кто грозит, грозит не с целью причинить какое зло.

А ты прекрасно понимаешь, что когда мать говорит тебе что-нибудь, то у нее нет на уме никакого зла, а, напротив, она желает тебе добра, как никому другому, и все-таки сердишься на нее? Или ты предполагаешь, что мать желает тебе зла?

10 Конечно, нет, отвечал он, этого я не думаю.

Тут Сократ сказал: Значит, хоть она желает тебе добра и во время твоей болезни прилагает все заботы, чтобы ты выздоровел и не нуждался ни в чем необходимом, хоть она, кроме того, усердно молит богов за тебя и исполняет обеты, ты все-таки говоришь, что у нее тяжелый характер? Я думаю, что если ты не можешь выносить такой матери, то
11 не можешь выносить счастья. Скажи мне, продолжал Сократ, признаешь ли ты необходимость уважать кого-нибудь или ты решил не стараться никому на свете нравиться и повиноваться,— ни командиру, ни другому какому начальнику?

Нет, клянусь Зевсом, я готов, отвечал Лампрокл.

12 Значит, продолжал Сократ, ты и соседу хочешь нравиться, чтобы он давал тебе огня в случае надобности и оказывал тебе содействие в хорошем деле или, в случае какого несчастия, помогал, как добрый сосед?

Да, отвечал он.

Ну, а спутник в дороге или на море или другой кто, с кем встретишься,— все равно для тебя, другом ли он станет тебе или врагом, или ты находишь нужным заботиться и об их расположении к тебе?

Да, отвечал он.

13 Так, на них обращать внимание ты решил, а мать, которая любит тебя больше всех на свете, ты не находишь нужным уважать? Разве ты не знаешь, что и государство никогда не обращает внимания на неблагодарность и не привлекает за нее к суду, а равнодушно относится к тому, что люди за благодеяние не платят благодарностью; но, если кто не почитает родителей, того оно подвергает наказанию и, как оказавшегося при испытании недостойным, не допускает к занятию государственных должностей, находя, что он не может с надлежащим благочестием приносить жертв, приносимых за государство, и вообще ничего не может делать хорошо и справедливо? Клянусь Зевсом, если кто не украшает могил умерших родителей, и об этом государство производит расследование при испыта-
14 нии должностных лиц[2]. Так вот, сынок, если ты благоразумен, у богов проси прощения за непочтительность к матери, как бы они, сочтя тебя небла-

годарным, не отказали тебе в своих благодеяниях, а людей остерегайся, как бы они, узнав о твоем невнимании к родителям, не стали все презирать тебя и как бы тебе не оказаться лишенным друзей. Ведь если люди сочтут тебя неблагодарным к родителям, то никто не будет рассчитывать на благодарность от тебя за свое добро.

Глава 3

РАЗГОВОР С ХЕРЕКРАТОМ О БРАТСКОЙ ЛЮБВИ

1 Сократ заметил однажды, что его знакомые, Херефонт и Херекрат[1], братья, ссорятся между собою. Увидев Херекрата, он обратился к нему с таким вопросом:

Скажи мне, Херекрат, ты, конечно, не принадлежишь к числу таких людей, которые считают деньги чем-то более полезным, чем братьев, несмотря на то, что деньги — вещь неразумная, а брат — существо разумное, что деньгам нужна помощь, а брат сам может помогать, что, кроме того, денег
2 много, а брат один? Странно еще и то, когда человек в братьях видит ущерб для себя оттого, что он не владеет имуществом братьев, а в согражданах не видит ущерба оттого, что не владеет имуществом сограждан. Напротив, в последнем случае люди могут сообразить, что лучше жить со многими и без опасности иметь достаточные средства, чем жить одному и с опасностью владеть всем достоянием сограждан; а когда дело касается братьев, этого же
3 самого не понимают! Слуг, кто может, покупает, чтобы иметь работников, и друзей приобретают ввиду того, что нужны помощники; только на братьев не обращают внимания, как будто из сограждан
4 выходят друзья, а из братьев не выходят! А между тем для дружбы большое значение имеет происхождение от одних родителей и совместное воспитание: ведь даже у животных есть какая-то врожденная любовь к тем, которые с ними вместе росли. Кроме того, все люди больше уважают тех, у кого есть

братья, чем тех, у кого их нет, и меньше на них нападают.

5 Тут Херекрат сказал: Да, Сократ, если причина раздора не важная, пожалуй, к брату надо относиться с терпимостью и не бежать от него из-за пустяков: действительно, как и ты говоришь, брат — сокровище, если он таков, каким ему следует быть. Но, когда у него нет никаких качеств, нужных для этого, и он представляет собою полную противоположность этому идеалу, то зачем же браться за дело невозможное?

6 Сократ на это ответил: Что же, Херекрат? Херефонт не может понравиться никому, как он не нравится тебе, или же есть люди, кому он очень даже нравится?

Поверь мне, Сократ, отвечал Херекрат, потому у меня и есть основание его ненавидеть, что другим нравиться он может, а мне, где бы он ни был, везде он делом и словом приносит скорее вред, чем пользу.

7 Кто не знает, как обращаться с лошадью, и берется за это не умеючи, тому она приносит вред, сказал Сократ: не так ли бывает, что и брат приносит вред, когда не знаешь, как обращаться с ним, и берешься за это не умеючи?

8 Неужели я не знаю, как обращаться с братом, возразил Херекрат, когда я умею и на доброе слово отвечать добрым словом, и на доброе дело добрым делом? Но, кто старается мне делать неприятности и словом и делом, тому я не мог бы отвечать ни словом добрым, ни делом, да и пробовать даже не стану.

9 Тут Сократ сказал: Как странно ты говоришь, Херекрат! Будь у тебя собака при стаде, хорошая, которая к пастухам ласкалась бы, а при твоем приближении огрызалась, ведь ты не стал бы сердиться на нее, а старался бы приручить ее подачками. Что же касается брата, то ты сам говоришь, что он — великое сокровище, если он по отношению к тебе таков, каким ему следует быть, и сам ты признаешь, что умеешь быть любезным и на деле и на словах, и все-таки не пробуешь придумать средство сделать его по отношению к себе возможно более хорошим!

10 Тут Херекрат сказал: Боюсь, Сократ, у меня не хватит ума, чтобы сделать Херефонта по отношению ко мне таким, каким ему следует быть.

А между тем, отвечал Сократ, против него, как мне кажется, нет надобности придумывать каких-нибудь хитрых необыкновенных средств: думаю, его можно завоевать теми средствами, которые и ты сам знаешь, так что он будет очень дорожить тобою.

11 Говори же скорее, сказал Херекрат, уж не заметил ли ты, что я знаю какое-нибудь средство возбуждать любовь, чего я и не подозревал в себе.

Скажи мне, отвечал Сократ, если бы ты хотел добиться того, чтобы кто-нибудь из знакомых, принося жертву, всякий раз приглашал тебя на обед[2], что стал бы ты делать?

Разумеется, я сам первый стал бы приглашать его, когда приношу жертву.

12 А если бы хотел от какого-нибудь друга своего получить согласие смотреть за твоим имуществом во время твоих отлучек из города, что стал бы ты делать?

Разумеется, я брался бы первый смотреть за его имуществом во время его отлучек.

13 А если бы хотел устроить так, чтобы кто-нибудь, живущий в другом городе, принимал тебя, когда ты приедешь в его город[3], что стал бы ты делать?

Разумеется, и его я первый стал бы принимать, когда он приезжает в Афины, и если бы хотел, чтобы он с охотой хлопотал для меня о деле, ради которого я приехал[4], то, разумеется, мне пришлось бы самому первому и это для него делать.

14 Видно, ты давно знаешь все на свете средства возбуждать любовь, только ты скрывал это. Или ты не решаешься сделать первый шаг, чтобы не унизить своего достоинства, если первый стапешь брату делать добро? А между тем считается достойным величайшей похвалы тот, кто первый врагам делает зло, а друзьям добро[5]. Если бы я считал Херефонта более способным, чем тебя, проявить инициативу к этому сближению, я попробовал бы его убедить попытаться сделать первый шаг к сближению с тобой; но, мне кажется, ты, если бы взял на себя инициативу, скорее устроил бы это дело.

15 Тут Херекрат сказал: Какой абсурд! Совсем не в твоем это духе, Сократ! Ты советуешь мне, младшему, взять на себя инициативу; а между тем везде на свете принято наоборот, чтобы старший был инициатором во всяком слове и деле!

16 Как так? возразил Сократ. Да разве не принято везде, чтобы младший при встрече уступал старшему дорогу; если он сидит, чтобы вставал; чтобы в знак уважения отдавал ему мягкую постель; чтобы при разговоре предоставлял ему первое слово? Нет, дорогой мой, оставь свою нерешительность, попробуй смягчить его: он очень скоро откликнется на зов твой; разве не видишь, как он честолюбив и благороден? Подлых людишек не привлечешь ничем так, как подачкой какой-нибудь; а людей благородных скорее всего расположишь к себе ласковым обхождением.

17 Тогда Херекрат сказал: А что, если, несмотря на мои старания, он нисколько лучше не станет?

Ну что же? отвечал Сократ. Ты рискуешь только тем, что покажешь себя человеком порядочным и любящим брата, а он покажет себя человеком скверным и не достойным благодеяний. Но, на мой взгляд, ничего этого не будет. Я думаю, он, заметив с твоей стороны вызов на это состязание, будет изо всех сил соперничать с тобою в том, чтобы превзой-

18 ти тебя добротою и на словах и на деле. Теперь, продолжал он, вы находитесь в таких отношениях друг к другу, как если бы руки, которые бог создал для взаимной помощи, пренебрегли этим назначением и обратились ко взаимной помехе или если бы ноги, созданные по божьей воле для взаимного со-

19 действия, забыли об этой цели и стали препятствовать одна другой. Разве не было бы верхом глупости или даже безумием употреблять во вред то, что создано на пользу? А братьев, мне кажется, бог создал с целью большей взаимной пользы, чем руки, ноги, глаза и другие органы, которые бог создал людям парами. Так, если бы рукам понадобилось работать одновременно над предметами, находящимися на расстоянии больше сажени[6], они не могли бы этого делать; ноги не могут одновременно ступить на места, удаленные одно от другого даже на

сажень; глаза, которые, по-видимому, охватывают очень большое расстояние, не могут видеть даже у предметов еще более близких одновременно переднюю и заднюю стороны; но братья, если дружны, даже и на большом расстоянии действуют одновременно и притом на пользу друг другу.

Глава 4

РАЗГОВОР О ДРУЗЬЯХ

1 Слышал я однажды разговор Сократа также о друзьях, из которого, казалось мне, можно извлечь очень много пользы при выборе друзей и обхождении с ними. От многих, говорил он, он слыхал, что из всего того, что приобретает человек, самое лучшее — добрый и надежный друг; но, как он видит, большинство людей обо всем заботятся
2 больше, чем о приобретении друзей. Дома, земли, рабов, скот, домашние вещи люди усердно приобретают и стараются сохранить то, что есть; что же касается друзей, этого величайшего сокровища, по их словам, большинство не заботится ни о приобре-
3 тении их, ни о сохранении тех, какие есть. Мало того, во время болезни друзей и слуг некоторые к слугам приглашают врачей и вообще стараются достать все, что нужно для их здоровья, а на друзей обращают мало внимания; когда умирают те и другие, о рабах жалеют и смерть их считают ущербом для себя, а в смерти друзей не видят никакого убытка; ни одну из вещей своих не оставляют без ухода и без присмотра, а друзей, нуждающихся
4 в заботе, оставляют без внимания. Кроме того, большинство людей знает своим вещам счет, хоть бы их было у них очень много; а друзей, хотя их и мало, не только числа не знают, но даже, начавши пересчитывать их кому-нибудь, кто спросит, сперва назовут некоторых в числе друзей, а потом
5 исключат: так мало думают о друзьях! А между тем с какой вещью ни сравни хорошего друга, он окажется гораздо ценнее всякой: какая лошадь, какая пара волов так полезна, как добрый друг?

Какой раб так предан и привязан? Какая вещь так
6 пригодна на все? Хороший друг является со своими услугами при всякой нужде друга, при устройстве как частных дел, так и общественных; нужно ли бывает сделать кому-нибудь доброе дело, он содействует; страх ли какой тревожит, он помогает, то принимая участие в его расходах и работе, то действуя вместе с ним уговорами или силой; в счастьи доставляет ему большую радость, в несчастьи очень
7 помогает ему стать на ноги. Где человеку служат руки тем, что работают, глаза тем, что заранее видят опасность, уши тем, что заранее слышат об опасности, ноги тем, что исполняют его намерения, там везде благодетельный друг оказывает не меньше услуг, чем они. Мало того, где иной сам для себя не делает, не видит, не слышит, не исполняет своего намерения, там часто друг делает это вместо своего друга. Несмотря на это, некоторые стараются ухаживать за деревьями из-за плодов, а о самом плодоносном предмете, который называется другом, огромное большинство людей заботится лениво, кое-как.

Глава 5

РАЗГОВОР С АНТИСФЕНОМ О ВЫБОРЕ ДРУЗЕЙ

1 Слышал я однажды еще другую беседу Сократа, которой, как мне казалось, он побуждал слушателей испытать, как велика стоимость их в глазах друзей. Он увидал, что один из его собеседников не заботился о друге, живущем под гнетом бедности. Тогда в присутствии самого забывшего свой долг друга и многих других он обратился к Антисфену[1] с таким вопросом:

8 Антисфен! Есть ли какие цены на друзей, как на слуг? Из слуг, например, один стоит мины[2] две, другой — полмины, третий — пять мин, а иной — и десять; а Никий[3], сын Никерата, говорят, купил заведующего для серебряных рудников[4] за талант[2]. Так вот, продолжал Сократ, меня интересует вопрос, есть ли цены на друзей, как на слуг?

3 Да, клянусь Зевсом, отвечал Антисфен; я по крайней мере больше хотел бы иного иметь другом, чем иметь две мины, другого не взял бы и за полмины, третьего предпочел бы даже десяти минам, а дружбу четвертого купил бы ценою всяких сокровищ и трудов.

4 Если это так, отвечал Сократ, то, пожалуй, хорошо было бы каждому испытать, насколько дорог он друзьям, и стараться быть как можно дороже, чтобы друзья не так легко ему изменяли. Я часто слышу — от одного, что ему изменил друг, от другого, что человеку, которого он считал своим другом, показалась мина дороже его, и тому подобное.

5 Меня и интересует такой вопрос: как плохого слугу хозяин желает продать и отдает за что попало, не так же ли соблазнительно и плохого друга продать, когда представляется возможность получить больше, чем он стоит? А хороших слуг, вижу я, никогда не продают, как и хорошим друзьям не изменяют.

Глава 6

РАЗГОВОР С КРИТОБУЛОМ О ВЫБОРЕ ДРУЗЕЙ

1 Казалось мне, что Сократ давал умные советы также и при решении вопроса, каких людей должно выбирать в друзья; такова нижеследующая его беседа.

Скажи мне, Критобул [1], если бы нам понадобился хороший друг, как стали бы мы решать этот вопрос? Не правда ли, прежде всего надо искать такого человека, который не поддается чревоугодию, пьянству, сладострастию, сонливости, лени? Ведь человек, одержимый этими страстями, не мог бы ни сам для себя, ни для друга делать, что нужно.

Конечно, клянусь Зевсом, отвечал Критобул.

Значит, по-твоему, надо держаться подальше от того, кто подвержен этим слабостям?

Конечно, отвечал он.

8 Ну, а если это мот, сказал Сократ, которому не хватает своих средств, который вечно нуждается

в помощи окружающих и, если получит ее. не может вернуть долга, а если не получит, ненавидит недающего,— как по-твоему, и это — друг отяготительный?

Конечно, отвечал Критобул.

Значит, и от него надо держаться подальше?

Конечно, подальше, отвечал Критобул.

3 А если это человек, умеющий конить, но жадный до денег, с которым поэтому трудно иметь дело, который брать любит, а отдавать не хочет?

По-моему, отвечал Критобул, этот еще хуже, чем его предшественник.

А если кто из-за страсти к накоплению денег ни на что не находит времени, кроме как на то, откуда может поживиться?

По-моему, и от этого надо держаться подальше: ведь он будет бесполезен для товарища.

А если кто — склочник, желающий доставлять друзьям массу врагов?

Клянусь Зевсом, надо бежать и от этого.

4 А если кто не будет иметь ни одного из этих недостатков, но оказывать ему добро соизволяет, а сам нисколько не думает платить добром?

Бесполезен будет и этот. Однако, Сократ, какого же человека попробуем мы выбрать в друзья?

5 Думаю такого, который, в противоположность предыдущим, воздержан в чувственных удовольствиях и вместе с тем домовит, покладист и стремится не отстать от людей, делающих ему добро, в отплате им добром и таким образом приносит пользу товарищам.

Так как же нам это испытать, Сократ, до сближения с ним?

6 При суждении о скульпторах, отвечал Сократ, мы не основываемся на словах их, а когда видим, что скульптор делал прежде статуи прекрасно, то верим, что он и впоследствии будет их делать хорошо.

7 Ты хочешь сказать, стало быть, заметил Критобул, кто прежним друзьям делал добро, тот, очевидно, и последующим будет его делать?

Да, отвечал Сократ, когда я вижу, что человек умел обращаться с прежде бывшими у него ло-

шадьми, я думаю, что он сумеет обращаться и с другими.

8 Ну, хорошо, сказал Критобул; а как нам сделать другом того, кого мы сочтем достойным дружбы?

Прежде всего, отвечал Сократ, надо узнать волю богов, советуют ли они сделать его другом.

А что же дальше, спросил Критобул, если и мы нашли это нужным и боги не против этого, можешь ли ты сказать, как его ловить?

9 Клянусь Зевсом, отвечал Сократ, нельзя ловить его быстротою ног, как зайца, обманом, как птиц, и силой, как кабанов. Поймать друга против его воли — дело нелегкое; трудно также держать его в оковах, как раба, потому что к кому применяется эта мера, тот становится скорее врагом, чем другом.

А друзьями как же становятся люди? спросил Критобул.

10 Говорят, есть какие-то волшебные напевы, посредством которых знатоки этого делают своими друзьями, кого захотят; говорят, есть также любовные зелья, посредством которых знатоки этого приобретают любовь, кого хотят.

Так откуда мы можем узнать это? спросил Критобул.

11 Что Сирены[2] пели Одиссею, ты слышал от Гомера; начало этого напева приблизительно такое:

К нам, Одиссей многохвальный, великая слава ахейцев!

А всем людям, Сократ, Сирены пели этот напев и удерживали их, так что, очарованные им, не уходили от них?

12 Нет, они пели так только тем, кто свою славу видел в храбрости.

Ты хочешь сказать, что каждому надо петь какие-нибудь такие напевы, чтобы он, слушая их, не счел их насмешкой со стороны хвалящего?

Да, он навлечет на себя скорее вражду и будет отваживать от себя людей, если, например, в похвалу человеку, знающему, что он мал, безобразен и слаб, будет говорить, что он красив, высок и силен.

А другие какие-нибудь напевы ты знаешь?

13 Нет, но слышал, что Перикл много их знал и что, напевая их согражданам, внушал им любовь к себе [3].

А Фемистокл как внушил согражданам любовь к себе?

Клянусь Зевсом, Фемистокл для этого употреблял не напевы, а осыпал отечество счастьем [3].

14 По-видимому, ты хочешь сказать, Сократ, что если мы вздумаем приобрести дружбу какого-нибудь хорошего человека, нам самим необходимо стать хорошими людьми и на словах и на деле.

А ты думал, сказал Сократ, что можно быть дурным человеком и приобрести хороших друзей?

15 Да, я видал, отвечал Критобул, что и ораторы плохие бывают в дружбе с хорошими народными вятиями, и люди, совершенно неспособные командовать войском, бывают приятелями хороших полководцев.

16 А знаешь ли ты таких (об этом у нас и идет речь), которые сами никому пользы не приносят, а дружбу полезных людей умеют приобретать?

Конечно, нет, клянусь Зевсом, отвечал Критобул. Но если невозможно дурному человеку приобрести дружбу нравственных людей, то мне интересно знать, легко ли может нравственный человек приобрести дружбу нравственных людей?

17 Тебя сбивает с толку, Критобул, то, что часто ты видишь, как люди, нравственные в своей деятельности и не позволяющие себе никаких позорящих поступков, вместо того чтоб быть в дружбе, ссорятся между собою и относятся друг к другу хуже, чем к людям ничего не стоящим.

18 И не только отдельные граждане, заметил Критобул, так поступают; целые государства, которые особенно заботятся о нравственности и не терпят позорящих действий, часто бывают во враждебных
19 отношениях между собою. При мысли об этом я прихожу совершенно в отчаяние на счет приобретения друзей: дурные люди, вижу, не могут быть в дружбе между собою: как, в самом деле, люди неблагодарные, незаботливые, корыстолюбивые, вероломные, невоздержные могли бы стать друзьями? Поэтому мне кажется, дурные люди по самой природе

20 своей вообще скорее враги, чем друзья. Но, по твоим словам, и с хорошими людьми дурные никогда не могут подружиться: как в самом деле люди, поступки которых безнравственны, стали бы друзьями тех, которым такие поступки ненавистны? А уж если и нравственные люди ссорятся из-за первенства в государстве и из зависти ненавидят друг друга, то какие же еще люди будут друзьями, и в ком будет благожелательность и верность?

21 Да, сказал Сократ, тут довольно пестрая картина, Критобул. От природы у людей есть отчасти дружественные чувства: люди нуждаются друг в друге, жалеют, помогают в работе и, понимая это, чувствуют благодарность друг к другу; отчасти же враждебные: если они считают одно и то же хорошим и приятным, то борются за обладание им; если расходятся в мнениях, то противодействуют друг другу; ко вражде ведут также спор и гнев; равным образом, подает повод к неприязни своекорыстие,
22 к ненависти — зависть. Однако дружба пробирается через все эти препятствия и соединяет людей нравственных. Благодаря своим высоким качествам, они предпочитают без отягощения владеть умеренным состоянием, чем путем войны быть хозяевами всего; несмотря на голод и жажду, они могут без горя делиться едою и питьем; хотя им приятны любовные отношения с молодыми красавцами, но они могут
23 сдерживать свои страсти, чтобы не огорчать, кого не следует. Они могут также не только честно, без своекорыстия, владеть деньгами сообща, но и помогать друг другу; могут и споры улаживать не только без взаимного огорчения, но и к обоюдной пользе, и не давать гневу заходить так далеко, что после приходится раскаиваться. Зависть они совсем устраняют,— тем, что свое имущество предоставляют в собственность друзьям, а имущество друзей
24 считают своим. Так не следует ли ожидать, что люди нравственные и почести в государстве будут делить не только без вреда, но даже и с пользой друг другу? Кто стремится к почестям и власти в государстве, чтоб иметь возможность деньги воровать, людей притеснять и предаваться чувственным удовольствиям, тот, надо думать, человек бесчест-

ный, низкий, неспособный подружиться с другим.
25 Но, если кто ищет почета в государстве лишь с целью ограждать себя от несправедливости и иметь возможность оказывать поддержку друзьям в правом деле и старается, достигнув власти, приносить пользу отечеству, почему такой человек не мог бы подружиться с таким же? Разве в союзе с нравственными людьми у него будет меньше возможности помогать друзьям? Или он будет менее способен приносить пользу отечеству, имея нравственных со-
26 трудников? Нет, даже при гимнастических состязаниях видно, что если бы лучшим дозволялось сговориться и идти на худших, то они побеждали бы во всех состязаниях и получали бы все награды. Но там этого не дозволяют делать, а в состязаниях государственных, где люди нравственные играют главную роль, никто не мешает трудиться на пользу отечеству, с кем кто хочет: так не выгодно ли государственному деятелю заручиться дружбой лучших людей и иметь в них сообщников и сотрудни-
27 ков, а не противников? Ясно также и то, что если кто и войну будет с кем-нибудь вести, ему понадобятся союзники, и притом в большем числе, если противники его будут люди высокой нравственности. А кто предлагает свои услуги в качестве союзников, тем надо делать добро, чтобы у них была охота ревностно служить. Но гораздо выгоднее делать добро лучшим, которых мало, чем худшим, которых много, потому что дурные требуют гораздо
28 больше благодеяний, чем хорошие. Нет, Критобул, не бойся: старайся быть хорошим человеком и, ставши таким, начинай ловить нравственных людей!

Пожалуй, и я мог бы оказать тебе содействие в охоте за нравственными людьми по своей склонности к любви: когда я почувствую влечение к кому-нибудь, я страшно, всем существом стремлюсь к тому, чтобы те, по ком я тоскую, тоже тосковали по мне, чтобы тем, с кем мне хочется быть в обще-
29 нии, тоже хотелось общения со мной. И у тебя, вижу я, будет потребность в такой взаимности, когда тебе захочется подружиться с кем-нибудь: так, ты не скрывай от меня, с кем ты захочешь подружиться, потому что благодаря стараниям понра-

виться тому, кто нравится мне, я довольно опытен, думается мне, в охоте за людьми.

30 Тут Критобул сказал: Да, мне давно уже хочется приобрести такие познания, особенно если одной и той же науки будет достаточно мне для охоты за людьми, хорошими душой и прекрасными телом.

31 Тогда Сократ сказал: Нет, Критобул, в моей науке ничего не говорится о том, чтобы удерживать прекрасных, налагая на них руки: и от Скиллы [4], я уверен, люди бежали потому, что она налагала на них руки: а Сирены ни на кого не налагали рук, а всем пели издали свои напевы, и потому все, как говорят, у них оставались и, слушая их, очаровывались.

32 Тут Критобул сказал: Я не стану налагать рук; учи меня, если у тебя есть какие сведения, годные для приобретения друзей.

Так и уст не станешь прикладывать к устам? сказал Сократ.

Не бойся, отвечал Критобул, и уст не стану прикладывать к устам пичьим, если кто не прекрасен.

Вот сейчас, заметил Сократ, ты сказал, Критобул, то, что идет вразрез с пользой. Прекрасные [5] такого обращения терпеть не могут, а безобразные с удовольствием дозволяют это, воображая, что за душевные качества их называют прекрасными.

33 Тут Критобул сказал: Так, прекрасных я буду целовать, а хороших расцеловывать: поэтому не бойся и учи меня, как охотиться за друзьями.

Тут Сократ сказал: Так вот, Критобул, когда ты захочешь подружиться с кем, разрешишь ты мне пожаловаться ему на тебя, что ты от него в восторге и желаешь быть его другом?

Жалуйся, отвечал Критобул: я знаю, никто не относится с ненавистью к тем, кто хвалит.

34 А если я прибавлю еще такую жалобу, продолжал Сократ, что от восторга ты еще и расположен к нему, не подумаешь ты, что я хочу тебя очернить?

Нет, и у меня самого, отвечал Критобул, является расположение к людям, которых я считаю расположенными ко мне.

35 Значит, продолжал Сократ, мне можно будет так говорить о тебе тем, с кем ты захочешь подру-

житься; а если ты уполномочишь меня еще говорить про тебя, что ты заботишься о друзьях, что ничему не радуешься так, как добрым друзьям, что гордишься благородными поступками друзей не меньше, чем своими собственными, что радуешься благополучию друзей нисколько не меньше, чем своему собственному, и неустанно придумываешь средства к тому, чтоб у друзей оно было, что достоинство человека видишь в том, чтобы друзьям делать больше добра, а врагам больше зла[6], чем они могли бы сделать, то, думаю, я был бы полезным помощником тебе в охоте за хорошими друзьями.

36 Зачем же мне ты это говоришь, сказал Критобул, как будто не в твоей власти говорить про меня, что хочешь?

Клянусь Зевсом, нет, как я слышал однажды от Аспасии[7] Она говорила, что хорошие свахи, у которых хвалебные отзывы соответствуют действительности, успешно соединяют людей брачными узами, а лживо хвалить они не решаются, потому что обманутые ими ненавидят равно друг друга и сваху. По-моему, это правильно, и я думаю, что не имею права говорить в похвалу тебе ничего, не согласного с истиной.

37 Так вот ты какой друг мне, Сократ, воскликнул Критобул: если у меня самого есть какое свойство, пригодное для приобретения друзей, ты готов помогать мне, а если нет, то сочинить в мою пользу ничего не захочешь?

А чем, спросил Сократ, я могу, по-твоему, больше пользы принести тебе, Критобул,— если буду лживо расхваливать тебя или если буду внушать тебе, чтобы ты старался быть хорошим че-
38 ловеком? Если так это тебе не ясно, то суди на основании вот каких соображений. Представь себе, что я захотел бы подружить тебя с каким-нибудь владельцем корабля и стал бы лживо расхваливать тебя, будто ты — хороший рулевой, а он поверил бы мне и отдал бы корабль в распоряжение тебе, не умеющему править рулем: есть у тебя какая надежда, что ты не погубишь и себя и корабль? Или представь себе такой случай из общественной жиз-

ни: я стал бы лгать гражданам и убедил бы их отдать государство в распоряжение тебе, как выдающемуся полководцу, судье и государственному деятелю: как ты думаешь, что ты наделал бы и себе самому и государству? Или представь себе случай из частной жизни: я стал бы лгать гражданам и убедил бы некоторых отдать имущество в распоряжение тебе, как опытному и заботливому хозяину: разве не оказалось бы при таком опыте, что ты — человек вредный, и разве не попал бы ты в смешное по-
39 ложение? Нет, Критобул, самый короткий, безопасный и честный путь — это стараться быть хорошим в той области, в которой хочешь казаться хорошим. Когда подумаешь о тех качествах, которые у людей называются добродетелью, то найдешь, что все они развиваются путем изучения и упражнения. Так, по моему мнению, Критобул, нам и следует упражняться в добродетелях; а если ты думаешь как-нибудь иначе, объясни.

Тут Критобул сказал: Нет, Сократ, мне совестно было бы возражать против этого: мои возражения были бы и безнравственны и противны истине.

Глава 7

РАЗГОВОР С АРИСТАРХОМ О ПОМОЩИ ДРУЗЬЯМ

a Также и в затруднительных обстоятельствах друзей Сократ старался быть полезен им: если они происходили от незнания, он подавал им совет; если от бедности, учил их оказывать друг другу посильную помощь. Расскажу, что знаю о нем также и в этой области.

Однажды Сократ увидал Аристарха[1] в мрачном настроении духа и сказал: Должно быть, у тебя тяжело на душе, Аристарх: отдай часть этой тяжести друзьям: может быть, и мы сколько-нибудь тебя облегчим.

b Тут Аристарх сказал: Да, Сократ, я — в очень затруднительном положении. Когда у нас в городе началось восстание[2] и многие бежали в Пирей, ко

мне сошлись покинутые сестры, племянницы, двоюродные сестры, и столько их собралось, что теперь у меня в доме одних свободных[3] четырнадцать человек. А доходов нет у нас никаких — ни от земли, потому что она в руках противной партии, ни от домов, потому что в городе народа мало. Домашних вещей никто не покупает; занять денег негде: скорее, кажется, на дороге найдешь, чем получишь взаймы. Тяжело, Сократ, смотреть на смерть родных, но и прокормить столько человек при таких обстоятельствах невозможно.

3 Выслушав это, Сократ сказал: Что же за причина, что Керамон[1], который содержит много людей, может не только добывать и себе и им средства к жизни, но еще столько у него остается, что он даже нажил состояние, а ты оттого, что содержишь много людей, боишься, как бы вам всем не умереть от недостатка средств?

Потому что, клянусь Зевсом, отвечал Аристарх, он содержит рабов, а я — свободных.

4 Кто же, по-твоему, лучше, спросил Сократ,— свободные у тебя или рабы у Керамона?

Я думаю, отвечал он, свободные у меня.

Так, разве это не срам, сказал Сократ, что он благодаря худшим живет в богатстве, а ты с гораздо лучшими — в бедности?

Да, клянусь Зевсом, отвечал Аристарх, он ведь содержит ремесленников, а я людей, получивших воспитание свободных граждан.

Так, ремесленники — это люди, умеющие делать что-нибудь полезное? спросил Сократ.

Конечно, отвечал Аристарх.

Мука — полезная вещь?

Очень даже.

А печеный хлеб?

Нисколько не хуже.

А плащи мужские и женские, рубашки, солдатские накидки, рабочие блузы? спросил Сократ.

И это все — очень полезные вещи, отвечал Аристарх.

Неужели твои ничего этого не умеют делать? спросил Сократ.

Нет, все умеют, думаю[4].

6 Разве ты не знаешь, что одним таким занятием, приготовлением муки, Навсикид[4] не только себя со слугами может прокормить, но сверх того и множество свиней и коров, и столько у него еще остается, что он и в пользу города может часто исполнять разные литургии[5]; а печением хлеба Киреб[4] содержит весь дом и живет великолепно; Демей[4] из Коллита работает солдатские накидки, Мепон[4] — тонкие платья, а огромное большинство мегарцев — рабочие блузы, и на это все они живут,— разве ты этого не знаешь?

Да, клянусь Зевсом: они ведь покупают и держат у себя варваров, которых могут заставлять работать такие хорошие вещи, а у меня живут свободные, да еще родные.

7 Так, неужели оттого, что они — свободные, они не должны ничего делать, как только есть и спать[6]? А другие свободные граждане? Кому, по твоим наблюдениям, лучше живется и кого ты считаешь счастливее,— тех ли, которые живут в такой праздности, или тех, которые знают какое-нибудь полезное для жизни дело и занимаются им? Или ты замечал, что для усвоения нужных знаний, для запоминания выученного, для здоровья и укрепления организма, для приобретения и сохранения пригодных в жизни предметов, ничегонеделание и пренебрежительное отношение ко всему полезно людям, а труд и забота ни на что не годны? С какой 8 целью твои родственницы учились тому, что они, по твоим словам, знают? Считали ли они эти знания непригодными в жизни и не имели в виду делать из них никакого употребления или, наоборот, думали применять их на практике и извлекать из них пользу? Когда у людей больше нравственности,— когда они ничего не делают или когда занимаются полезным трудом? Когда они бывают справедливее,— когда работают или когда ничего не делают, а только рассуждают о средствах к жизни? Мало 9 того, теперь, думается мне, ни ты их не любишь, ни они тебя: ты смотришь на них как на вредный для тебя элемент, а они видят, что ты тяготишься ими. А отсюда возникает опасность, что вражда будет расти, а прежняя симпатия — уменьшаться.

А если, благодаря твоей инициативе, они станут работать, ты будешь любить их, видя в них полезных членов семьи, а они тебя будут ценить, заметив, что ты радуешься, глядя на них; вам приятнее будет вспоминать о прежних услугах, чувство признательности за них будет расти, а от этого ваши взаимные отношения будут более дружескими и
10 родственными. Если бы они вздумали заниматься каким-нибудь позорным промыслом, тогда лучше было бы предпочесть смерть; но, как видно, их знания — вполне честные, вполне подходящие для женщины, по общему убеждению; а все люди очень легко, скоро, хорошо и охотно исполняют работы, которые знают. Так, не думай долго и предложи им заниматься работой, которая будет на пользу и тебе и им; они, наверное, тебя послушают.

11 Клянусь богами, отвечал Аристарх, твой совет мне кажется очень хорошим, Сократ; прежде я не позволял себе занимать, зная, что, истратив занятые деньги, я не буду иметь возможности их отдать; но теперь, думаю, решусь это сделать, чтобы иметь основной капитал для предприятия.

12 После этого добыли основной капитал, купили шерсти; во время работы обедали, после работы ужинали, из мрачных стали веселыми; прежние косые взгляды сменились радостными; они любили Аристарха как покровителя, Аристарх ценил их как полезных членов семьи. Наконец, он пришел однажды к Сократу и с радостью рассказал ему об этом, прибавив, что они упрекают его, что он в доме единственный дармоед.

13 Тогда Сократ сказал: А ты бы им рассказал басню про собаку. Когда животные еще обладали способностью речи, говорят, овца сказала хозяину: «Как странно ты поступаешь: мы доставляем тебе шерсть, ягнят, сыр, и ты нам ничего не даешь кроме того, что мы возьмем из земли; а собака ничего подобного тебе не доставляет, и ты ей даешь ту же пищу,
14 которую сам употребляешь». Услыхав это, собака сказала: «Так и должно быть, клянусь Зевсом: я и вас охраняю, чтобы и люди вас не воровали, и волки не уносили; если я не буду вас стеречь, вам нельзя будет даже пастись: будете бояться ги-

бели». Тогда, говорят, и овцы признали право собаки на больший почет. Так вот, и ты им говори, что вместо собаки ты — сторож и попечитель и что благодаря тебе они ни от кого не терпят обид и живут, работая без опасения и с удовольствием.

Глава 8

РАЗГОВОР С ЕВФЕРОМ О ВЫБОРЕ РАБОТЫ

1 Однажды Сократ увидал другого своего старинного приятеля, с которым давно не видался: Откуда ты, Евфер[1]? спросил он его.

Под конец войны[2], Сократ, я возвратился из-за границы, отвечал Евфер, а теперь живу здесь. Заграничную усадьбу у нас отняли, а в Аттике отец мне ничего не оставил: поэтому я принужден теперь жить на родине и добывать хлеб трудом чернорабочего. По-моему, это лучше, чем просить у людей, тем более что мне нечего дать под залог займа.

2 А как ты думаешь, спросил Сократ, на сколько времени хватит у тебя сил для работы за плату?

Клянусь Зевсом, отвечал он, ненадолго.

А между тем, продолжал Сократ, когда ты состаришься, ясное дело, расходы нужны будут, а платы никто не захочет тебе давать за труд чернорабочего.

Правда твоя, согласился Евфер.

3 В таком случае, сказал Сократ, лучше теперь же заняться таким делом, которое и на старости лет обеспечит тебя: обратиться к какому-нибудь состоятельному человеку, которому нужен помощник по управлению хозяйством, смотреть за полевыми работами, помогать в уборке хлеба и охране имущества и, таким образом принося ему пользу, получать ее и самому.

4 Тяжело будет мне, Сократ, отвечал он, нести такую рабскую службу.

Однако о лицах, стоящих во главе государства и заведующих народным достоянием, не думают, что они этим унижают себя до положения раба, а, на-

против, думают, что они становятся выше других свободных граждан.

5 Вообще, Сократ, отвечал он, мне не очень хочется выслушивать упреки от кого-нибудь.

Однако, Евфер, возразил Сократ, не очень-то легко найти работу, за которую не услышишь упреков: трудно сделать что-нибудь так, чтобы ни в чем не ошибиться; да если что и без ошибки сделаешь, трудно не попасть в руки несправедливому критику; дивлюсь я, как тебе удается так легко избегать

6 упреков и от тех, на кого ты теперь работаешь. Поэтому надо стараться быть подальше от придирчивых людей и искать судей справедливых; надо браться за дело, которое тебе по силам; а которое не по силам, того надо избегать; и вообще, всякое дело исполнять с возможно большей тщательностью и охотой. В таком случае, думаю, меньше всего подвергнешься упрекам, скорее всего найдешь помощь в нужде и проживешь всего легче, безопаснее, не терпя никакого недостатка в старости.

Глава 9

РАЗГОВОР С КРИТОНОМ О ЗАЩИТЕ ОТ СИКОФАНТОВ. АРХЕДЕМ

1 Мне известен еще такой случай. Однажды Сократ услышал, как Критон[1] жаловался на то, что тяжело жить в Афинах тому, кто хочет заниматься своими делами. Теперь, говорил он, меня таскают по судам разные лица не за вину с моей стороны, а только в расчете, что я скорее готов откупиться деньгами, чтобы только не возиться с судом[2].

Сократ спросил его: Скажи мне, Критон, собак ты держишь, чтобы они отгоняли волков от овец?

Конечно, отвечал Критон: мне выгоднее держать их, чем не держать.

Так, ты бы держал и человека, который хотел бы и мог бы отгонять от тебя тех, кто вздумает напасть на тебя.

3 С удовольствием держал бы, отвечал он, если бы не боялся, что он накинется на меня самого.

Но разве ты не видишь, продолжал Сократ, что, имея дело с таким человеком, как ты, гораздо приятнее получать пользу, угождая тебе, чем ставши с тобою во враждебные отношения? Будь уверен, у нас здесь есть люди, которые сочли бы за большую честь для себя быть в дружбе с тобою.

4 После этого они разыскали Архедема[3], очень ловкого оратора и дельца, но бедного: это был человек не такого сорта, который умеет извлекать выгоду из всего; он любил действовать честно и говорил, что легче всего наживаться на счет сикофантов[2]. При сборе хлеба, масла, вина, шерсти или других каких полезных сельских продуктов Критон отделял часть их и давал Архедему, приглашал его при жертвоприношениях[4] и вообще при всех подобных случаях выказывал ему внимание. Архедем смотрел на дом Критона, как на свое пристанище, и очень уважал его. У одного из сикофантов, нападавших на Критона, он сразу открыл множество преступлений, разыскал и много врагов его; против него он возбудил процесс в народном суде, в котором о самом сикофанте решался вопрос, какому личному наказанию или штрафу надлежит его подвергнуть. Сикофант, знавший за собою много скверных дел, употреблял все усилия, чтобы отделаться от Архедема. Но Архедем не отставал от него, пока тот не оставил в покое Критона и не дал денег самому Архедему. Когда он успешно справился с этим делом и с другими подобными, тогда многие друзья Критона стали просить его дать и им Архедема для охраны,— вроде того, как вблизи пастуха, имеющего хорошую собаку, и другим пастухам хочется ставить свои стада, чтобы пользоваться его собакой. Архедем с удовольствием услуживал Критону, и не только самому Критону жилось покойно, но и друзьям его. Если кто из новых врагов Архедема укорял его, что льстит Критону из-за выгод, получаемых от него, то Архедем отвечал: «В чем позор,— в том ли, что человек, пользуясь благодеяниями честных людей и платя им тем же, подружится с ними и поссорится с негодяями, или же в том, что он, стараясь вредить хорошим людям, станет во враждебные отношения с ними и, помогая него-

дям, старается подружиться с ними и предпочтет их общество обществу хороших людей?» С тех пор Архедем был другом Критона и пользовался уважением всех его друзей.

Глава 10

РАЗГОВОР С ДИОДОРОМ О ПРИОБРЕТЕНИИ ДРУЗЕЙ. ГЕРМОГЕН

1 Мне известна еще такая беседа Сократа с его приятелем Диодором[1]. Скажи мне, Диодор, начал Сократ, если у тебя убежит слуга, ты принимаешь меры к возвращению его?

2 Да, клянусь Зевсом, отвечал Диодор, я обращаюсь даже к помощи других и объявляю награду за его возвращение.

А если слуга твой болен, продолжал Сократ, ты заботишься о нем и приглашаешь врачей, чтобы он не умер?

Очень даже, отвечал он.

А если кто из знакомых твоих, гораздо более полезный, чем слуги, находится в опасности умереть от недостатка средств, как, по-твоему, не следует ли тебе позаботиться о спасении его? Ты знаешь, конечно, что Гермоген[2] — человек, не отличающийся неблагодарностью, и что ему совестно было бы получать от тебя одолжения и не платить тебе тем же. А между тем иметь помощника добровольного, благожелательного, привязанного, который не только способен исполнять приказания, но может и по собственной инициативе быть полезным — предусматривать, принимать заранее нужные меры,— это, я думаю, стоит многих слуг. «Когда дорогую вещь можно купить дешево, тогда надо покупать»,— говорят хорошие хозяева. А при теперешних обстоятельствах можно приобрести хороших друзей очень дешево.

3

4

5

5 Правда твоя, Сократ, отвечал Диодор. Скажи Гермогену, чтоб он пришел ко мне.

Нет, клянусь Зевсом, возразил Сократ, и для тебя более прилично самому пойти к нему, чем звать его, и он не больше заинтересован в осуществлении этого дела, чем ты.

6 Таким образом, Диодор сходил к Гермогену и с небольшой затратой приобрел друга, который считал своим долгом всегда иметь в виду, чтобы и словом и делом приносить пользу и доставлять радость Диодору.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1

РАЗГОВОР С ДИОНИСОДОРОМ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ СТРАТЕГА

1 Теперь я расскажу о том, что Сократ был полезен лицам, стремившимся к занятию государственных должностей, внушал им, чтоб они относились аккуратно к предмету своих стремлений.

Однажды Сократ услышал, что в Афины приехал Дионисодор[1], объявлявший своей специальностью преподавание стратегии. Сократ обратился к одному из своих собеседников, который, как он замечал, желал получить должность стратега[2] в Афинах, с такими словами:

Стыдно, право, молодой человек, тому, кто хочет быть стратегом в нашем государстве, пренебрегать изучением этого дела, имея к тому возможность; и государство могло бы подвергнуть его наказанию с гораздо большим правом, чем того, кто
3 взялся бы делать статуи, не научившись скульптуре. Так как во время войны государство вверяет всю свою судьбу стратегу, то, естественно, государству выпадает на долю великое счастье, если его операции удачны, или великое несчастье, если он делает крупные ошибки. Поэтому разве не справедливо было бы подвергать наказанию того, кто изучением этого дела пренебрегает, а хлопочет только о том, чтоб его выбрали? Такими доводами Сократ убедил его пойти учиться.

4 Когда он после ученья вернулся, Сократ в шутливом тоне сказал: Гомер назвал Агамемнона почтенным[3]: не находите ли вы, друзья, что и он, после изучения стратегии, кажется почтеннее? Как человек, выучившийся играть на кифаре[4], даже если он не играет, все-таки кифарист, и как изучивший медицину, даже если он не лечит, все-таки врач, так и он отныне несменный стратег, даже если никто его не выберет. А кто не знает предмета, тот не
5 стратег и не врач, хоть бы он выбран был целым

светом. Однако, продолжал Сократ, чтобы и нам познакомиться поближе с военным делом на случай, если кто из нас будет у тебя таксиархом или лохагом[2], расскажи, с чего начал он учить тебя стратегии.

С того же самого, отвечал он, чем и кончил: он научил меня тактике, и ничему больше.

6 Но тактика, сказал Сократ, лишь ничтожная часть стратегии. Стратег должен обладать способностью приготовлять все, что нужно для войны, добывать продовольствие войску, должен быть изобретательным, энергичным, заботливым, выносливым, находчивым, ласковым и суровым, простым и коварным, предусмотрительным и мошенником, расточительным и хищным, щедрым и жадным, осторожным и отважным в нападении; и вообще, чтобы быть хорошим стратегом, надо обладать качествами как природными, так и приобретенными
7 ученьем. Хорошо быть и тактиком: большая разница между войском построенным и не построенным: это вроде того, как камни, кирпичи, бревна, черепица, набросанные в беспорядке, ни к чему не годны, а если снизу и сверху положить материалы, не гниющие и не размягчающиеся,— камни и черепицу,— а в середину кирпичи[5] и бревна, как они кладутся при постройке, то получается очень ценная вещь — дом.

8 Да, твое сравнение, Сократ, очень верно, сказал молодой человек. На войне тоже надо ставить в первые и в последние ряды лучших солдат, а в середине худших, чтобы одни их вели, а другие подталкивали.

9 Хорошо, заметил Сократ, если он научил тебя также и отличать хороших и плохих; а если нет, какой тебе толк в том, чему ты научился? Если бы он велел тебе класть на первое и на последнее место лучшее серебро, а в середину худшее, не научив отличать хорошее от поддельного, никакого толку в этом тебе не было бы.

Нет, клянусь Зевсом, отвечал он, не научил, так что нам придется самим отличать хороших от дурных.

10 Так не рассмотреть ли нам вопрос, как избегать ошибок при суждении о них?

Хорошо, сказал молодой человек.

Так вот, представь себе, что нам пришлось бы заниматься грабежом денег: если бы на первое место мы ставили самых жадных до денег, правильно ли мы строили бы свой отряд?

Да, мне кажется.

А как быть с теми, кому предстоит идти в опасный бой? Не следует ли ставить вперед самых честолюбивых?

Да, согласился он: это люди, готовые ради славы идти в опасность; поэтому они не прячутся, так что их везде увидишь и легко найдешь.

11 Ну, хорошо, сказал Сократ. Он научил тебя только, как строить войско, или также, где и как употреблять в дело каждый отряд в отдельности?

Совершенно не учил, отвечал он.

А ведь много бывает случаев, когда следует неодинаково строить и вести отряд.

Нет, клянусь Зевсом, этого он не разъяснял.

Так сходи к нему опять, сказал Сократ, и спроси еще: если он знает это и если он не бесстыдный человек, то он посовестится, взяв деньги, отпустить тебя с недостаточными знаниями.

Глава 2

РАЗГОВОР ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ СТРАТЕГА

1 Как-то раз Сократ встретился с одним человеком, уже выбранным в стратеги. Как ты думаешь, спросил он, почему Гомер назвал Агамемнона пастырем народов[1]? Как пастырю необходимо заботиться, чтобы овцы были целы, чтобы они имели корм и чтобы достигалась цель, ради которой их держат, так же точно, не правда ли, и стратегу необходимо заботиться, чтобы солдаты были целы, чтобы они имели продовольствие и чтобы достигалась цель, ради которой они идут в поход? А в поход они идут для того, чтобы победой над неприятелями увели-

чить свое благосостояние. Или почему еще Гомер
2 восхваляет так Агамемнона в следующих словах:

Вместе и царь он хороший, и сильный копьем он воитель? [2]

Не потому ли, что сильный воитель копьем — не тот, кто сам в одиночку храбро сражается с неприятелями, но тот, кто и во всем войске пробуждает это стремление? Не потому ли, что и царь хороший — не тот, кто хорошо устраивает только свою жизнь, но кто является виновником благополучия также
3 и для тех, над кем царствует? И правда, царь выбирается не для того, чтобы хорошо заботиться о себе, но чтобы и выбравшим его благодаря ему жилось хорошо; на войну идут все для того, чтобы жизнь их была как можно счастливее; стратегов вы-
4 бирают для того, чтобы они вели их к этому счастью. Таким образом, стратег должен доставлять счастье выбравшим его в стратеги: нелегко найти что-либо другое славнее этой деятельности и, наоборот, позорнее того, что этому противоположно.

Исследуя таким образом, в чем заключается достоинство хорошего вождя, Сократ все другие стороны его деятельности отбрасывал [3], а оставил лишь одну — делать счастливыми тех, кого он ведет.

Глава 3

РАЗГОВОР ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ГИППАРХА

1 Мне известна также такая беседа Сократа с одним человеком, выбранным в гиппархи [1].

Можешь ли ты, молодой человек, спросил Сократ, сказать нам, с какой целью тебе захотелось быть гиппархом? Ведь, конечно, не для того, чтобы ехать во главе всадников, потому что и конные стрелки [2] удостоены этой чести: они едут даже впереди начальника кавалерии?

Правда, отвечал он.

Также и не за тем, чтобы получить известность, потому что и сумасшедших все знают?

И это правда, отвечал он.

2 А, значит, потому что ты надеешься усовершенствовать кавалерию, сдать ее государству в улучшенном состоянии и, если будет надобность в кавалеристах, оказать услуги отечеству, стоя во главе их?

Конечно, отвечал он.

Прекрасное дело, клянусь Зевсом, заметил Сократ, если ты сможешь его выполнить! А при этой должности, на которую ты выбран, думаю я, находятся в твоем ведении и лошади и кавалеристы?

Да, отвечал он.

3 Ну, скажи-ка нам прежде всего вот что: как ты думаешь улучшить лошадей?

Нет, отвечал он, это, я думаю, не мое дело: каждый кавалерист сам должен заботиться о своей лошади.

4 Так, если кавалеристы будут представлять тебе лошадей то с плохими ногами или бессильных, то заморенных, которые не в состоянии поспевать за другими, то необъезженных, которые не стоят на месте, куда их ни поставишь, то брыкающихся, которых даже и поставить-то нельзя,— что толку будет тебе в такой кавалерии? Какая у тебя будет возможность оказать услугу отечеству, командуя такими кавалеристами?

Да, ты прав, отвечал он, я постараюсь по возможности заботиться о лошадях.

5 Ну, а кавалеристов не попробуешь ты улучшить? спросил Сократ.

Да, отвечал он.

Прежде всего, ты обучишь их лучше вскакивать на лошадь [3]?

Да, это необходимо: если кто упадет, то скорее уцелеет.

6 А если придется сражаться, ты прикажешь своим всадникам вести неприятеля на песчаное место [4], где вы обыкновенно занимаетесь ездой, или постараешься производить упражнения на таких местах, на каких происходят военные действия?

Это, конечно, хорошо, отвечал он.

7 А позаботишься, чтобы как можно большее число кавалеристов умело бросать копье с лошади?

И это, конечно, хорошо, отвечал он.

А подумал ты о том, что у кавалеристов надо укреплять дух и возбуждать в них раздражение против врагов? Это делает их храбрее.

Нет, но теперь постараюсь, отвечал он.

8 А позаботился, чтобы кавалеристы тебе повиновались? Без этого нет никакого толку ни от лошадей, ни от кавалеристов, хороших и храбрых.

Это правда, отвечал он, но как лучше всего, Сократ, внушить им повиновение?

9 Тебе известно, конечно, что во всяком деле люди с наибольшей готовностью оказывают повиновение тем, кого считают лучше всех. Так, например, во время болезни всего охотнее слушаются того, кого считают лучшим врачом, на корабле — кого считают лучшим рулевым, при земледелии — кого считают лучшим земледельцем.

Конечно, отвечал он.

Надо полагать поэтому, продолжал Сократ, что и в кавалерийском деле всего охотнее будут повиноваться тому, кто окажется лучше всех знающим, что надо делать.

10 Итак, Сократ, спросил он, если мое превосходство над ними будет вне сомнения, достаточно мне этого будет для того, чтобы они мне повиновались?

Да, отвечал Сократ, если помимо этого ты им докажешь, что повиновение тебе будет для них полезно и спасительно.

А как же мне доказать это? спросил он.

Гораздо легче, клянусь Зевсом, отвечал Сократ, чем если бы тебе пришлось доказывать, что дурное лучше и выгоднее хорошего.

11 Ты хочешь сказать, отвечал он, что начальник кавалерии, помимо всего прочего, должен заботиться и об умении говорить?

А ты думал, возразил Сократ, что командовать кавалерией надо молча? Или ты не обратил внимания на то, что все знания, получаемые нами благодаря обычаю,— знания прекрасные, так как посредством их мы научились жить,— все их мы усвоили при помощи слова; что и всякую другую прекрасную науку, которую кто-нибудь изучает, он изучает при помощи слова; что лучшие учителя больше всего действуют преимущественно словом; что люди,

обладающие самыми важными знаниями, прекра-
12 сно говорят? Или ты не обратил внимания на то, что когда образуется хор только из наших граждан, как, например, посылаемый в Делос[5], то ни один хор ни из какого другого места не может соперничать с ним, и что ни в каком другом городе нет такого количества красивых мужчин, как здесь?

Правда, отвечал он.

13 А между тем афиняне отличаются от других не столько хорошими голосами или ростом и силой, сколько честолюбием, которое больше всего побуждает людей стремиться к чести и славе.

Правда и это, сказал он.

14 Так не думаешь ли ты, продолжал Сократ, что если позаботиться о здешней кавалерии, то и кавалеристы наши далеко превзойдут всех качеством оружия и лошадей, дисциплиной и готовностью сражаться с врагами, если только они убедятся, что за это получат славу и честь?

Надо полагать, так, отвечал он.

15 Так, не медли, сказал Сократ, постарайся возбудить в своих людях стремление к тому, от чего ты и сам получишь пользу и все граждане благодаря тебе.

Клянусь Зевсом, постараюсь, отвечал он.

Глава 4

РАЗГОВОР С НИКОМАХИДОМ О СТРАТЕГЕ И ХОЗЯИНЕ

1 Однажды Сократ увидел Никомахида, шедшего с выборов, и спросил его: Кого выбрали в стратеги[1], Никомахид[2]?

Вот каковы афиняне, Сократ, отвечал Никомахид, меня не выбрали, хоть я со времени поступления на военную службу по набору[1] положил на нее все силы,— был и лохагом[1] и таксиархом[1] и столько ран получил от руки неприятелей (при этом он обнажил тело и стал показывать рубцы от ран); а выбрали Антисфена[2], который и в пехоте еще не служил; да и в кавалерии ничем особенным

не проявил себя и ничего не умеет другого, как только собирать деньги!

Так, это хорошо, возразил Сократ, если он сумеет добывать продовольствие солдатам?

Да ведь и купцы, сказал Никомахид, деньги собирать умеют; однако по этой причине они не могли бы быть и стратегами.

3 Но у Антисфена, кроме того, есть честолюбие, заметил Сократ,— качество, стратегу необходимое: разве ты не видишь,— сколько раз он ни бывал хорегом[3], он всегда своим хором одерживал победу?

Нет, клянусь Зевсом, отвечал Никомахид, ничего похожего нет — управлять хором и командовать войском.

4 Однако, возразил Сократ, Антисфен, не имея никакого понятия ни о пении, ни об учении хора, все-таки оказался способным найти превосходных специалистов по этой части.

Значит, и занимая должность стратега, заметил Никомахид, он найдет людей, которые вместо него будут строить войско, вместо него будут сражаться!

5 Если он и в военном деле так же, как при управлении хором, будет отыскивать и выбирать лучших специалистов, надо думать, и тут он будет одерживать победы; к тому же, вероятно, у него будет еще больше охоты нести расходы для победы на войне вместе со всем государством, чем для победы хора со своей филой[4].

6 Ты хочешь сказать, Сократ, заметил Никомахид, что один и тот же человек может хорошо управлять хором и командовать войском?

Я говорю, отвечал Сократ, что, во главе чего бы человек ни стоял, если только он знает, что нужно, и может это добывать, он будет хорошим начальником,— хором ли он будет управлять, или домом, или государством, или войском.

7 Клянусь Зевсом, сказал Никомахид, я никогда не ожидал услышать от тебя, что хороший хозяин будет и хорошим стратегом.

Ну, давай рассмотрим, сказал Сократ, что входит в круг обязанностей их обоих: тогда узнаем, одинаковы ли они или чем-нибудь отличаются.

Хорошо, отвечал Никомахид.

8 Так вот, сказал Сократ, внушить подчиненным послушание и повиновение себе — это обязанность их обоих?

Конечно, отвечал Никомахид.

А приказывать исполнять каждое дело человеку, пригодному для него?

И это тоже, отвечал Никомахид.

Наказывать дурных работников и награждать хороших — это тоже, думаю, долг обоих?

Конечно, отвечал Никомахид.

9 Снискать любовь подчиненных — разве это не слава для обоих?

И это тоже, отвечал Никомахид.

Привлечь к себе союзников и помощников находишь ты полезным для обоих или нет?

Конечно, отвечал Никомахид.

Беречь то, что есть,— разве это не долг обоих?

Разумеется, отвечал Никомахид.

Быть заботливым и трудолюбивым в сфере своей деятельности — это тоже долг обоих?

10 Все это, отвечал Никомахид, конечно, составляет обязанность обоих; но сражаться — это уж не есть обязанность обоих.

Однако враги-то бывают у обоих?

Конечно, так, отвечал Никомахид.

Одолеть их полезно обоим?

11 Конечно, отвечал Никомахид, но ты обходишь молчанием вопрос вот о чем: если придется сражаться, чем тут поможет уменье вести хозяйство?

Тут, несомненно, даже очень многое поможет, отвечал Сократ. Хороший хозяин знает, что нет ничего столь выгодного, прибыльного, как победа над врагами в бою, и ничего столь невыгодного, убыточного, как поражение, и потому ревностно будет искать и подготовлять все, способствующее победе; тщательно будет взвешивать все, ведущее к поражению, и остерегаться этого; если увидит, что силы, находящиеся в его распоряжении, дают шансы на победу, он со всей энергией будет сражаться; но еще гораздо более будет остерегаться вступить в бой,

12 если не будет к нему готов. Не смотри с таким презрением, Никомахид, продолжал Сократ, на хороших хозяев! Заведование личным хозяйством толь-

ко количественно отличается от заведования общественными делами, а в других отношениях одно похоже на другое; заведующие общественными делами пользуются не другими какими людьми, а теми же самыми, которые управляют личными хозяйствами. Кто умеет обходиться с людьми, тот хорошо ведет и частные и общественные дела, а кто не умеет, тот и здесь и там делает ошибки.

Глава 5

РАЗГОВОР С ПЕРИКЛОМ-СЫНОМ ОБ АФИНЯНАХ

1 Однажды Сократ имел беседу с Периклом[1], сыном знаменитого Перикла. Я имею надежду, Перикл, так начал Сократ, что когда ты станешь стратегом, то наше отечество в военном деле усовершенствуется и прославится и одолеет врагов.

Хотел бы я этого, Сократ, сказал Перикл, только как это осуществить, не могу себе представить.

Хочешь, отвечал Сократ, побеседуем на эту тему и посмотрим, в чем уже сейчас есть возможность к этому?

Хочу, отвечал Перикл.

2 Ты знаешь, конечно, что по количеству населения[2] афинян нисколько не меньше, чем беотийцев? сказал Сократ.

Да, знаю, отвечал Перикл.

А как ты думаешь, где можно бо́льше́ набрать крепких и красивых людей — в Беотии или в Афинах?

Думаю, и в этом Афины не отстанут.

А где, по-твоему, больше взаимной благожелательности?

В Афинах, я уверен: в Беотии многие, третируемые свысока фиванцами, относятся к ним враждебно; в Афинах я ничего подобного не вижу.

3 Затем, афиняне — самые честолюбивые на свете люди, проникнутые чувством собственного достоинства; а эти чувства очень сильно побуждают людей бороться за славу и отечество.

И в этом отношении афинян нельзя упрекнуть.

Затем, подвигов предков, столь великих и в таком числе, ни у кого нет, как у афинян; а это поднимает дух у многих и зажигает в них стремление к доблести и героизму.

4 Все это — правда, Сократ, но, ты видишь, со времени поражения Толмида[3] с тысячным отрядом при Лебадии[3] и Гиппократа[3] при Делии[3] слава афинян по сравнению с беотийцами умалилась, а надменность фиванцев по отношению к афинянам возросла: беотийцы, прежде не дерзавшие даже в своей собственной стране противостать афинянам без помощи спартанцев и других пелопоннесцев, теперь грозят одни вторгнуться в Аттику; а афиняне, прежде разорявшие Беотию, боятся, что беотийцы опустошат Аттику.

5 Я понимаю, конечно, что это так, отвечал Сократ, но, мне кажется, теперь отношение граждан к хорошему вождю лучше. Самонадеянность рождает в человеке небрежность, нерадение, неповиновение, а страх делает людей внимательнее, послушнее, дисциплинированнее. Это можно заключить из 6 того, как ведут себя матросы на кораблях: когда они ничего не боятся, у них полный беспорядок; но, как только испугаются бури или неприятеля, они не только исполняют все приказания, но и молчат, напряженно ожидая команды, как хор.

7 Но предположим, сказал Перикл, что теперь афиняне будут оказывать полное повиновение; уже пора бы тебе сказать, как нам побудить их опять воспламениться стремлением к старинной доблести, славе и благоденствию.

8 Так вот, отвечал Сократ, если бы мы хотели, чтоб они заявили свои права на имущество, которым владеют другие, то всего скорее побудили бы их к этому указанием, что это — отцовское наследие, принадлежащее им по праву. Но, так как мы хотим, чтоб они стремились к первенству в доблести, то опять-таки надо указать, что доблесть издревле составляет их отличительную черту и что к ней они должны стремиться, чтобы быть выше всех.

9 А как нам это доказать?

Думаю, если мы будем напоминать им, что самые отдаленные предки их, нам известные по пре-

данию, были доблестными мужами, как они сами об этом слыхали.

10 Ты разумеешь спор между богами, решение которого было предоставлено Кекропу[4] и его друзьям ввиду их героизма?

Да, а также говорю о воспитании и рождении Эрехфея[5], о войне при нем с жителями всего пограничного материка, о войне при Гераклидах[6] с жителями Пелопоннеса и о всех войнах при Фесее[7], в которых они выказали свое превосходство над
11 всеми народами тогдашнего времени. Если угодно, я скажу и о более поздних подвигах их потомков, незадолго до нас живших. Они отчасти одни боролись с народом[8], властвовавшим над всей Азией и Европой до Македонии, превосходившим силою и богатством народы прежних времен и совершившим замечательные дела; отчасти же в союзе с пелопоннесцами они прославились в боях сухопутных и морских: всем известно, что они намного были выше своих современников.

Да, это известно, заметил Перикл.

12 Поэтому, несмотря на множество переселений в Элладе, они все время оставались в своей земле[9], а многие предоставляли на их решение свои споры о праве, многие искали у них убежища от притеснений сильных[6].

13 Да, сказал Перикл, и я дивлюсь, Сократ, как же это наш город клонится к упадку!

Я думаю, вот почему, отвечал Сократ: как борцы какие-нибудь, в сознании своего большого превосходства над противниками и побед над ними, становятся небрежными и отстают от них, так и афиняне, вследствие своего превосходства, перестали заботиться о себе и через это становятся все слабее и слабее.

14 Что же им теперь делать, чтобы вернуть себе прежний героизм? спросил Перикл.

В этом, по-моему, нет никакого секрета, отвечал Сократ: если им разузнать, какие порядки были у предков, и соблюдать их столь же строго, то они стали бы ничуть не хуже предков[10]. Если не это, то надо взять за образец тех, кому теперь принадлежит первое место, и завести те же порядки, что

у них[11]: тогда, при одинаковом укладе жизни, афиняне были бы ничуть не хуже их, а при более строгом даже и лучше.

15 Ты хочешь сказать, по-видимому, заметил Перикл, что нашему городу далеко до совершенства: когда афиняне будут уважать старших так, как спартанцы[12]? У нас с презрением смотрят на всех
16 стариков, начиная с отцов. Когда они будут заниматься так гимнастическими упражнениями? Они не только сами пренебрегают здоровьем, но и над теми, кто заботится, смеются. Когда будут так повиноваться властям? Они даже хвалятся неуважением к ним[13]. Когда будут так единодушны? Вместо взаимной поддержки для общей пользы они друг другу вредят, завидуют больше, чем чужим[14], больше всех на свете ссорятся как в частных, так и в общественных собраниях, чаще всех на свете ведут тяжбы между собою[15] и предпочитают наживаться друг от друга таким способом, чем путем взаимной поддержки; на общественное достояние смотрят как на чужое[16], тоже дерутся из-за него и чрезвычайно бывают рады, когда обладают силой в такой
17 борьбе. Вследствие всего этого у нас в городе полное незнание военного дела и трусость, страшная вражда и ненависть среди граждан[14], и потому я очень боюсь всегда, как бы родину нашу не постигло такое бедствие, какого она не в силах будет перенести.

18 Нет, Перикл, возразил Сократ, ты ни в каком случае не думай, что афиняне страдают таким неисцелимым недугом порока! Разве не видишь, какая у них дисциплина во флоте, как точно на гимнастических состязаниях исполняют они приказания руководителей и в хорах не хуже кого другого слушаются учителей?

19 Вот это-то и удивительно, сказал Перикл, что такие люди[17] подчиняются начальникам, а гоплиты и кавалеристы, которые состоят из выдающихся, по-видимому, в нравственном отношении граждан[18], больше всех заражены духом неповиновения!

20 Тут Сократ сказал: А Ареопаг, Перикл, составляется разве не из выдержавших испытание граждан[19]?

Конечно, отвечал Перикл.

Так, знаешь ли ты судей, которые при решении судебных дел и во всей вообще своей деятельности поступали бы с бóльшим благородством, соблюдением законов, достоинством, справедливостью?

Не могу их упрекнуть, отвечал Перикл.

А в таком случае, отвечал Сократ, не надо отчаиваться, будто у афинян порядка нет.

21 А между тем, возразил Перикл, как раз в военной службе, где особенно требуются ограничение своей воли, дисциплина и повиновение, они ни на что подобное не обращают внимания.

Может быть, потому, отвечал Сократ, что здесь начальники-то у них люди совершенно невежественные [20]. Разве не видишь, управлять музыкантами, певцами, танцовщиками никто, не знакомый с этим делом, даже и не возьмется, точно так же, как и борцами и кулачными бойцами? Всякий, кто управляет ими, может показать, где он научился тому, чем управляет; а стратеги в огромном большинстве случаев не имеют никакой подготовки [20].

22 Тебя, конечно, я не считаю таким: думаю, ты можешь сказать с не меньшей точностью, когда начал учиться стратегии, чем когда начал учиться борьбе; думаю, много военных приемов унаследовал от отца и хранишь в памяти своей, много других собрал

23 отовсюду, где только можно было научиться чему-нибудь полезному для стратегии. Думаю, о многом ты размышляешь, чтобы не осталось неизвестным тебе что-нибудь полезное для стратегии; если заметишь у себя недостаток таких сведений, ты ищешь людей, знающих это, и не жалеешь подарков, расточаешь им любезности, чтобы получить от них недостающие тебе сведения и иметь в них хороших помощников.

24 Тут Перикл сказал: Я вполне понимаю, Сократ, хоть ты говоришь это, но у тебя и мысли нет, будто я забочусь о пополнении знаний; ты хочешь только показать мне, что будущему стратегу необходимо заботиться обо всем этом; конечно, и я согласен с тобой в этом отношении.

25 А обратил ли ты внимание, Перикл, продолжал Сократ, на то, что на границах нашей страны по

направлению к Беотии тянутся высокие горы[21], через которые ведут в нашу страну узкие и крутые проходы, и что она посредине разрезана неприступными горами[22]?

Конечно, отвечал Перикл.

26 А слыхал ли ты, что мисийцы и писидийцы в стране царя[23], занимающие совершенно неприступные места и легко вооруженные, могут набегами наносить много вреда стране царя, а сами оставаться независимыми?

И про это слыхал, отвечал Перикл.

27 А не думаешь ты, продолжал Сократ, что и афиняне в том возрасте, когда человек еще не отяжелел[24], если будут иметь вооружение полегче и занимать горы на границе нашей страны, будут наносить вред врагам и послужат великим оплотом нашим гражданам[25]?

Думаю, Сократ, отвечал Перикл, и это все полезно.

28 Так, если нравится тебе этот проект, продолжал Сократ, испробуй его, дорогой друг: если ты что-нибудь из него приведешь в исполнение, тебе будет слава, а государству польза; если не сможешь, то ни государству не повредишь, ни сам не осрамишься.

Глава 6

РАЗГОВОР С ГЛАВКОНОМ О НЕОБХОДИМОСТИ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

1 Главкон[1], сын Аристона, пробовал выступать оратором в Народном собрании, желая стать во главе государства[2], хотя ему еще не было двадцати лет[3]. Его стаскивали с ораторской кафедры и осмеивали[3], но никто из родных и друзей не мог удержать его; только Сократу, который любил его по дружбе его с Хармидом[4], Главконовым сыном, и Платоном[4], удалось его отговорить.

Встретившись с ним однажды, Сократ остановил

его и, чтоб он захотел слушать, обратился к нему сначала с такими словами: Главкон, ты задумал у нас стать во главе государства?

Да, Сократ, отвечал Главкон.

Клянусь Зевсом, сказал Сократ, хорошее это дело, лучше всякого другого на свете: если этого тебе удастся достигнуть, ясно, что у тебя будет возможность иметь лично для себя все, чего тебе ни захочется, ты будешь в состоянии помогать друзьям, произведешь улучшение в отцовском хозяйстве, возвеличишь отечество, будешь знаменитым сперва у нас в городе, потом в Элладе, а может быть, как Фемистокл, и у варваров[5], и вообще, где бы ты ни был, взоры всех будут обращены на тебя.

3 Слыша такие слова, Главкон чувствовал себя великим человеком, и ему было приятно оставаться с Сократом.

После этого Сократ сказал: Так, если ты хочешь, чтоб тебя уважали, Главкон, то, очевидно, ты должен приносить пользу государству.

Конечно, согласился Главкон.

Так, не скрывай, ради богов, продолжал Сократ, скажи нам, с чего ты начнешь свое служение государству.

4 Главкон замолчал, как будто только теперь стал обдумывать, с чего ему начать.

Сократ продолжал: Если бы ты хотел произвести улучшения в хозяйстве какого-нибудь друга своего, не правда ли, ты старался бы обогащать его? Не будешь ли ты точно так же стараться обогатить и государство?

Конечно, отвечал Главкон.

5 А богаче будет государство тогда, когда у него будет больше доходов?

Надо думать, что так, отвечал Главкон.

Скажи мне, продолжал Сократ, из каких источников государство получает теперь доходы и на какую приблизительно сумму[6]. Наверное, ты обдумал этот вопрос, чтобы увеличить доходность источников малодоходных и прибавить новые источники дохода, теперь не эксплуатируемые.

Нет, клянусь Зевсом, отвечал Главкон, этого вопроса я еще не обдумал.

6 Ну, если этот вопрос ты упустил из виду, продолжал Сократ, скажи нам, по крайней мере, о расходах государственных[7]: наверное, ты думаешь лишние из них отменить.

Нет, клянусь Зевсом, отвечал Главкон, и на это у меня еще не было времени.

В таком случае, продолжал Сократ, мы отложим на время вопрос об обогащении государства: не зная расходов и доходов, как же можно заботиться об его обогащении?

7 Нет, Сократ, отвечал Главкон, есть возможность обогащать государство и на счет неприятелей.

Совершенно верно, клянусь Зевсом, отвечал Сократ,— если быть сильнее их; а если слабее, можно потерять и то, что есть.

Правда твоя, сказал Главкон.

8 Значит, продолжал Сократ, кто будет обдумывать вопрос, с кем воевать, должен знать силу своего государства и силу противников: если государство сильнее противников, он посоветует предпринять войну; если слабее их, будет рекомендовать осторожность.

Правильно, сказал Главкон.

9 Так вот, сказал Сократ, сперва скажи нам, как велики силы нашего государства, сухопутные и морские[8], а потом, как велики силы у противников.

Нет, клянусь Зевсом, отвечал Главкон, я не могу сказать этого так, на память.

Ну, если это у тебя написано, принеси, сказал Сократ: мне было бы очень интересно послушать это.

Нет, клянусь Зевсом, отвечал Главкон, еще и не написано.

10 Значит, сказал Сократ, и о войне подавать советы, по крайней мере на первое время, мы погодим: может быть, именно ввиду обширности этого предмета ты еще не успел заняться его исследованием, потому что только еще начинаешь свою государственную деятельность[2]. Но вопросом об охране страны, я уверен, ты уже интересовался и знаешь, сколько сторожевых постов расположено на надлежащих местах и сколько нет, сколько гарнизона достаточно и сколько нет; посты, расположенные

на надлежащих местах, ты посоветуешь усиливать, а лишние снимать.

11 Нет, клянусь Зевсом, отвечал Главкон, все их снять, потому что сторожевое дело поставлено так, что у нас хлеб с полей воруют[9].

А если снять сторожевые посты, возразил Сократ, не думаешь ты, что всякому будет дана возможность даже открыто тащить[9] его? Однако, прибавил он, сам ты лично ходил и расследовал это, или как иначе узнал, что сторожевое дело поставлено плохо?

Предполагаю так, отвечал Главкон.

Значит, и об этом, сказал Сократ, будем подавать советы тогда, когда уже не предполагать будем, а знать?

Так, пожалуй, лучше, отвечал Главкон.

12 А уж в серебряные рудники[10], продолжал Сократ, знаю, ты не ходил, так что не можешь сказать, почему теперь дохода оттуда поступает меньше, чем прежде.

Да, конечно, не ходил, отвечал Главкон.

Да, действительно, клянусь Зевсом, сказал Сократ, место это, говорят, нездоровое; поэтому, когда придется подавать совет по поводу рудников, этого оправдания тебе будет достаточно.

Да ты смеешься надо мной! сказал Главкон.

13 Но уже вот чего, продолжал Сократ, я уверен, ты не оставил без внимания, а, наверное, рассчитал, на сколько времени хватит здешнего хлеба[11], чтобы прокормить население, и сколько хлеба нужно добавить в год; этот вопрос ты должен был обсудить, чтобы когда-нибудь не случилась с тобою такая неожиданность, что население останется без хлеба, но чтобы с полным знанием дела ты мог своим советом о такой насущной потребности приходить на помощь государству и спасать его.

Да ведь это — громадное дело, сказал Главкон, если придется думать и о подобных вещах!

14 Однако, сказал Сократ, и свое хозяйство вести хорошо никогда не возможно, если не знать всех хозяйственных нужд и не заботиться об удовлетворении их всех. Но, так как государство состоит с лишком из десяти тысяч домов[12] и трудно забо-

титься сразу о стольких хозяйствах, отчего ты не попробовал сперва улучшить одно — хозяйство своего дяди[13]? А оно нуждается в улучшении. Если сможешь его улучшить, тогда возьмешься и за несколько; а раз ты не можешь быть полезным одному хозяйству, какая могла быть бы от тебя польза многим? Если кто не в силах нести один талант[14], разве не ясно, что ему нечего и браться нести несколько?

15 Да, от меня была бы польза дядину хозяйству, если бы он хотел меня слушаться, сказал Главкон.

16 Так, ты дядю не можешь уговорить, сказал Сократ, и думаешь, что сможешь заставить слушаться тебя всех афинян, да еще вместе с дядей! Берегись, Главкон, как бы, желая прославиться, не прийти тебе к противоположному результату! Разве ты не видишь, как опасно говорить или делать, чего не знаешь? Подумай обо всех известных тебе лицах такого сорта, которые, как всякому видно, говорят и делают, чего не знают: как, по-твоему, за это похвалы они заслуживают или порицания,

17 уважения или презрения? Подумай также и о тех, которые знают, что говорят и что делают, и, я убежден, ты найдешь, что во всех специальностях люди, пользующиеся славой и уважением, принадлежат к числу самых сведущих, а люди с другой репутацией и презираемые — к числу самых невежествен-

18 ных. Так, если хочешь пользоваться славой и уважением у нас в городе, старайся добиться как можно лучшего знания в избранной тобою сфере деятельности: если в этом отношении ты станешь выше всех и тогда возьмешься за государственную деятельность, то мне не покажется удивительным, что ты очень легко достигнешь цели своих желаний.

Глава 7

РАЗГОВОР С ХАРМИДОМ О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАНИМАТЬСЯ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ДЕЛАМИ

1 Видя, что Хармид, сын Главкона[1], человек достойный и по своим способностям стоявший гораздо выше государственных деятелей того времени, не решается, однако, выступать оратором в Народном собрании и заниматься государственными делами, Сократ обратился к нему с такими словами: Скажи мне, Хармид, если кто обладает достаточною силою, чтобы одерживать победы на состязаниях, где в награду дается венок[2], и через это может и сам пользоваться уважением и родному городу доставлять больше славы в Элладе, но тем не менее не хочет принимать участия в состязаниях, какого мнения будешь ты об этом человеке?

Разумеется, я буду считать его неженкой и трусом, отвечал Хармид.

2 А если кто, продолжал Сократ, имея возможность своим участием в государственных делах возвеличить отечество и чрез это сам пользоваться уважением, но не решается на это, не будет ли справедливо считать его трусом?

Пожалуй, отвечал Хармид, только к чему такие вопросы?

А вот к чему, отвечал Сократ: я думаю, у тебя есть способности, но нет решимости принимать участие в государственных делах, и притом в таких, участие в которых составляет твой гражданский долг.

3 Где же ты узнал мои способности, спросил Хармид, что так дурно думаешь обо мне?

В собраниях, отвечал Сократ, на которых ты бываешь вместе с государственными деятелями: когда они советуются с тобою о чем-нибудь, я вижу, ты подаешь им прекрасные советы, и, когда они делают какую ошибку, ты правильно их критикуешь.

4 Не одно и то же, Сократ, сказал Хармид, разговаривать в частном кругу и участвовать в дебатах перед публикой.

Однако, возразил Сократ, кто умеет считать, тот нисколько не хуже считает перед публикой, чем один, и кто у себя отлично играет на кифаре [3], тот и перед публикой лучше всех играет.

Но разве ты не видишь, заметил Хармид, что стыд и страх врождены человеку и гораздо сильнее проявляются в публичных собраниях, чем в частных кружках?

Вот у меня и явилось намерение и тебе показать, что ты, не чувствуя застенчивости перед самыми умными и страха перед самыми сильными людьми, стесняешься говорить перед самыми глу-
6 пыми и слабыми людьми. Неужели ты стесняешься валяльщиков, башмачников, плотников, кузнецов, земледельцев, купцов, рыночных торговцев, думающих только о том, чтоб им купить что-нибудь подешевле и продать подороже? А ведь из всех их и со-
7 стоит Народное собрание [4]. Чем же отличается, как ты думаешь, твой образ действий от действий человека, который побеждает профессиональных атлетов и боится профанов? Ты легко говоришь с первыми в государстве лицами, из которых иные смотрят на тебя свысока, и далеко превосходишь людей, специально готовящихся быть народными витиями, но из страха быть осмеянным не решаешься говорить перед людьми, которые никогда не думали о государственных делах и не смотрели на тебя свысока.

8 А разве ты не знаешь, возразил Хармид, что в Народном собрании часто осмеивают дельных ораторов?

Да ведь это бывает и в других местах, возразил Сократ. Вот я и удивляюсь, что ты, так легко справляясь с теми, когда они так поступают, думаешь,
9 что никак не сумеешь поладить с этими. Нет, голубчик, не оставайся в неведении относительно себя самого; не делай ошибки, в которую впадает огромное большинство людей: обыкновенно люди проявляют интерес к чужим делам, а не стремятся анализировать самих себя. Так ты не ленись делать это, а, напротив, всеми силами следи за собой. Не пренебрегай общественными делами, если можешь способствовать их улучшению: ведь, если они будут

идти хорошо, то от этого будет немалая польза не только всем гражданам вообще, но, в частности, и друзьям твоим и тебе самому.

Глава 8

РАЗГОВОР С АРИСТИППОМ ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ПОНЯТИЙ «ХОРОШЕЕ» И «ПРЕКРАСНОЕ»

1 Однажды Аристипп[1] вздумал сбить Сократа, как раньше его самого сбивал Сократ. Но Сократ, имея в виду пользу своих собеседников, ответил ему не так, как отвечают люди, опасающиеся, чтоб их слова не перетолковали в каком-нибудь другом смысле, но как человек, убежденный, что он как раз
2 исполняет свой долг. Дело было так: Аристипп спросил Сократа, знает ли он что-нибудь хорошее. Если бы Сократ назвал что-нибудь вроде пищи, питья, денег, здоровья, силы, смелости, то Аристипп стал бы доказывать, что это иногда бывает злом. Но Сократ, имея в виду, что если что-нибудь нас беспокоит, то мы ищем средства избавиться от это-
3 го, дал ответ самый достойный: Ты спрашиваешь меня, сказал он, знаю ли я что-нибудь хорошее от лихорадки?

Нет, отвечал Аристипп.

Так, от глазной болезни?

Тоже нет.

Так, от голода?

И не от голода.

Ну, если ты спрашиваешь меня, знаю ли я что-нибудь такое хорошее, что ни от чего не хорошо, то я этого не знаю, да и знать не хочу.

4 В другой раз Аристипп спросил его, знает ли он что-нибудь прекрасное.

Даже много таких вещей, отвечал Сократ.

Все они похожи одна на другую? спросил Аристипп.

Нет, так непохожи некоторые, как только возможно, отвечал Сократ.

Так как же непохожее на прекрасное может быть прекрасно? спросил Аристипп.

А вот как, сказал Сократ: на человека, прекрасного в беге, клянусь Зевсом, непохож другой, прекрасный в борьбе; щит, прекрасный для защиты, как нельзя более непохож на метательное копье, прекрасное для того, чтобы с силой быстро лететь.

5 Твой ответ, сказал Аристипп, совершенно не отличается от ответа на мой вопрос, знаешь ли ты что-нибудь хорошее.

А ты думаешь, отвечал Сократ, что хорошее — одно, а прекрасное — другое? Разве ты не знаешь, что все по отношению к одному и тому же прекрасно и хорошо[2]? Так, прежде всего о духовных достоинствах нельзя сказать, что они по отношению к одним предметам нечто хорошее, а по отношению к другим нечто прекрасное; затем, люди называются и прекрасными и хорошими в одном и том же отношении и по отношению к одним и тем же предметам; также по отношению к одним и тем же предметам и тело человеческое кажется и прекрасным и хорошим; равным образом все, чем люди пользуются, считается и прекрасным и хорошим по отношению к тем же предметам, по отношению к которым оно полезно.

6 Так, и навозная корзина — прекрасный предмет? спросил Аристипп.

Да, клянусь Зевсом, отвечал Сократ, и золотой щит — предмет безобразный, если для своего назначения первая сделана прекрасно, а вторая дурно.

Ты хочешь сказать, что одни и те же предметы бывают и прекрасны и безобразны? спросил Аристипп.

7 Да, клянусь Зевсом, отвечал Сократ, ровно как и хороши и дурны: часто то, что хорошо от голода, бывает дурно от лихорадки и, что хорошо от лихорадки, дурно от голода; часто то, что прекрасно для бега, безобразно для борьбы, а то, что прекрасно для борьбы, безобразно для бега: потому что все хорошо и прекрасно по отношению к тому, для чего оно хорошо приспособлено, и, наоборот, дурно и безобразно по отношению к тому, для чего оно дурно приспособлено.

8 Равным образом, говоря, что одни и те же дома и прекрасны и целесообразны, Сократ учил, как мне казалось, строить их такими, какими им должно быть. Ход его рассуждения был следующий. Кто хочет иметь дом такой, каким ему следует быть, не должен ли употреблять все средства к тому, чтоб он был как можно более приятен для житья и целесообразен? Когда собеседник соглашался с этим, Сократ спрашивал: Не правда ли, приятно иметь
9 дом летом прохладный, а зимой теплый? Когда и с этим собеседник соглашался, Сократ говорил: Не правда ли, в домах, обращенных на юг, зимой солнце светит в галереи[3], а летом оно ходит над нами самими и над крышами и дает тень? Значит, если такое положение прекрасно, то необходимо строить выше южную сторону, чтобы не преграждать зимнему солнцу доступа, а ниже — северную
10 сторону, чтобы холодные ветры не попадали в дом. Короче сказать, куда хозяину во все времена года бывает всего приятнее укрываться и где всего безопаснее помещать вещи, то и будет по справедливости самое приятное и прекрасное жилище. А картины и разные украшения гораздо более отнимают удовольствий[4], чем доставляют. Для храмов и жертвенников, говорил Сократ, самое подходящее место то, которое видно отовсюду[5], но где мало ходят,— потому что приятно, увидав храм, помолиться, приятно подойти к нему, находясь в чистоте[6].

Глава 9

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ХРАБРОСТЬ», МУДРОСТЬ» И ДРУГИХ

1 В другой раз Сократу предложили вопрос о храбрости, можно ли ей научить человека, или она — природный дар. Он дал такой ответ. Как одно тело от рождения имеет больше силы для перенесения трудов, чем другое тело, так, думаю, и одна душа от природы бывает крепче другой в перенесении опасностей: как я вижу, люди, получая воспитание

при одних и тех же законах и обычаях, тем не ме-
2 нее отличаются друг от друга смелостью. Но я все-
таки думаю, что при всяких природных свойствах
в человеке можно развивать храбрость путем обуче-
ния и упражнения: так, например, скифы и фра-
кийцы [1], несомненно, не осмелились бы с большим
щитом и длинным копьем сражаться со спартанца-
ми, и, наоборот, спартанцы, очевидно, не решились
бы вступить в бой с фракийцами, вооруженные ма-
леньким щитом и дротиком, и со скифами, воору-
3 женные луком. Подобно этому и во всем остальном,
как я вижу, люди и по природе отличаются друг от
друга, и в то же время благодаря упражнению до-
стигают значительного прогресса. А из этого следу-
ет, что все люди как с хорошими, так и с плохими
природными способностями должны учиться и уп-
ражняться в той области, в которой хотят стать
известной величиной.

Между мудростью и нравственностью [2] Сократ не находил различия: он признавал человека вместе и умным и нравственным, если человек, понимая, в чем состоит прекрасное и хорошее, руководится этим в своих поступках и, наоборот, зная, в чем состоит нравственно безобразное, избегает его. В ответ на дальнейший вопрос, считает ли он умными и воздержными тех, кто знает, что до́лжно делать, но поступает наоборот, он сказал: столь же мало, как неумных и невоздержных: все люди, думаю я, делая выбор из представляющихся им возможностей, поступают так, как находят всего выгоднее для себя. Поэтому, кто поступает неправильно, тех я не считаю ни умными, ни нравственными.

5 Сократ утверждал также, что и справедливость и всякая другая добродетель есть мудрость. Справедливые поступки и вообще все поступки, основанные на добродетели, прекрасны и хороши. Поэтому люди, знающие, в чем состоят такие поступки, не захотят совершить никакой другой поступок вместо такого, а люди не знающие не могут их совершать и, даже если пытаются совершить, впадают в ошибку. Таким образом, прекрасные и хорошие поступки совершают только мудрые, а немудрые не могут и, даже если пытаются совершить,

впадают в ошибку. А так как справедливые и вообще все прекрасные и хорошие поступки основаны на добродетели, то из этого следует, что и справедливость и всякая другая добродетель есть мудрость.

6 Сумасшествие, говорил Сократ, есть нечто противоположное добродетели; однако незнания он не считал сумасшествием; но не знать самого себя или воображать, будто знаешь то, чего не знаешь, это, он думал, очень близко к сумасшествию. Однако в просторечии, продолжал он, про людей, делающих ошибки в том, чего народная масса не знает, не говорят, что они — сумасшедшие; только делающих ошибки в том, что знает масса, называют сумасшед-
7 шими. Так, например, если кто считает себя каким-то таким великаном, что наклоняется при проходе через ворота в городской стене, или таким силачом, что пробует поднимать дома или браться за что-нибудь другое, очевидно невозможное,— про того говорят, что он сумасшедший. А кто делает мелкие ошибки, тех не считают сумасшедшими: как сильную страсть называют влюбленностью, так и большую ненормальность ума называют сумасшествием.

8 Исследуя вопрос, что такое зависть, Сократ находил, что она есть некоторая печаль, но печаль не о несчастии друзей или о счастии врагов: завистники, говорил он, только те, кто горюет по поводу счастия друзей. Когда некоторые удивлялись, как можно, любя кого-нибудь, печалиться о его счастии, он напоминал, что у многих бывает к тем или другим лицам такое чувство, при котором они не могут равнодушно смотреть на их бедствия и помогают им в несчастии, но при счастии их они испытывают печаль. Впрочем, с человеком рассудительным этого не может случиться, а у дураков всегда есть это чувство.

9 Исследуя вопрос, что такое досуг, Сократ находил, что огромное большинство людей, правда, всегда что-то делает: и игроки в кости и шуты тоже что-то делают; но на самом деле, говорил он, все они ничего не делают, потому что имеют возможность пойти и заняться чем-нибудь лучшим. Но перейти от лучшего занятия к худшему ни у кого нет вре-

мени[3]; а если бы кто и перешел, то поступил бы дурно, потому что свободного времени у него нет.

10 Цари и правители, говорил Сократ,— не те, которые посят скипетр или избраны кем попало или получили власть по жребию[4] или насилием или об-
11 маном, но те, которые умеют управлять. Когда собеседник Сократа соглашался, что дело правителя — приказывать, что делать, а подчиненного — повиноваться, Сократ указывал на то, что и на корабле управляет знающий, а хозяин корабля и все пассажиры повинуются знающему, точно так же, как при сельских работах владельцы земли, при болезни больные, при гимнастических упражнениях учащиеся гимнастике и вообще все, у кого есть дело, требующее забот, если считают себя знающими его, то сами заботятся; а если нет, то не только слушаются знатоков, когда они есть налицо, но даже, когда их нет, приглашают их, чтобы под их руководством делать, что нужно. В прядильном деле, указывал Сократ, даже женщины распоряжаются мужчинами, потому что женщины знают, как прясть, а мужчины не знают.

12 Если кто возражал на это, что у тиранна есть возможность не слушать разумных советников[5], Сократ говорил: Да как же можно не слушать, когда грозит ущерб, если не послушаешь доброго советника? Ведь если не послушаешь доброго советника в каком-нибудь деле, то, несомненно, сделаешь ошибку, а за ошибку поплатишься.

13 Если кто указывал, что у тиранна есть возможность даже казнить умного советника, Сократ говорил: А кто казнит своих лучших помощников, неужели, думаешь ты, остается безнаказанным или отделывается лишь каким-нибудь пустым ущербом? Как ты думаешь, кто так поступает, имеет больше шансов остаться невредимым или при таком образе действий может даже очень скоро погибнуть?

14 Кто-то спросил Сократа, какой образ жизни он считает лучшим для человека. Он отвечал: Хорошую жизнь[6]. Тот спросил опять, не относит ли он к понятию «образ жизни» также и счастье. Сократ отвечал: Нет, на мой взгляд, случай и деятельность — понятия совершенно противоположные: если

человек не ищет, а случайно находит что-нибудь нужное, это я считаю счастьем; а если он путем изучения и упражнения исполняет что-нибудь хорошо, это я признаю хорошей деятельностью, и, кто ведет такой образ жизни, тот, мне кажется, хорошо
15 живет. Самые лучшие и всего более угодные богам люди, говорил он,— это те, кто хорошо исполняет свою работу,— в области земледелия — земледельческую, в области государственной деятельности — государственную; а кто ничего хорошо не делает, говорил он, тот никуда не годен и богам не угоден.

Глава 10

РАЗГОВОРЫ С ПАРРАСИЕМ, КЛИТОНОМ И ПИСТИЕМ ОБ ИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЯХ

a Если когда Сократ разговаривал с художниками, занимающимися своим искусством с целью заработка, то и им он был полезен.

Так, он пришел однажды к живописцу Парразию[1] и в разговоре с ним сказал: Не правда ли, Парразий, живопись есть изображение того, что мы видим? Вот, например, предметы вогнутые и выпуклые, темные и светлые, жесткие и мягкие, неровные и гладкие, молодое и старое тело вы изображаете красками, подражая природе.

Верно, отвечал Парразий.

b Так как нелегко встретить человека, у которого одного все было бы безупречно, то, рисуя красивые человеческие образы, вы берете у разных людей и соединяете вместе какие есть у кого наиболее красивые черты и таким способом достигаете того, что все тело кажется красивым.

Да, мы так делаем, отвечал Парразий.

c А изображаете вы то, что в человеке всего более располагает к себе, что в нем всего приятнее, что возбуждает любовь и страсть, что полно прелести,— я разумею духовные свойства? Или этого и изобразить нельзя? спросил Сократ.

Как же можно, Сократ, отвечал Паррасий, изобразить то, что не имеет ни пропорции, ни цвета и вообще ничего такого, о чем ты сейчас говорил, и даже совершенно невидимо?

4 Но разве не бывает, что человек смотрит на кого-нибудь ласково или враждебно? спросил Сократ.

Думаю, что бывает, отвечал Паррасий.

Так это-то можно изобразить в глазах?

Конечно, отвечал Паррасий.

А при счастье и при несчастье друзей, как ты думаешь, разве одинаковое бывает выражение лица у тех, кто принимает в них участие и кто не принимает?

Клянусь Зевсом, конечно, нет, отвечал Паррасий: при счастье они бывают веселы, при несчастье мрачны.

Так, и это можно изобразить? спросил Сократ.

Конечно, отвечал Паррасий.

5 Затем, величавость и благородство, униженность и рабский дух, скромность и рассудительность, наглость и грубость сквозят и в лице и в жестах людей, стоят ли они или двигаются.

Верно, отвечал Паррасий.

Так, и это можно изобразить?

Конечно, отвечал Паррасий.

Так, на каких людей приятнее смотреть, спросил Сократ,— на тех ли, в которых видны прекрасные, благородные, достойные любви черты характера или же безобразные, низкие, возбуждающие ненависть?

Клянусь Зевсом, Сократ, тут большая разница, отвечал Паррасий.

6 Однажды Сократ пришел к скульптору Клитону[2] и в разговоре с ним сказал: Прекрасны твои произведения, Клитон,— бегуны, борцы, кулачные бойцы, панкратиасты[3]: это я вижу и понимаю; но как ты придаешь статуям то свойство, которое особенно чарует людей при взгляде на них,— что они кажутся живыми?

7 Клитон был в недоумении и не сразу собрался ответить. Тогда Сократ продолжал: Не оттого ли

в твоих статуях видно больше жизни, что ты придаешь им сходство с образами живых людей?

Конечно, отвечал Клитон.

Так вот, воспроизводя то опущение или поднятие при разных телодвижениях, то сжатие или растяжение, то напряжение или ослабление, ты и придаешь статуям больше сходства с действительностью и больше привлекательности.

Совершенно верно, отвечал Клитон.

8 А изображение также душевных аффектов у людей при разных действиях разве не дает наслаждения зрителю?

Надо думать, что так, отвечал Клитон.

В таком случае у сражающихся в глазах надо изображать угрозу, у победителей в выражении лица должно быть торжество?

Именно так, отвечал Клитон.

Стало быть, сказал Сократ, скульптор должен в своих произведениях выражать состояние души.

9 Однажды Сократ пришел к Пистию, специалисту по изготовлению панцирей. Пистий показал ему панцири хорошей работы. Клянусь Герой[4], Пистий, сказал Сократ, прекрасное изобретение — панцирь: он прикрывает у человека части тела, нуждающиеся в прикрытии, и вместе с тем не мешает действи-
10 ям рук! Но скажи мне, Пистий, продолжал Сократ, почему ты продаешь дороже других свои панцири, хоть ты делаешь их не крепче, чем другие, и не из более дорогого материала?

Потому что, Сократ, я делаю панцири с соблюдением пропорции, отвечал Пистий.

Как же ты показываешь эту пропорциональность — мерой или весом, назначая за них более дорогую цену? Ведь, я думаю, ты не все их делаешь одинаковыми и похожими, если только ты делаешь их каждому по мерке.

Клянусь Зевсом, так и делаю, отвечал Пистий: без этого в панцире нет никакого толку.

11 А телосложение у человека бывает у одного пропорциональное, у другого непропорциональное? спросил Сократ.

Конечно, отвечал Пистий.

Так, как же ты делаешь, чтобы панцирь был по мерке человеку с непропорциональным сложением и в то же время был бы пропорциональным? спросил Сократ.

Точно так же, как делаю его по мерке, отвечал Пистий: панцирь по мерке и есть панцирь пропорциональный.

12 Пропорциональность ты понимаешь, по-видимому, не безотносительно, сказал Сократ, а по отношению к тому, кто носит панцирь, совершенно так же, как если бы ты сказал, что щит пропорционален для того, для кого он по мерке; то же самое касается, по-видимому, судя по твоим словам, и во-
13 енного плаща и всех вообще предметов. Но, может быть, в том, что панцирь приходится по мерке, есть и еще какая-нибудь не малая выгода.

Скажи, Сократ, если знаешь, отвечал Пистий.

Панцирь, сделанный по мерке, меньше давит своей тяжестью, чем сделанный не по мерке, при одном и том же весе, сказал Сократ. Если он сделан не по мерке, то он или висит всей тяжестью на плечах или сильно надавливает на какое-нибудь другое место тела, и через это неприятно и тяжело его носить. Если же он сделан по мерке, то тяжесть его распределяется по разным местам: часть ее несет ключица и надплечие, часть — плечи, часть — грудь, часть — спина, часть — живот, так что он почти не похож на ношу, а скорее на предмет, приложенный к телу.

14 Ты указал как раз на то качество, за которое я так дорого ценю свою работу, сказал Пистий, некоторые, однако, охотнее покупают панцири раскрашенные и золоченые.

Ну, если они только из-за этого покупают панцири, сделанные им не по мерке, сказал Сократ, то
15 они, кажется мне, покупают раскрашенный и золоченый вред. Но ведь тело не остается всегда в одном и том же положении,— то бывает в наклоненном, то в прямом: так как же могут быть по мерке панцири, сделанные точь-в-точь по человеку?

Никоим образом, отвечал Пистий.

Ты хочешь сказать, заметил Сократ, что по мерке приходятся не те, которые сделаны вполне по

человеку, а те, которые не беспокоят его при употреблении.

Ты угадал, Сократ, и совершенно верно понимаешь дело, отвечал Пистий.

Глава 11

РАЗГОВОР С ФЕОДОТОЙ О ДРУЗЬЯХ

1 Одно время в Афинах жила женщина по имени Феодота[1], которая отдавалась всякому, кто искал ее любви. Кто-то в присутствии Сократа упомянул о ней и сказал, что красота ее выше всякого описания и что живописцы приходят к ней писать с нее и она показывает им себя настолько, насколько дозволяет приличие. Надо бы нам сходить посмотреть, сказал Сократ, ведь по одним слухам не представишь себе того, что выше описания.

2 Пойдемте со мною сейчас, отвечал рассказчик.

Так они пошли к Феодоте и застали ее позировавшей перед каким-то живописцем. Они стали смотреть на нее.

Когда живописец кончил, Сократ сказал: Друзья мои! Кто кого должен больше благодарить,— мы ли Феодоту за то, что она показала нам свою красоту, или она нас за то, что мы на нее смотрели? Не правда ли, если ей полезнее показывать себя, то она должна быть нам благодарна, а если нам полезнее
3 смотреть, то мы ей? Кто-то заметил, что вопрос его основателен. Так вот, продолжал Сократ, она уже и сейчас в выигрыше: она получила от нас похвалу, а когда мы разгласим это в публике, она получит еще больше пользы; а нам уже сейчас хочется прикоснуться к тому, на что смотрели, и уйдем мы возбужденные, а уйдя, будем чувствовать томление. Отсюда естественное заключение, что мы — ее поклонники, а она — предмет нашего поклонения.

Клянусь Зевсом, отвечала Феодота, если это так, то я должна бы быть вам благодарной за то, что вы смотрели.

4 После этого Сократ обратил внимание на то, что она сама носит дорогие украшения, что у матери, бывшей при ней, платье и украшения — незаурядные, что у нее много миловидных служанок, тоже одетых не кое-как, и что вообще дом у нее — полная чаша[2]. Сократ обратился к ней с таким вопросом: Скажи, Феодота, есть у тебя земля?

Нет, отвечала она.

Ну, так дом доходный[3]?

И дома нет, отвечала она.

Неужели мастерская[4] какая?

И мастерской нет, отвечала она.

Так откуда же у тебя средства? спросил Сократ.

Если кто станет моим другом и хочет быть мне благодетелем,— вот мои средства к жизни.

5 Клянусь Герой, Феодота, сказал Сократ, превосходная это вещь; иметь стадо друзей гораздо лучше, чем стадо овец, коз и коров. Что же? ты предоставляешь случаю, чтобы к тебе подлетел друг, как муха, или же и сама придумываешь какие-нибудь способы?

6 Какой же я могу найти способ для этого? спросила Феодота.

Клянусь Зевсом, отвечал Сократ, способ, гораздо более пригодный, чем у пауков: ты знаешь, как они охотятся за добычей для удовлетворения своих жизненных потребностей: ткут тонкую паутину, и, что в нее попадет, то и служит им пищей.

7 Так, и мне ты советуешь соткать какую-нибудь сеть? спросила Феодота.

Нет, конечно, не следует думать, что так, без всякой хитрости, поймаешь такую дорогую добычу, как друга. Разве не видишь, что и при ловле такой малоценной добычи, как зайцы, люди употребляют
8 много хитростей? Зайцы выходят на пастбище ночью: ввиду этого охотники заводят у себя собак, приученных к ночной охоте, и с ними ловят их. Зайцы с наступлением дня убегают: охотники приобретают других собак, которые по запаху чуют, по какому пути они ушли с пастбища в свое логовище, и отыскивают их. Зайцы так проворно бегают, что даже на виду у охотников исчезают: они добывают еще других собак, быстрых, чтобы они ловили

их на бегу. Но зайцы и от них убегают: охотники ставят сети на тропинках, где они бегут, чтобы они попадали в них и запутывались.

9 Так, каким же способом мне ловить друзей? спросила Феодота.

Клянусь Зевсом, вот каким, отвечал Сократ: если вместо собаки ты добудешь такого человека, который будет выслеживать и находить тебе богатых любителей красоты, а найдя, устраивать так, чтобы они попали в твои сети.

10 Да какие же у меня сети? спросила Феодота.

Есть одна, отвечал Сократ, и очень ловко обвивающаяся вокруг человека,— твое тело, а в нем душа: она учит тебя, как смотреть на человека, чтоб ему доставить удовольствие; учит тебя, что человека, заботящегося о тебе, надо принимать с радостью, а кто надут чванством, от того держать двери на запоре; заболел друг,— припять в нем участие, навестить его; улыбнулось ему счастье,— от всего сердца разделить с ним радость; много внимания оказывает он тебе,— быть преданной ему все душой. А любить, я уверен, ты умеешь не только чувственной любовью, но и духовной; что друзья тебе дороги, в этом ты их убеждаешь, я уверен, не словом, а делом.

Нет, клянусь Зевсом, отвечала Феодота, я никаких таких способов не употребляю.

11 Однако гораздо лучше, продолжал Сократ, обходиться с человеком, как должно, сообразуясь с его характером: ведь силой, конечно, не поймаешь и не удержишь друга; надо делать добро и доставлять удовольствия этому зверю, чтобы он попался и никуда не убежал.

Правда твоя, согласилась Феодота.

12 Ты должна, стало быть, продолжал Сократ, прежде всего у людей, относящихся к тебе со вниманием, просить лишь таких услуг, которые им доставляют возможно меньше хлопот, а затем и с своей стороны отвечать им такими же услугами: при этих условиях люди скорее всего могут стать друзьями,

13 всего дольше любить и всего больше оказывать добра. Всего приятнее им будет, если то, что у тебя есть, ты будешь дарить им, когда им это нужно:

как видишь, даже самое вкусное блюдо кажется невкусным, если подают его, когда еще нет аппетита; а когда человек сыт, оно производит даже отвращение; а если подать кушанье, возбудив в человеке голод, то оно хотя бы было и плоховато, кажется очень вкусным.

14 Так, как же я могла бы возбудить голод к тому, что у меня есть? спросила Феодота.

А вот как, клянусь Зевсом, отвечал Сократ: прежде всего, если ты не будешь ни предлагать этого, ни поминать, когда люди сыты, пока не пройдет у них чувство пресыщения и не явится вновь желание; затем, когда у них будет желание, будешь напоминать им о нем лишь в самой скромной форме обращения, так чтобы не казалось, что ты сама навязываешься им со своей любовью, а, напротив, что ты уклоняешься от этого, пока наконец их страсть не дойдет до высшего предела: в такую минуту те же самые дары имеют гораздо более высокую цену, чем если предлагать их, пока еще нет страсти.

15 Тут Феодота сказала: Ты бы, Сократ, помог мне ловить друзей!

Хорошо, только ты меня уговаривай, отвечал Сократ.

А как же мне уговорить тебя? спросила Феодота.

Уж об этом ты сама подумай и найди такой способ, если будет надобность во мне, отвечал Сократ.

16 Так, ходи ко мне почаще, сказала Феодота.

Тут Сократ, иронизируя по поводу того, что он не занимается общественными делами[5], сказал: Нет, Феодота, мне не очень-то легко улучить свободную минутку: множество своих и общественных дел не дает мне свободы. К тому же у меня есть милые особы[6], которые ни днем, ни ночью не дадут мне уйти от них: они учатся у меня привораживать любовными зельями и заговорами[7].

17 Так ты и это знаешь, Сократ? спросила Феодота.

А как ты думаешь, сказал Сократ, почему и Аполлодор[8] вот и Антисфен[9] никогда от меня не отходят? Почему и Кебет и Симмий[10] ходят ко мне

из Фив? Будь уверена, тут дело не обходится без множества волшебных напитков, заговоров, колес [11]!

18 Так дай мне на подержание это колесо, сказала Феодота, я на тебе прежде всех попробую его, поверчу!

Нет, клянусь Зевсом, сказал Сократ, я не хочу, чтобы меня самого к тебе влекло; хочу, чтобы ты ходила ко мне.

Хорошо, буду ходить, отвечала Феодота, только ты пускай меня к себе!

Хорошо, буду пускать, сказал Сократ, если только у меня дома не будет какой милой [6] милее тебя!

Глава 12

РАЗГОВОР С ЭПИГЕНОМ О КРЕПОСТИ И СЛАБОСТИ ТЕЛА

1 Сократ однажды обратил внимание на слабое телосложение одного из своих друзей, Эпигена [1], молодого еще человека.

Какой ты тщедушный, Эпиген! сказал он.

Да мне и не нужно быть силачом, Сократ, отвечал Эпиген.

Нет, нужно, возразил Сократ,— ничуть не меньше, чем тому, кто собирается выступать на состязаниях в Олимпии [2]. Или, по-твоему, так ничтожна борьба с неприятелями на жизнь и смерть, которую

2 при первом удобном случае устроят афиняне? А немало людей по случаю слабости тела гибнет в боях с неприятелями или с позором спасает себе жизнь; многие по этой же причине, хоть и остаются в живых, но попадают в плен и тогда или остаются всю жизнь в самом тяжком рабстве [3], если такая участь их постигнет, или, попав в такую горестную неволю и заплатив выкуп [3], иногда превышающий их состояние, всю жизнь проводят в крайней нужде и страданиях; многие, наконец, наживают худую славу из-за телесной слабости, потому что их считают трусами.

3 Неужели ты ни во что ставишь все эти неприятности, являющиеся следствием телесной слабости,

и думаешь, что мог бы легко переносить их? А по мой взгляд, гораздо легче и приятнее этого те труды, которые приходится выносить человеку, заботящемуся о крепости тела.

Или, по-твоему, слабость полезнее для здоровья и вообще для всего пригоднее крепости? Или ты ни
4 во что ставишь блага от крепости тела? А между тем жизнь людей крепких телом совершенно противоположна жизни слабых. Люди крепкие телом и здоровы и сильны; благодаря этому многие с честью выходят невредимыми из сражений с неприятелями и избегают всех тяжелых последствий войны; многие помогают друзьям, приносят пользу отечеству и за это удостаиваются благодарности, приобретают великую славу, достигают самых высоких почестей и остаток жизни проводят в большей радости и славе, а детям своим доставляют возможность жить в лучших условиях.

5 В Афинах не организовано государственное обучение военному делу[4], но из этого не следует, что и каждый гражданин индивидуально должен относиться к нему без внимания: нет, всякий должен заниматься им нисколько не меньше. Будь уверен, что ни в какой другой борьбе и вообще ни в какой профессии ты не будешь в убытке от того, что лучше разовьешь организм. Во всех человеческих профессиях тело нужно; а во всех случаях, где применяет-
6 ся телесная сила, очень важно возможно лучшее развитие организма. Даже и там, где, по-видимому, тело наименее нужно, в области мышления, даже и в этой области — кто этого не знает? — многие делают большие ошибки оттого, что не обладают физическим здоровьем. Кроме того, забывчивость, уныние, дурное расположение духа, сумасшествие у многих часто вторгаются в мыслительную способность вследствие телесной слабости до такой степени, что выби-
7 вают даже знания. Напротив, у кого телосложение крепкое, тот вполне гарантирован от таких невзгод и ему не угрожает никакой опасности испытать что-нибудь подобное по случаю телесной слабости; скорее можно ожидать, что для достижения результатов, противоположных тем, какие бывают следствием телесной слабости, полезна также и крепость

тела. А какого труда побоится всякий здравомыслящий человек ради благ, противоположных вышеуказанным явлениям?

8 Наконец, какой позор состариться из-за своего пренебрежительного отношения ко всему, не увидав, каким красавцем и силачом можешь стать! А этого не увидишь при пренебрежительном отношении: само собою это не приходит!

Глава 13

МНЕНИЯ СОКРАТА ПО ПОВОДУ РАЗНЫХ ВОПРОСОВ

1 Как-то раз кто-то сердился, что один человек не ответил на его приветствие. Смешно, сказал Сократ: если бы ты встретил человека с каким-нибудь телесным недостатком, которого нет у тебя, ты не стал бы сердиться; а попался тебе человек с такой душевной грубостью, которой нет у тебя,— это тебя огорчает.

2 Другой жаловался, что он ест без аппетита. Акумен [1], сказал Сократ, назначает хорошее лекарство от этого.

Какое? спросил тот.

Прекратить еду, отвечал Сократ: когда прекратишь, жизнь будет и приятнее, и дешевле, и здоровее.

Еще другой жаловался, что у него слишком тепла вода для питья. В таком случае, заметил Сократ, когда ты захочешь помыться теплой водой, она для тебя будет готова.

Нет, возразил тот, для мытья она холодна.

Так, и слугам твоим не нравится пить ее и мыться ею? спросил Сократ.

3 Нет, клянусь Зевсом, отвечал он, напротив, я часто удивляюсь, с каким удовольствием они употребляют ее и в том и в другом случае.

Какая же вода теплее для питья,— которая у тебя или которая у храма Асклепия [2]? спросил Сократ.

Которая у храма Асклепия, отвечал он.

А какая для купанья холоднее,— которая у тебя или которая у храма Амфиарая [3]?

Которая у храма Амфнарая, отвечал он.

Так, имей в виду, заметил Сократ, ты, пожалуй, уж чересчур привередлив,— больше всякого слуги и больного.

4 Кто-то жестоко наказал своего слугу. Сократ спросил, за что он на него сердится.

За то, отвечал он, что он — большой сладкоежка и вместе с тем нерадив, чрезвычайно жаден до денег и вместе с тем ужасный лентяй.

А думал ли ты когда, кого из вас больше бить надо — тебя или слугу?

5 Кто-то боялся идти в Олимпию [4]. Что ты боишься этого путешествия? спросил Сократ. Разве ты и дома не гуляешь почти целый день? И во время пути туда ты, прогулявшись, пообедаешь; прогулявшись, поужинаешь и отдохнешь. Разве ты не понимаешь, что если бы ты растянул в одну линию свои прогулки в течение пяти или шести дней, то ты легко дошел бы из Афин в Олимпию? Кроме того, приятнее выходить одним днем раньше, чем опаздывать: когда приходится удлинять дневной путь сверх нормы, это тяжело; а пройти одним днем больше дает много облегчения; поэтому лучше спешить при отправлении в путь, чем в дороге.

6 Другой жаловался, что он страшно устал от дальнего пути. Сократ спросил его, не нес ли он и багаж.

Нет, клянусь Зевсом, отвечал он, только плащ.

Один ты шел или со слугой [5]? спросил Сократ.

Со слугой, отвечал он.

Пустой он шел или нес что-нибудь? спросил Сократ.

Нес, клянусь Зевсом, и постель [6] и другие вещи, отвечал он.

Как же он справился с этим путешествием? спросил Сократ.

Кажется, лучше меня, отвечал он.

Так, если бы тебе пришлось тащить его ношу, как бы ты чувствовал себя, как ты думаешь? спросил Сократ.

Скверно, клянусь Зевсом, отвечал он; вернее сказать, у меня даже не хватило бы сил нести.

И такая малая трудоспособность, меньшая даже, чем у раба [7], неужели это, по-твоему, нормальное явление для человека, занимавшегося гимнастикой?

Глава 14

ОБ УМЕРЕННОСТИ В ПИЩЕ

1 Когда одни из участников общего обеда [1] приносили мало закусок [2], а другие много, Сократ приказывал слуге такое маленькое приношение или класть на стол для общего употребления, или делить между всеми поровну. Кто приносил много, тем было совестно не брать того, что положено было для всех, и не класть своих закусок; поэтому они клали и их для общего употребления. Не пользуясь никакими преимуществами в сравнении с теми, кто приносил мало, и они перестали покупать закуски на большую сумму.

2 Как-то Сократ заметил, что один из сотрапезников перестал есть хлеб, а ест одно мясо [2] без хлеба. В это время шел разговор о словах, именно, к какому действию какое слово прилагается. Можем ли мы определить, друзья, сказал Сократ, по какому действию человек называется «мясоедом»? Все, конечно, едят с хлебом мясо, когда оно есть; но по этой причине, думаю, еще не называются мясоедами.

Конечно, нет, сказал один из присутствовавших.

3 А если кто без хлеба ест одно мясо, продолжал Сократ, не ради атлетических упражнений [3], а ради удовольствия, можно ли считать его мясоедом или нет?

Едва ли кого другого можно назвать мясоедом, сказал тот.

А кто ест мало хлеба и много мяса? спросил кто-то другой из присутствовавших.

Мне кажется, отвечал Сократ, и его правильно было бы называть мясоедом; и, когда все люди молят богов об изобилии плодов земных, он, надо думать, стал бы молиться об изобилии мяса.

4 При этих словах Сократа тот молодой человек, поняв, что они сказаны по его адресу, мясо есть перестал, но взял еще хлеба. Сократ, заметив это, сказал его соседям: Наблюдайте за ним, хлеб ли он будет есть, как мясо, или мясо, как хлеб.

5 Как-то Сократ увидал, что другой из сотрапезников с одним куском хлеба берет в рот понемногу от нескольких мясных блюд. Можно ли вообразить себе, сказал он, кулинарное искусство, дороже обходящегося или больше портящее кушанья, чем то, которое придумывает себе тот, кто сразу берет в рот всевозможные приправы? Он смешивает разные вещества в большем числе, чем повара, и тем делает кушанья дороже; а кто смешивает такие вещества, которых они не смешивают, как не подходящие одно к другому, тот делает ошибку, если они поступают правильно, и уничтожает их искусство.

6 Но, если в повара берут лучших специалистов такого дела, то не смешно ли, что он, не имея ни малейшей претензии на знание этого искусства, переделывает их работу? Кроме того, кто привык есть с хлебом зараз несколько кушаний, с тем бывает еще такой случай: когда нет нескольких блюд, ему будет казаться, что он терпит недостаток, потому что ему будет скучно без того, к чему он привык. Напротив, кто привык одному куску хлеба давать в провожатые одно кушанье, того и при отсутствии нескольких блюд не огорчит, что у него только одно.

7 Сократ говорил также что слово «euocheisthai» [4] (угощаться) на афинском языке значит «есть»: слово «eu» прибавлено для обозначения такой еды, которая не вредит ни душе, ни телу и которую нетрудно найти; поэтому и слово «euocheisthai» он применял к людям, ведущим скромный образ жизни.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

О НЕОБХОДИМОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Настолько Сократ был полезен во всяком деле и всеми способами, что при рассмотрении этого вопроса даже человеку среднего ума ясно, что ничего не было полезнее общения с Сократом и пребывания с ним везде и при всяких обстоятельствах. Одно только воспоминание о Сократе, при его отсутствии, приносило немало пользы лицам, привыкшим к общению с ним и воспринимавшим его учение. Даже его шутки оказывали на окружавших его лиц нисколько не менее благотворное влияние, чем серьезные разговоры [1].

Так, Сократ часто говаривал, что он в кого-нибудь влюблен; но всем было ясно, что его влекло к тем, кого природа одарила не телом красивым, а высокими духовными качествами. Признаками хороших способностей он считал быстрое усвоение человеком предмета, который его занимал, запоминание выученного и интерес ко всем знаниям, которые помогают хорошо вести домашнее хозяйство [2], управлять государством и вообще уметь пользоваться людьми и действиями людей [3]. Кто получил такое образование, думал он, будет не только сам счастлив и будет хорошо вести свое хозяйство, но может и других людей и целые государства делать счастливыми.

Но его подход к людям был не ко всем одинаков: кто считал себя даровитым от природы, а ученье ни во что не ставил, тем он указывал, что даровитым натурам больше всего нужно образование: он приводил в доказательство этого тот факт, что и лошади хорошей породы, горячие, с норовом, становятся чрезвычайно полезными, превосходными, если их объездить с раннего возраста, но совершенно неукротимыми, очень плохими, если остаются необъезженными. Также и собаки хорошей породы, неутомимые и пригодные для нападения на диких животных, бывают превосходны для охоты и полезны при хо-

рошей дрессировке и, наоборот, тупы, бешены, не-
4 послушны, если их не дрессируют. То же бывает и с людьми высокодаровитыми: могучие духом, способные довести до конца начатое дело, они, если получат образование и научатся, в чем заключается долг человека, становятся отличными, в высшей степени полезными деятелями: они делаются величайшими благодетелями человечества. Но, оставшись без образования, невеждами, они бывают очень дурными, вредными людьми, не будучи в состоянии разобраться, в чем заключается долг человека, они часто занимаются преступными делами: они горды, заносчивы, трудно их удержать или отклонить от задуманного; поэтому они становятся величайшими врагами рода человеческого.

5 Кто гордился богатством и находил образование для себя ненужным в надежде, что ему будет достаточно богатства для исполнения всех желаний и занятия почетного положения в обществе, того Сократ старался образумить, указывая, как глупо воображать, будто без ученья можно отличать полезное от вредного; равным образом глупо воображать, будто, не умея различать этого, а удовлетворяя все свои желания при помощи богатства, можно действовать на пользу себе; только дурак воображает, будто, не умея действовать на пользу себе, он благоденствует и достаточно обеспечил себя всем нужным для жизни; только дурак также воображает, будто он, ничего не зная, лишь благодаря богатству заслужит репутацию человека, на что-то годного, или при репутации ни на что не годного человека приобретет славу.

Глава 2

РАЗГОВОР С ЕВФИДЕМОМ О НЕОБХОДИМОСТИ УЧИТЬСЯ

1 Теперь я расскажу, как Сократ относился к людям, воображавшим, будто они получили хорошее образование, и гордившимся ученостью. Он заметил, что Евфидем Красавец [1], имевший большое собрание

сочинений знаменитейших поэтов и философов[2], ввиду этого считает себя ученее своих сверстников и лелеет большие надежды затмить всех ораторским талантом и способностью к политической деятельности. Сократ знал, что по молодости лет[3] Евфидем еще не ходит в Народное собрание, а если желает сделать там какое-нибудь дело, то садится в шорной мастерской близ площади. Туда пошел и Сократ с несколькими своими друзьями.

2 Сперва один из них возбудил вопрос, чему обязан был Фемистокл таким выдающимся положением в государстве, что все сограждане обращали на него взоры, когда государству нужен был дельный человек,— общению ли с каким-нибудь ученым или своим природным дарованиям. Сократ, желая вызвать на разговор Евфидема, сказал, что если нельзя сделаться хорошим мастером в пустых ремеслах без порядочного учителя, то было бы наивно воображать, будто способность к делу такой первостепенной важности, как управление государством, приходит к человеку сама собой.

3 В другой раз как-то Евфидем опять был там. Сократ видел, что он хочет уйти из собрания и опасается, как бы не подумали, что он преклоняется пред умом Сократа. По этому поводу Сократ сказал: Друзья, достигнув совершеннолетия[3], Евфидем непременно станет подавать советы согражданам, когда от имени государства будет предлагаться на обсуждение какой-нибудь вопрос[4]: это вполне видно по его действиям. Мне кажется, он уже приготовил превосходное вступление к своим речам в Народном собрании, опасаясь, как бы не подумали, что он чему-то у кого-то учится. Несомненно, он предпо-
4 шлет своей речи такое предисловие: «Ни у кого никогда ничему не учился я, афиняне, и, хотя слыхал, что есть хорошие ораторы и государственные деятели, я не искал встречи с ними; я не старался также, чтобы какой-нибудь специалист стал моим учителем; нет, как раз наоборот: я всегда не только избегал учиться чему-нибудь у кого-нибудь, но даже боялся, как бы не подумали этого. Тем не менее, что
5 мне само собою придет в голову, то и посоветую вам». Такое предисловие годилось бы и для канди-

дата на должность государственного врача[5]: было бы полезно ему начать речь такими словами: «Ни у кого никогда, афиняне, не учился я медицине и не искал случая, чтобы какой-нибудь врач стал моим учителем; я всегда не только остерегался научиться чему-нибудь у врачей, но даже боялся, как бы не подумали, что я изучал эту науку. Тем не менее дайте мне должность врача: я попробую учиться на вас». Все присутствовавшие посмеялись над таким предисловием.

6 Видно было, что Евфидем уже прислушивается к словам Сократа, но еще боится сам говорить и думает, что молчанием он придает себе вид скромности. Тогда Сократ решил отвадить его от этого. Странное дело, сказал он: кто выбирает своей профессией игру на кифаре или на флейте или верховую езду и тому подобное, тот старается как можно чаще практиковаться в области избранной им профессии, и притом не в одиночестве, а в присутствии лучших специалистов; он прилагает все усилия и не жалеет трудов, лишь бы не нарушать их советов, находя, что иным путем не может сделаться крупной величиной. А некоторые претенденты на роль оратора и государственного деятеля думают, что у них без подготовки и старания сама собою вдруг
7 явится способность к этому. Между тем работа в области государственной деятельности гораздо труднее, чем в области вышеупомянутых профессий,— настолько труднее, что хотя число работающих в этой области больше, число достигающих успеха меньше: отсюда видно, что будущему государственному деятелю нужны и занятия более продолжительные и более интенсивные, чем будущему специалисту в тех профессиях.

8 Вначале, когда Евфидем стал слушать, Сократ вел такие разговоры: но, заметив, что Евфидем охотнее остается во время его бесед и с бо́льшим интересом слушает, он пришел один в шорную мастерскую.

Когда Евфидем сел рядом с ним, он обратился к нему с таким вопросом: Скажи мне, Евфидем, правда ли, как я слышал, что ты собрал много сочинений известных ученых?

Да, клянусь Зевсом, Сократ, отвечал Евфидем, я продолжаю собирать, пока не соберу их возможно больше.

9 Клянусь Герой, сказал Сократ, я в восторге от тебя, что ты предпочел серебру и золоту сокровища мудрости: видно, ты убежден, что серебро и золото не делают человека нисколько лучше, а учение мудрецов обогащает добродетелью того, кто им владеет.

Евфидем рад был слышать такую похвалу: он думал, что Сократ находит правильным избранный им путь к образованию.

10 Заметив, что эта похвала обрадовала его, Сократ продолжал: Какую же специальность ты избрал себе, собирая эти книги?

Евфидем молчал, обдумывая ответ.

Тогда Сократ опять спросил его: Уж не врачом ли ты хочешь быть? Ведь и по медицине много есть сочинений.

Нет, клянусь Зевсом, отвечал Евфидем.

Уж не архитектором ли? И для этого нужен умный человек.

Нет, отвечал Евфидем.

Уж не землемером ли каким выдающимся ты желаешь сделаться, вроде Феодора [6]? спросил Сократ.

Нет, и не землемером, отвечал Евфидем.

Уж не астрономом ли хочешь сделаться? спросил Сократ.

Евфидем и на это отвечал отрицательно.

Уж не рапсодом ли? спросил Сократ. Говорят, у тебя есть все поэмы Гомера.

Нет, клянусь Зевсом, отвечал Евфидем, рапсоды, как мне известно, знают наизусть поэмы, а сами — круглые дураки [7].

11 Тут Сократ сказал: Уж наверно, Евфидем, ты стремишься приобрести не те качества, которые делают человека способным заниматься государственными делами и домашним хозяйством [8], быть правителем и приносить пользу другим и себе?

Мне как раз очень нужны такие качества, Сократ, отвечал Евфидем.

Клянусь Зевсом, сказал Сократ, ты стремишься приобрести прекрасные качества и искусство перво-

степенной важности: ведь такие качества — принадлежность царей и называются царскими. Не приходил ли тебе в голову такой вопрос, прибавил Сократ: возможно ли иметь эти качества, не будучи справедливым?

Конечно, приходил, отвечал Евфидем; да без справедливости нельзя быть хорошим гражданином.

a2 Что же? Ты, конечно, этого достиг? спросил Сократ.

Думаю, Сократ, отвечал Евфидем, я не меньше кого другого окажусь справедливым.

А у справедливых есть какие-нибудь дела, как есть дела у плотников? спросил Сократ.

Конечно, есть, отвечал Евфидем.

И справедливые могли бы рассказать, какие у них дела, как плотники могут показать свои дела? спросил Сократ.

Мне ли не уметь рассказать о делах справедливости? сказал Евфидем. Клянусь Зевсом, также и о делах несправедливости: немало таких дел каждый день можно видеть и слышать.

a3 Не хочешь ли, предложил Сократ, мы напишем здесь дельту, а здесь альфу [9]? Потом, что покажется нам делом справедливости, то будем ставить в графу с дельтой, а что — делом несправедливости, то в графу с альфой?

Если ты находишь это нужным, пиши, отвечал Евфидем.

14 Сократ написал буквы, как сказал, и потом спросил: Так вот, существует ли на свете ложь?

Конечно, существует, отвечал Евфидем.

Куда же нам ее поставить? спросил Сократ.

Несомненно, в графу несправедливости, отвечал Евфидем.

И обман существует? спросил Сократ.

Конечно, отвечал Евфидем.

А его куда поставить? спросил Сократ.

И его, несомненно, в графу несправедливости, отвечал Евфидем.

А воровство?

И его тоже, отвечал Евфидем.

А похищение людей для продажи в рабство [10]?

И его тоже.

А в графе справедливости ничего из этого у нас не будет поставлено, Евфидем?

Это был бы абсурд, отвечал Евфидем.

15 А что, если кто-нибудь, выбранный в стратеги, обратит в рабство и продаст жителей несправедливого неприятельского города, скажем ли мы про него, что он несправедлив?

Конечно, нет, отвечал Евфидем.

Не скажем ли, что он поступает справедливо?

Конечно.

А что, если он, воюя с ними, будет их обманывать?

Справедливо и это, отвечал Евфидем.

А если будет воровать и грабить их добро, не будет ли он поступать справедливо?

Конечно, отвечал Евфидем, но сперва я думал, что твои вопросы касаются только друзей.

Значит, сказал Сократ, что мы поставили в графу несправедливости, это все, пожалуй, следовало бы поставить и в графу справедливости?

По-видимому, так, отвечал Евфидем.

16 Так не хочешь ли, предложил Сократ, мы это так и поставим и сделаем новое определение, что по отношению к врагам такие поступки справедливы [11], а по отношению к друзьям несправедливы и по отношению к ним, напротив, следует быть как можно правдивее?

Совершенно верно, отвечал Евфидем.

17 А что, сказал Сократ, если какой стратег, видя упадок духа у солдат, солжет им, будто подходят союзники, и этой ложью поднимет дух у войска,— куда нам поставить этот обман?

Мне кажется, в графу справедливости, отвечал Евфидем.

А если сыну нужно лекарство и он не хочет принимать его, а отец обманет его и даст лекарство под видом пищи и благодаря этой лжи сын выздоровеет,— этот обман куда поставить?

Мне кажется, и его туда же, отвечал Евфидем.

А если кто, видя друга в отчаянии и боясь, как бы он не наложил на себя руки, украдет или отнимет у него меч или другое подобное оружие,— это куда поставить?

И это, клянусь Зевсом, в графу справедливости, отвечал Евфидем.

18 Ты хочешь сказать, заметил Сократ, что и с друзьями не во всех случаях надо быть правдивым?

Конечно, нет, клянусь Зевсом; я беру назад свои слова, если позволишь, отвечал Евфидем.

Да, сказал Сократ, лучше позволить, чем ставить
19 не туда, куда следует. А когда обманывают друзей ко вреду их (не оставим и этого случая без рассмотрения), кто несправедливее,— кто делает это добровольно или кто невольно?

Ах, Сократ, я уже не верю больше сам в свои ответы, потому что все, что я раньше говорил, мне представляется теперь в другом свете, чем я тогда думал,— но все-таки ответ мой будет, что добровольный лжец несправедливее невольного.

20 А как ты думаешь, существует изучение и знание справедливого, как грамоты?

Да.

А кого ты считаешь более грамотным,— кто добровольно пишет и читает неправильно или кто невольно?

Кто добровольно, потому что он может, когда захочет, делать это и правильно.

Значит, кто добровольно пишет неправильно, тот грамотный, а кто невольно,— безграмотный?

Как же иначе?

А справедливое кто знает,— добровольный лжец и обманщик или невольный?

Несомненно, добровольный.

Итак, знающий грамоту, по твоим словам, грамотнее не знающего?

Да.

И знающий справедливое справедливее не знающего [12]?

Очевидно; но, кажется, и это я говорю, сам не зная, как дошел я до этого утверждения.

21 А что, если человек, желающий говорить правду, никогда не говорит одного и того же об одном и том же? Например, если он, указывая одну и ту же дорогу, указывает ее то на восток, то на запад? Или, подводя итог, показывает в нем то больше, то меньше? Что ты думаешь о таком человеке?

Клянусь Зевсом, несомненно, он не знает того, что, как он думал, знает.

22 А известно ли тебе, что некоторых людей называют рабскими натурами [13]?

Да.

За знание или за незнание?

Несомненно, за незнание.

Что же, за незнание кузнечного дела они получают это название?

Конечно, нет.

Ну, так плотнического?

И не за это.

Ну, сапожного?

Ни за что подобное; наоборот, огромное большинство знающих такие ремесла — рабские натуры.

Так не к тем ли прилагается это название, кто не знает прекрасного, доброго, справедливого?

Мне так кажется, отвечал Евфидем.

23 Значит, всячески, изо всех сил надо стремиться к тому, чтоб нам не быть рабами [14].

Клянусь богами, Сократ, сказал Евфидем, я был уверен, что пользуюсь методом, который всего больше может способствовать образованию, подходящему для человека, стремящегося к нравственному совершенству. Теперь вообрази себе мое отчаяние, когда я вижу, что мои прежние труды не дали мне возможности отвечать даже на вопрос из той области, которая должна быть мне наиболее известна, а другого пути к нравственному совершенству у меня нет!

24 Тут Сократ спросил: Скажи мне, Евфидем, в Дельфы ты когда-нибудь ходил?

Даже два раза, клянусь Зевсом, отвечал Евфидем.

Заметил ты на храме где-то надпись: «Познай самого себя» [15]?

Да.

Что же, к этой надписи ты отнесся безразлично или обратил на нее внимание и попробовал наблюдать, что ты собою представляешь?

Конечно, нет, клянусь Зевсом: я воображал, что это-то уж вполне знаю: едва ли я знал бы что-нибудь еще, если бы не знал даже самого себя.

25 Как ты думаешь, кто знает себя,— тот ли кто знает только имя свое, или тот, кто узнал свои способности, делая наблюдения над собой, какими он обладает качествами для того, чтобы пользоваться людьми, подобно тому, как при покупке лошадей покупатель только тогда считает себя знающим лошадь, которую он хочет узнать, когда произведет наблюдения над ней,— смирная она или с норовом, сильная или слабая, быстрая или медленная и вообще каковы ее свойства, положительные и отрицательные, касающиеся пользования лошадью? Таким
26 образом, кажется мне, кто не знает своих слабостей, не знает себя. А то разве не очевидно, продолжал Сократ, что знание себя дает людям очень много благ, а заблуждение относительно себя — очень много несчастий. Кто знает себя, тот знает, что для него полезно, и ясно понимает, что он может и чего он не может. Занимаясь тем, что знает, он удовлетворяет свои нужды и живет счастливо, а не берясь за то, чего не знает, не делает ошибок и избегает несчастий. Благодаря этому он может определить ценность также и других людей и, пользуясь также ими, извле-
27 кает пользу и оберегает себя от несчастий. Напротив, кто не знает себя и имеет ошибочное представление о своих способностях, тот находится в таком же положении и по отношению ко всем людям и ко всем человеческим делам: он не знает своих нужд, не понимает, что делает, не знает людей, с которыми имеет дело, а обо всем этом имеет превратное понятие и чрез это не получает пользы и впадает в не-
28 счастия. Кто знает, что делает, тот, благодаря успеху в делах, достигает славы и почета; люди, подобные ему, охотно имеют с ним дело, а неудачники желают, чтоб он помогал им советом, защищал их, возлагают на него свои падежды на счастье и за все
29 это ценят его выше всех. Напротив, кто не знает, что делает, не умеет выбрать себе занятия, терпит неудачу во всем, за что ни возьмется, и не только за самое предприятие подвергается штрафу и личному наказанию, но также получает дурную репутацию за это, попадает в смешное положение и живет в презрении и бесчестии. Как видишь, и государства, которые, не зная своих сил, начинают войну с сильны-

ми противниками, или подвергаются разрушению, или попадают в рабство после прежней свободы.

30 Тут Евфидем сказал: Я вполне убедился, Сократ, что познавать себя — дело первостепенной важности,— в этом будь уверен; но с чего начать наблюдение за собой? Надеюсь, ты будешь так добр, объяснишь мне это.

31 Так вот, отвечал Сократ, что такое добро и зло, думаю, ты знаешь в совершенстве.

Клянусь Зевсом, да, отвечал Евфидем, уж если я и этого не знаю, я был бы хуже всякого раба.

Ну, так объясни это и мне, сказал Сократ.

Не мудрено это, отвечал Евфидем: прежде всего, само здоровье я считаю добром, а болезнь злом; а затем из предметов, являющихся причиной того или другого, как, например, шитье, пища, образ жизни, те, которые ведут к здоровью, я считаю добром, а которые к болезни,— злом.

32 Значит, также и здоровье и болезнь, когда они являются причиной какого-нибудь добра, будут добром, а когда причиной зла,— злом, сказал Сократ.

Но когда же, возразил Евфидем, здоровье может стать причиной зла, а болезнь — добра?

Тогда, клянусь Зевсом, отвечал Сократ, когда люди, принявшие участие благодаря своей силе в каком-нибудь позорном походе, вредном морском предприятии и тому подобном, погибают, а оставшиеся дома по случаю слабости бывают целы.

Верно, согласился Евфидем, однако, как видишь, и в полезных предприятиях одни принимают участие благодаря своей силе, другие по случаю слабости остаются дома.

Если так, отвечал Сократ, то на каком основании такие вещи, которые то полезны, то вредны, считать добром, а не злом? Клянусь Зевсом, никакого основания для этого не видать: так по-твоему выходит.

33 Ну, уж ум, Сократ,— бесспорно, благо: разве есть такое дело, которое умный не сделает лучше, чем невежда?

Как так? сказал Сократ. А историю с Дедалом [16] разве ты не слыхал, как его захватил Минос за его ум, сделал своим рабом, лишив при этом и родины и свободы, как Дедал при попытке к бегству вместе

с сыном потерял сына, да и сам не мог спастись, а его занесло ветром к варварам, и он там опять служил рабом?

Да, клянусь Зевсом, есть такой рассказ, отвечал Евфидем.

А что вытерпел Паламед [17], не слыхал? Про него все поэты говорят, что Одиссей погубил его из зависти к его уму.

Да, и такой рассказ есть, отвечал Евфидем.

А сколько других, как ты думаешь, насильно уведено к персидскому царю вследствие их ума, и им пришлось быть там в рабстве?

34 Вполне несомненное благо, Сократ, это, по-видимому, счастье, сказал Евфидем.

Да, Евфидем, отвечал Сократ, если не составлять его из сомнительных благ.

А что может быть сомнительным из того, что дает счастье? спросил Евфидем.

Ничего, отвечал Сократ, если только мы не будем относить к нему красоту, силу, богатство, славу и тому подобное.

Нет, клянусь Зевсом, будем относить, отвечал Евфидем: какое же счастье может быть без этого?

35 Значит, клянусь Зевсом, отвечал Сократ, мы будем относить к счастью много такого, что доставляет людям массу неприятностей: многие вследствие красоты развращаются людьми, которые сходят с ума от страсти к красивым мальчикам; многие вследствие силы берутся за дело, превышающее их силу, и впадают в немалые несчастия; многие вследствие богатства становятся избалованными, делаются жертвой интриг и погибают; многие вследствие славы и влияния в государстве терпят большие беды.

36 Но уж если с моей стороны является ошибкой хвалить даже счастье, то, признаюсь, я не знаю даже, о чем молиться богам, сказал Евфидем.

Ну, об этом, может быть, ты и не размышлял,— вполне был уверен, что знаешь это, сказал Сократ. Но так как ты готовишься быть во главе демократического государства, то, без сомнения, знаешь, что такое демократия.

Еще бы не знать! отвечал Евфидем.

37 Так, возможно ли, по-твоему, знать демократию, не зная демоса?

Клянусь Зевсом, нет.

А демос что такое, знаешь ты?

Думаю, что знаю.

Что же такое, по-твоему, демос?

По-моему, это — бедные граждане.

Стало быть, ты знаешь бедных?

Как же не знать?

Так, ты знаешь и богатых?

Ничуть не хуже, чем бедных.

Каких же людей называешь ты бедными и каких богатыми?

У кого нет достаточных средств на насущные потребности, те, думаю,— бедные, а у кого их больше чем достаточно, те — богатые.

38 А замечал ли ты, что некоторым, при самых ничтожных средствах не только хватает их, но еще возможно делать сбережения из них, а некоторым недостает даже очень больших?

Да, клянусь Зевсом, отвечал Евфидем,— хорошо, что ты мне напомнил,— я знаю даже тираннов [18], которые по недостатку средств, точно крайние бедняки, вынуждены бывают прибегать к незаконным мерам.

39 Если это так, отвечал Сократ, то тираннов мы причислим к демосу, а владеющих небольшими средствами, если они домовиты,— к богатым.

Тут Евфидем сказал: вынуждает меня и с этим согласиться, очевидно, мое скудоумие; и я думаю, не лучше ли всего будет мне молчать: по-видимому, я ровно ничего не знаю.

После этого Евфидем ушел в совершенном отчаянии, полный презрения к себе, считая себя подлинно рабской натурой.

40 Многие, доведенные до такого состояния Сократом, больше к нему не подходили; Сократ считал их тупицами. Но Евфидем сообразил, что ему нельзя стать сколько-нибудь известным, если он не будет как можно чаще пользоваться обществом Сократа; поэтому он больше не отходил от него, кроме случаев крайней необходимости; кое в чем он даже подражал Сократу в его образе жизни. Когда Сократ

убедился в таком его настроении, он уже перестал смущать его разными вопросами, но вполне прямо и ясно излагал, что, по его мнению, следует знать человеку и чем лучше всего руководиться в своих действиях.

Глава 3

РАЗГОВОР С ЕВФИДЕМОМ О БОГАХ

1 Сократ не спешил вооружить своих друзей искусством слова, опытностью в практической деятельности, находчивостью: он считал необходимым, чтобы они прежде этого твердо усвоили принципы нравственности. Люди, обладающие этими способностями без нравственности, думал он, бывают более несправедливы и способны делать зло другим.

2 Прежде всего он старался внушить им принципы нравственности в религиозном отношении. Другие рассказывали о таких его беседах с разными лицами, при которых они присутствовали; а я был свидетелем вот какой его беседы с Евфидемом.

3 Скажи мне, Евфидем, приходила ли тебе в голову когда-нибудь мысль о том, как заботливо боги уготовали все, в чем люди нуждаются?

Нет, клянусь Зевсом, отвечал Евфидем.

Но ты знаешь, конечно, сказал Сократ, что прежде всего нам нужен свет и что боги даруют нам его?

Да, клянусь Зевсом, отвечал Евфидем, если бы у нас не было его, мы были бы похожи на слепых, хоть и есть у нас глаза.

Затем, нам нужен отдых, и боги даруют нам почь, лучшее средство для отдыха.

Да, и за это мы должны быть им очень благодарными, сказал Евфидем.

4 А так как солнце своим светом дает нам возможность ясно распознавать время дня и все прочее, а ночью не так ясно все видно, не потому ли боги зажгли ночью звезды, которые показывают нам время ночи, что дает нам возможность делать многое, что нам необходимо?

Да, это так, отвечал Евфидем.

Затем, луна показывает нам не только части ночи, но и части месяца.

Конечно, отвечал Евфидем.

5 А что сказать о том, что боги производят нам из земли пищу, которая нам нужна, и даруют подходящие для этого времена года, которые приносят нам в обилии всевозможные предметы не только для удовлетворения наших насущных потребностей, но и для удовольствия?

И в этом видна их большая любовь к людям, отвечал Евфидем.

6 А что боги дают нам такой драгоценный дар, как воду, которая помогает земле и временам года рождать и возвращать все полезное нам и питать нас самих, примесь которой ко всяким питающим нас веществам делает их более удобоваримыми, полезными, вкусными, которую даруют они в таком изобилии ввиду того, что нам нужно ее очень много?

И в этом видна их забота, отвечал Евфидем.

7 А что боги дали нам огонь, защитника от холода, защитника от темноты, помощника во всяком ремесле и во всех работах, производимых людьми себе в пользу? Словом сказать, ни одного предмета, полезного в жизни, сколько-нибудь заслуживающего внимания, люди не делают без огня.

Да, и это — акт величайшей их любви к людям, сказал Евфидем.

8 А что солнце после зимнего поворота подходит, одни растения доводя до зрелости, другие, которым время прошло, высушивая; и, исполнив это, уже не подходит ближе, а поворачивает назад, остерегаясь, как бы не повредить нам чрезмерным теплом, и, когда на обратном пути дойдет до места, где и нам уже видно, что если оно отойдет еще дальше, то мы замерзнем от холода, оно опять поворачивает, подходит и пребывает в такой части неба, где может принести нам пользы больше всего?

Клянусь Зевсом, отвечал Евфидем, очень похоже, что и это делается ради людей.

9 А так как очевидно и то, что мы не могли бы вынести ни жары, ни холода, в случае их внезапного наступления, то солнце подходит так постепенно и отходит так постепенно, что мы незаметно попадаем

в ту или другую крайнюю температуру. Что сказать об этом?

Я теперь уже начинаю думать, отвечал Евфидем, есть ли у богов какое другое дело, кроме попечения о людях; одно только то меня удерживает, что и другие все животные пользуются этими благами.

10 Да разве не очевидно и то, возразил Сократ, что и животные рождаются и вскармливаются ради людей? Какое другое существо получает от коз, овец, коров, лошадей, ослов и прочих животных столько благ, сколько люди? Мне кажется, больше, чем от растений: во всяком случае люди питаются и обогащаются от животных ничуть не меньше, чем от растений, а большая часть людей не употребляет в пищу произведений земли, а живет, питаясь от стад молоком, сыром и мясом; кроме того, все люди приручают и усмиряют полезных животных и пользуются их помощью для войны и для многих других целей.

Согласен с тобою и в этом, отвечал Евфидем: как я вижу, даже те животные, которые гораздо сильнее нас, настолько покорны людям, что они делают с ними, что хотят.

11 Так как много на свете есть предметов красивых и полезных, но отличающихся друг от друга, то боги даровали людям чувства, соответствующие каждому предмету, посредством которых мы наслаждаемся всеми благами. Кроме того, они вложили в нас разум, посредством которого мы размышляем и вспоминаем о своих чувственных восприятиях, понимаем, на что какая вещь полезна, и придумываем разные средства, благодаря которым пользуемся добром 12 и защищаемся от зла. Боги дали нам также способность речи, которая доставляет нам возможность давать друг другу участие во всех благах путем ученья и самим пользоваться ими сообща с другими, законодательствовать и жить государственной жизнью. Что сказать об этом?

Очень похоже, Сократ, что боги проявляют большую заботу о людях.

Так как мы не можем предвидеть, что нам полезно в будущем, боги и в этом случае нам помогают, указывая вопрошающим их посредством гаданий, ка-

кой будет исход дела, и давая наставление, как лучше всего его сделать.

А к тебе, Сократ, сказал Евфидем, боги относятся, по-видимому, еще дружественнее, чем к другим: ты их даже не вопрошаешь, а они тебе дают указания, что делать и чего не делать [1].

13 Что я все-таки говорю правду, и ты убедишься, если не будешь дожидаться, когда увидишь богов в их образе [2], но удовольствуешься созерцанием дел богов для того, чтобы с благоговением чтить их. Имей в виду, что и сами боги указывают этот путь: как все они даруют нам свои блага, не являясь нам воочию, так и тот, кто держит в стройном порядке вселенную, где все прекрасно и хорошо, и предоставляет в пользование людям ее вечно чуждой тления, болезни, старости и безошибочно быстрее мысли исполняющей его волю,— и этот бог, великие деяния которого мы видим, остается незримым для нас,
14 когда он правит вселенной. Имей в виду также, что и солнце, которое как будто для всех видимо, не дозволяет, однако, людям пристально рассматривать его, но если кто вздумает дерзновенно взглянуть на него, у того оно отнимает зрение. Слуги богов, как ты убедишься, тоже невидимы: так, молния — что она спускается сверху, видно, и что все, с чем встречается, одолевает; но нельзя заметить, как она подходит, как ударит, как уходит; точно так же ветров самих не видать, но действия их нам видны, и приближение их мы чувствуем. Наконец, и душа человека, которая более, чем что-либо другое в человеке, причастна божества, царит в нас,— это ясно,— но сама она невидима. Это надо иметь в виду и не относиться с презрением к вещам невидимым, а постигать их силу на основании их проявлений и чтить божество.

15 Что касается меня, Сократ, отвечал Евфидем, то к божеству я не буду относиться невнимательно,— в этом я твердо уверен; но меня приводит в отчаяние вот что: мне кажется, никто на свете никогда не может воздать достойной благодарности богам за их благодеяния.

16 Нет, Евфидем, из-за этого не отчаивайся, сказал Сократ: когда Дельфийского бога вопрошают, как

делать угодное богам, ты видишь, он отвечает: «по обычаю государства»; а обычай, как известно, везде такой: умилостивлять богов жертвами сообразно со средствами [3]. Как же можно чтить богов лучше, благоговейнее, как не поступая согласно их собственно-
17 му велению? Однако не следует жалеть средств на жертвы: когда человек так поступает, тогда он, очевидно, не уважает богов. Таким образом, если чтить богов сообразно со средствами, нисколько не меньше, то надо без боязни ожидать величайших благ: ни один здравомыслящий человек не может ожидать бо́льших благ ни от кого другого, как от тех, кто имеет силу оказывать величайшие благодеяния, и не может ожидать их ни в каком другом случае больше, чем если он будет им угоден; а угодить им ничем нельзя так, как возможно большим повиновением им.

18 Такими беседами и своими собственными поступками Сократ способствовал развитию в окружавших его лицах религиозных чувств и нравственности.

Глава 4

РАЗГОВОР С ГИППИЕМ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

1 Что касается справедливости, то он тоже не скрывал своего мнения, но обнаруживал его и на деле: в частной жизни он ко всем относился терпимо и был всем полезен; в общественной жизни, при исполнении всех предписаний закона как в городе, так и в походах он оказывал такое повиновение властям, что исключительная строгость соблюдения им дис-
2 циплины бросалась всем в глаза. Когда он однажды был председателем в Народных собраниях [1], он не позволил народу сделать противозаконное постановление, но, руководясь законами, воспротивился такому давлению со стороны народа, какого, думаю, не вы-
3 держал бы никто на свете. Когда члены коллегии Тридцати отдавали ему какой-нибудь противозаконный приказ, он не исполнял его: так, когда они запрещали ему беседы с молодежью [2] или приказали

ему и нескольким другим гражданам привести одного человека на казнь [3], он один отказался это исполнить ввиду незаконности приказа. Когда Мелет привлек его к суду, он не захотел прибегнуть к обычным в судебной практике противозаконным приемам: обыкновенно подсудимые говорят судьям что-нибудь приятное, льстят, обращаются к ним с просьбами, что воспрещается законом [4], и благодаря таким уловкам часто получают оправдание; но Сократ, которого судьи оправдали бы без затруднения, если бы он хоть в малой степени воспользовался этими средствами, предпочел соблюдать законы и умереть, чем преступать их и жить.

5 В этом смысле Сократ часто высказывался и в своих разговорах с разными лицами; мне известно, что однажды он вел такую беседу и с Гиппием [5] из Элиды о справедливости.

Гиппий, долгое время не бывший в Афинах, пришел туда и присутствовал при разговоре Сократа с какими-то лицами на такую тему: если кто хочет отдать кого-нибудь в ученье плотническому ремеслу или сапожному, или верховой езде, он не затрудняется, куда его послать для этой цели; некоторые уверяют даже, что если кто хочет лошадь или вола сделать пригодным к работе, то везде найдет массу учителей для них; но, странное дело, если кто хочет сам ли научиться справедливости или отдать в обучение ей сына или слугу, то не знает, куда идти для этой цели.

6 Услышав это, Гиппий как будто в насмешку над ним сказал: Ты все еще, Сократ, говоришь то же самое, что я давно когда-то от тебя слышал?

А что еще страннее, отвечал Сократ, я говорю всегда не только одно и то же, но и об одном и том же; а ты, может быть, благодаря своей многосторонней учености, никогда не говоришь об одном и том же одного и того же.

Разумеется, отвечал Гиппий, я стараюсь всегда сказать что-нибудь новое.

7 Неужели даже о таком предмете, который ты вполне знаешь? спросил Сократ. Например, если кто спрашивает тебя о буквах, сколько их и какие в слове «Сократ», прежде ты говорил одно, а теперь ста-

раешься говорить другое? Или кто спрашивает тебя о числах, правда ли, что дважды пять — десять, ты теперь даешь ответ не тот, что прежде?

О таких вещах, Сократ, отвечал Гиппий, я, как и ты, говорю всегда одно и то же; но о справедливости, вполне уверен, я могу сказать теперь нечто такое, на что и ты и никто другой не в силах будет возразить.

8 Клянусь Герой, сказал Сократ, твое открытие — великое счастье для людей: судьи не будут больше подавать разноречивые мнения; граждане не будут больше спорить о справедливости, вести судебные процессы, устраивать революции; государства не будут больше враждовать из-за справедливости и вести войны. А уж что меня касается, так я, конечно, не отстану от тебя, пока не услышу твоего рассказа об открытии такого великого счастья.

9 Нет, клянусь Зевсом, отвечал Гиппий, ты этого не услышишь, пока сам не выскажешь своего мнения о справедливости: довольно с тебя и того, что ты над другими насмехаешься,— предлагаешь всем вопросы и опровергаешь их, а сам никому не хочешь дать отчета и ни о чем не хочешь высказать своего мнения.

10 Как ты, Гиппий? отвечал Сократ. Разве ты не заметил, что я непрестанно показываю людям, что я считаю справедливым?

В каких же словах ты это показываешь? спросил Гиппий.

Если не словом, то делом показываю, отвечал Сократ. Или, по-твоему, дело — менее убедительное доказательство, чем слово?

Клянусь Зевсом, гораздо более убедительное, отвечал Гиппий: у многих на языке справедливость, а поступки несправедливые; а кто поступает справедливо, из тех ни один не может быть несправедлив.

11 Так, замечал ли ты когда, чтобы я давал ложное свидетельство или делал ложный донос, или ссорил друзей, или в городе сеял смуту, или вообще совершал какой-нибудь несправедливый поступок?

Нет, отвечал он.

А избегать несправедливых поступков — это разве не считаешь ты делом справедливым?

Видно, Сократ, сказал Гиппий, ты и теперь стараешься ускользнуть и не хочешь высказать своего мнения, что такое, по-твоему, справедливость: ты говоришь не про то, что делают справедливые, а чего не делают.

12 Да я думал, отвечал Сократ, что нежелание поступать несправедливо есть достаточное доказательство справедливости. Если ты с этим не согласен, посмотри, может быть, тебе больше понравится вот что: я говорю: что законно, то справедливо.

По-твоему, Сократ, законное и справедливое — одно и то же?

Да, отвечал Сократ.

13 Но я не больше понимаю, какого человека ты называешь законником, чем то, какого называешь справедливым.

О законах государственных ты имеешь сведения? спросил Сократ.

Да, отвечал Гиппий.

Что же такое они, по-твоему?

Это то, что граждане по общему соглашению написали, установив, что должно делать и от чего надо воздерживаться, сказал Гиппий.

Значит, продолжал Сократ, законник будет тот, кто в своей гражданской деятельности руководится этим, а беззаконник — кто это нарушает?

Конечно, отвечал Гиппий.

Значит, и справедливо поступает, кто повинуется законам, а несправедливо — кто не повинуется им?

Конечно, отвечал Гиппий.

Значит, кто справедливо поступает, справедлив, а кто несправедливо — несправедлив?

Как же иначе?

Следовательно, законник справедлив, а беззаконник — несправедлив?

14 Тут Гиппий сказал: А разве можно, Сократ, придавать серьезное значение законам и повиновению им, когда сами творцы их часто отменяют их и переделывают?

Но ведь часто бывает, возразил Сократ, что и войну государство объявит, а потом опять заключит мир.

Разумеется, отвечал Гиппий.

Ты невысокого мнения о тех, кто повинуется законам, ввиду того, что законы могут быть отменены, сказал Сократ. А если бы ты стал порицать тех, кто соблюдает дисциплину на войне на том основании, что может быть заключен мир, была бы тут разница,— как ты думаешь? Или, может быть, ты относишься отрицательно и к тем, кто во время войны готов прийти на помощь отечеству?

Нет, клянусь Зевсом, отвечал Гиппий.

15 Заметил ли ты, спросил Сократ, что спартанец Ликург[6] нисколько не возвысил бы Спарту над другими государствами, если бы не вселил в нее в высокой степени дух повиновения законам? Правители в государствах — разве ты этого не знаешь? — самые лучшие те, которые являются главными виновниками того, что граждане повинуются законам. Государство, в котором граждане наиболее повинуются законам, и в мирное время благоденствует и на войне
16 неодолимо. Далее, единодушие граждан, по общему мнению, есть величайшее благо для государства; очень часто там совет старейшин и лучшие люди увещевают граждан быть единодушными; везде в Элладе есть закон, чтобы граждане давали клятву жить в единодушии, и везде эту клятву дают. Думаю я, это делается не для того, чтобы граждане присуждали награду одним и тем же хорам, чтобы хвалили одних и тех же флейтистов, чтобы отдавали преимущество одним и тем же поэтам, чтобы вообще находили удовольствие в одних и тех же предметах, но чтобы повиновались законам. Если граждане соблюдают их, то государства бывают очень сильны и благоденствуют; а без единодушия ни государство, ни домашнее хозяйство процветать не могут. Обра-
17 тимся к частной жизни: кто реже подвергается наказанию со стороны государства, кто чаще получает награды? Тот, кто повинуется законам. Кто в суде реже проигрывает дела, кто чаще выигрывает? Кому лучше можно вверить охрану имущества, сыновей, дочерей? Кого государство в целом своем составе признает более заслуживающим доверия, как не того, кто соблюдает законы? От кого скорее могут получить, что следует по праву, родители, родные, слу-

ги, друзья, сограждане, иностранцы? Кому неприятели больше поверят при заключении перемирия, договора, соглашения о мире? С кем всякий охотнее вступит в союз, как не с тем, кто соблюдает законы? Кому союзники скоро вверят предводительство на войне, начальство над гарнизоном, свои города? От кого скорее можно рассчитывать получить благодарность за оказанное благодеяние, как не от того, кто соблюдает законы? Кому скорее можно оказать благодеяние, как не тому, от кого надеешься получить благодарность? С кем всякий больше захочет быть в дружбе, как не с таким, и с кем меньше захочет быть во вражде? С кем всякий меньше захочет воевать, как не с тем, с кем больше всего желает быть в дружбе и меньше всего во вражде и с кем очень многие желают быть друзьями и союзниками и очень немногие — личными врагами и неприятелями на поле битвы? Итак, Гиппий, мое мнение таково, что законное и справедливое — одно и то же; если ты держишься противного мнения, скажи.

Нет, клянусь Зевсом, Сократ, отвечал Гиппий, мне кажется, мое мнение о справедливости не расходится с тем, которое ты высказал.

О неписаных каких-нибудь законах, Гиппий, ты имеешь сведения? спросил Сократ.

Да, отвечал Гиппий, это те, которые признаются одинаково во всякой стране.

Можешь ли ты сказать, продолжал Сократ, что их установили себе люди?

Как же они сделали бы это, когда они не могут все сойтись в одно место и не говорят на одном языке?

Так, кто же, по-твоему, установил эти законы? спросил Сократ.

Я думаю, отвечал Гиппий, боги дали эти законы людям: во всем мире первый закон — чтить богов.

И родителей почитать — тоже всеобщий закон?

И это тоже, отвечал Гиппий.

Закон также, чтобы ни родители не вступали в брачный союз с детьми, ни дети с родителями?

Это, Сократ, отвечал Гиппий, как мне кажется, уже не божеский закон.

Почему же? спросил Сократ.

Потому что, отвечал Гиппий, некоторые преступают его, как я вижу.

21 И в других случаях часто поступают вопреки законам, отвечал Сократ; но, поверь мне, кто преступает законы, установленные богами, тот несет кару, которой человеку никоим образом нельзя избежать, как избегают кары некоторые, преступающие законы человеческие,— или скрываясь или прибегая к насилию.

22 Какой же кары, Сократ, не могут избежать родители, вступающие в брачный союз с детьми, и дети с родителями? спросил Гиппий.

Самой тяжкой, кляпусь Зевсом, отвечал Сократ. Какая кара может быть тяжелее для тех, кто рождает детей, как рождение дурных детей?

23 Как же случается, спросил Гиппий, что они рождают дурных детей,— если они сами хороши и если им ничто не мешает производить детей от хороших женщин?

Кляпусь Зевсом, отвечал Сократ, люди, производящие детей, должны быть не только хорошими, но и находиться в цветущем возрасте. Или ты думаешь, что семя человека в цветущем возрасте похоже на семя того, кто еще не достиг этого возраста или уже перешел его?

Кляпусь Зевсом, сказал Гиппий, надо думать, не похоже.

У кого же лучше? спросил Сократ.

Несомненно, у того, кто в цветущем возрасте, отвечал Гиппий.

Значит, у того, кто не в этом возрасте, оно не доброкачественно?

Надо думать, что нет, кляпусь Зевсом, отвечал Гиппий.

Стало быть, в этом возрасте не до́лжно рождать детей?

Конечно, нет, отвечал Гиппий.

Стало быть, кто рождает детей в этом возрасте, рождает их не так, как до́лжно?

Я думаю, да, отвечал Гиппий.

Кто же другой может рождать дурных детей, как не они? спросил Сократ.

Согласен с тобою и в этом, отвечал Гиппий.

24 Еще вопрос: платить за добро добром не везде ли признают законным?

Да, признают законным, отвечал Гиппий, однако и этот закон преступают.

А кто преступает его, не несет ли кару в виде того, что его покидают хорошие друзья и ему приходится цепляться за людей, ненавидящих его? Не правда ли, кто делает добро окружающим его лицам, тот — хороший друг, а кто не платит добром такому человеку, те возбуждают в нем ненависть своей неблагодарностью, но, так как им очень выгодно общение с таким человеком, они изо всех сил цепляются за него?

Клянусь Зевсом, Сократ, отвечал Гиппий, похоже, что все это установлено богами; тот факт, что эти законы заключают сами в себе кару для преступающих их, мне кажется, свидетельствует о законодателе более совершенном, чем человек.

25 А как думаешь ты, Гиппий,— боги в своих законах предписывают справедливое или что-нибудь отличное от справедливости?

Нет, клянусь Зевсом, не отличное от справедливости, отвечал Гиппий: едва ли кто другой, кроме бога, может предписать в законе справедливое.

Значит, Гиппий, и богам угодно, чтобы законное и справедливое было одно и то же.

Так Сократ словом и делом развивал в близких к нему лицах чувство справедливости.

Глава 5

О ВОЗДЕРЖНОСТИ

a А теперь я расскажу, как Сократ развивал в друзьях своих способность к практической деятельности. Исходя из принципа, что для всякого, кто хочет чем-нибудь прославиться, обладание воздержностью — счастье, Сократ прежде всего сам являл собою окружающим его пример воздержности в такой степени, в какой ею не обладал никто на свете; затем, и беседами своими он старался направить друb зей своих главным образом к воздержности. Поэтому

он и сам постоянно помнил о том, что способствует нравственному совершенству, и всем друзьям об этом напоминал. Мне известно, что однажды он вел такую беседу и с Евфидемом о воздержности.

Скажи мне, Евфидем, как ты думаешь, свобода — прекрасное, великое достояние как отдельного человека, так и целого государства?

Как нельзя более, отвечал Евфидем.

3 Так вот кто находится под властью чувственных наслаждений и из-за них не может поступать наилучшим образом, тот, по-твоему, свободен?

Никоим образом, отвечал Евфидем.

Верно, ты находишь, что свобода состоит в том, чтоб поступать наилучшим образом, а потому иметь людей, мешающих поступать так, считаешь отсутствием свободы?

Совершенно верно, отвечал Евфидем.

4 Значит, невоздержные люди кажутся тебе совершенно несвободными?

Несомненно так, клянусь Зевсом.

Как же ты думаешь, невоздержным только мешают поступать благородно или еще заставляют поступать подло?

Я думаю, их не в меньшей степени заставляют делать последнее, чем мешают делать первое.

5 Каковы же господа, по-твоему, которые мешают делать хорошее, а заставляют делать дурное?

Самые скверные, какие только могут быть, клянусь Зевсом, отвечал Евфидем.

А какое рабство, по-твоему, самое скверное?

По-моему, рабство у самых скверных господ, отвечал Евфидем.

Значит, невоздержные находятся в самом скверном рабстве?

Мне думается, да, отвечал Евфидем.

6 Не находишь ли ты, что невоздержность удаляет от человека мудрость, это высшее благо, и ввергает его в противоположное состояние? Или, может быть, ты не думаешь, что она мешает человеку устремлять внимание на полезное и изучать это, отвлекая его к наслаждениям, и часто побуждает его отдавать предпочтение худшему перед лучшим, отнимая разум, хотя он понимает, что хорошо и что дурно?

Бывает это, отвечал Евфидем.

7 А уменье властвовать собой кому так мало свойственно, как невоздержному? Ясно, что действия человека, властвующего собой, и невоздержного совершенно противоположны.

Согласен и с этим, отвечал Евфидем.

А для занятия каким-нибудь делом, как ты думаешь, есть ли бóльшая помеха, чем невоздержность?

Не думаю, отвечал Евфидем.

А как ты думаешь, есть ли для человека что-нибудь хуже, чем страсть, побуждающая его отдавать предпочтение вредному перед полезным, склоняющая его о вредном заботиться, а полезное оставлять без внимания и заставляющая его делать противоположное тому, что делает человек, умеющий властвовать собой?

Ничего нет, отвечал Евфидем.

8 Естественное следствие отсюда то, что воздержность является у человека причиной действий, противоположных действиям невоздержности?

Конечно, отвечал Евфидем.

Естественное следствие отсюда то, что и та причина противоположных действий есть что-то в высшей степени хорошее?

Да, так должно быть, отвечал Евфидем.

Из этого следует, Евфидем, сказал Сократ, что воздержность есть что-то в высшей степени хорошее для человека?

Следует, Сократ, отвечал Евфидем.

9 А приходило ли тебе когда в голову, Евфидем, вот что?

Что? спросил Евфидем.

Что даже к наслаждениям, к которым только и ведет, по-видимому, людей невоздержность, на самом деле она не может привести, а, наоборот, воздержность доставляет больше всего радостей?

Как же это? спросил Евфидем.

Невоздержность не дозволяет терпеть ни голода, ни жажды, ни любовных томлений, ни бессонных ночей, а между тем чрез это только и можно с удовольствием есть, пить, предаваться любви, с удовольствием отдыхать и спать, если подождать и по-

терпеть до той поры, когда все это станет приятным в самой высокой степени; таким образом, невоздержность мешает наслаждаться, как следует, самыми необходимыми удовольствиями, которые постоянно доступны человеку. Напротив, только одна воздержность дает человеку возможность терпеть названные сейчас неудобства, и одна только она дает ему возможность наслаждаться в этих случаях, как следует.

Совершенная правда, отвечал Евфидем.

10 Наконец, если нужно приобрести какие-нибудь полезные, благородные сведения и заниматься одной из таких наук, которые дают человеку возможность укрепить тело, хорошо вести хозяйство, приносить пользу друзьям и отечеству, одолеть врагов,— наук, от которых бывает не только польза, но и огромное удовольствие, то воздержные этими предметами занимаются и получают пользу и удовольствие, а невоздержные не имеют к ним ни малейшего отношения. Кому, в самом деле, все подобное чуждо в такой степени, как не им? Они поглощены стремлением к удовольствиям, которые даются без усилий, и не имеют возможности заниматься этими предметами.

11 Тут Евфидем сказал: Ты хочешь сказать, по-видимому, Сократ, что человеку, не могущему бороться с чувственными наслаждениями, совершенно чужда всякая добродетель?

Да, Евфидем, отвечал Сократ, чем же отличается человек невоздержный от животного самого неразумного? Кто не задается высокими целями, а гонится всеми способами только за наслаждениями, чем может тот отличаться от безрассудных скотов? Нет, только воздержные могут задаваться высокими целями и, разделяя в теории и на практике предметы по родам, хорошим отдавать предпочтение, а дурных избегать.

12 При таком методе [1], говорил Сократ, люди становятся высоконравственными, очень счастливыми и весьма способными к диалектике. Да и слово «диалектика» [2], говорил он, произошло оттого, что люди, совещаясь в собраниях, разделяют предметы по родам. Поэтому надо стараться как можно лучше под-

готовиться к этому и усердно заниматься этим: таким путем люди становятся в высшей степени нравственными, способными к власти и искусными в диалектике.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «БЛАГОЧЕСТИЕ», «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» И ДРУГИХ

1 Я попытаюсь рассказать также о том, как Сократ развивал в своих друзьях способность к диалектике. Сократ держался такого мнения: если кто знает, что такое данный предмет, то он может объяснить это и другим; а если не знает, то нисколько не удивительно, что он и сам ошибается и вводит в ошибку других. Ввиду этого он никогда не переставал заниматься с друзьями исследованием вопросов, что такое каждый предмет. Приводить все его определения понятий было бы делом большим [1], поэтому я ограничусь лишь теми определениями, на которых надеюсь показать его метод исследования.

2 Прежде всего он исследовал вопрос о благочестии приблизительно так.

Скажи мне, Евфидем, спросил он, что за вещь, по-твоему, благочестие?

Прекрасная, клянусь Зевсом, отвечал Евфидем.

Так, можешь ли ты сказать, что за человек — благочестивый?

Мне кажется, отвечал Евфидем, это тот, кто чтит богов.

А можно ли чтить богов, как кому вздумается?

Нет, есть законы, на основании которых должно чтить богов.

Следовательно, кто знает эти законы, может знать, как должно чтить богов?

Думаю, что так, отвечал Евфидем.

3 Следовательно, кто знает, как должно чтить богов, думает, что это должно делать не иначе, а именно так, как он знает?

Конечно, не иначе, отвечал Евфидем.

А чтит ли кто богов иначе, а не так, как, по его мнению должно?

4 Думаю, что нет, отвечал Евфидем.

Стало быть, кто знает постановления закона, касающиеся богов, тот будет чтить богов законным образом?

Конечно.

Следовательно, кто чтит их законным образом, чтит, как должно?

Как же иначе?

А кто чтит, как должно, тот благочестив?

Конечно, отвечал Евфидем.

Стало быть, правильно будет наше определение: кто знает постановления закона, касающиеся богов, тот благочестив?

Мне, по крайней мере, кажется, что да, отвечал Евфидем.

5 А к людям относиться можно ли, как кому вздумается?

Нет, и о людях есть постановления закона.

Следовательно, люди, относящиеся друг к другу согласно с этими постановлениями, относятся, как должно?

Как же иначе?

Следовательно, кто относится к людям, как должно, относится правильно?

Конечно, отвечал Евфидем.

Следовательно, кто относится к людям правильно, правильно делает человеческие дела?

Надо думать, что так, отвечал Евфидем.

Следовательно, кто повинуется законам, тот делает справедливые дела?

Конечно, отвечал Евфидем.

6 А знаешь ли ты, какие дела называются справедливыми? спросил Сократ.

Это те, которые повелевают законы.

Стало быть, кто делает, что повелевают законы, тот делает справедливые дела и те, которые должно делать?

Как же иначе?

Следовательно, кто делает справедливые дела, тот справедлив?

Думаю, что так, отвечал Евфидем.

Так думаешь ли ты, что кто-нибудь повинуется законам, не зная, что законы повелевают?

Не думаю, отвечал Евфидем.

А думаешь ли ты, что кто-нибудь, зная, что должно делать, думает, что должно не делать этого?

Не думаю, отвечал Евфидем.

А знаешь ли ты, что кто-нибудь делает иное, а не то, что, по его мнению, должно делать?

Нет, отвечал Евфидем.

Стало быть, кто знает постановления закона, касающиеся людей, тот делает справедливые дела?

Конечно, отвечал Евфидем.

Следовательно, кто делает справедливые дела, тот справедлив?

Кто же другой? отвечал Евфидем.

Стало быть, мы сделаем в конце концов правильное определение, если определим, что справедлив тот, кто знает постановления законов, касающиеся людей?

Мне кажется, что да, отвечал Евфидем.

7 А что нам сказать о мудрости? Что такое она? Скажи мне, как по-твоему,— мудрые мудры в том, что знают, или же есть люди, которые мудры в том, чего не знают?

Очевидно, в том, что знают, отвечал Евфидем: как же можно быть мудрым в том, чего не знаешь?

А мудрые мудры по причине знания?

По какой же другой причине можно быть мудрым, как не по причине знания? сказал Евфидем.

Думаешь ли ты, что мудрость есть нечто иное, а не то, благодаря чему люди мудры?

Нет.

Стало быть, мудрость есть знание?

Мне кажется, что да.

А как ты думаешь, человеку можно знать все, что есть на свете?

Думаю, клянусь Зевсом, нельзя даже малой доли этого.

Стало быть, человеку невозможно быть мудрым во всем?

Клянусь Зевсом, конечно, нет.

Стало быть, каждый мудр в том, что он знает?

Мне кажется, что да.

e Не следует ли нам, Евфидем, таким же способом исследовать вопрос и о благе?

Каким? спросил Евфидем.

Как ты думаешь, всем полезно одно и то же?

Нет.

Не думаешь ли ты, что полезное одному иногда бывает вредно другому?

Очень даже, отвечал Евфидем.

А можешь ли ты назвать благом что-нибудь другое, а не полезное?

Нет, отвечал Евфидем.

Стало быть, полезное есть благо для того, кому оно полезно?

Мне кажется, да, отвечал Евфидем.

d А прекрасное можем ли мы определить как-нибудь иначе? [2] Или же есть на свете тело, сосуд или другой какой предмет, который ты называешь прекрасным, про который ты знаешь, что он прекрасен для всего?

Клянусь Зевсом, нет, отвечал Евфидем.

Так не прекрасно ли употреблять каждый предмет для того, для чего он полезен?

Конечно, отвечал Евфидем.

А бывает ли прекрасен каждый предмет для чего-нибудь другого, как не для того, для чего его прекрасно употреблять?

Ни для чего другого, отвечал Евфидем.

Стало быть, полезное прекрасно для того, для чего оно полезно?

Мне кажется, да, отвечал Евфидем.

a0 А храбрость, Евфидем, как ты думаешь, один из прекрасных предметов?

Не прекрасный, а прекраснейший, отвечал Евфидем.

Значит, по-твоему, храбрость — вещь полезная не для каких-нибудь ничтожных случаев?

Клянусь Зевсом, наоборот, для самых важных.

А как по-твоему, в страшных и опасных случаях полезно не знать их?

Никоим образом, отвечал Евфидем.

Значит, кто не боится в таких случаях, потому что не знает, что это такое, тот не храбрый?

Клянусь Зевсом, нет: тогда многие сумасшедшие и трусы оказались бы храбрыми.

А что скажешь о тех, кто боится даже не страшного?

Клянусь Зевсом, они еще менее храбры.

Следовательно, того, кто хорош в страшных и опасных обстоятельствах, ты считаешь храбрым, а кто дурен — трусом?

Конечно, отвечал Евфидем.

11 А хорошим при таких обстоятельствах ты считаешь кого другого или того, кто может хорошо с ними справляться?

Нет, именно такого, отвечал Евфидем.

А дурным, значит, такого, который плохо с ними справляется?

Кого же другого? отвечал Евфидем.

А каждый справляется так, как, по его мнению, должно?

Как же иначе? отвечал Евфидем.

А кто не может хорошо справляться, знает, как должно справляться?

Конечно, нет, отвечал Евфидем.

Стало быть, кто знает, как должно справляться, тот и может?

Да, только тот, отвечал Евфидем.

А кто не делает ошибок, тот разве плохо справляется с такими обстоятельствами?

Не думаю, отвечал Евфидем.

Стáло быть, кто дурно справляется, тот делает ошибки?

Разумеется.

Следовательно, кто умеет хорошо справляться со страшными и опасными обстоятельствами, тот храбр, а кто делает ошибки в таких случаях, трус?

Мне кажется, да, отвечал Евфидем.

12 Монархию и тиранию Сократ считал формами правления, но находил между ними разницу: правление при добровольном согласии народа и на основании законов республики он считал монархией [3], а правление против воли народа и не на основании законов, а по произволу правителя — тиранией [4]. Где должностные лица выбираются из людей, исполняющих законы, такой государственный строй он

считал аристократией; где на основании ценза — плутократией [5]; где из всех граждан — демократией.

13 Если кто возражал Сократу по поводу чего-нибудь и не мог сказать ничего определенного, а без доказательства утверждал [6], что тот, про кого он сам говорит, или умнее, или искуснее в государственных делах, или храбрее и тому подобное, то Сократ обращал весь спор назад к основному положению при-
14 близительно так: Ты утверждаешь, что тот, кого ты хвалишь, более достойный гражданин, чем тот, кого я хвалю?

Да, я это утверждаю.

Так, давай сперва рассмотрим вопрос, в чем состоят обязанности достойного гражданина.

Хорошо, сделаем это.

Так, при управлении финансами выше окажется тот, кто увеличивает доходы государства?

Конечно.

А на войне — кто доставляет ему перевес над противниками?

Как же иначе?

А при дипломатических сношениях — кто бывших врагов делает ему друзьями?

Надо думать, что так.

А при выступлении оратором в Народном собрании — кто прекращает борьбу партий и водворяет согласие?

Мне кажется, да.

При таком обращении спора к основному положению самому противнику истина становилась ясной.

15 Когда Сократ сам рассматривал какой-нибудь вопрос в своей беседе, он исходил всегда от общепризнанных истин, видя в этом надежный метод исследования. Поэтому при всех своих рассуждениях ему удавалось гораздо больше, чем кому-либо другому из известных мне лиц, доводить слушателей до соглашения с ним. Да и Гомер, говорил Сократ, приписал Одиссею свойства «уверенного» [7] оратора ввиду его уменья в речах своих исходить из положений, принимаемых за истину всеми людьми.

Глава 7

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗНАНИЙ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

1 Итак, Сократ прямо и ясно высказывал свои мнения перед собеседниками; это, мне кажется, видно из того, что я сказал выше. Теперь я скажу о его заботах развить в них способность к самостоятельности при исполнении своих обязанностей. Больше всех известных мне лиц он интересовался знать, в каких предметах они сведущи; по тем предметам, которые следует знать человеку благородному, он с величайшей готовностью учил их тому, что сам знал; если он сам был недостаточно сведущим в чем-
2 нибудь, он вел их к специалистам. Он учил их также, в каком объеме истинно образованный человек должен знать тот или другой предмет.

Так, например, геометрию [2] надо изучать, говорил он, лишь в таком объеме, чтобы быть в состоянии, в случае надобности, участок земли правильно, согласно с измерением, принять, передать, разделить или представить отчет о работе; а этому так легко научиться, что если внимательно следить за измерением, то уходя домой, можно знать не только вели-
3 чину участка, но и способ его измерения. Но в изучении геометрии доходить до труднопонимаемых чертежей он находил ненужным; пользы от этого, говорил он, не видно; хоть сам он не был профаном в этой науке, но говорил, что занятие ею может поглотить у человека всю жизнь и помешать изучению многих других полезных наук.

4 Он рекомендовал также изучение астрономии, но тоже лишь в таком объеме, чтоб иметь возможность определять время ночи, месяца и года для поездок сухопутных и морских и для караулов и чтобы вообще для всякого рода занятий, приуроченных к известному времени ночи, месяца и года, пользоваться разными признаками, определяя время этих знаний. И этому легко научиться, говорил он, у ночных охотников, кормчих и многих других, кому нужно зна-
5 ние этого. Напротив, изучать астрономию в таком объеме, чтобы узнать даже те небесные тела, которые не вращаются вместе с другими [3], именно пла-

неты и блуждающие звезды [4], и мучиться над исследованием их расстояния от Земли, времени и причин их вращения,— от этого он усиленно старался отвлечь своих друзей: пользы, говорил он, и в этом никакой не видит; хоть он и по части астрономии имел сведения, но говорил, что и занятие ею может поглотить у человека жизнь и помешать изучению многих
6 полезных наук. Вообще он не советовал заниматься изучением небесных явлений, как бог производит каждое из них: этого, думал он, людям не удастся постигнуть, да и богам не доставит удовольствия, кто исследует то, чего они не захотели открыть [2]; к тому же рискует сойти с ума, кто занят такими изысканиями, точно так же, как сошел с ума Анаксагор [5], очень гордившийся своим объяснением дей-
7 ствий богов. Так, Анаксагор говорил, что огонь и солнце — одно и то же; но он упустил из виду то, что на огонь люди легко смотрят, а на солнце не могут глядеть; что от солнечного света люди имеют более темный цвет кожи, а от огня — нет; он упустил из виду также и то, что ни одно растение без солнечных лучей не может хорошо расти, а от согревания огнем они все погибают; утверждая, будто солнце есть раскаленный в огне камень, он упустил из виду и то, что камень, находясь в огне, не светит и не может долго держаться, а солнце вечно остается самым блестящим светилом.

8 Сократ советовал также учиться счислению, но подобно тому, как в других науках, он и здесь советовал избегать ненужного занятия им. Вообще все он и сам исследовал со своими друзьями и изучал с ними лишь в том объеме, в каком это было полезно.

9 Сократ настоятельно убеждал друзей также заботиться о здоровье,— учиться, чему возможно, у специалистов и самому следить за собою всю жизнь, какая пища, какой напиток, какой труд ему полезны и как употреблять все это, чтобы оставаться всегда возможно более здоровым. Трудно, говорил он, найти врача, который занял бы лучше, чем сам человек, с таким вниманием относящийся к себе, что полезно
10 ему для здоровья. Если же кто хотел получить пользы больше, чем может дать человеческий ум, тому он советовал обращаться к гаданиям: кто знает, го-

ворил он, способы, которыми боги дают указания людям об их делах, тот никогда не бывает лишен совета богов.

Глава 8[1]

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ СОКРАТА ПО ПОВОДУ ДЕМОНИЯ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1 Осуждение Сократа на смерть, несмотря на его уверения, что божественный голос[2] дает ему указания, что надо делать и чего не надо делать, по мнению некоторых, служит доказательством лживости этих уверений его о божественном голосе. Но они должны принять в соображение следующие факты: во-первых, Сократ был тогда уже в преклонном возрасте[3], и потому, если бы не умер тогда, то во всяком случае окончил бы жизнь свою лишь ненамного позже; во-вторых, он оставил период жизни самый тяжелый, когда у всех умственные способности идут на убыль, но зато выказал силу души и снискал себе славу тем, что во время судебного процесса он говорил в свою защиту правдиво, неустрашимо, честно, как никто на свете, и встретил смертный приговор без всякой злобы и с величайшим мужеством.

2 По общему признанию, никто не запомнит, чтобы кто-нибудь встретил смерть с таким достоинством. После суда ему пришлось прожить еще месяц по случаю того, что в том месяце был Делосский праздник[4], а закон воспрещает всякие казни до возвращения праздничного посольства из Делоса. В течение всего этого времени он жил, как видели все близкие к нему люди, совершенно так же, как и в прежнее время; а в прежнее время его необыкновенно благодушное, ясное настроение возбуждало
3 общее удивление. Можно ли умереть прекраснее, чем так? Какая смерть может быть прекраснее той, когда человек умирает с таким великим достоинством? Какая смерть может быть счастливее самой достойной? Какая угоднее божеству, чем самая счастливая?

4 Я расскажу еще, что слышал о Сократе от Гермогена[5], сына Гиппоника. Когда Мелет уже подал

в суд свою жалобу, Гермоген, по его словам, слыша, что Сократ говорит обо всем больше, чем о своем процессе, сказал, что надо подумать о том, что говорить в защиту.

Сократ сперва сказал: А разве, по-твоему, вся моя жизнь не была подготовкой к ней?

Гермоген спросил его, как это.

Сократ отвечал, что он всю жизнь ничем другим не занимался, как только тем, что исследовал вопросы о справедливости и несправедливости, поступал всегда справедливо, а несправедливых поступков избегал, и это он считает лучшей подготовкой к защите.

5 Разве ты не видишь, Сократ, сказал опять Гермоген, что судьи в Афинах, сбитые с толку речью, выносят смертный приговор многим людям, ни в чем не виновным, и, напротив, многих виновных оправдывают?

Нет, клянусь Зевсом, возразил Сократ, я уже пробовал обдумывать защиту перед судьями, но мне воспротивился божественный голос.

Удивительно! сказал Гермоген.

6 Ты удивляешься, сказал Сократ, что, по мнению бога, мне уже лучше умереть? Разве ты не знаешь, что до сих пор я никому на свете не уступил бы права сказать, что он жил лучше и приятнее меня? Лучше всех живет, я думаю, тот, кто больше всех заботится о том, чтобы делаться как можно лучше, а приятнее всех,— кто больше всех сознает, что он *7* делается лучше. До сих пор это было моим уделом, как я сознавал; встречаясь с другими и сравнивая себя с другими, я всегда так думал о себе; и не только я, но и друзья мои всегда имеют обо мне такое мнение, не из любви ко мне (потому что и любящие других судили бы так о своих друзьях), но вследствие уверенности, что и сами они от общения со *8* мною могут сделаться лучше. А если проживу дольше, то, может быть, наступят неизбежные невзгоды старости,— буду я хуже видеть и слышать, хуже соображать, труднее будет мне учиться новому, скорее буду забывать, буду становиться хуже тех, кого я раньше превосходил. Если бы я этого не сознавал, и тогда жизнь моя не была бы уже жизнью; но, при

сознании этого, не должна ли жизнь быть еще хуже
9 и неприятнее? Мало того, если я буду предан казни несправедливо, то это будет позором для тех, кто предаст меня казни несправедливо: ведь если быть несправедливым позорно, то как же не позорно вообще что бы то ни было делать несправедливо? А для меня что же позорного в том, что другие не могут по отношению ко мне ни судить, ни поступать
10 справедливо? Как я вижу, и люди прежних времен оставляют по себе неодинаковую память в потомстве в зависимости от того, были ли они виновниками несправедливости или жертвами ее. Я знаю, что и я, если и буду предан казни, встречу сочувствие в людях,— не такое, как те, кто предаст меня казни, потому что — я в том уверен — всегда в мою пользу будет свидетельство людей, что я ни к тому никогда не относился несправедливо и никого не сделал хуже, а, напротив, всегда старался своих друзей делать лучше.

11 Вот что говорил Сократ Гермогену и другим. Все ревнители добродетели, знавшие, что за человек был Сократ, еще и до сих пор всегда сожалеют о нем как о самом полезном руководителе стремящихся к нравственному совершенству.

Таков был Сократ, как я его изобразил,— так благочестив, что ничего не предпринимал без воли богов, так справедлив, что никому не делал ни малейшего вреда, а приносил огромную пользу лицам, бывшим в общении с ним, так воздержан, что никогда не отдавал предпочтения приятному перед полезным, так разумен, что никогда не ошибался в суждении о хорошем и дурном и не нуждался для этого в помощи другого, но сам был достаточно силен для решения таких вопросов и способен как сам говорить на подобные темы и давать определение таким понятиям, так и оценивать мнение других, опровергать их ошибки и направлять их к добродетели и нравственному совершенству. Что касается меня, то при этих достоинствах своих он казался мне именно таким, каким может быть человек идеально хороший и счастливый. Если кто не согласен с такой характеристикой, пусть сравнит с ней нравственный облик других и судит!

ЗАЩИТА СОКРАТА НА СУДЕ

ПОВОД НАПИСАНИЯ. РАЗГОВОР СОКРАТА С ГЕРМОГЕНОМ. УТЕШЕНИЕ ДРУЗЕЙ. ПРЕДСКАЗАНИЕ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1 Следует, мне кажется, упомянуть также о том, что думал Сократ о защите и о конце жизни, когда его призвали к суду. Об этом писали и другие, и все указывали на величественную гордость его речи: из этого видно, что действительно так говорил Сократ. Но, так как они не разъяснили, что он тогда уже считал смерть для себя предпочтительнее жизни, то 2 гордость его речи представляется не вполне разумной. Однако Гермоген [1], сын Гиппоника, его друг, сообщил о нем такие подробности, из которых видно, что этот гордый язык соответствовал его убеждениям. Гермоген, по его словам, заметив, что Сократ говорит обо всем больше, чем о своем процессе, ска- 3 зал: Не следует ли, однако, Сократ, подумать тебе и о том, что говорить в свою защиту?

Сократ сперва отвечал: А разве, по-твоему, вся моя жизнь не была подготовкой к защите?

Гермоген спросил его: Как это?

Сократ отвечал: Я во всю жизнь не сделал ничего несправедливого: это я считаю лучшей подготовкой к защите.

4 Разве ты не знаешь афинских судов? сказал опять Гермоген. Часто судьи, раздраженные речью, выносят смертный приговор людям ни в чем не виновным; часто, напротив, оправдывают виновных, потому что они своими речами разжалобят их, или потому, что они говорят им приятные вещи.

Нет, клянусь Зевсом, возразил Сократ; дважды уже я пробовал обдумывать защиту, но мне противится бог [2].

5 Удивительно! сказал Гермоген.

Разве ты находишь удивительным, сказал Сократ, что, и по мнению бога, мне уже лучше умереть? Разве ты не знаешь, что до сих пор я никому на свете не уступал права сказать, что он жил лучше меня? У меня было сознание — чувство в высшей

степени приятное,— что вся жизнь мною прожита благочестиво и справедливо; таким образом, я и сам был доволен собою и находил, что окружающие
6 меня — такого же мнения обо мне. А теперь, если еще продлится мой век, я знаю, мне придется выносить невзгоды старости,— буду я хуже видеть, хуже слышать, труднее будет мне учиться новому, скорее буду забывать, чему научился прежде. Если же я буду замечать в себе ухудшение и буду ругать сам
7 себя, какое будет мне удовольствие от жизни? Но, может быть, и бог по милости своей дарует мне возможность окончить жизнь не только в надлежащий момент жизни, но и возможно легче. Если приговор будет обвинительный, то, несомненно, мне можно будет умереть такой смертью, которую люди, ведающие это дело, считают самой легкой, которая доставляет меньше всего хлопот друзьям и возбудит больше всего сожаления об умирающем. Когда человек не оставляет в уме окружающих впечатления о чем-то недостойном и неприятном, а увядает с телом здоровым и с душой, способной любить, разве возможно,
8 чтобы он не возбуждал сожаления? Правы были боги, которые тогда были против того, чтобы я обдумывал речь, когда мы считали необходимым отыскивать всячески средства к оправданию. Ведь если бы этого я добился, то, несомненно, вместо того, чтобы теперь же оставить жизнь, я приготовил бы себе необходимость умереть или в страданиях от болезней, или от старости, в которую стекаются все невзгоды и которая совершенно безрадостна. Нет, клянусь
9 Зевсом, Гермоген, я к этому даже и стремиться не буду; напротив, если судьям неприятно слушать мои объяснения о том, сколько прекрасных даров, по моему мнению, выпало мне на долю и от богов и от людей и какое мнение я имею сам о себе, то я предпочту умереть, чем, униженно выпрашивая, как нищий, прибавку к жизни, иметь в барышах гораздо худшую жизнь вместо смерти.

10 Приняв такое решение, рассказывал Гермоген, Сократ в ответ на обвинение своих противников, будто он не признает богов, признаваемых государством, а вводит другие, новые божества и будто развра-
11 щает молодежь, выступил на суде и сказал: А я, афи-

няне, прежде всего удивляюсь тому, на каком основании Мелет утверждает, будто я не признаю богов, признаваемых государством: что я приношу жертвы в общие праздники и на народных алтарях, это видали все, бывшие там в то время, да и сам Мелет мог
12 бы видеть, если бы хотел. Что касается новых божеств, то как можно заключать о введении их мною на основании моих слов, что мне является голос бога, указывающий, что следует делать? Ведь и те, которые руководятся криком птиц и случайными словами людей, делают выводы, очевидно, на основании голосов[4]. А гром? Неужели будет кто сомневаться, что он есть голос или великое предвещание[5]? Жрица на треножнике в Дельфах[6] разве не
13 голосом тоже возвещает волю бога? Что бог знает наперед будущее и предвещает его, кому хочется, и об этом все говорят и думают так же, как я? Но они именуют тех, кто предвещает будущее, птицами, случайными словами, приметами, предсказателями, а я называю это божественным голосом и думаю, что называя так, употребляю выражение более близкое к истине и более благочестивое, чем те, которые приписывают птицам силу богов. Что я не лгу на бога, у меня есть еще такое доказательство: многим друзьям я сообщал советы и ни разу не оказался лжецом.
14 Услышав это, судьи стали шуметь: одни не верили его рассказу, а другие и завидовали, что он удостоен от богов большей милости, чем они. Тогда Сократ сказал опять: Ну, так послушайте дальше, чтобы, у кого есть охота, те еще больше не верили, что боги оказали мне такой почет. Однажды Херефонт вопрошал обо мне бога в Дельфах, и бог в присутствии многих изрек, что нет человека более бескорыстного, справедливого, разумного.
15 Когда судьи, услышав это, конечно, еще больше стали шуметь, Сократ опять сказал: Однако, афиняне, еще более высокое мнение бог высказал в своем оракуле о спартанском законодателе Ликурге, чем обо мне. Когда он вошел в храм, говорят, бог обратился к нему с таким приветствием: Не знаю, как мне назвать тебя — богом или человеком. Но меня он не приравнял к богу, а только признал, что я намного выше людей. Но все-таки вы и в этом не верьте

слено богу, а рассматривайте по пунктам то, что ска-
16 зал бог. Знаете ли вы человека, который бы меньше меня был рабом плотских страстей? Или человека более бескорыстного, не берущего ни от кого ни подарков, ни платы? Кого можете вы признать с полным основанием более справедливым, чем того, кто так применился к своему положению, что ни в чем чужом не нуждается? А мудрым не правильно ли будет назвать того, кто с тех пор, как начал понимать, что ему говорят, непрестанно исследовал и
17 учился, чему только мог хорошему? Что мой труд не пропал даром, не служит ли доказательством то, что многие граждане, стремящиеся к нравственному совершенству, да и многие иностранцы желают быть в общении со мною более, чем с кем-либо другим? А какая причина того, что хотя все знают, что я не имею возможности отплачивать деньгами, тем не менее многие желают мне что-нибудь подарить? А того, что от меня никто не требует отплаты за благодеяние,
18 а многие признают, что мне обязаны благодарностью? А того, что во время осады [8] все горевали о своей участи, а я жил, так же ни в чем не нуждаясь, как в дни наивысшего благоденствия нашего отечества? А того, что все покупают себе на рынке дорогие удовольствия, а я ухитряюсь добыть из своей души без расходов удовольствия более приятные, чем те [9]? А если никто не мог бы уличить меня во лжи отно-
19 сительно всего, что я сказал о себе, то разве не справедлива будет похвала мне и от богов и от людей? И несмотря на это, ты утверждаешь, Мелет, что я, при таких нравственных принципах, развращаю молодежь? Нам известно, в чем состоит развращение молодежи; скажи же нам, знаешь ли ты кого-нибудь, кого я сделал из благочестивого нечестивым, из скромного — нахалом, из экономного — расточительным, из умеренно пившего — пьяницей, из трудолюбивого — неженкой или рабом другой низменной страсти?

20 Но, клянусь Зевсом, отвечал Мелет, я знаю тех, кого ты уговорил слушаться тебя больше, чем родителей.

Согласен, сказал Сократ,— в вопросе о воспитании: вопрос этот, как все знают, меня интересует.

Однако относительно здоровья люди больше слушаются врачей, чем родителей; в Народном собрании, как известно, все афиняне слушаются больше разумных ораторов, чем родственников. Да ведь и при выборах в стратеги не отдаете ли вы предпочтение пред отцами и братьями и, клянусь Зевсом, даже пред самими собой тем, кого считаете главными специалистами в военном деле?

Да, заметил Мелет, потому что этого требуют общественный интерес и обычай.

21 В таком случае, продолжал Сократ, не кажется ли тебе странным еще вот что: во всех действиях лучшие специалисты пользуются не только равноправием, но и предпочтением, а я за то, что меня считают некоторые специалистом в таком полезном для людей искусстве, как воспитание, подвергаюсь с твоей стороны преследованию в уголовном преступлении?

22 Конечно, было сказано больше этого самим Сократом и друзьями, говорившими в его пользу, но я не имел в виду передать все происходившее на суде: мне достаточно было показать, что Сократ выше всего ставил оправдаться от обвинения в нечестии по отношению к богам и в несправедливости по отношению к людям, а молить об освобождении от казни
23 он не находил нужным, а, напротив, полагал, что ему уже пора умереть. Что таково именно было его мнение, стало еще очевиднее, когда было окончено голосование в его процессе. Когда ему предложили назначить себе штраф[10], он ни сам не назначил его, ни друзьям не позволил, а, напротив, даже говорил, что назначать себе штраф — это значит признать себя виновным. Потом, когда друзья хотели его похитить из тюрьмы, он не согласился и, кажется, даже посмеялся над ними, спросив, знают ли они какое место за пределами Аттики, куда не было бы доступа смерти.

24 По окончании суда Сократ сказал: Однако, афиняне, лица, подучившие свидетелей давать ложную присягу и лжесвидетельствовать против меня, и лица, слушавшиеся их, должны сознавать свое нечестие и несправедливость. А мне почему чувствовать себя униженным теперь больше, чем до осужде-

ния, раз не доказана моя виновность ни в одном пункте обвинения? Не было обнаружено, что я приносил жертвы каким-либо новым богам вместо Зевса и Геры и других богов, связанных с ними, или что
25 при клятве я называл других богов. А молодых людей как я могу развращать, когда я приучаю их к перенесению трудов и к экономии? Что же касается преступлений, которые караются смертной казнью,— святотатства, прорытия стен [11], похищения людей [12], государственной измены, то даже сами противники не говорят, что я в чем-нибудь из этого виновен. Таким образом, мне по крайней мере кажется странным, в чем вы усмотрели с моей стороны преступление, заслуживающее смертной казни.
26 Но даже и несправедливый смертный приговор не заставит меня чувствовать себя униженным: он позорит не меня, а тех, кто постановил его. Утешает меня еще и Паламед [13], смерть которого похожа на мою: даже и теперь еще он вдохновляет поэтов на песнопения гораздо более прекрасные, чем Одиссей, виновник его несправедливой казни. Точно так же и мне, я уверен, засвидетельствует грядущее время, как свидетельствует прошедшее, что я никого никогда не обижал, никого не испортил, а, напротив, приносил пользу людям, ведшим со мною беседы, уча их
27 бесплатно какому мог добру. После этой речи он ушел; веселье выражалось, вполне соответственно тому, что он говорил, в его лице, осанке, походке. Заметив, что его спутники плачут, он сказал: Что это? Вы только теперь плачете? Разве не знаете, что с самого рождения я осужден природой на смерть? Да, если бы мне приходилось погибать безвременно, когда течет счастье, то, несомненно, надо бы было горевать мне и расположенным ко мне людям; если же я кончаю жизнь в ту пору, когда ожидаются в будущем разные невзгоды, то я думаю, что всем вам надо радоваться при виде моего счастья.
28 Присутствовавший при этом горячо преданный Сократу, но простодушный человек, некий Аполлодор [14], сказал: Но мне особенно тяжело, Сократ, что ты приговорен к смертной казни несправедливо.

Сократ, говорят, погладил его по голове и сказал: А тебе, дорогой мой Аполлодор, приятнее было бы

видеть, что я приговорен справедливо, чем несправедливо? И при этом он улыбнулся.

29 Увидав проходившего мимо Анита [15], Сократ, говорят, сказал: Он гордится, как будто совершил какой-то великий, славный подвиг, предав меня смертной казни за то, что я, видя, каких великих почестей удостоили его сограждане, сказал, что не следует ему учить сына кожевенному делу. Как жалок он! Видно, он не понимает, что, кто из нас совершил дела более полезные и славные на вечные времена,
30 тот и победитель! Но и Гомер приписывает некоторым людям при конце жизни дар предвидения будущего; хочу и я сделать одно предсказание. Я встретился однажды на короткое время с сыном Анита: мне показалось, что он — человек даровитый; поэтому я нахожу, что он не останется при том рабском занятии [16], к которому его предназначил отец; а за неимением хорошего руководителя он впадет в какую-нибудь гнусную страсть и, конечно, далеко пойдет по пути порока.

31 Слова эти оправдались: молодой человек полюбил вино, ни днем, ни ночью не переставал пить и в конце концов стал ни на что негодным — ни для отечества, ни для друзей, ни для себя самого. Таким образом, Анит, как вследствие скверного воспитания сына, так и по случаю своего собственного неразумия, даже и по смерти имеет дурную славу.

32 Сократ таким возвеличением себя на суде навлек на себя зависть и этим еще более способствовал своему осуждению. Мне кажется, участь, выпавшая ему на долю, была милостью богов: он покинул наиболее тяжелую часть жизни, а смерть ему досталась
33 самая легкая. Вместе с тем он выказал силу духа: придя к убеждению, что умереть ему лучше, чем продолжать жить, он, как вообще не противился добру, так и перед смертью не выказал малодушия; напротив, радостно ожидал ее и свершил.

34 Итак, размышляя о мудрости и величии духа его, я не могу не помнить о нем, а помня, не могу не восхвалять. Если кто из людей, стремящихся к нравственному совершенству, пользовался обществом человека еще более полезного, чем Сократ, того я считаю величайшим счастливцем.

ПИР

Глава 1

ПИР У КАЛЛИЯ В ЧЕСТЬ АВТОЛИКА. ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ПРОИЗВЕДЕННОЕ АВТОЛИКОМ НА ГОСТЕЙ. ШУТ ФИЛИПП

1 Но, как мне кажется, заслуживает упоминания все, что делают люди высокой нравственности — не только при занятиях серьезных, но и во время забав. Я хочу рассказать тот случай, при котором я присутствовал и который привел меня к такому убеждению.

2 Были конские бега во время Великих Панафиней [1]. Каллий, сын Гиппоника, был влюблен в Автолика, тогда еще бывшего ребенком; Автолик одержал победу в панкратии [1], и Каллий пришел с ним на это зрелище. По окончании богов Каллий с Автоликом и отцом его пошел в свой дом в Пирее; с ним
3 шел и Никерат. Увидев Сократа вместе с Критобулом, Гермогеном, Антисфеном и Хармидом, он велел кому-то проводить Автолика с окружавшими его лицами, а сам подошел к Сократу и его компании и сказал:

4 Как хорошо, что я встретил вас. Я собираюсь угощать Автолика с отцом его. Этот праздник мой, думаю, покажется гораздо более блестящим, если зал будет украшен такими людьми с чистой душой, как вы, чем стратегами [2], гиппархами [2] и разными искателями должностей.

5 На это Сократ отвечал: Все ты насмехаешься и нас презираешь, оттого что ты много денег передавал и Протагору, чтобы научиться у него мудрости, и Горгию, и Продику, и многим другим [3]; а на нас ты смотришь, как на самоучек в философии.

6 Да, ответил Каллий, я прежде скрывал от вас, что могу говорить много умных вещей, а теперь, если вы у меня будете, я покажу вам, что заслуживаю полного внимания.

7 Сначала Сократ и его друзья, разумеется, стали было отказываться [4] от приглашения, благодарили, но не давали слова обедать у него; но, так как было видно, что он очень сердится и обидится, если они не пойдут с ним, они пошли. Потом они явились к нему: одни перед этим занимались гимнастикой и умастились маслом, а другие даже и приняли ван-
8 ну [5]. Автолик сел рядом с отцом; остальные, как полагается, легли [6].

Всякий, кто обратил бы внимание на то, что происходило, сейчас же пришел бы к убеждению, что красота по самой природе своей есть нечто царственное, особенно если у кого она соединена со стыдливостью и скромностью, как в данном случае у Авто-
9 лика. Во-первых, как светящийся предмет, показавшийся ночью, притягивает к себе взоры всех, так и тут красота Автолика влекла к нему очи всех; затем, все смотревшие испытывали в душе какое-нибудь чувство от него: одни становились молчаливее, а другие выражали чувство даже каким-нибудь жеста-
10 ми. На всех, одержимых каким-либо богом [7], интересно смотреть; но у одержимых другими богами вид становится грозным, голос — страшным, движения — бурными; а у людей, вдохновляемых целомудренным Эротом, взгляд бывает ласковее, голос — мягче, жесты — более достойными свободного человека. Таков был и Каллий тогда под влиянием Эрота, и людям, посвященным в таинства этого бога, интересно было смотреть на него.

11 Итак, гости обедали молча, как будто это повелело им какое-то высшее существо. В это время в дверь постучался шут [8] Филипп и велел привратнику доложить, кто он и почему желает, чтоб его впустили; он пришел, прибавил он, собравши все нужное для того, чтобы обедать на чужой счет; да и слуга его очень отягощен, оттого что ничего не несет и оттого что не завтракал.

12 Услышав это, Каллий сказал: Ну, конечно, друзья мои, стыдно отказать ему хоть в крове-то; пускай войдет! При этом он взглянул на Автолика, очевидно, желая видеть, как ему показалась эта шутка [9].

13 Филипп, остановившись у зала, где был обед, сказал: Что я шут, это вы все знаете; пришел я сюда по собственному желанию: думал, что смешнее прийти на обед незваным, чем званым.

Так ложись, отвечал Каллий: ведь и у гостей, видишь, серьезности полный короб, а смеха, может быть, у них маловато.

14 Во время обеда Филипп сейчас же попробовал сказать что-то смешное,— чтобы исполнить свою роль, для которой его всегда звали на обеды, но смеха не вызвал. Это, видимо, его огорчило. Немного погодя, он опять вздумал сказать что-то смешное; но и тут не стали смеяться его шутке; он перестал есть и лежал, закрывши голову.

15 Тогда Каллий спросил его: Что с тобою, Филипп? Или у тебя что болит?

Он со стоном отвечал: Да, клянусь Зевсом, Каллий, очень даже болит: ведь если смех во всем мире погибнул [10], моему делу пришел конец. Прежде меня звали на обеды для того, чтобы гости веселились, смеясь моим остротам; а теперь чего ради будут звать меня? Серьезным быть я не могу,— ничуть не больше, чем стать бессмертным; приглашать меня в ожидании получить с моей стороны приглашение — тоже, конечно, никто не станет, потому что все знают, что ко мне в дом приносить обед совершенно не принято [11]. При этих словах он сморкался, и голос

16 его производил полное впечатление, будто он плачет. Все стали утешать его, обещали в другой раз смеяться, упрашивали обедать, а Критобул даже расхохотался, что его так жалеют.

Услыхав смех, Филипп открыл лицо и сказал: Мужайся, душа: обеды будут. И опять принялся за обед.

Глава 2

СИРАКУЗСКАЯ ТРУППА. ЗАМЕЧАНИЯ СОКРАТА. ТАНЦЫ. ПАРОДИЯ ФИЛИППА

Когда столы были унесены, гости совершили возлияние, пропели пеан [1]. В это время к ним приходит на попойку один сиракузянин с хорошей флейтисткой, с танцовщицей, одной из таких, которые умеют выделывать удивительные штуки, и с мальчиком, очень красивым, превосходно игравшим на кифаре и танцовавшим. Их искусство он показывал как чудо и брал за это деньги. Когда флейтистка поиграла им на флейте, а мальчик на кифаре и оба, по-видимому, доставили очень много удовольствия гостям, Сократ сказал:

Клянусь Зевсом, Каллий, ты угощаешь нас в совершенстве! Мало того, что обед ты нам предложил безукоризненный: ты еще и зрению и слуху доставляешь величайшие наслаждения!

Каллий отвечал: А что если бы нам принесли еще душистого масла, чтобы нам угощаться благоуханием?

Нет, не надо, отвечал Сократ. Как одно платье идет к женщине, другое к мужчине, так и запах один приличен мужчине, другой женщине. Ведь для мужчины, конечно, ни один мужчина не мажется душистым маслом; а женщинам, особенно новобрачным, как жене нашего Никерата и жене Критобула, на что еще душистое масло? От них самих им пахнет. А запах от масла, которое в гимнасиях, для женщин приятнее, чем от духов, если он есть, и желаннее, если его нет. И от раба и от свободного, если они намажутся душистым маслом,— от всякого сейчас же одинаково пахнет; а для запаха от трудов, достойных свободного человека, нужны предварительно благородные упражнения и много времени для того, чтоб этот запах был приятным и достойным свободного человека [2].

На это Ликон заметил: Так, это, пожалуй, относится к молодым; а от нас, уже не занимающихся

более гимнастическими упражнениями, чем должно пахнуть?

Добродетелю, клянусь Зевсом, отвечал Сократ.

А где же взять эту мазь?

Клянусь Зевсом, не у парфюмерных торговцев, отвечал Сократ.

Но где же?

Феогнид [3] сказал:

> У благородных добру ты научишься; если ж с дурными
> Будешь, то прежний свой ум ты потеряешь тогда.

5 Тут Ликон сказал: Слышишь ты это, сынок?

Да, клянусь Зевсом, заметил Сократ, и он это применяет на деле. Вот, например, ему хотелось быть победителем в панкратии [4]... И теперь он тоже подумает с тобою и, кого признает наиболее подходящим для выполнения этого, с тем и будет водить дружбу.

6 Тут многие заговорили; один сказал: Так где же он найдет учителя этого? Другой заметил, что этому даже и нельзя научить. Третий возразил, что и этому можно научиться ничуть не хуже, чем другому чему.

7 Сократ сказал: Это вопрос спорный; отложим его на другое время. А теперь давайте заниматься тем, что перед нами находится. Вот, я вижу, стоит танцовщица, и ей приносят обручи.

8 После этого другая стала ей играть на флейте, а стоявший возле танцовщицы человек подавал ей обручи один за другим, всего до двенадцати. Она брала их и в то же время танцевала и бросала их вверх так, чтобы они вертелись, рассчитывая при этом, на какую высоту надо бросать их, чтобы схватывать в такт.

9 По поводу этого Сократ сказал: Как многое другое, так и то, что делает эта девушка, друзья мои, показывает, что женская природа нисколько не ниже мужской, только ей не хватает силы и крепости. Поэтому, у кого из нас есть жена, тот пусть учит ее смело тем знаниям, которые он желал бы в ней видеть.

10 Тут Антисфен сказал: Если таково твое мнение, Сократ, то как же ты не воспитываешь Ксантиппу [5],

а живешь с женщиной, сварливее которой ни одной нет на свете, да, думаю, не было и не будет?

Потому что, отвечал Сократ, и люди, желающие стать хорошими наездниками, как я вижу, берут себе лошадей не самых смирных, а горячих: они думают, что если сумеют укрощать таких, то легко справятся со всеми. Вот и я, желая быть в общении с людьми, взял ее себе в том убеждении, что если буду переносить ее, то мне легко будет иметь дело со всеми людьми.

11 И эта фраза сказана была, по-видимому, не без цели [6]. После этого принесли круг, весь утыканный поставленными стоймя мечами. Между ними танцовщица стала бросаться кувырком и, кувыркаясь над ними, выпрыгивала так, что зрители боялись, как бы с ней чего не случилось. А она проделывала это смело и без вреда для себя.

12 Тогда Сократ, обратившись к Антисфену, сказал: Кто это видит, думаю, не будет уже возражать против того, что и храбрости можно научить,— коль скоро она хоть и женщина, так смело бросается на мечи.

13 На это Антисфен отвечал: В таком случае и этому сиракузянину не будет ли лучше всего показать свою танцовщицу городу и объявить, что если афиняне станут платить ему, то он всех афинян сделает такими смелыми, что они пойдут прямо на копья?

14 Клянусь Зевсом, сказал Филипп, мне очень хотелось бы посмотреть, как наш народный вития, Писандр [7], будет учиться кувыркаться между мечами, когда он теперь из-за того, что не может выносить вида копья, не решается даже с другими участвовать в походах.

После этого танцевал мальчик.

15 Вы видели, сказал Сократ, что мальчик хоть и красив, но все-таки, выделывая танцевальные фигуры, кажется еще красивее, чем когда он стоит без движения?

Ты, по-видимому, хочешь похвалить учителя танцев, заметил Хармид.

16 Да, клянусь Зевсом, отвечал Сократ, ведь я сделал еще одно наблюдение, что при этом танце ни одна часть тела не оставалась бездеятельной: одно-

временно упражнялись и шея, и ноги, и руки; так и надо танцевать тому, кто хочет иметь тело легким. И мне, сиракузянин, прибавил Сократ, очень хотелось бы научиться у тебя этим фигурам.

На что же они тебе нужны? спросил тот.

Я буду танцевать, клянусь Зевсом.

17 Тут все засмеялись.

Сократ с очень серьезным лицом сказал: Вы смеетесь надо мной. Не над тем ли, что я хочу гимнастическими упражнениями укрепить здоровье? Или что я хочу иметь лучший аппетит, лучший сон? Или что я стремлюсь не к таким упражнениям, от которых ноги толстеют, а плечи худеют, как у бегунов, и не к таким, от которых плечи толстеют, а ноги худеют, как у кулачных бойцов, я желаю работать всем те-
18 лом, чтобы все его привести в равновесие? Или вы над тем смеетесь, что мне не нужно будет искать партнера [8] и на старости лет раздеваться перед толпой, а довольно будет мне комнаты на семь коек [9], чтобы в ней вспотеть, как и теперь этому мальчику было довольно этого помещения, и что зимой я буду упражняться под крышей, а когда будет очень жар-
19 ко, в тени? Или вы тому смеетесь, что я хочу поуменьшить себе живот, который у меня не в меру велик? Или вы не знаете, что недавно утром вот этот самый Хармид застал меня за танцами?

Да, клянусь Зевсом, сказал Хармид: сперва я было пришел в ужас,— испугался, не сошел ли ты с ума; а когда выслушал твои рассуждения вроде теперешних твоих, то и сам по возвращении домой танцевать, правда, не стал, потому что никогда этому не учился, но руками стал жестикулировать [10]: это я умел.

20 Клянусь Зевсом, заметил Филипп, и в самом деле ноги у тебя как будто одного веса с плечами, так что, думается мне, если бы стал вешать перед рыночными смотрителями свой низ для сравнения с верхом, как хлебы, то тебя не оштрафовали бы [11].

Тут Каллий сказал: Когда ты вздумаешь учиться танцам, Сократ, приглашай одного меня: я буду твоим партнером и буду учиться вместе с тобою.

21 Ну-ка, сказал Филипп, пускай она [12] и мне поиграет; потанцую и я.

Он встал, прошелся на манер того, как танцовал
22 мальчик и девушка. Так как мальчика хвалили, что он, выделывая фигуры, кажется еще красивее, то Филипп прежде всего показал все части тела, которыми двигал, в еще более смешном виде, чем они были в естественном виде; а так как девушка, перегибаясь назад, изображала из себя колеса, то и он, наклоняясь вперед, пробовал изображать колеса. Наконец, так как мальчика хвалили, что он при танце доставляет упражнение всему телу, то и он велел флейтистке играть более быстрым темпом и двигал зараз всеми частями тела — и ногами, и руками, и головой.

23 Когда наконец он утомился, то ложась сказал: Вот доказательство, друзья, что и мои танцы доставляют прекрасное упражнение: мне, по крайней мере, хочется пить; мальчик, налей-ка мне большую чарку.

Клянусь Зевсом, сказал Каллий, и нам тоже: и нам захотелось пить от смеха над тобой.

24 А Сократ заметил: Что касается питья, друзья, то и я вполне разделяю это мнение: ведь в самом деле вино, орошая душу, печали усыпляет, как
25 мандрагора [13] людей, а веселость будит, как масло огонь. Однако, мне кажется, с пирушками людей бывает то же, что с растениями на земле; когда бог поит их сразу слишком обильно, то и они не могут стоять прямо, и ветерок не может продувать их; а когда они пьют, сколько им хочется, то они растут
26 прямо, цветут и приносят плоды. Так и мы, если нальем в себя сразу много питья, то скоро у нас и тело и ум откажутся служить; мы не в силах будем и вздохнуть, не то что говорить; а если эти молодцы будут нам почаще нацеживать по каплям маленькими бокальчиками,— скажу и я на манер Горгия [14],— тогда вино не заставит нас силой быть пьяными, а убедит прийти в более веселое настроение.

27 С этим все согласились; а Филипп прибавил, что виночерпии должны брать пример с хороших возниц,— чтобы бокалы у них побыстрее проезжали круг. Виночерпии так и делали.

Глава 3

ПРЕДЛОЖЕНИЕ СОКРАТА. НОВЫЙ ХАРАКТЕР ПИРА. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ ГОСТЕЙ

После этого мальчик, настроив лиру в тон флей-
1 ты, стал играть и петь. Хвалили все, а Харм:ид даже сказал:

Однако, друзья, как Сократ сказал про вино, так, мне кажется, и это смешение красоты молодых людей и звуков печали усыпляет, но любовное вожделение будит.

2 После этого Сократ опять взял слово: Как видно, они способны доставлять нам удовольствие, друзья; по мы, я уверен, считаем себя гораздо выше их; так не стыдно ли нам даже не попробовать беседами принести друг другу какую-нибудь пользу или радость?

После этого многие говорили: Так указывай нам ты, какие разговоры вести, чтоб лучше всего достигнуть этой цели.

3 В таком случае, отвечал Сократ, я с большим удовольствием принял бы от Каллия его обещание: именно он сказал, что если мы будем у него обедать, то он покажет нам образчик своей учености.

И покажу, отвечал Каллий, если и вы все представите, что кто знает хорошего.

Никто не возражает тебе, отвечал Сократ, и не отказывается сообщить, какое знание он считает наиболее ценным.

4 Если так, сказал Каллий, скажу вам, что составляет главный предмет моей гордости: я думаю, что я обладаю способностью делать лучшими людей.

Чему же ты учишь? спросил Антисфен. Какому-нибудь ремеслу или добродетели?

Справедливость, не правда ли,— добродетель?

Клянусь Зевсом, отвечал Антисфен, самая бесспорная: храбрость и мудрость иногда кажется вредной и друзьям и согражданам, а справедливость не имеет ничего общего с несправедливостью.

5 Так вот, сказал Каллий, когда и из вас каждый скажет, что у него есть полезного, тогда и я не отка-

жусь назвать искусство, посредством которого я это делаю. Ты теперь, Никерат, говори, продолжал он, каким знанием ты гордишься.

Отец мой, сказал Никерат, заботясь о том, чтоб из меня вышел хороший человек, заставил меня выучить все произведения Гомера [1], и теперь я мог бы сказать наизусть всю «Илиаду» и «Одиссею».

6 А разве ты не знаешь того, заметил Антисфен, что и рапсоды [2] все знают эти поэмы?

Как же мне не знать, отвечал он, когда я слушаю их чуть не каждый день?

Так знаешь ли ты какой-нибудь род людской глупее рапсодов?

Клянусь Зевсом, отвечал Никерат, мне кажется, не знаю.

Разумеется, заметил Сократ, они не понимают сокровенного смысла [3]. Но ты переплатил много денег Стесимброту и Анаксимандру и многим другим, так что ничего из того, что имеет большую ценность, не осталось тебе неизвестным.

7 А что ты, Критобул? продолжал он. Чем ты всего больше гордишься?

Красотой, отвечал он.

Так можешь ли и ты сказать, спросил Сократ, что твоей красотой ты способен делать нас лучше?

Если нет, то ясно, что я окажусь ни на что не годным человеком.

8 А ты что? спросил он. Чем ты гордишься, Антисфен?

Богатством, отвечал он.

Гермоген спросил, много ли у него денег.

Антисфен поклялся, что у него ни обола [4].

Но, может быть, у тебя много земли?

Пожалуй, хватит, чтоб нашему Автолику посыпать себя пылью [5].

Надо будет и тебя послушать.

9 А ты что, Хармид? спросил он. Чем ты гордишься?

Я, наоборот, отвечал он, бедностью.

Клянусь Зевсом, заметил Сократ, это — вещь приятная: ей не завидуют, из-за нее не ссорятся; не стережешь ее,— она цела; относишься к ней без внимания,— она становится сильнее.

10 А ты, Сократ, чем гордишься? спросил Каллий. Сократ, сделав очень важную мину, отвечал: Сводничеством.

Все засмеялись при этом.

А он сказал: Вы смеетесь, а я знаю, что мог бы очень много денег получать, если бы захотел пустить в ход свое искусство.

11 А ты, сказал Ликон, обращаясь к Филиппу, конечно, гордишься своим смехотворством?

Да, и с бóльшим правом, думаю, отвечал он, чем актер Каллиппид[6], который страшно важничает тем, что может многих доводить до слез.

12 Не скажешь ли и ты, Ликон, чем ты гордишься? сказал Антисфен.

Ликон отвечал: Разве не знаете все вы, что своим сыном?

А он, спросил кто-то, конечно, своей победой?

Автолик, покраснев, сказал: Клянусь Зевсом, нет.

13 Когда все, обрадовавшись, что услышали его голос, устремили взоры на него, кто-то спросил его: А чем же, Автолик?

Он отвечал: Отцом. И с этим словом прижался к нему.

Увидя это, Каллий сказал: Знаешь ли ты, Ликон, что ты богаче всех на свете?

Клянусь Зевсом, отвечал он, этого я не знаю.

Но разве ты не сознаешь того, что ты не взял бы всех сокровищ персидского царя за сына?

Да, я попался на месте преступления, отвечал он, должно быть, я богаче всех на свете.

14 А ты, Гермоген, спросил Никерат, чем всего больше величаешься?

Добродетелью и могуществом друзей, отвечал он, и тем, что такие особы заботятся обо мне.

Тут все обратили взоры на него, и многие при этом спросили, назовет ли он их. Он отвечал, что ничего против этого не имеет.

Глава 4

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСЕДЫ О ЦЕННОСТИ ОБЕЩАННОГО КАЖДЫМ ИЗ ГОСТЕЙ ПРЕДМЕТА

1 После этого Сократ сказал: Теперь остается нам показать великую ценность обещанного каждым предмета.

Выслушайте меня прежде всех, сказал Каллий. В то время как вы спорите о том, что такое справедливость, я делаю людей справедливее.

Как же, дорогой мой? спросил Сократ.

Я даю деньги, клянусь Зевсом.

2 Тут встал Антисфен и очень задорно спросил его: Как по-твоему, Каллий, люди носят справедливость в душе или в кошельке?

В душе, отвечал Каллий.

И ты, давая деньги в кошелек, делаешь душу справедливее?

Конечно.

Как же?

Люди, зная, что у них есть на что купить все необходимое для жизни, не хотят совершать преступлений и тем подвергать себя риску.

3 Отдают ли они тебе, что получат? спросил Антисфен.

Клянусь Зевсом, отвечал Каллий, конечно, нет.

Что же? Вместо денег платят благодарностью?

Клянусь Зевсом, отвечал он, даже и этого нет; напротив, некоторые становятся даже враждебнее, чем до получения.

Удивительно, сказал Антисфен, глядя на него с задорным видом: ты можешь их делать справедливыми ко всем, а к себе самому не можешь.

4 Что же тут удивительного? возразил Каллий. Разве мало ты видал плотников и каменщиков, которые для многих других строят дома, но для себя не имеют возможности выстроить, а живут в наемных? Примирись же, софист, с тем, что ты разбит!

5 Клянусь Зевсом, заметил Сократ, он должен мириться с этим: ведь и гадатели, говорят, другим

предсказывают будущее, а для себя не предвидят, что их ожидает.

6 Этот разговор на том и прекратился.

После этого Никерат сказал: Выслушайте и мое рассуждение о том, в чем вы улучшитесь от общения со мною. Вы, конечно, знаете, что великий мудрец Гомер в своих творениях говорит о всех человеческих делах. Таким образом, кто из вас хочет стать искусным домохозяином, или народным витией, или военачальником, или подобным Ахиллу, Аяксу, Нестору, Одиссею, тот должен задобрить меня: я ведь все это знаю.

И царствовать ты умеешь, спросил Антисфен, раз ты знаешь, что он похвалил Агамемнона за то, что он и царь хороший и могучий копейщик [1]?

Да, клянусь Зевсом, отвечал Никерат, а еще и то, что, правя колесницей, надо поворачивать близко от столба [2]:

> А самому в колеснице, отделанной гладко, склониться
> Влево слегка от коней, а коня, что под правой рукою,
> Криком гнать и стрекалом, бразды отпустив ему вовсе [3].

7 А кроме этого я знаю еще одну вещь, и вам можно сейчас же это попробовать. Гомер где-то говорит: «лук, приправу к питью» [4]. Так, если принесут луку, то вы сейчас же получите пользу вот какую: будете пить с большим аппетитом.

8 Тогда Хармид сказал: Друзья, Никерату хочется, чтоб от него пахло луком, когда он вернется домой, чтобы жена его верила, что никому и в голову не пришло поцеловать его.

Да, это так, клянусь Зевсом, сказал Сократ; но мы рискуем, думаю, навлечь на себя другого рода славу,— насмешки: ведь лук, действительно, приправа, потому что он делает приятной не только еду, но и питье. Так, если мы будем есть его и после обеда, как бы не сказали, что мы пришли к Каллию для гастрономии [5].

9 Ни в каком случае не надо, сказал он [6]. Кто стремится в бой, тому хорошо есть лук, подобно тому, как некоторые, спуская петухов, кормят их чесноком; а мы, верно, думаем скорее о том, как бы кого поцеловать, чем о том, чтобы сражаться.

10 Этот разговор так приблизительно кончился. Тогда Критобул сказал: Так, я тоже скажу, на каком основании я горжусь красотой.

Говори, сказали гости.

Если я некрасив, как я думаю, то было бы справедливо привлечь вас к суду за обман: никто вас не заставляет клясться, а вы всегда с клятвой утверждаете, что я — красавец. Я, конечно, верю, потому
11 что считаю вас людьми благородными. Но если я действительно красив и вы при виде меня испытываете то же, что я при виде человека, кажущегося мне красивым, то, клянусь всеми богами, я не взял
12 бы царской власти за красоту. Теперь я с большим удовольствием смотрю на Клиния [7], чем на все другие красоты мира; я предпочел бы стать слепым ко всему остальному, чем к одному Клинию. Противны мне ночь и сон за то, что я не вижу; а дню и солнцу я в высшей степени благодарен за то, что они пока-
13 зывают Клиния. Мы, красавцы, можем гордиться еще вот чем: сильному человеку приходится работать, чтобы добывать жизненные блага, храброму — подвергаться опасностям, ученому — говорить, а красавец, даже ничего не делая, всего может достигнуть.
14 Я, например, хоть и знаю, что деньги — вещь приятная, но охотнее стал бы давать Клинию, что́ у меня есть, чем брать другие деньги у другого; я охотнее был бы рабом, чем свободным, если бы Клиний хотел повелевать мною: мне легче было бы работать для него, чем отдыхать, и приятнее было бы подвергаться опасностям за него, чем жить в безопасности.
15 Таким образом, если ты, Каллий, гордишься тем, что можешь делать людей справедливее, то я могу более, чем ты, направлять их ко всякой добродетели: благодаря тому, что мы, красавцы, чем-то вдохновляем влюбленных, мы делаем их более щедрыми на деньги, более трудолюбивыми и славолюбивыми в опасностях и уж, конечно, более стыдливыми и невоздержными, коль скоро они всего более стыдятся
16 даже того, что им нужно. Безумны также те, которые не выбирают красавцев в военачальники: я, например, с Клинием пошел бы хоть в огонь; уверен, что и вы тоже со мною. Поэтому уж не сомневайся, Сократ, что моя красота принесет какую-нибудь

17 пользу людям. Разумеется, не следует умалять достоинство красоты за то, что она скоро отцветает: как ребенок бывает красив, так равно и мальчик, и взрослый, и старец. Вот доказательство: носить масличные ветви в честь Афины выбирают красивых стариков [8], руководясь тем, что всякому возрасту со-
18 путствует красота. А если приятно получать, в чем нуждаешься, от людей с их согласия, то я уверен, и сейчас, даже не говоря ни слова, я скорее убедил бы этого мальчика и эту девушку поцеловать меня, чем ты, Сократ, хотя бы ты говорил очень много и умно.

19 Что это? сказал Сократ. Ты хвастаешься так, считая себя красивее даже меня?

Да, клянусь Зевсом, отвечал Критобул, а то я был бы безобразнее всех Силенов в сатирических драмах [9].

А Сократ, действительно, был на них похож.

20 Ну, так помни же, сказал Сократ, что этот спор о красоте надо будет решить судом, когда предположенные речи обойдут свой круг. И пусть судит нас не Александр [10], сын Приама, а они сами, которые, как ты воображаешь, желают поцеловать тебя.

21 А Клинию не предоставишь ты этого, Сократ? спросил он.

Да перестанешь ли ты, отвечал Сократ, вечно помнить о Клинии?

А если я не произношу его имени, неужели ты думаешь, что я хоть сколько-нибудь меньше помню о нем? Разве ты не знаешь, что я ношу в душе его образ настолько ясный, что если бы я обладал талантом скульптора или живописца, я по этому образу сделал бы подобие его ничуть не хуже, чем если бы смотрел на него самого.

22 На это Сократ отвечал: Раз ты носишь такой похожий образ его, то почему ты докучаешь мне и водишь меня туда, где увидишь его самого?

Потому что, Сократ, вид его самого может радовать, а вид образа не доставляет наслаждения, а вселяет тоску.

23 Тут Гермоген сказал: Мне думается, Сократ, это даже не похоже на тебя, что ты допустил Критобула дойти до такого исступления от любви.

Ты, видно, думаешь, отвечал Сократ, что он пришел в такое состояние лишь с тех пор, как со мною водит дружбу?

А то когда же?

Разве не видишь, что у него лишь недавно пушок стал спускаться около ушей, а у Клиния он уже поднимается назад [11]. Когда он ходил в одну школу
24 с ним, тогда он еще так сильно воспылал. Отец заметил это и отдал его мне, думая, не могу ли чем я быть полезен. И несомненно, ему уже гораздо лучше: прежде он, словно как люди, смотрящие на Горгон [12], глядел на него окаменелым взором и, как каменный, не отходил от него ни на шаг; а теперь я
25 увидел, что он даже мигнул. А все-таки, клянусь богами, друзья, мне кажется, говоря между нами, он даже поцеловал Клиния; а нет подтопки для любви опаснее этой: она ненасытна и подает какие-то слад-
26 кие надежды. [А может быть, и потому, что соприкосновение устами, единственное из всех действий, называется тем же словом, что и душевная любовь, оно и пользуется большим почетом] [13]. Вот почему я утверждаю, что тот, кто сможет сохранить самообладание, должен воздерживаться от поцелуев с красавцами.

27 Тут Хармид сказал: Но почему же, Сократ, нас, друзей своих, ты так отпугиваешь от красавцев, а ты сам, клянусь Аполлоном, как я однажды видел, прислонил голову к голове Критобула и обнаженное плечо к обнаженному плечу, когда вы оба у школьного учителя что-то искали в одной и той же книге?

28 Ох, ох, сказал Сократ, так вот почему, словно какой зверь меня укусил, у меня с лишком пять дней болело плечо, и в сердце как будто что-то царапало. Но теперь, Критобул, я при стольких свидетелях заявляю тебе, чтоб ты не дотрагивался до меня, пока подбородок у тебя не будет так же покрыт волосами, как голова.

Так они вперемежку то шутили, то говорили серьезно.

29 Теперь твой черед говорить, Хармид, сказал Каллий, на каком основании ты гордишься бедностью.

Всеми признано, отвечал Хармид, что не бояться лучше, чем бояться, быть свободным лучше, чем быть рабом, получать услуги лучше, чем самому ухаживать за кем, пользоваться доверием со стороны
30 отечества лучше, чем встречать недоверие. Так вот, когда я жил богато в Афинах, я, во-первых, боялся, что кто-нибудь проройет стену моего дома [14], заберет деньги и мне самому сделает какое-нибудь зло. Затем мне приходилось ублажать сикофантов [15]: я знал, что они мне скорее могут повредить, чем я им. Кроме того, город всегда налагал на меня какие-нибудь
31 расходы [16], а уехать никуда нельзя было. А теперь, когда заграничных имений [17] я лишился и от здешних не получаю дохода, а, что было в доме, все продано, я сладко сплю растянувшись; город мне доверяет; никто мне больше не грозит, а я уже грожу другим; как свободному, мне можно и здесь жить и за границей; передо мной уже встают с мест и уступают
32 дорогу на улице богатые. Теперь я похож на царя, а тогда, несомненно, был рабом. Тогда я платил налог народу, а теперь город платит мне подать и содержит меня [18]. Даже за дружбу с Сократом ругали меня, когда я был богат; а теперь, когда стал беден, никому больше нет никакого дела до меня. Мало того, когда у меня было много всего, я постоянно что-нибудь да терял,— либо по милости города, либо по воле судьбы; а теперь ничего не теряю, потому что и нет ничего у меня, а всегда надеюсь что-нибудь получить.

33 Значит, заметил Каллий, ты даже молишься о том, чтобы никогда не разбогатеть, и если увидишь какой хороший соп, то приносишь жертву богам, отвратителям несчастий [19]?

Ну, нет, клянусь Зевсом, отвечал он, этого-то я не делаю; напротив, очень люблю идти на опасность и твердо выдерживаю ее, если где надеюсь что-нибудь добыть.

34 А ну-ка, сказал Сократ, ты теперь говори нам, Антисфен, как это ты, имея столь мало, гордишься богатством.

По моему убеждению, друзья, у людей богатство
35 и бедность не в хозяйстве, а в душе. Я вижу много частных лиц, которые, владея очень большим капи-

талом, считают себя такими бедными, что берутся за всякую работу, идут на всякую опасность, только бы добыть побольше. Знаю и братьев, которые получили в наследство поровну, но у одного из них средств хватает, даже есть излишки против расхода, а другой
86 нуждается во всем. Я слыхал и про тиранов, которые так алчны до денег, что прибегают к действиям гораздо более преступным, чем люди самые неимущие: из-за нужды одни крадут, другие прорывают стены [14], иные похищают людей [20], а тиранны бывают такие, что уничтожают целые семьи, казнят людей массами, часто даже целые города из-за денег
87 обращают в рабство. Мне их очень жалко, что у них такая тяжелая болезнь: мне кажется, с ними происходит что-то похожее на то, как если бы человек много имел, много ел, но никогда не был бы сыт. А у меня столько всего, что и сам я насилу нахожу это [21]; но все-таки у меня в барышах остается, что евши я дохожу до того, что не бываю голоден, пивши — до того, что не чувствую жажды, одеваюсь
88 так, что на дворе не мерзну нисколько не хуже такого богача, как Каллий; а когда бываю в доме, то очень теплыми хитонами кажутся мне стены, очень теплыми плащами — крыши; постелью я настолько доволен, что трудно бывает даже разбудить меня. Когда тело мое почувствует потребность в наслаждении любовью, я так бываю доволен тем, что есть, что женщины, к которым я обращаюсь, принимают меня с восторгом, потому что никто другой не хочет
89 иметь с ними дела. И все это кажется мне таким приятным, что испытывать больше наслаждения при исполнении каждого такого акта я и не желал бы, а, напротив, меньше: до такой степени некоторые из
40 них кажутся мне приятнее, чем это полезно. Но самым драгоценным благом в моем богатстве я считаю вот что: если бы отняли у меня и то, что теперь есть, ни одно занятие, как я вижу, не оказалось бы настолько плохим, чтобы не могло доставлять мне
41 пропитание в достаточном количестве. И в самом деле, когда мне захочется побаловать себя, я не покупаю на рынке дорогих продуктов, потому что это начетисто, а достаю их из кладовой своей души. И гораздо больше способствует удовольствию, когда

подносишь ко рту пищу, дождавшись аппетита, чем когда употребляешь дорогие продукты [22], как, например, теперь, когда я пью это фасосское вино [23], не
42 чувствуя жажды, а только потому, что оно попалось мне под руку. Несомненно, и гораздо честнее должны быть люди, любящие дешевизну, чем любящие дороговизну: чем больше человеку хватает того, что есть,
43 тем меньше он зарится на чужое. Следует обратить внимание еще на то, что такое богатство делает человека и более щедрым. Сократ, например, от которого я получил его, давал его мне без счета, без веса: сколько я мог унести с собою, столько он мне и давал. Я тоже теперь никому не отказываю: всем друзьям показываю изобилие богатства в моей душе
44 и делюсь им со всяким. Далее, видите, такая прелесть, как досуг, у меня всегда есть; поэтому я могу смотреть, что стоит смотреть, слушать, что стоит слушать, и, чем я особенно дорожу, благодаря досугу проводить целые дни с Сократом. Да и Сократ не ценит людей, насчитывающих груды золота, а, кто ему нравится, с теми постоянно и проводит время. Так говорил Антисфен.

45 Каллий сказал: Клянусь Герой, завидую твоему богатству, и особенно потому, что ни город не налагает на тебя повинностей и не распоряжается тобою, как рабом, ни люди не сердятся, если не дашь взаймы.

Нет, клянусь Зевсом, возразил Никерат, не завидуй: я вернусь домой, позаимствовав у него это «ни в чем не нуждается» [24]. Так уже научил меня счету Гомер:

> Семь огня не видавших треножников, десять талантов
> Злата, да двадцать лоханей блестящих, да коней
> двенадцать;

и я вечно стремлюсь увеличить как можно больше свое богатство и весом и счетом; поэтому, может быть, некоторые и находят, что я слишком жаден до денег.

Тут все рассмеялись, считая, что он сказал правду.

46 После этого кто-то сказал: Теперь за тобой дело, Гермоген: ты должен рассказать, кто такие твои друзья, и показать, что они сильны и заботятся о тебе: тогда видно будет, что ты имеешь право ими гордиться.

47 И эллины и варвары признают, что боги все знают — и настоящее и будущее; это вполне очевидно: по крайней мере, все города и все народы через оракулов вопрошают богов, что делать и чего не делать. Затем, мы верим, что они могут делать и добро и зло; это тоже ясно: по крайней мере, все молят богов
48 отвратить дурное и даровать хорошее. Так вот, эти всеведущие и всемогущие боги так дружественно расположены ко мне, что, при своем попечении, они никогда не забывают обо мне — ни ночью, ни днем, куда бы я ни шел, что бы ни собирался делать. Благодаря своему предвидению последствий каждого дела, они, посылая в виде вестников голоса, сны, вещих птиц [25], указывают мне, что необходимо делать и чего не должно делать; когда я следую этим указаниям, никогда не раскаиваюсь; но бывали случаи, когда я им не верил и был наказан.

49 Тут Сократ сказал: В этом нет ничего невероятного. Но мне хотелось бы вот что узнать от тебя: каким образом ты им служишь, что они так дружественны к тебе?

Кляпусь Зевсом, отвечал Гермоген, очень дешевым: я славлю их, ничего не тратя; из того, что они даруют, всегда часть воздаю им; насколько могу, говорю в благочестивом духе; в делах, в которых призываю их в свидетели, не лгу добровольно.

Клянусь Зевсом, сказал Сократ, если к такому человеку, как ты, боги дружественно расположены, то, надо думать, и они радуются добродетели.

50 В таком серьезном тоне шла беседа.

Но, когда дело дошло до Филиппа, его спросили, что великого он находит в смехотворстве, почему им гордится.

Как же не гордиться, отвечал Филипп, когда все, зная, что я шут, приглашает меня охотно, если у них дела идут хорошо, а если плохо, бегут без оглядки из опасения, как бы им не засмеяться даже против воли?

51 Клянусь Зевсом, заметил Никерат, ты имеешь право гордиться. У меня бывает наоборот: кому из моих друзей живется хорошо, тот уходит прочь; а с кем случится несчастие, тот говорит о своем родстве и не отстает от меня.

52 Ну, хорошо, сказал Хармид. А ты, спракузянин, чем гордишься? Наверно, мальчиком?

Клянусь Зевсом, отвечал он, вовсе нет; напротив, я страшно боюсь за него: я замечаю, что некоторые замышляют коварно погубить его.

53 Услышав это, Сократ сказал: О Геракл! Какую же такую обиду, думают они, нанес им твой мальчик, что они хотят убить его?

Нет, отвечал он, конечно, не убить его они хотят, а уговорить спать с ними.

А ты, по-видимому, думаешь, что если бы это случилось, то он бы погиб?

Клянусь Зевсом, отвечал он, совершенно.

54 И сам ты, значит, спросил Сократ, не спишь с ним?

Клянусь Зевсом, все ночи напролет.

Клянусь Герой, заметил Сократ, большое тебе счастье, что природа дала тебе такое тело, которое одно не губит тех, кто спит с тобою. Поэтому если нéчем другим, то таким телом тебе следует гордиться.

55 Нет, клянусь Зевсом, отвечал он, не им я горжусь.

Так чем же?

Клянусь Зевсом, дураками: они смотрят на мой кукольный театр и дают мне хлеб.

Так вот почему, сказал Филипп, намедни я слышал, как ты молился богам, чтобы они посылали везде, где ты будешь, хлеба обилие, а ума неурожай.

56 Ну, хорошо, сказал Каллий. А ты, Сократ, что можешь сказать, почему ты вправе гордиться таким бесславным искусством, которое ты назвал?

Уговоримся сперва, сказал Сократ, в чем состоит дело сводника.

На все мои вопросы отвечайте без замедления, чтобы нам знать все, в чем придем к соглашению. Вы тоже так думаете?

Конечно, отвечали они. Сказавши раз «конечно», после этого все давали ответ этим словом.

57 Итак, начал Сократ, задача хорошего сводника — сделать так, чтобы тот или та, кого он сводит, нравился тем, с кем он будет иметь дело, не правда ли?

Конечно, был общий ответ.

Одно из средств нравиться не состоит ли в том, чтобы пметь идущий к лицу фасон прически и одежды?

Конечно, был общий ответ.

58 Не знаем ли мы и того, что человек может одними и теми же глазами смотреть на кого-нибудь и дружелюбно и враждебно?

Конечно.

А что? Одним и тем же голосом можно говорить и скромно и дерзко?

Конечно.

А что? Не бывает ли так, что одни речи возбуждают вражду, другие ведут к дружбе?

Конечно.

59 Хороший сводник не будет ли из всего этого учить тому, что помогает нравиться?

Конечно.

А какой сводник лучше,— который может делать так, чтобы его клиенты нравились одному, или который — многим?

Тут голоса разделились: одни сказали: «очевидно, который — очень многим», а другие: «конечно».

60 Сократ сказал, что и относительно этого все согласны, и продолжал: А если бы кто мог делать так, чтобы люди нравились даже целому городу, не был ли бы он уже вполне хорошим сводником?

Несомненно, был общий ответ.

Если бы кто мог делать такими людей, во главе которых он стоит, не был ли бы он вправе гордиться этим искусством и не был ли бы вправе получать большое вознаграждение?

61 Когда и с этим все согласились, он продолжал: Таков, мне кажется, наш Антисфен.

Мне передаешь ты, Сократ, это искусство? сказал Антисфен.

Да, клянусь Зевсом, отвечал Сократ, я вижу, ты вполне изучил и родственное этому искусство.

Какое это?

Искусство завлечения, отвечал Сократ.

62 Антисфен, ужасно обидевшись, спросил: Какой же поступок такого рода ты знаешь за мной, Сократ?

Знаю, отвечал он, что ты завлек нашего Каллия к мудрому Продику, видя, что Каллий влюблен в философию, а Продику нужны деньги; знаю, что ты завлек его к Гиппию из Элиды, у которого он научился искусству помнить и оттого с тех пор стал еще больше влюбчивым, потому что никогда не за-

63 бывает ничего прекрасного, что ни увидит. Недавно и мне ты расхваливал этого проезжего из Геракле и[26] и, возбудив во мне страсть к нему, познакомил его со мною. За это, конечно, я тебе благодарен: человек он, мне кажется, в высшей степени благородный. А Эсхила из Флиунта[27] разве ты мне не расхваливал, а меня ему? И не довел ли ты нас до того, что мы, влюбившись под влиянием твоих речей, бегали, как собаки, разыскивая друг друга?

64 Так, видя, что ты можешь это делать, я считаю тебя хорошим завлекателем. У кого есть талант узнавать, какие люди полезны друг другу, и кто может возбуждать в них взаимную страсть, тот мог бы, мне кажется, и город склонять к дружбе, и браки устраивать подходящие: он был бы дорогим приобретением и для городов, и для друзей, и для союзников. А ты рассердился, как будто я обругал тебя, назвав тебя хорошим завлекателем.

Теперь нет, клянусь Зевсом, сказал Антисфен. Если я действительно обладаю таким талантом, то душа у меня уж совсем набита будет богатством.

Так завершился этот круг бесед.

Глава 5

СПОР О КРАСОТЕ МЕЖДУ КРИТОБУЛОМ И СОКРАТОМ

1 Каллий сказал: А ты, Критобул, не хочешь вступить в состязание с Сократом о красоте?

Клянусь Зевсом, не хочет, заметил Сократ: может быть, он видит, что сводник в почете у судей.

А все-таки, возразил Критобул, я не уклоняюсь. Докажи, если у тебя есть какие умные аргументы, что ты красивее меня. Только, прибавил он, пускай он лампу поближе пододвинет.

Так вот, начал Сократ, прежде всего я призываю тебя к допросу по поводу нашего дела; отвечай!

А ты спрашивай!

Только ли в человеке, по твоему мнению, есть красота или еще в чем-нибудь другом?

Клянусь Зевсом, отвечал он, по-моему, она есть и в лошади, и в быке, и во многих неодушевленных предметах. Я знаю, например, что и щит бывает прекрасен, и меч, и копье.

Как же возможно, спросил Сократ, что эти предметы, нисколько не похожие один на другой, все прекрасны?

Клянусь Зевсом, отвечал Критобул, если они сделаны хорошо для тех работ, ради которых мы их приобретаем, или если они по природе своей хороши для наших нужд, то и они прекрасны.

Знаешь ли ты, спросил Сократ, для чего нам нужны глаза?

Понятно, отвечал он, для того, чтобы видеть.

В таком случае мои глаза будут прекраснее твоих.

Почему же?

Потому что твои видят только прямо, а мои вкось, так как они навыкате.

Судя по твоим словам, сказал Критобул, у рака глаза лучше, чем у всех животных?

Несомненно, отвечал Сократ, потому что и по отношению к силе зрения у него от природы превосходные глаза.

Ну, хорошо, сказал Критобул; а нос у кого красивее — у тебя или у меня?

Думаю, у меня, отвечал Сократ, если только боги дали нам нос для обоняния: у тебя ноздри смотрят в землю, а у меня они открыты вверх, так что воспринимают запах со всех сторон.

А приплюснутый нос чем красивее прямого?

Тем, что он не служит преградой зрению, а дозволяет глазам сразу видеть; что хотят; а высокий нос, точно издеваясь, разделяет глаза барьером.

7 Что касается рта, сказал Критобул, я уступаю: если он создан, чтобы откусывать, то ты откусишь гораздо больше, чем я. А что у тебя губы толстые, не думаешь ты, что поэтому и поцелуй твой нежнее?

Судя по твоим слова, сказал Сократ, можно подумать, что у меня рот безобразнее, чем даже у осла. А того не считаешь ты доказательством большей моей красоты, что и наяды [1], богини, рождают Силенов [2], скорее похожих на меня, чем на тебя?

8 Больше я не могу тебе возражать, сказал Критобул. Пускай они [3], прибавил он, кладут камешки, чтобы скорее мне узнать, какому наказанию или штрафу следует мне подвергнуться. Только пусть они кладут их тайно: боюсь я, как бы твое и Антисфеново богатство меня не одолело [4].

9 Тут девушка и мальчик стали тайно по очереди класть камешки. Тем временем Сократ из опасения, что судьи могут быть введены в обман, хлопотал, чтобы лампу поднесли уже к Критобулу и чтобы наградой победителю от судей были не ленты [5], а по-
10 целуи. Когда камешки высыпали и они все оказались в пользу Критобула, Сократ воскликнул: Ай, ай, ай! Твое серебро, Критобул, не похоже на Каллиево. Каллиево делает людей справедливее, а твое, как и у большинства людей, имеет свойство совращать судей и в суде и в состязаниях.

Глава 6

РАЗГОВОР СОКРАТА С ГЕРМОГЕНОМ И СИРАКУЗЯНИНА С СОКРАТОМ

1 После этого одни из гостей требовали, чтобы Критобул получал победные поцелуи, другие советовали ему попросить позволения на это у хозяина [1], иные шутили. А Гермоген и тут молчал [2]. Тогда Сократ, назвав его по имени, сказал: Можешь ли ты, Гермоген, сказать нам, что такое «скандалить в пьяном виде» [3]?

Гермоген отвечал: Если ты спрашиваешь, что это, я не знаю; но свое мнение могу высказать.

Хорошо, отвечал Сократ.

2 Так вот, за вином делать неприятность гостям — это, по-моему, и есть скандалить в пьяном виде.

Понимаешь ли ты, что и ты делаешь нам неприятность своим молчанием?

Даже когда вы говорите?

Нет, когда перестаем.

Так, неужели ты не замечаешь, что между вашими речами волоса даже не всунешь, не то что слова?

3 Каллий, сказал Сократ, можешь ли ты помочь человеку, которого приперли к стене [4]?

Да, отвечал он, когда раздаются звуки флейты, мы совершенно молчим [5].

Уж не хотите ли вы, сказал Гермоген, чтобы я разговаривал с вами под аккомпанемент флейты [6], вроде того, как актер Никострат [7] декламировал тетраметры под звуки флейты?

4 Ради богов, Гермоген, сказал Сократ, так и делай [8]. Как песня под звуки флейты приятнее, так и твои речи будут хоть сколько-нибудь приятнее от звуков, особенно если ты, как и флейтистка [9], будешь сопровождать слова мимикой.

5 Так, когда наш Антисфен во время пирушки будет кого-нибудь опровергать, сказал Каллий, какая будет мелодия [10]?

Для того, кого опровергают, заметил Антисфен, подходящей мелодией, думаю, был бы свист.

6 Между тем сиракузянин, увидев, что во время таких разговоров гости не обращают внимания на его представления, а забавляются между собою, сердился на Сократа и сказал ему: Сократ, это тебя прозывают мыслильщиком [11]?

Так это почетнее, отвечал Сократ, чем если бы меня звали немыслящим.

Да, если бы не считали тебя мыслильщиком о небесных светилах [12].

Знаешь ли ты, спросил Сократ, что-нибудь на небе выше богов?

7 Клянусь Зевсом, отвечал он, про тебя говорят, что ты не ими занят, а вещами самыми неполезными.

Так и в этом случае окажется, что я занят богами: они посылают с неба полезный дождь, с неба дарują свет. А если моя шутка холодна[13], то в этом ты виноват, потому что пристаешь ко мне.

8 Оставь это, продолжал он, а скажи-ка мне, скольким блошиным ногам равно расстояние, отделяющее тебя от меня[14]: говорят, в этом состоит твое землемерие.

Тут Антисфен сказал: Ты, Филипп, мастер делать сравнения: как ты думаешь, не похож ли этот молодчик на любителя ругаться?

Да, клянусь Зевсом, и на многих других, сказал Филипп.

9 Все-таки, сказал Сократ, ты не сравнивай его ни с кем, а то и ты будешь похож на ругателя.

Нет, если я сравниваю с людьми, которых все считают прекрасными и наилучшими, то меня можно сравнить скорее с хвалителем, чем с ругателем.

И сейчас ты похож на ругателя, хоть и называешь его во всем лучше других[15].

10 А хочешь, я буду сравнивать его с худшими?

Не надо и с худшими.

А ни с кем?

Не сравнивай его ни с кем ни в чем.

А если я буду молчать, не знаю, как же мне делать, что полагается за обедом.

Очень просто: если не будешь говорить, чего не следует,— сказал Сократ.

Так был погашен этот скандал.

Глава 7

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПИРА И ПРЕДЛОЖЕНИЕ СОКРАТА СИРАКУЗЯНИНУ

1 После этого одни из гостей высказывали желание, чтобы он приводил сравнения[1], а другие были против. Поднялся шум, и Сократ опять взял слово.

Раз мы все хотим говорить, так не лучше ли всего теперь нам и запеть хором?

2 После этих слов он сейчас же начал песню. Когда они кончили пение, для танцовщицы принесли гончарный круг, на котором она должна была выделывать свои фокусы.

Тут Сократ сказал: Сиракузянин, пожалуй, я и в самом деле, как ты говоришь, мыслильщик: вот, например, сейчас я смотрю, как бы этому мальчику твоему и этой девушке было полегче, а нам бы побольше получать удовольствия, глядя на них; уве-
3 рен, что и ты этого хочешь. Так вот, мне кажется, кувыркаться между мечами — представление опасное, совершенно не подходящее к пиру. Да и вертеться на круге и в то же время писать и читать — искусство, конечно, изумительное, но, какое удовольствие оно может доставить, я даже и этого не могу понять. Точно так же смотреть на красивых, цветущих юношей, когда они сгибаются всем телом на манер колеса, нисколько не более приятно, чем когда они находятся в спокойном положении. В са-
4 мом деле, совсем не редкость встречать удивительные явления, если кому это нужно: вот, например, находящиеся здесь вещи могут возбуждать удивление: почему это фитиль, оттого что имеет блестящее пламя, дает свет, а медный резервуар, хоть и блестящий, света не производит, а другие предметы, видимые в нем, отражает? Или почему масло, хоть оно и жидкость, усиливает пламя, а вода потому, что она жидкость, гасит огонь? Однако
5 и такие разговоры направляют нас не туда, куда вино. Но вот если бы они под аккомпанемент флейты стали танцами изображать такие положения, в которых рисуют Харит, Гор[2] и Нимф, то, я думаю, и им было бы легче, и наш пир был бы гораздо приятнее.

Клянусь Зевсом, ты прав, Сократ, отвечал сиракузянин, я устрою спектакль, который вам доставит удовольствие.

Глава 8

РАССУЖДЕНИЕ СОКРАТА ОБ ЭРОТЕ И О ПРЕВОСХОДСТВЕ ЛЮБВИ ДУХОВНОЙ

1 Сиракузянин вышел и занялся приготовлениями, а Сократ опять завел новый разговор.

Не следует ли нам, друзья, сказал он, вспомнить о великом боге, пребывающем у нас, который по времени ровесник присносущим богам, а по виду всех моложе, который своим величием объемлет весь мир, а в душе человека помещается,— об Эро-
2 те[1], тем более, что все мы — почитатели его? Я с своей стороны не могу указать времени, когда бы я не был в кого-нибудь влюблен; наш Хармид[2], как мне известно, имеет много влюбленных в него, а к некоторым он и сам чувствует страсть; Критобул, хоть и любим, уже чувствует страсть к другим. Да и
3 Никерат, как я слышал, влюблен в свою жену, которая сама влюблена в него[3]. Про Гермогена кому из нас не известно, что он изнывает от любви к высокой нравственности, в чем бы она ни заключалась? Разве вы не видите, как серьезны у него брови, недвижим взор, умеренны речи, мягок голос, как светло все его существо? И, пользуясь дружбой
4 высокочтимых богов, он не смотрит свысока на вас, людей! А ты, Антисфен, один ни в кого не влюблен?

Клянусь богами, отвечал Антисфен, очень даже — в тебя!

Сократ шутливо, как бы заигрывая, сказал: Нет, теперь, в такое время, не приставай ко мне: ты видишь, я другим занят.

5 Антисфен отвечал: Как откровенно ты, сводник себя самого, всегда поступаешь в таких случаях! То ссылаешься на голос бога[4], чтобы не разговаривать со мною, то у тебя есть какое-то другое дело!

6 Ради богов, Антисфен, сказал Сократ, только не бей меня[5]; а твой тяжелый характер во всем остальном я переношу и буду переносить по-дружески. Однако будем скрывать от других твою любовь, тем более что она — любовь не к душе моей, а к красоте.

7 А что ты, Каллий, влюблен в Автолика, весь город это знает, да многие, думаю, и из приезжих. Причина этого та, что оба вы — дети славных отцов
8 и сами — люди видные. Я всегда был в восторге от тебя, а теперь еще гораздо больше, потому что вижу, что предмет твоей любви — не утопающий в неге, не расслабленный ничегонеделаньем, но всем показывающий силу, выносливость, мужество и самообладание[6]. А страсть к таким людям служит показателем натуры влюбленного. Одна ли Афродита
9 или две — небесная и всенародная, — не знаю[7]: ведь и Зевс, по общему признанию один и тот же, имеет много прозваний[8]; но, что отдельно для той и другой воздвигнуты алтари и храмы и приносятся жертвы — для всенародной менее чистые, для небес-
10 ной более чистые[7] — это знаю. Можно предположить, что и любовь к телу насылает — всенародная, а к душе, к дружбе, к благородным подвигам — не-
11 бесная. Этой любовью, мне кажется, одержим и ты, Каллий. Так сужу я на основании высоких качеств твоего любимца, а также по тому, что, как вижу, ты приглашаешь отца его на свои свидания с ним: конечно, у нравственно любящего нет никаких таких тайн от отца.

12 Клянусь Герой, заметил Гермоген, многое в тебе, Сократ, приводит меня в восторг, между прочим и то, что теперь ты, говоря комплименты Каллию, в то же время учишь его, каким ему следует быть.

Да, клянусь Зевсом, отвечал Сократ; а чтобы доставить ему еще больше радости, я хочу доказать ему, что любовь к душе и выше гораздо любви
13 к телу. В самом деле, что без дружбы никакое общение между людьми не имеет ценности, это мы все знаем. А кто восхищается духовной стороной, у тех дружба называется приятной и добровольной потребностью; напротив, кто чувствует вожделение к телу, из тех многие бранят и ненавидят нрав сво-
14 их любимцев; если же и полюбят и тело и душу, то цвет юности скоро, конечно, отцветает; а когда он исчезнет, необходимо должна с ним увянуть и дружба; напротив, душа все время, пока шествует по пути большей разумности, становится все более
15 достойной любви. Далее, при пользовании внеш-

ностью бывает и некоторое пресыщение, так что по отношению к любимому мальчику необходимо происходит то же, что по отношению к кушаньям при насыщении; а любовь к душе по своей чистоте не так скоро насыщается, однако по этой причине она не бывает менее приятной; нет, тут явно исполняется молитва, в которой мы просим богиню даро-
16 вать нам приятные и слова и дела. И действительно, что восхищается любимцем и любит его душа, цветущая изящной внешностью и правом скромным и благородным, которая способна уже среди сверстников первенствовать и отличается любезностью,— это не нуждается в доказательстве; а что такой любящий естественно должен пользоваться взаимной любовью и со стороны мальчика, я и это дока-
17 жу. Так, прежде всего, кто может ненавидеть человека, который, как ему известно, считает его высоконравственным. Который, как он видит, о нравственности мальчика заботится больше, чем о своем собственном удовольствии? Если, сверх того, он верит, что дружба с его стороны не уменьшится, когда его юность пройдет или когда он от болезни поте-
18 ряет красоту? А если люди взаимно любят друг друга, разве не станут они смотреть один на другого с удовольствием, разговаривать с благожелательностью, оказывать доверие друг другу, заботиться друг о друге, вместе радоваться при счастливых обстоятельствах, вместе горевать, если постигнет какая неудача, радостно проводить время, когда они находятся вместе здоровые, а если который заболеет, находиться при нем еще более неотлучно, в отсутствии заботиться друг о друге еще более, чем когда присутствуют? Все это разве не приятно? Благодаря
19 таким поступкам они любят эту дружбу и доживают до старости с нею. А того, кто привязан только к телу, за что станет любить мальчик? За то, что он себе берет, что ему хочется, а мальчику оставляет стыд и срам? Или за то, что, стремясь добиться от мальчика цели своих желаний, он старательно
20 удаляет от него близких людей? Да и за то даже, что он действует на него не насилием, а убеждением, даже и за это он заслуживает скорее ненависти: ведь кто действует насилием, выставляет себя

в дурном свете, а кто действует убеждением, раз-
21 вращает душу убеждаемого. Но даже и тот, кто за деньги продает свою красоту, за что будет любить покупателя больше, чем торговец на рынке? Конечно, и за то, что он, цветущий, имеет дело с отцветшим, красивый — с уже некрасивым, с влюбленным — не влюбленный, и за это он не будет любить его. И действительно, мальчик не делит с мужчиной, как женщина, наслаждения любви, а трезво
22 смотрит на опьяненного страстью. Поэтому нисколько не удивительно, что в нем появляется даже презрение к влюбленному. Если присмотреться, то найдешь, что от тех, кого любят за нравственные качества, не исходит никакого зла, а от бесстыдной
23 связи бывает много преступлений. Теперь я покажу, что для человека, любящего тело больше души, эта связь и унизительна. Кто учит говорить и поступать, как должно, имеет право пользоваться уважением, как Хирон и Феникс со стороны Ахилла[9]; а вожделеющий тела, конечно, будет ходить около него, как нищий: да, он всегда следует за ним, просит милостыню, всегда ему нужен еще или поцелуй,
24 или другое какое прикосновение. Не удивляйтесь, что я выражаюсь слишком грубо: вино побуждает меня, и всегдашний мой сожитель Эрот подгоняет меня, чтобы я говорил откровенно против враждеб-
25 ного ему Эрота. И в самом деле, человек, обращающий внимание только на наружность, мне кажется, похож на арендатора земельного участка: он заботится не о том, чтобы возвысить его ценность, а о том, чтобы самому собрать с него как можно больший урожай. А кто жаждет дружбы, скорее похож на собственника именья: он отовсюду приносит, что может, и возвышает ценность своего лю-
26 бимца. То же бывает и с любимцами: мальчик, знающий, что, отдавая свою наружность, он будет властвовать над влюбленным, естественно, будет относиться ко всему остальному без внимания. Напротив, кто понимает, что, не будучи нравственным, он не удержит дружбу, тот должен более заботить-
27 ся о добродетели. Величайшее счастье для того, кто желает из любимого мальчика сделать себе хорошего друга, это то, что ему и самому необходимо

стремиться к добродетели. И действительно, если он сам поступает дурно, не может он близкого ему человека сделать хорошим, и, если он являет собою пример бесстыдства и неумеренности, не может он своему любимцу внушить умеренность и стыд.
28 Я хочу показать тебе, Каллий, также и на основании примеров из мифологии, что не только люди, но и боги и герои любовь к душе ставят выше, чем
29 наслаждение телом. Зевс, например, влюбляясь в прелести смертных женщин, после сочетания с ними оставлял их смертными; а в ком он восторгался добродетелями души, тех делал бессмертными; к числу их принадлежат Геракл и Диоскуры [10],
30 да и другие, как говорят. Я тоже утверждаю, что и Ганимеда [11] Зевс унес на Олимп не ради тела, но ради души. В пользу этого говорит и его имя: у Гомера есть выражение:

ganytai de t'akoyon:

это значит: «радуйся слушая». А где-то в другом месте есть такое выражение:

pykina phresi medea eidos [12]:

это имеет смысл: «зная в уме мудрые мысли». Как видно из этих двух мест, Ганимед получил почет среди богов не потому, что был назван «радующий
31 телом», но «радующий мыслями» [13]. Затем, Никерат, и Ахилл, как говорит Гомер, с такой славой отмстил за смерть Патрокла, не как предмета любви, а как друга. Равным образом Орест, Пилад, Фесей, Пирифой [14] и многие другие доблестнейшие полубоги, по словам поэтов, совершили сообща такие великие и славные подвиги не потому, что спали вместе, а потому, что высоко ценили друг друга. А что?
32 Не окажется ли, что и теперь все славные деяния совершают ради хвалы люди, готовые трудиться и подвергаться опасностям, более, чем люди, привыкшие предпочитать удовольствие славе? Правда, Павсаний [15], влюбленный в поэта Агафона, говорит в защиту погрязших в невоздержании, что и войско
33 из влюбленных и любимых было бы очень сильно, потому что, сказал он, по его мнению, они больше всех стыдились бы покидать друг друга. Странное

мнение, будто люди, привыкшие относиться равнодушно к осуждению и быть бесстыдными друг перед
34 другом, будут больше всех стыдиться какого-либо позорного поступка! В доказательство он приводит то, что также фиванцы и элейцы держатся этого мнения: по крайней мере, хотя любимые мальчики и спят с ними, они ставят их около себя во время сражения. Однако это совершенно не подходящее доказательство. У них это законно, а у нас предосудительно. Мне кажется, люди, ставящие их около себя, как будто не надеются, что любимцы, находясь отдельно, будут совершать геройские подвиги. Спар-
35 танцы, напротив, убежденные, что человек, хоть только вожделеющий тела, не способен уже ни на какой благородный подвиг, делают из своих любимцев таких идеальных героев, что если они стоят в строю даже с чужеземцами, не в одном городе с любящим, все-таки стыдятся покидать товарищей:
36 они признают богиней не Бесстыдство, а Стыдливость[16]. Мне кажется, мы все можем прийти к одному мнению о предмете моей речи, если рассмотрим вопрос так: при какой любви можно скорее доверять мальчику деньги или детей либо оказывать ему благодеяния в надежде на отплату с его стороны? Я с своей стороны думаю, что даже тот самый, кто пользуется наружностью любимца, скорее
37 доверил бы все это достойному любви по душе. А твой долг, Каллий, думается мне, быть благодарным также и богам за то, что они внушили тебе любовь к Автолику. Что он честолюбив, это вполне очевидно, коль скоро он готов переносить много трудов, много мук для того, чтобы глашатай объявил его
38 победителем в панкратии. А если он мечтает не только быть украшением себе и отцу, но получить возможность благодаря своим высоким нравственным качествам делать добро друзьям, возвеличить отечество, воздвигая трофеи по поводу побед на врагами, и через это стать известным и славным среди эллинов и варваров, то неужели ты думаешь, что он тому самому, в ком видит лучшего помощника в этом, не
39 станет оказывать величайшее уважение? Таким образом, если хочешь ему нравиться, надо смотреть, какого рода знания дали Фемистоклу возможность

освободить Элладу; смотреть, какого рода сведения доставили Периклу славу лучшего советника отечеству; надо исследовать также, какие философские размышления помогли Солону дать такие превосходные законы нашему городу; надо доискаться, наконец, какие упражнения способствуют спартанцам иметь репутацию лучших военачальников: ты — их проксен[17], и у тебя всегда останавливаются лучшие
40 их представители. Поэтому город скоро доверил бы тебе руководство своими делами, если ты хочешь; будь в том уверен. У тебя имеются очень важные качества для этого: ты — знатного рода, ты — жрец богов эрехфеевых[18], которые вместе с Иакхом ополчились на варваров, и теперь на празднике ты считаешься из всех своих предков достойнейшим священного сана; собою ты красивее всех на взгляд
41 в городе; у тебя достаточно сил переносить труды. Если вам кажется, что я говорю слишком серьезно для беседы за вином, не дивитесь и этому: я наравне с другими горожанами всегда влюблен в людей, одаренных от природы хорошими задатками и считающих для себя честью стремление к добродетели.

42 Начались разговоры по поводу этой речи, а Автолик не сводил глаз с Каллия. Каллий, искоса поглядывая на него, сказал: Итак, Сократ, ты будешь сводником между мною и городом, чтобы я занимался общественными делами и был всегда в милости у него?

43 Да, клянусь Зевсом, отвечал Сократ, ты будешь таким, если граждане увидят, что ты не для вида только, а на самом деле стремишься к добродетели. Ложная слава скоро разоблачается опытом, а истинная добродетель, если бог не препятствует, своими деяниями приобретает себе все больший блеск славы!

Глава 9

УДАЛЕНИЕ ЛИКОНА С АВТОЛИКОМ. МИМИЧЕСКИЙ ТАНЕЦ, ИЗОБРАЖАЮЩИЙ БРАК ДИОНИСА С АРИАДНОЙ. КОНЕЦ ПИРА

1 На том и кончилась эта беседа. Автолик — ему уже было время[1] — встал, чтобы идти на прогулку. Отец его Ликон, выходя вместе с ним, обернулся и сказал: Клянусь Герой, ты — благородный человек, Сократ, как мне кажется.

2 После этого сперва в комнате поставили трон[2], потом сиракузянин вошел и сказал: Друзья, Ариадна[3] войдет в брачный покой, общий у нее с Дионисом; затем придет Дионис, подвыпивший у богов,
3 и войдет к ней, и тогда они будут забавляться между собою. После этого сперва пришла Ариадна, в брачном наряде, и села на троне. Пока еще не являлся Дионис, флейтистка играла вакхический мотив. Тут все пришли в восторг от искусства балетмейстера: как только Ариадна услышала эти звуки, она сделала такой жест, по которому всякий понял бы, что ей приятно слушать это: она не пошла ему навстречу и даже не встала, но видно было, что ей
4 трудно усидеть на месте. Когда Дионис увидал ее, он приблизился к ней танцуя, как бы выражая этим самую нежную любовь, сел к ней на колени и, обнявши, поцеловал ее. Она как будто стыдилась, но все-таки нежно обнимала его сама. При виде этого гости опять[4] стали хлопать и кричать. Когда Дио-
5 нис, вставая, поднял с собою и Ариадну, можно было видеть, как они мимикой изображали поцелуи и объятия. Гости видели, как на самом деле красив Дионис, как молода Ариадна, видели, что они не в шутку, а взаправду целуются устами, смотрели
6 все в приподнятом настроении: слышали, как Дионис спрашивает ее, любит ли она его, и как она клялась ему в этом так, что не только Дионис[5]... но и все присутствующие тоже поклялись бы, что юноша и девушка любят друг друга. Видно было, что они не обучены этой мимике, но получили по-

7 зволение делать то, чего давно желали. Наконец, когда гости увидали, что они обнялись и как будто пошли на ложе, то неженатые клялись жениться, а женатые сели на лошадей и поехали к своим женам, чтобы насладиться ими. А Сократ и другие оставшиеся пошли вместе с Каллием гулять к Ликону и его сыну. Таков был конец тогдашнего пира.

ДОМОСТРОЙ

Глава 1

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ О ХОЗЯЙСТВЕ

1 Я слышал однажды его[1] разговор также о домашнем хозяйстве приблизительно такого содержания.

Скажи мне, Критобул, не правда ли, домоводство есть название какой-то науки, так же, как медицина, кузнечное дело, плотничье дело?

Думаю, что так, отвечал Критобул.

Можем ли мы сказать, в чем состоит предмет домоводства, подобно тому, как мы могли бы сказать, в чем состоит предмет каждой из тех наук?

Мне кажется, отвечал Критобул, дело хорошего хозяина состоит в хорошем управлении хозяйством.

3 А если бы мы ему поручили управлять чужим хозяйством, не мог ли бы он так же хорошо управлять им, как своим, если бы захотел? спросил Сократ. Ведь плотник, хорошо знающий свое дело, мог бы так же и для другого делать то, что делает для себя; подобным же образом мог бы и хороший хозяин.

Думаю, что так, Сократ.

4 В таком случае может ли человек, знающий это дело, хотя бы он сам не имел состояния, получать плату за управление чужим хозяйством подобно строителю? спросил Сократ.

Да, клянусь Зевсом, и большую плату будет получать, если сможет, взяв в свои руки хозяйство, не только исполнять все, что следует, но еще на излишки обогащать хозяйство, отвечал Критобул.

5 А как мы определим хозяйство? То же ли это, что дом, или же и все, что человек имеет вне дома, тоже составляет часть хозяйства.

Мне кажется, отвечал Критобул, все, что человек имеет, хотя бы оно находилось даже не в одном городе с владельцем, составляет часть хозяйства.

6 Так, и врагов люди имеют?

Да, клянусь Зевсом, некоторые даже многих.

Неужели и врагов мы назовем их имуществом?

Это было бы смешно, отвечал Критобул, если бы человек, увеличивающий число врагов, сверх того еще получал бы плату за это.

7 Ведь мы решили, что хозяйство человека есть то же, что владение.

Клянусь Зевсом, отвечал Критобул, хозяйство — это то, что человек имеет хорошего; но, если он имеет что дурное, того я не называю имуществом.

По-видимому, ты называешь имуществом каждого вещи, полезные ему.

Конечно, отвечал он, а то, что вредит, я считаю скорее убытком, чем ценностью.

8 Значит, если человек, купивши лошадь, не умеет ею пользоваться, а падает с нее и получает вред, то лошадь для него не ценность?

Нет, коль скоро ценность есть нечто хорошее.

Значит, и земля не ценность для человека, который так возделывает ее, что получает убыток?

Да, конечно, и земля не ценность, коль скоро она заставляет его голодать вместо того, чтобы кормить.

9 Так, и овцы тоже, если бы кто от неумения пользоваться овцами получал убыток, и овцы для того не были бы ценностью?

Мне кажется, нет.

Так, ты, по-видимому, полезные предметы считаешь ценностью, а вредные — не ценностью.

Так.

10 Значит, эти предметы, хоть они одни и те же, для умеющего пользоваться каждым из них — ценность, а для неумеющего — не ценность: так например, флейта для того, кто умеет искусно играть,— ценность, а кто не умеет, для того она ничем не лучше бесполезных камней, разве только он ее продаст.

11 Вот именно к этому выводу мы и пришли: для того, кто не умеет пользоваться флейтой, если он ее продает, она — ценность; а если она продает, а владеет ею,— не ценность.

Мы рассуждаем последовательно, Сократ, раз уже признано, что полезные предметы — ценность. И в самом деле, если не продавать флейту, то она —

не ценность, потому что она совершенно бесполезна; а если продавать, то ценность.

12 На это Сократ заметил: Да, если умеешь продавать. А если продавать ее в обмен на вещь, которой не умеешь пользоваться, то и продаваемая флейта не есть ценность, по твоему рассуждению.

По-видимому, ты хочешь сказать, Сократ, что и деньги не ценность, если не умеешь пользоваться ими.

13 Да и ты, мне кажется, тоже согласен с тем, что ценность есть то, от чего можно получать пользу. Вот, например, если кто станет пользоваться деньгами так, что купит себе любовницу и из-за нее повредит телу, повредит душе, повредит хозяйству, разве уж будут ему деньги полезны?

Никоим образом, разве только мы будем утверждать, что ценность представляют и так называемые свиные бобы[2], от которых люди, поевшие их, становятся сумасшедшими.

14 Итак, если не умеешь пользоваться деньгами, то надо их отбросить так далеко, Критобул, чтоб они даже и не были ценностью. А друзья, если умеешь ими пользоваться так, чтобы получать от них пользу, что скажем мы про них?

Они — ценность, клянусь Зевсом, отвечал Критобул, и гораздо большая, чем волы, если они полезнее волов.

15 Значит, и враги, по твоему рассуждению,— ценность для того, кто может получать пользу от врагов.

Думаю, что так.

Значит, дело хорошего хозяина уметь и врагами пользоваться так, чтобы получать пользу от врагов.

Да, как можно сильное.

И в самом деле, ты видишь, Критобул, сколько хозяйств и у частных лиц и у тиранов[3] обогащается от войны, сказал Сократ.

16 Все это рассуждение наше, как мне кажется, правильно, Сократ, отвечал Критобул. Но какое мы выскажем мнение по поводу того, что у некоторых, как мы видим, есть и знания и средства, при помощи которых они могут, работая, обогащать свое хозяйство, а между тем они не хотят этого делать,

и через это, как мы видим, знания для них бесполезны? Не правда ли для них тоже ни знания, ни богатства — не ценность?

17 Ты хочешь, Критобул, говорить со мною о рабах? спросил Сократ.

Нет, клянусь Зевсом, нет, отвечал Критобул, а о некоторых особах очень даже хорошего рода: как я вижу, одни из них обладают знаниями, пригодными на войне, другие — знаниями, пригодными в мирное время, но они не хотят применять их на практике по той именно причине, думается мне, что у них нет господ.

18 Да разве возможно, отвечал Сократ, чтоб у них не было господ? Они мечтают о счастье, хотят делать то, от чего могли бы нажить состояние, но им мешают это делать их властители.

Кто же они, спросил Критобул, эти невидимые господа, которые властвуют над ними?

19 Клянусь Зевсом, отвечал Сократ, они не невидимые, но даже очень видимые. И что они очень скверные, это и для тебя не тайна, раз ты считаешь
20 пороком ничегонеделание, душевную дряблость, неглижорство. Да есть и другие госпожи, обманщицы, носящие личину радостей: азартные игры, вредные знакомства; с течением времени и самим жертвам обмана становится ясным, что это — печали, лишь окруженные корочкой радости, которые подчинили их своей власти и мешают им заниматься полезным делом.

21 Однако, Сократ, сказал Критобул, другим эти госпожи не мешают работать: напротив, они выказывают много энергии в работе, много изобретательности по части доходов; и тем не менее они доводят до разорения свое хозяйство и попадают в безысходную нужду.

22 Да ведь и они — рабы, возразил Сократ, и притом рабы очень суровых господ: у одних это — любовь вкусно поесть, у других — сладострастие, у иных — пьянство, у других — какое-нибудь глупое и разорительное тщеславие; эти господа властвуют над людьми, которыми овладеют, очень сурово: пока люди молоды и в силах работать, они заставляют их платить дань и расходовать весь заработок на

свои страсти; когда же заметят, что они работать не в силах от старости, то оставляют их на жертву лихой старости и стараются еще других сделать
23 своими рабами. Нет, Критобул, с этими врагами надо вести не менее решительную борьбу за свободу, чем с теми, которые стараются поработить нас силой оружия. Но неприятели, если они люди благородные, поработивши какой-нибудь народ, многих образумят, принудят исправиться и дадут им возможность остальную жизнь прожить легче; а такие госпожи, пока властвуют над людьми, никогда не перестают мучить тело и душу и разорять их хозяйство.

Глава 2

ВАЖНОСТЬ НАУКИ О ХОЗЯЙСТВЕ. БОГАТСТВО СОКРАТА И БЕДНОСТЬ КРИТОБУЛА. ЖЕЛАНИЕ КРИТОБУЛА ИЗУЧИТЬ ЭТУ НАУКУ

a После этого Критобул сказал приблизительно так. Твоих рассуждений на эту тему, пожалуй, я вполне достаточно слышал; но, анализируя самого себя, я нахожу, что довольно сильно могу противиться подобным порокам. Поэтому, если бы ты посоветовал мне, что делать, чтобы обогатить свой дом, то эти госпожи, как ты их называешь, кажется, не помешали бы мне в этом. Нет, не бойся, подай мне добрый совет, какой можешь. Или ты решил, Сократ, что мы достаточно богаты и в увеличении состояния, по-твоему, нисколько не нуждаемся?

b Что касается меня, отвечал Сократ, если ты и меня при этом разумеешь, то, мне кажется, я нисколько не нуждаюсь в увеличении состояния: я достаточно богат. А ты, Критобул, думается мне, очень беден, и, клянусь Зевсом, иногда мне бывает очень даже жаль тебя.

c Тут Критобул засмеялся и сказал: Ради богов скажи, Сократ, сколько можно бы было выручить,

по-твоему, от продажи твоего имущества и сколько — от продажи моего.

Я думаю, отвечал Сократ, если бы мне попался хороший покупатель, то за мой дом со всем, что у меня есть, вполне свободно можно бы было выручить пять мин[1]; а за твое имущество, это я наверно знаю, можно бы было выручить с лишком в сто раз больше этого.

4 И ты, зная это, думаешь, что тебе нет надобности в увеличении состояния, а меня тебе жаль, что я беден?

Да, отвечал Сократ, потому что моего состояния хватает на то, чтобы у меня было все в достаточном для меня количестве. А для того образа жизни, которым ты себя окружил, и для поддержания твоей репутации тебе не хватит, хоть бы втрое больше прибавилось у тебя к тому, что ты теперь имеешь.

5 Почему же? спросил Критобул.

Потому что, во-первых, тебе приходится приносить много жертв, и больших: иначе, пожалуй, ни боги, ни люди не стали бы терпеть тебя; затем, по своему положению ты должен принимать много иностранцев, да еще роскошно; затем, угощать сограждан и оказывать им одолжения: иначе лишишь-
6 ся их поддержки. Кроме того, как я слышал, и государство уже теперь налагает на тебя большие повинности[2] — на содержание лошадей, на постановку хоров, на устройство гимнастических игр, на покровительство метекам; а если уж война случится, то, наверно, тебя заставят еще столько снаряжать судов и платить военных налогов, что тебе нелегко будет нести это бремя. А если афиняне найдут, что ты исполняешь что-нибудь из этого неудовлетворительно, то, без сомнения, накажут тебя ничуть не
7 меньше, чем если бы они уличили тебя в краже их собственных денег. Сверх того, я вижу, ты воображаешь, что ты богат, и не думаешь о добывании денег, а всецело занят любовными делами[3], как будто это тебе позволительно. Вот почему мне жаль тебя, как бы с тобою не случилась какая непопра-
8 вимая беда,— не попасть бы тебе в крайнюю нужду. У меня, если бы даже мне и понадобилось что-нибудь,— наверно, и ты это знаешь,— есть люди, мо-

гущие мне помочь, так что даже совсем ничтожные пожертвования с их стороны произвели бы своим обилием потоп в моем бюджете; а твои друзья, хоть имеют средства в гораздо более достаточном количестве для своего образа жизни, чем ты для своего, все-таки смотрят, как бы от тебя поживиться.

9 Тогда Критобул сказал: Против этого я не могу ничего возразить. Однако пора тебе приняться за руководство мною, чтобы мне на самом деле не стать жалким.

Выслушав это, Сократ сказал: Ты не находишь странным свои поступки? Немного раньше, когда я говорил, что я богат, ты посмеялся надо мной, что, дескать, я даже и не знаю, что такое богатство, и в конце концов уличил меня в ошибке и заставил сознаться, что у меня нет даже сотой доли твоего состояния; а теперь просишь меня руководить тобой и заботиться, чтобы и в самом деле тебе не стать совсем бедным.

10 Да, я вижу, Сократ, сказал он, ты знаешь одно средство к обогащению: ты умеешь жить так, чтоб оставался излишек. Поэтому я надеюсь, что человек, у которого остается излишек от немногого, вполне легко может сделать так, чтобы оставался большой излишек от многого.

11 Разве ты не помнишь, как сейчас в нашем разговоре ты не давал мне даже пикнуть, утверждая, что для неумеющего пользоваться лошадьми лошади не ценность, точно так же, как земля, овцы, деньги — словом, все то, чем не умеешь пользоваться? Конечно, получается доход от таких вещей; но я-то как, по-твоему, мог бы дойти до уменья пользоваться чем-нибудь подобным, когда у меня решительно ничего из этого никогда не бывало?

12 Однако мы решили, что хоть бы у кого и не было имущества, все-таки возможно какое-то знание хозяйства. Так что же мешает и тебе его знать?

Клянусь Зевсом, то именно, что помешало бы человеку также уметь играть на флейте, если бы ни сам он никогда не владел флейтой, ни другой не доставил бы ему случая учиться играть на своей. Так вот, и я нахожусь в таком положении относи-
13 тельно хозяйства: и сам я никогда не владел состоя-

нием, на котором я мог бы изучить хозяйство, и другой никто не давал мне управлять своим имуществом; только ты хочешь теперь дать. А конечно, кто в первый раз учится играть, портит и лиру; и я, если бы вздумал на твоем хозяйстве учиться хозяйничать, пожалуй, вконец разорил бы твое хозяйство.

14 На это Критобул заметил: Как хочется тебе, Сократ, увернуться и не помочь мне нести легче бремя неизбежных трудов моих!

Нет, клянусь Зевсом, возразил Сократ, вовсе нет:
15 что могу, я очень охотно сообщу тебе. Если бы ты пришел ко мне за огнем, а у меня его не было бы, думаю, ты не стал бы укорять меня, когда бы я повел тебя в другое место, где можно тебе достать его. Точно так же, если бы ты просил у меня воды и я, не имея ее сам, повел бы тебя в другое место и за нею, и этого, наверно, ты не поставил бы мне в укор. Равным образом, если бы ты хотел научиться музыке у меня, а я указал бы тебе людей, гораздо более меня искусных в музыке, которые к тому же были бы благодарны тебе за то, что ты желаешь у них учиться, в чем ты стал бы укорять меня в таком случае?

Ни в чем не имел бы права укорять, Сократ.

16 Если так, то я укажу тебе, Критобул, других, гораздо более меня сведущих во всем том, чему ты жаждешь учиться у меня. Признаюсь, меня интересовало, кто у нас в городе является главным знато-
17 ком в этой или другой области. Я заметил как-то, что от одной и той же профессии люди бывают одни чрезвычайно бедны, другие чрезвычайно богаты. Это меня страшно удивило, и я решил, что стоит наблюсти, в чем тут дело. Я стал наблюдать и нашел,
18 что это вполне естественно: кто занимается делом кое-как, тот, я видел, терпит убыток; а кто с напряженным вниманием заботится о нем, тот исполняет его и скорее, и легче, и прибыльнее. Если ты захочешь поучиться у них, и если бог не будет против тебя, то, думаю, и ты станешь ловким дельцом.

Глава 3

ХОЗЯЙСТВО У ДУРНЫХ И ХОРОШИХ ХОЗЯЕВ

a Выслушав это, Критобул сказал: Теперь, конечно, я уж тебя не отпущу, Сократ, пока ты не докажешь мне того, что обещал в присутствии этих друзей [1].

Ну что, Критобул, отвечал Сократ, если я тебе докажу сперва то, что одни на большие деньги строят дома никуда не годные, а другие на деньги гораздо меньше — дома, в которых есть все, что нужно, признаешь ли ты, что это — одно из дел, касающихся домоводства?

b Да, конечно, отвечал Критобул.

А что, если после этого я докажу тебе то, что находится в связи с этим, именно, что они имеют множество домашних вещей всякого рода и все-таки не могут пользоваться ими, когда они нужны и даже не знают, целы ли они у них, а через это и сами видят много горя, и слугам много горя доставляют; а у других, у которых вещей нисколько не больше, но даже меньше, чем у тех, тотчас все, что им нужно, готово к употреблению.

c Так какая же причина этого, Сократ, как не та, что у одних вещи брошены, где попало, а у других каждая вещь лежит на месте?

Да, клянусь Зевсом, заметил Сократ, и даже не на первом попавшемся месте, а все вещи разложены там, где им следует быть.

И это, мне кажется, тоже относится к хозяйству.

d А что, продолжал Сократ, если я тебе покажу, что и слуги в одном месте все почти закованы и все-таки часто убегают, а в другом месте ходят на свободе и желают работать и оставаться, не найдешь ли ты, что это — хозяйственное дело, на которое стоит посмотреть?

Да, клянусь Зевсом, отвечал Критобул, и очень даже.

e А если я покажу тебе еще, что, обрабатывая похожие земельные участки, одни жалуются, что ра-

зорились от земледелия и бедствуют, а у других благодаря земледелию есть все, что им нужно, в изобилии и в прекрасном виде?

Клянусь Зевсом, правда, отвечал Критобул. Быть может, они тратят деньги не только на то, что нужно, но и на то, что приносит вред и хозяину, и хозяйству.

6 Может быть, есть и некоторые такие, отвечал Сократ. Но я не про них говорю, а про тех, у которых нет средств даже на необходимые расходы, хоть они и занимаются земледелием, как говорят.

Какая же может быть причина этого, Сократ?

Я тебя и к ним поведу, отвечал Сократ, а ты, смотря на них, конечно, поймешь.

7 Да, клянусь Зевсом, если только смогу.

В таком случае тебе надо посмотреть, чтобы испытать себя, поймешь ли ты это. А то, я знаю, ты встаешь очень рано [2], чтобы смотреть трагедии и комедии, проходишь очень большое расстояние и изо всех сил стараешься уговорить меня идти на спектакль вместе с тобою; а на такое зрелище ты никогда меня не приглашал.

Так я кажусь тебе смешным, Сократ?

8 А самому себе еще смешнее, клянусь Зевсом, отвечал Сократ. А что если я покажу тебе, что и содержание лошадей [3] одних довело до того, что они не имеют куска хлеба, а другие благодаря содержанию лошадей очень богаты и рады, что наживают деньги?

Так и я вижу и знаю и тех и этих, но нисколько больше от этого не попадаю в число получающих прибыль.

9 Да, потому что ты смотришь на них, как на актеров в трагедии и комедии: на актеров ты смотришь не за тем, думаю, чтобы стать поэтом, а чтобы усладить зрение или слух. Это, пожалуй, правильно, потому что поэтом стать ты не хочешь; но если лошадей держать тебя заставляет необходимость, то не глупо ли с твоей стороны не стараться не быть профаном в этом деле, тем более что одни и те же знания полезны для ведения дела и дают прибыль при продаже?

10 Ты советуешь мне объезжать молодых лошадей, Сократ?

Нет, клянусь Зевсом, нисколько не больше, чем покупать рабов и обучать их с детства земледелию. Но, мне кажется, и у лошадей и у людей есть некоторый возраст, когда они уже бывают полезны и вместе с тем постепенно улучшаются. Я могу показать, что и по отношению к женам одни мужья держат себя так, что в женах находят себе помощниц для умножения состояния, а другие, огромное большинство, так, что разоряют хозяйство.

11 А кого винить в этом, Сократ,— мужа или жену?

Если овца плоха, отвечал Сократ, то обыкновенно мы винim пастуха, и у лошади если есть недостатки, мы браним всадника; что же касается женщины, то, если муж ее учит добру, а она дурно ведет хозяйство, то, конечно, по справедливости на жену падает вина; но, если он не станет учить ее хорошему и она ничего не будет знать, тогда не
12 падет ли по справедливости вина на мужа? Вот мы все здесь друзья, продолжал Сократ, так скажи-ка нам всю правду, Критобул: есть ли кто на свете, кому ты поручаешь больше важных дел, чем жене?

Никому, отвечал он.

А есть ли кто, с кем ты меньше разговариваешь, чем с женой?

Есть, но немного.

13 А когда ты женился на ней, она была совсем молоденькой девочкой[4], которая видела и слышала обо всем так мало, как только возможно?

Конечно.

Так гораздо удивительнее, что она умеет сказать или сделать хоть что-нибудь нужное, чем если делает промах.

14 А у кого хорошие жены, как ты говоришь, Сократ, те сами их обучили?

Самое лучшее рассмотреть этот вопрос. Я познакомлю тебя еще с Аспасией[5], которая все это тебе
15 покажет с бо́льшим знанием дела, чем я. Если женщина — хорошая участница в хозяйстве, то, я думаю, она имеет совершенно одинаковое значение с мужем для хорошего домоводства. Средства входят в дом обыкновенно благодаря деятельности мужа, а рас-

ходуется бо́льшая часть их по распоряжению жены; если ее распоряжения хороши, состояние умножает-
16 ся; если дурны, состояние уменьшается. И во всех других отраслях знания, думаю, я мог бы показать тебе людей, работающих с успехом, если ты находишь это нужным.

Глава 4

ЗАНЯТИЕ РЕМЕСЛАМИ, ВОЕННЫМ ДЕЛОМ И ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ. ПОСЕЩЕНИЕ КИРА ЛИСАНДРОМ

1 Нет, все отрасли знания к чему тебе показывать, Сократ? сказал Критобул. И работников, каких нужно, по всем специальностям достать нелегко, и приобрести знание их невозможно. Нет, какие знания считаются самыми благородными и какими заниматься мне было бы наиболее прилично, те ты мне и показывай, а также и работающих в этих областях, да и сам помогай для изучения их, сколько можешь, своими наставлениями.

2 Прекрасно, Критобул, сказал Сократ. Действительно, занятие так называемыми ремеслами зазорно и, естественно, пользуется очень дурной славой в городах[1]. Ведь ремесло вредит телу и рабочих и надсмотрщиков, заставляя их вести сидячий образ жизни, без солнца, а при некоторых ремеслах приходится проводить целый день у огня. А когда тело изнеживается, то и душа становится гораздо слабее.
3 К тому же ремесло оставляет очень мало свободного времени для заботы еще о друзьях и родном городе. Поэтому ремесленники считаются непригодными для дружеского сообщества и плохими защитниками отечества. А в некоторых городах, особенно в тех, которые славятся военным делом, даже и не дозволяется никому из граждан заниматься ремеслами.

4 А нам чем советуешь ты заниматься, Сократ?

Разве нам стыдно будет, отвечал Сократ, последовать примеру персидского царя[2]? Он, говорят, считает одними из самых благородных и нужных

занятий земледелие и военное искусство и чрезвычайно заботится о том и о другом.

5 Выслушав это, Критобул сказал: И ты этому веришь, Сократ, что персидский царь заботится еще и о земледелии?

Вот каким образом мы рассмотрим этот вопрос, Критобул, отвечал Сократ; тогда, может быть, узнаем, заботится ли он и об этом. Что касается военного дела, то о нем он чрезвычайно заботится,— в этом мы все согласны. Правителям всех народов, с которых он берет подати, он назначил, на какое число всадников, стрелков, пращников и щитоносцев[3] каждый из них обязан доставлять содержание,— число такое, которого достаточно, чтобы держать в повиновении подвластные ему народы и в случае нападения врагов защищать страну; а кроме этих войск, он содержит гарнизоны в кремлях. Содержа-
6 ние гарнизону доставляет правитель, которому это назначено, а царь ежегодно делает смотр наемным войскам и вообще всем, кому приказано быть под оружием; при этом все воинские части, кроме гарнизонов в кремлях, он созывает в одно место, которое называется сборным пунктом; части, расположенные около его резиденции, он осматривает сам, а для осмотра частей, расположенных далеко, посы-
7 лает доверенных людей. Тех гарнизонных комендантов, тысяченачальников и сатрапов[4], у которых назначенный им комплект войск окажется в полном составе и притом снабжен доброкачественными лошадьми и вооружением, тех правителей он возвеличивает подобающим почетом и обогащает большими подарками; а если он найдет, что какой-либо правитель не проявляет надлежащей заботы о гарнизоне или незаконно наживается в ущерб ему, того он жестоко наказывает, отрешает от должности и ставит другого начальника. Так вот, этот образ действий его показывает нам, что он несомненно заботит-
8 ся о военном деле. Затем, какую часть страны он при проезде сам осматривает, ту он сам и ревизует; а какую сам не осматривает, посылает для осмотра ее доверенных людей. Когда он замечает, что, благодаря деятельности какого-либо правителя и область его густо заселена, и земля обработана и заса-

жена деревьями, которые производит область, и хлебными злаками, тому правителю он прибавляет еще земли, награждает его подарками и отличает почетным местом; когда же он видит, что у правителя область не обработана и малолюдна вследствие ли его притеснений, или превышения власти, или нерадения, того он наказывает, отрешает от должности и ставит другого правителя. Разве показывает такой образ действий его, что он меньше заботится о возделывании земли населением, чем об охране ее гарнизонными войсками? Мало того: правители, назначенные им для той и другой цели, не одни и те же: одни управляют населением и сельскими рабочими и собирают с них подати, а другие управляют вооруженной силой. Если комендант гарнизона не достаточно защищает страну, то гражданский правитель, заведующий полевыми работами, жалуется на коменданта, что он не может обрабатывать землю из-за недостатка охраны. Если же комендант гарнизона водворяет мир для полевых работ, а у правителя область оказывается все-таки малолюдной и необработанной, то комендант в свою очередь жалуется на него. И действительно, население, плохо обрабатывающее землю, обыкновенно не доставляет содержания гарнизонным войскам и не может платить податей. А где назначается сатрап [4], он заведует и тем и другим.

После этого Критобул сказал: Если царь действительно поступает так, Сократ, то, мне кажется, о земледелии он заботится нисколько не меньше, чем о военном деле.

Мало этого, продолжал Сократ, он заботится, чтобы во всех местах, где он живет и куда наезжает, были сады, так называемые парадисы [5], и чтобы они были наполнены всеми лучшими произведениями земли; в этих местах он сам по большей части живет, когда не мешает этому время года.

Клянусь Зевсом, Сократ, заметил Критобул, значит, население должно заботиться, чтобы в местах его личного пребывания сады были как можно лучше украшены деревьями и всеми другими хорошими произведениями земли.

Некоторые утверждают, Критобул, продолжал

Сократ, что даже когда царь раздает подарки, то в первую очередь он зовет отличившихся на войне, потому что бесполезно распахивать много земли, если не будет защитников; а затем правителей, лучше всех поддерживающих порядок в своей области и сделавших ее плодородной, говоря, что и храбрые не могут жить, если не будет земледельцев. Говорят, и Кир[6], самый славный из царей, однажды сказал созванным для получения подарков, что он сам имел бы право получать подарки, предназначенные для обеих групп, потому что он отлично умеет поддерживать порядок в стране и защищать ее благоустройство.

Так, значит, Сократ, заметил Критобул, если Кир это говорил, то он гордился способностью делать страну плодородной и благоустроенной не в меньшей степени, чем своими военными талантами.

Да, клянусь Зевсом, отвечал Сократ, если бы Кир остался жив, мне кажется, он стал бы отличным правителем. Помимо многих других доказательств в пользу этого, можно указать на то, что когда Кир шел войной против брата, оспаривая у него престол, то от Кира, говорят, не было ни одного перебежчика к царю, а от царя к Киру много десятков тысяч[7]. Я и то считаю важным доказательством заслуг правителя, что люди ему добровольно повинуются и в опасности готовы оставаться при нем. А его друзья и при жизни его сражались на его стороне, и после его смерти все пали в сражении вокруг его трупа, кроме Ариея[8] (Арией стоял тогда на левом фланге). Так вот, когда Лисандр* привез этому Киру подарки от союзников, то Кир, как сам Лисандр, говорят, как-то рассказывал одному приятелю своему в Мегарах, любезно принял его и, между прочим, лично показывал ему свой сад в Сардах[10]. Лисандр восхищался садом, что деревья красивы, посажены все на одинаковом расстоянии, ряды деревьев прямы, все красиво расположено под прямыми углами, благоухания разного рода сопровождают их при прогулке. В восторге от этого Лисандр сказал: «Конечно, Кир, я восхищаюсь красотой всего этого; но еще гораздо больше я удивляюсь человеку, размерившему и распланировавшему тебе

22 все это». При этих словах Кир обрадовался и сказал: «Так вот, Лисандр, все это размерил и распланировал я, а некоторые растения и посадил сам».
23 Тогда Лисандр посмотрел на него и, видя красоту одежды, которая была на нем, чувствуя запах от нее, видя ожерелья и браслеты и другие украшения, какие на нем были, сказал: «Что ты говоришь, Кир? Ты своими руками посадил что-нибудь из этого?» Кир отвечал: «Ты удивляешься этому, Ли-
24 сандр? Клянусь тебе Мифрою[11], когда я здоров, я никогда не сажусь за обед, пока не вспотею, занимаясь каким-нибудь военным упражнением или земледельческой работой или вообще над чем-либо
25 усердно трудясь». При этих словах, как рассказывал Лисандр, он сам подал руку Киру и сказал: «Мне кажется, ты по праву пользуешься счастьем, Кир: ты пользуешься им за то, что ты — хороший человек».

Глава 5

ПОХВАЛА ЗЕМЛЕДЕЛИЮ. НЕБЛАГОПРИЯТНАЯ СТОРОНА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

1 Это я рассказываю тебе, Критобул, продолжал Сократ, потому, что от занятия земледелием не могут удержаться даже очень богатые люди. Как видно, занятие им — это вместе и какое-то удовольствие, и обогащение, и гимнастика, дающая организму силу для исполнения всякого труда, приличного
2 свободному человеку. Так, во-первых, все, чем люди живы, это земля им приносит, если они ее обрабатывают, да еще вдобавок приносит им то, от чего они получают удовольствие; потом все, чем они
3 украшают алтари и изображения богов и чем сами украшаются, и это земля доставляет с самым приятным запахом и в самом приятном виде; далее, множество предметов, употребляемых в пищу, она частью произращает, частью кормит,— и скотоводство ведь связано с земледелием,— так что люди имеют возможность и богов умилостивлять жертвопри-

4 ношениями, и сами пользоваться. Однако, доставляя в таком изобилии всякие блага, земледелие не позволяет брать их, предаваясь неге, но приучает переносить холод зимою и жар летом. Для тех, кто работает своими руками, оно служит упражнением и придает ему силу; а кто смотрит за земледельческими работами, тех оно укрепляет, рано пробуждая и заставляя деятельно ходить, потому что и в деревне и в городе самые важные дела бывают
5 всегда в определенное время. Затем, если хочешь защищать свое отечество на коне, земледелие дает более всего возможности содержать и коня; если хочешь для этого служить в пехоте,— оно делает тело крепким. Земля возбуждает в человеке также желание предаваться трудам охоты, давая легкую возможность кормить собак и питая диких живот-
6 ных. Получая пользу от земледелия, и лошади и собаки, в свою очередь, приносят пользу усадьбе: лошадь рано утром везет хозяина смотреть за работой и доставляет ему возможность поздно вечером уезжать, а собаки не дают диким животным уничтожать нивы и скот и доставляют безопасность уеди-
7 ненной усадьбе. Земля побуждает земледельцев также защищать страну с оружием в руках, потому что хлеб, производимый ею, может легко достать-
8 ся в добычу победителю. А какое занятие даст больше ловкости в беге, метанья дротика, прыганьи, чем земледелие? Какая профессия лучше отблагодарит работника? Какая радушнее примет человека, заботящегося о ней? Когда он подойдет, она протянет, что ему нужно. Какая примет гостей с большей
9 щедростью? Где больше удобства, как не в деревне, провести зиму, пользуясь огнем в изобилии и теплыми ваннами? Где приятнее, как не за городом, провести лето, наслаждаясь купаньем, дуновением ветерка и тенью? Какая другая профессия доставляет богам более подобающие им жертвы или более
10 многолюдные праздники? Какая жизнь милее слугам, приятнее жене, желаннее детям, любезнее
11 друзьям? Мне кажется удивительным, как может свободный человек получать от какого-нибудь предмета больше удовольствия, чем от земли, и найти занятие, приятнее или полезнее для жизни, чем

12 земледелие. Кроме того, земля охотно учит и справедливости того, кто может понимать ее уроки: чем лучше кто ухаживает за нею, тем больше добра
13 она сама ему делает. Но представим себе, что многочисленная армия лишила земледельцев, приученных к энергии и мужеству, плодов их работы: с такой хорошей подготовкой души и тела они могут идти, если бог не препятствует им, в землю тех, кто им мешает, и брать там себе пропитание. А часто во время войны даже и надежнее добывать себе пищу с оружием в руках, чем с земледельческими
14 орудиями. Вместе с тем земледелие приучает людей и помогать друг другу: как на врагов надо идти
15 с людьми, так и обработка земли производится с людьми. Поэтому, кто хочет хорошо обрабатывать землю, должен возбуждать в своих рабочих энергию и готовность к повиновению; такие же средства должен применять командир, ведущий войско на врагов,— награждать тех, кто ведет себя, как следует хорошим воинам, и наказывать нарушителей дис-
16 циплины. Равным образом, земледельцу приходится часто обращаться с увещанием к рабочим, ничуть не меньше, чем командиру к солдатам; да и добрая надежда нужна рабу ничуть не меньше, чем свободному, но даже и больше, чтобы у него была охота
17 оставаться у хозяина. Какое прекрасное изречение, что земледелие — мать и кормилица всех профессий! Если земледелие процветает, то и все другие профессии идут успешно; а где земле приходится пустовать, там угасает почти всякая деятельность и на суше и на море.

18 Выслушав это, Критобул сказал: Все это прекрасно, мне кажется, что ты говоришь, Сократ. Но ты не упомянул о том[1], что в земледелии очень много такого, чего человеку невозможно предвидеть: град, иней, иногда засуха, страшный ливень, ржа и т. д. часто разрушают превосходные расчеты и труды. Да и скот, тщательно откормленный, иногда губит самым жалким образом какая-нибудь появившаяся болезнь.

19 Выслушав это, Сократ сказал: Я думал, Критобул, ты знаешь, что боги в земледелии такие же хозяева, как в делах войны. Во время войны, как

ты видишь, думаю, люди перед военными действиями умилостивляют богов и вопрошают их посредством жертвоприношений и гаданий по птицам[2], что делать и чего не делать; а по поводу сельских работ
20 меньше, по-твоему, надо умилостивлять богов? Будь уверен, прибавил он, что люди разумные молят богов и за сочные и сухие плоды[3], и за волов, лошадей и овец — словом, за все, что имеют.

Глава 6

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ. ИСТОМАХ

1 Вот это, Сократ, отвечал Критобул, мне кажется хорошо, что ты советуешь стараться начинать всякое дело с помощью богов, так как боги — такие же хозяева в делах мира, как и в делах войны. Так мы и будем стараться поступать. А ты продолжай свое рассуждение о хозяйстве с того места, где ты остановился: даже и теперь, выслушав сказанное тобою, как будто я уже несколько яснее прежнего вижу, что надо делать для добывания средств к жизни.

2 В таком случае, отвечал Сократ, не резюмировать ли нам прежде всего то, о чем мы согласились в нашем рассуждении? Если окажется возможным, постараемся и при дальнейшем рассмотрении вопроса достигать соглашения.

3 Как приятно, отвечал Критобул, получив сообща деньги, рассчитаться без пререканий, так приятно, и разбирая сообща какой-нибудь вопрос, рассмотреть его при взаимном согласии.

4 Итак, сказал Сократ, мы решили, что домоводство есть название какой-то науки, а эта наука, как мы определили, есть такая, при помощи которой люди могут обогащать хозяйство, а хозяйство, согласно нашему определению, есть все без исключения имущество, а имуществом каждого мы назвали то, что полезно ему в жизни, а полезное, как мы нашли,— это все, чем человек умеет пользоваться.

5 Так вот, все науки изучить невозможно, как мы решили, и надо по примеру городов отвергнуть так

называемые ремесленные науки[1], потому что они, по общему мнению, и телу вредят, и душу расслаб-
6 ляют. Самым ясным способом доказать это, как мы говорили, было бы при наступлении врагов на страну посадить земледельцев и ремесленников отдельно и спросить обе эти группы, находят ли они нужным защищать страну или, бросив ее на произвол судь-
7 бы, охранять городские стены. В этом случае, думали мы, люди, связанные с землей, подали бы голос за то, чтоб защищать, а ремесленники — за то, чтоб не сражаться, но, как они приучены с детства, си-
8 деть без труда и опасности. Мы пришли к заключению, что для человека благородного самое лучшее занятие и знание — земледелие, посредством которого люди добывают себе все, что нужно для жизни.
9 Этому занятию, как мы решили, очень легко научиться, и очень приятно работать при нем; оно делает тело очень красивым и сильным, а душе оставляет очень много свободного времени для заботы
10 о друзьях и отечестве. Вместе с тем, как мы решили, земледелие до известной степени побуждает человека быть храбрым,— тем, что вне укреплений производит полевые плоды и кормит скот,— то, что нужно земледельцу. Вот почему такой образ жизни и пользуется величайшим почетом у городов,— потому что признано, что он делает людей самыми лучшими гражданами, наиболее любящими отечество.

11 Тогда Критобул сказал: Сократ, что самое благородное, выгодное и приятное дело в основу своей жизни положить земледелие, в этом, кажется, я вполне убедился; но, как ты говорил, ты подметил причины, почему одни обрабатывают землю так, что благодаря земледелию у них есть в изобилии все, что нужно, а другие работают так, что земледелие им не приносит выгоды: вот о причинах того и другого мне хотелось бы услышать твое мнение, чтобы нам хорошее делать, а вредного не делать.

12 В таком случае, Критобул, отвечал Сократ, не рассказать ли тебе с самого начала, как я однажды встретился с человеком, который, казалось мне, поистине был одним из людей, по праву носящих название «прекрасный и хороший человек»?[2]

Мне очень хотелось бы об этом послушать, отвечал Критобул, тем более что я и сам страшно желаю сделаться достойным этого названия.

13 Так вот, я расскажу тебе, сказал Сократ, даже как я пришел к мысли исследовать этот вопрос. Что касается хороших плотников, кузнецов хороших, живописцев хороших, хороших скульпторов и т. п., мне бы понадобилось очень мало времени, чтобы обойти их и посмотреть их работы, признан-
14 ные прекрасными. Но для того, чтобы изучить также и людей, носящих это великое имя «прекрасный и хороший», узнать, что они делают, почему удостоиваются этого названия,— для этого душа моя жаждала с кем-нибудь из них познакомиться. Ввиду того что к слову «хороший» прибавляется слово
15 «прекрасный», я стал подходить ко всякому красавцу, какого видел, и старался подметить, не увижу ли, в нем «хорошее» привешено к «прекрасному».
16 Но оказалось, было не так; напротив, я замечал как будто, что у некоторых красавцев по виду душа очень скверная. Поэтому я решил оставить в стороне красивую внешность и пойти на поиски за кем-
17 нибудь из тех, кого называют «прекрасными и хорошими». Слыша, что все — и мужчины, и женщины, и иностранцы, и горожане — называют Исхомаха[3] «прекрасным и хорошим», я решил попробовать познакомиться с ним.

Глава 7

ЗНАКОМСТВО СОКРАТА С ИСХОМАХОМ. ЖЕНА ИСХОМАХА. ЦЕЛЬ БРАКА. ОБЯЗАННОСТИ ЖЕНЫ

Как-то раз я увидал, он сидит в портике Зевса Освободителя[1] и как будто ничем не занят; я подошел к нему, сел рядом и сказал: Что это, Исхомах, ты сидишь здесь? Ты ведь не очень-то привык сидеть без дела: обыкновенно я вижу тебя на площади: или ты занят каким-нибудь делом, или все-таки не совсем свободен.

2 И теперь ты не видал бы меня, Сократ, отвечал Исхомах, но я уговорился с несколькими иностранцами ожидать их здесь.

А когда ты не занят подобным делом, спросил я, скажи ради богов, где ты бываешь и что делаешь? Мне очень хочется узнать от тебя, что ты делаешь такое, за что тебя назвали прекрасным и хорошим: ведь не сидишь же ты дома, да и по наружности твоей не видать этого[2].

3 При словах «что ты делаешь такое, за что тебя назвали прекрасным и хорошим», Исхомах засмеялся и с радостью, как мне показалось, сказал: Называет ли меня так кто-нибудь в разговоре с тобой, я не знаю; знаю только, что когда мне предлагают меняться имуществом[3] по делу о снаряжении военного судна или о постановке хора, то никто не ищет «прекрасного и хорошего», а зовут меня просто Исхомахом с отчеством[4] и вызывают на суд. Таким образом, Сократ, продолжал он, в ответ на твой вопрос скажу, что я вовсе не бываю дома: ведь с домашними делами жена и одна вполне может справиться.

4 А и об этом, Исхомах, сказал я, мне очень хотелось бы тебя спросить, сам ли ты выучил жену быть, какой следует, или, когда ты взял ее от отца и матери, она уже умела справляться с делами, подлежащими ее ведению?

5 А что она могла знать, Сократ, когда я ее взял? Когда она пришла ко мне, ей не было еще и пятнадцати лет[5], а до этого она жила под строгим присмотром, чтобы возможно меньше видеть, меньше слышать, меньше говорить. Как, по-твоему, разве я мог удовольствоваться только тем, что она умела сделать плащ из шерсти, которую ей дадут, и видела, как раздают пряжу служанкам? Что же касается еды, Сократ, она была уже превосходно приучена к умеренности, когда пришла ко мне: а это, мне кажется, самая важная наука как для мужчины, так и для женщины.

6

7 А всему прочему, спросил я, ты сам, Исхомах, научил жену, чтобы она могла заботиться о делах, подлежащих ее ведению?

Но не раньше, как принес жертву и помолился, чтобы и мне учить ее и ей учиться тому, что полезнее всего для нас обоих.

8 Так и жена, спросил я, приносила жертву вместе с тобой и молилась об этом же самом?

Конечно, отвечал Исхомах, и горячо обещала перед богами сделаться такой, какой ей следует быть; вполне видно было, что она примет к сердцу мои наставления.

9 Расскажи мне ради богов, Исхомах, сказал я, с чего же ты начал ученье: твой рассказ об этом мне приятнее будет слушать, чем если бы ты стал рассказывать мне о самом великолепном гимпастическом или конском состязании.

10 С чего, Сократ? отвечал Исхомах. Когда она уже привыкла ко мне и была ручной, так что можно было говорить с ней, я обратился к ней с таким приблизительно вопросом: Скажи мне, жена, подумала ли ты над тем, с какой целью я взял тебя и твои родители отдали тебя мне? Ведь не было 11 недостатка в людях: и с кем-нибудь другим мы могли бы спать; это и тебе ясно, я уверен. Когда я раздумывал о себе, а твои родители о тебе, кого нам лучше взять себе в товарищи для хозяйства и детей, я выбрал тебя, а твои родители, как видно, меня насколько это зависело от их воли. Если 12 когда нам бог пошлет детей, мы тогда подумаем о них, как их воспитать всего лучше: ведь и это наше общее благо — заручиться как можно лучшими помощниками и кормильцами на старость; а теперь 13 вот хозяйство у нас с тобой общее. Все, что у меня есть, я отдаю в наше общее владение, и ты все, что принесла с собой, обратила в общую собственность. Не то надо высчитывать, кто из нас внес больше по количеству, а надо твердо помнить, что кто из нас окажется более полезным участником в общем деле, тот и вносит большую сумму. На это, Сократ, 14 жена ответила мне: Чем я могла бы тебе помочь? Какое мое уменье? Все в твоих руках, а мое дело, 15 как сказала мать, быть разумной[6]. Клянусь Зевсом, жена, отвечал я, ведь и мне то же сказал отец. Но, поверь мне, разумные муж и жена должны поступать так, чтобы и наличное свое имущество сохра-

нять возможно в лучшем состоянии, и прибавлять как можно больше нового имущества хорошими,
16 честными средствами. Что же, по-твоему, мне делать, спросила жена, чтобы помогать тебе увеличивать состояние? Клянусь Зевсом, отвечал я, старайся как можно лучше делать то, способной к чему создали тебя боги, как это признает и обычай. Что
17 же это такое? спросила она. Думаю, отвечал я, дела эти немаловажные. Ведь и матка у пчел в улье за-
18 ведует делами немаловажными. Мне кажется, жена, продолжал я, боги с глубоко обдуманным намерением соединили эту пару, которая называется «женский и мужской пол»,— главным образом с тою целью, чтобы она была возможно более полезной
19 самой себе в совместной жизни. Прежде всего, эта пара соединена для рождения детей, чтобы не прекратился род живых существ; затем, при помощи этой пары, по крайней мере люди приобретают себе кормильцев на старость; далее, жизнь у людей проходит не так, как у животных — под открытым небом, но, очевидно, им нужна кровля. Но если
20 люди хотят, чтобы им было, что вносить в крытое помещение, то нужен работник, исполняющий работы на открытом воздухе. Распахивание нови[7], посев, посадка деревьев, пастьба скота — все это работы на открытом воздухе, а от них получаются
21 жизненные припасы. С другой стороны, когда они внесены в крытое помещение, нужен человек для хранения их и исполнения работ, требующих крытого помещения. А крытого помещения требует кормление новорожденных детей, крытого помещения требует также приготовление хлеба из зерна, а равно и производство одежды из шерсти. А так
22 как для обоих этих родов занятий — и внутренних и внешних — нужен труд и забота, то и природу обоих полов с самого рождения, мне кажется, бог приспособил: природу женщины для домашних трудов и забот, а природу мужчины — для внешних.
23 Тело и душу мужчины он устроил так, что он более способен переносить холод и жар, путешествия и военные походы; поэтому он назначил ему труды вне дома. А тело женщины бог создал менее способным к этому и потому, мне кажется, назначил ей

24 домашние заботы. Но ввиду того, что в женщину
он вложил способность кормить новорожденных де-
тей и назначил ей эту обязанность, он наделил ее
и большей любовью к новорожденным младенцам,
25 чем мужчину. Но так как бог назначил женщине
также и охранять внесенное в дом добро и знал, что
для охраны не худое дело, если душа труслива, то
он наделил женщину и большей долей трусости,
чем мужчину. С другой стороны, бог знал, что тому,
кто занимается трудом вне дома, придется и за-
щищаться в случае нанесения обиды, и потому на-
делил его большей долей смелости. А так как
26 и мужчине и женщине приходится и давать и брать,
то память и заботливость он даровал им в равной
мере, так что не разберешь, который пол — женский
или мужской — обладает этими свойствами в боль-
27 шей степени. Точно так же способность к воздер-
жанию там, где это нужно, бог даровал им в рав-
ной мере и предоставил возможность получать боль-
шую долю счастья от этого тому из них, кто пре-
восходит другого в воздержании, будет ли это муж-
28 чина или женщина. А так как оба пола по природе
своей не одинаково ко всему способны, то по этой
причине они тем более нуждаются друг в друге,
и эта пара бывает тем полезнее для себя, что один
29 силен в том, в чем слаб другой. Зная, что каждому
из нас назначено богом, продолжал я, мы с тобою,
жена, должны стараться как можно лучше испол-
нять каждый свои обязанности. Согласно этому
30 и обычай соединяет в одну пару и мужчину и жен-
щину: как бог создал их соучастниками в рождении
детей, так и обычай делает их соучастниками в хо-
зяйстве. Обычай указывает также, что для мужчи-
ны и женщины приличны те занятия, к которым
бог даровал каждому из них больше способности:
женщине приличнее сидеть дома, чем находиться
вне его, а мужчине более стыдно сидеть дома, чем
31 заботиться о внешних делах. А если кто поступает
вопреки порядку, установленному богом, то едва ли
от богов скроется такое нарушение им порядка, и он
несет наказание за то, что пренебрегает своими де-
32 лами и занимается делами женскими. Мне кажется,
продолжал я, и подобного рода работы, над которы-

ми трудится пчелиная матка, назначены ей богом. Какие же работы у пчелиной матки похожи на те,
33 которые я должна исполнять? спросила она. А вот какие, отвечал я, она, сидя в улье, не дает пчелам быть в праздности, но, которым следует работать вне улья, тех высылает на работу, и, что каждая из них приносит, она это знает, принимает и хранит, пока не понадобится употреблять это. А когда наступит надобность употреблять это, она делит между
34 всеми, сколько кому следует. Она смотрит также за постройкой сотов в улье, чтобы они строились правильно и быстро, и заботится о вскормлении нарождающегося потомства; а когда пчелки вскормлены и стали годными для работы, она выселяет их в колонию под предводительством какой-нибудь
35 пчелки из молодого поколения. Так, неужели и мне надо будет это делать? спросила жена. Конечно, отвечал я, тебе надо будет сидеть дома: у кого из слуг работа вне дома, тех посылать, а кому следует работать дома, за теми смотреть; принимать то, что
36 приносят в дом: что из этого надо тратить, ты должна распределять, а что надо оставить про запас, о том должна заботиться и смотреть, чтобы количество, предназначенное для расхода на год, не расходовалось в месяц; когда принесут тебе шерсть, ты должна позаботиться о приготовлении из нее одежды, кому нужно. И чтобы сушеные продукты были хо-
37 роши для еды, тебе следует заботиться. Но одна из лежащих на тебе забот, продолжал я, может быть, покажется тебе не очень приятной: кто из слуг будет болен, тебе придется заботиться об уходе за ним. Клянусь Зевсом, возразила она, это, напротив, для меня в высшей степени приятная обязанность, потому что слуги, за которыми будет хороший уход, будут чувствовать благодарность и станут более пре-
38 данными, чем прежде. Тогда я, рассказывал Исхомах, в восторге от ее ответа сказал: Разве не такие заботы, жена, и со стороны матки в улье являются причиной привязанности пчел к ней, так что, когда она покидает улей, ни одна из пчел не считает возможным отставать от нее, а все за ней следуют?
39 Жена мне отвечала: Нет, роль главы принадлежит скорее тебе, чем мне: я удивилась бы, если бы это

было не так. Хранение и распределение мною того, что находится в доме, казалось бы, думаю, смешным, если бы ты не стал заботиться о внесении
20 в дом чего-нибудь снаружи. И обратно, возразил я, казалось бы смешным с моей стороны нести что-либо в дом, если бы не было человека, хранящего внесенное. Разве ты не видишь, продолжал я, как жалки люди, про которых говорят, что они льют воду в дырявую бочку[8]: видно, что они даром трудятся. Клянусь Зевсом, согласилась она, действи-
21 тельно, это несчастные люди, если они это делают. А другие, твои специальные заботы, поверь мне, жена, будут тебе приятны, например, когда ты возьмешь женщину, не умеющую прясть шерсть, и сделаешь ее умеющей, так что она станет для тебя вдвое ценнее; или когда возьмешь женщину, не знающую обязанностей экономки и не умеющую служить за столом, и сделаешь из нее знающую, верную, ловкую прислугу, которой и цены нет, или когда у тебя будет право слуг благонравных и полезных для твоего хозяйства наградить, а кто окажется дурным, наказать. Но всего приятнее тебе будет, если ты окажешься деловитее меня, сделаешь меня своим слугой, и тебе нечего будет бояться, что с годами тебе будет в доме меньше почета, если, напротив, ты будешь уверена, что, старея, чем лучшим товарищем для меня и лучшим стражем дома для детей ты будешь, тем бо́льшим и почетом будешь
23 пользоваться в доме. Ведь ценность человека для практической жизни, прибавил я, увеличивается не от красоты, а от его внутренних достоинств. Вот что, Сократ, запомнил я из своего первого разговора с ней.

Глава 8

ДОМАШНЕЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО

1 Заметил ли ты, Исхомах, спросил я, что этот разговор сколько-нибудь подействовал на нее и побудил ее больше стараться?

Да, клянусь Зевсом, отвечал Исхомах, и я помню, как она опечалилась и сильно покраснела, ког-

да я спросил у нее какую-то вещь, принесенную
2 мной, и она не могла ее мне подать. Увидав ее огорчение, я сказал: Не расстраивайся, жена, что не можешь дать вещь, которую я спрашиваю. Вот бесспорно бедность, когда нужна вещь и не можешь иметь ее в своем распоряжении: но менее печален недостаток, когда ищешь вещь и не можешь найти, чем когда вовсе даже не ищешь, зная, что ее нет. Впрочем, добавил я, в этом не ты виновата, а я, потому что я при передаче хозяйства не дал тебе указаний, где должна каждая вещь лежать, чтобы ты
3 знала, куда надо класть и откуда брать. На свете нет ничего столь полезного, столь прекрасного, как порядок. Возьмем, например, хор: он состоит из людей: когда каждый делает, что попало, видишь только сумятицу, на которую и смотреть неприятно; а когда те же самые люди действуют и поют в порядке, то стоит на них посмотреть и послушать. Точ-
4 но так же и войско, продолжал я, если в нем порядка нет, это — полная неразбериха, для врагов легкая победа, для друзей пренеприятное зрелище, вообще что-то никуда не годное: тут вместе осел, гоплит, носильщик, легковооруженный, всадник, телега. Как могут они двигаться, когда при таком беспорядке мешают друг другу,— идущий бегущему, бегущий стоящему, телега всаднику, осел телеге, носильщик гоплиту? А если нужно и сражаться, как могут они при таком беспорядке сражаться? Кому из них необходимо бежать при атаке врага[1], те могут при этом бегстве затоптать гоплитов. На-
6 против, войско в порядке представляет прекрасное зрелище для друзей и очень тяжелое для врагов. Какому другу не будет приятно смотреть, как масса гоплитов[2] идет в порядке? Кто не придет в восторг от того, что кавалерия едет стройными эшелонами? Какой враг не испугается при виде правильно размещенных гоплитов, всадников, пелтастов, стрелков,
7 пращников, идущих в порядке за своими командирами? Но, когда войско идет в порядке, хоть бы в нем было много десятков тысяч, оно все идет спокойно, словно один человек, потому что задний ряд при каждом шаге ступает на остающееся пустым
8 место. То же и военный корабль, наполненный

людьми: почему он страшен врагам и представляет радостное зрелище друзьям, как не потому, что он быстро плывет? А почему плывущие на нем не беспокоят друг друга, как не потому, что они в порядке сидят, в порядке наклоняются вперед, в порядке откидываются назад [3], в порядке входят и выходят?
9 А беспорядок — это, по-моему, вроде того, как если бы земледелец набросал в амбар вместе и ячмень, и пшеницу, и овощи, и потом, когда ему понадобилось бы тесто или хлеб, или закуска, ему пришлось бы разбирать эту массу вместо того, чтобы прямо
10 взять и употреблять отдельно лежащие продукты. Так вот, жена, если ты не любишь этого беспорядка, а хочешь уметь хозяйничать аккуратно, брать без затруднения вещи, нужные для употребления, и доставлять мне удовольствие, подавая, что́ я спрошу, то отыщем место, подходящее для каждого рода предметов, положим их в него и дадим служанке наставление брать их оттуда и класть обратно туда: тогда мы будем знать, что цело и что нет, потому что само место скажет об отсутствии вещи; взгляд обнаружит, о чем надо позаботиться, а знание места каждой вещи сейчас же подаст ее в руки, так что ты будешь пользоваться ею без затруднения. Пре-
11 восходный, в высшей степени аккуратный порядок видел я однажды, Сократ, при осмотре большого финикийского судна: масса корабельных снастей, положенных каждая отдельно, увидал я, находилась
12 в очень маленьком вместилище. Как известно, для причаливания и отчаливания корабля требуется множество снастей, деревянных и плетеных [4], а для движения его — множество так называемых висячих снастей [4]; множеством приспособлений он вооружен для защиты от неприятельских судов; много оружия везет он вместе с людьми, а также всякую утварь, которая употребляется в доме, для каждой компании обедающих; кроме всего этого он битком набит
13 грузом, который везет с собой хозяин ради прибыли. Все, что я назвал, лежало на пространстве, немного разве превышающем размеры средней комнаты с десятью койками [5]. И все предметы, как я заметил, лежат так, что не мешают один другому, нет надобности их разыскивать, все они в готовом для упо-

требления виде, нетрудно их распаковать, так что
14 не нужно тратить времени, когда вещь наскоро понадобится. А помощник кормчего, который называется «носовым» на корабле, оказалось, так знает каждое место, что даже заглазно может сказать, где что лежит и сколько чего, ничуть не хуже, чем грамотный человек может сказать, сколько букв в слове
15 «Сократ» и где какая поставлена. Я видел также, продолжал Исхомах, как он в свободное время проверял все, что бывает нужно в пути. Я удивился такой проверке его и спросил, что он делает. Проверяю, чужестранец, отвечал он, на случай, если что произойдет, как лежат корабельные принадлежности: может быть, чего не хватает или что-нибудь
16 лежит так, что трудно достать. Ведь, когда бог посылает бурю на море, не время разыскивать, что нужно, и нельзя подать, что трудно достать. Бог тогда грозит лепивым и наказывает их. Надо быть совершенно довольным, если бог хоть не губит людей невиновных; если же он спасает тех, кто очень хорошо служит ему, за это, прибавил он, глубокое
17 благодарение богам. Так вот, увидав эту аккуратную укладку, я сказал жене, что если люди на судах, таких маленьких, находят место, если, несмотря на сильное волнение моря, они все-таки сохраняют порядок и, при смертельном страхе, все-таки находят, что нужно взять, то с нашей стороны было бы полнейшей небрежностью не найти хорошего места, где все легко было бы отыскать, для каждого сорта предметов, когда для них в доме есть большие, отделенные друг от друга помещения и когда дом твердо стоит на своем основании: разве это не было бы с нашей стороны большим неразумием? Я ска-
18 зал сейчас о пользе расположения вещей в порядке и о легкости найти в доме место для каждого сорта их, чтобы положить их так, как для каждого сорта
19 выгодно. А как красиво, когда башмаки стоят в ряд, какие бы они ни были; какой красивый вид представляют плащи рассортированные, какие бы они ни были; красивый вид у постельных покрывал; красивый вид у медной посуды; красивый вид у столовых скатертей; наконец, красиво — это смешнее всего покажется человеку не серьезному, а любящему

поострить,— что и горшки, расставленные в хорошем
20 порядке, представляют, по-моему, что-то стройное. Все остальные предметы уже, может быть, от этого кажутся красивее, что они поставлены в порядке: каждый сорт имеет вид хора вещей, да и пространство в середине между ними кажется красивым, потому что каждый предмет лежит вне его: подобным образом круговой хор[6] не только сам представляет красивое зрелище, но и пространство внутри
21 его кажется красивым и чистым. Правду ли я говорю, жена, это можно испытать без всякого ущерба для нас и без особенного труда. Не следует смущаться, жена, продолжал я, даже оттого, будто трудно найти человека, который выучил бы все места всех
22 вещей и запомнил бы, где какую ставить. Мы знаем, во всем городе вещей в десять раз больше, чем у нас: однако, какому слуге ни прикажи купить тебе что-нибудь на рынке и принести, ни один не задумается, а всякий, конечно, будет знать, куда идти, чтобы купить какую вещь. Причина этого, говорил я, лишь та, что все находится в определенном
23 месте. А если ищешь человека, да иногда еще такого, который сам тебя ищет, то часто откажешься от этого прежде, чем найдешь. И этого причина опять-таки только та, что не условились, где кто должен дожидаться. Так вот что, помнится мне, я говорил с ней о порядке и употреблении домашних вещей.

Глава 9

ОБ УСТРОЙСТВЕ ДОМА. ЭКОНОМИКА. ЗНАЧЕНИЕ ХОЗЯЙКИ

1 Ну, и что же, Исхомах? спросил я. Как тебе показалось? Жена твоя прислушивалась хоть сколько-нибудь к твоим усердным наставлениям?

А то как же? Обещала заботиться и, видимо, была очень рада, как будто нашла какой-то хороший выход из безвыходного положения; она просила меня как можно скорее разместить вещи, как я говорил.

7 Как же ты, Исхомах, спросил я, разместил их ей?
Конечно, я счел нужным прежде всего показать ей принцип устройства дома. В нем нет лепных украшений, Сократ, но комнаты выстроены как раз с таким расчетом, чтобы служить возможно более удобными вместилищами для предметов, которые в них будут, так что каждая комната сама звала
8 к себе то, что к ней подходит. Спальня[1], расположенная в безопасном месте, приглашала самые дорогие покрывала и домашние вещи, сухие части здания — хлеб, прохладные — вино, светлые — работы
9 и вещи, требующие света. Убранство жилых комнат, указывал я ей, состоит в том, чтобы они летом были прохладны, а зимой теплы. Да и весь дом в целом, указывал я ей, фасадом открыт на юг, так что совершенно ясно, что зимой он хорошо освещен солнцем, а летом — в тени[2]. Затем я указал ей, что женская половина отделена от мужской дверью с засовом, чтобы нельзя было выносить из дома, чего не следует, и чтобы слуги без нашего ведома не производили детей: хорошие слуги после рождения детей по большей части становятся преданнее, а дурные, вступив в брачные отношения, получают больше
10 удобства плутовать. После этого осмотра, говорил он, мы стали уже разбирать домашние вещи по группам. Прежде всего мы начали собирать предметы, нужные для жертвоприношений. После этого стали отделять женские праздничные наряды, мужскую одежду для праздников и для войны, покрывала в женской половине, покрывала в мужской по-
11 ловине, обувь женскую, обувь мужскую. Отдельную группу вещей составило оружие, отдельную — инструменты для пряжи шерсти, отдельную — принадлежности для печения хлеба, отдельную — посуда для приготовления кушанья, отдельную — принадлежности для мытья, отдельную — вещи для замешивания теста, отдельную — столовая посуда. Мы положили в разные места также вещи для повседневного употребления и вещи, нужные только в праздники.
12 Отдельно отложили мы запасы, расходуемые помесячно, в особое место убрали запасы, рассчитанные на весь год: так виднее, чтобы их хватило до конца года. Рассортировав все домашние вещи, мы разло-

9 жили все их по соответствующим местам. После этого предметы, употребляемые слугами ежедневно, как, например, для печенья хлеба, для приготовления кушанья, для пряжи шерсти и тому подобные, мы отдали в распоряжение им самим, показав, куда класть, и велели им беречь. А предметы, употребляе-
10 мые нами в праздники, при приеме гостей или в каких-нибудь редких случаях, мы сдали в распоряжение экономке, указали их места, пересчитали, записали все и сказали ей, чтобы она давала, кому что надо, помнила, что кому дает, и, получая обратно, убирала опять в то самое место, где что взяла.
11 В экономки мы выбрали после тщательного обсуждения женщину, самую воздержную, на наш взгляд, по части еды, вина, сна и общения с мужчинами, которая кроме того, обладала очень хорошей памятью, боялась наказания от нас в случае небрежности и старалась угодить нам и за то получить от
12 нас награду. Мы приучили ее даже относиться к нам с участием: делились с нею радостями, когда радовались, а в печальные минуты приглашали делить горе. Мы старались также заинтересовать ее в увеличении нашего богатства: посвящали ее во все дела
13 и делали участницей нашего благосостояния. Мы старались привить ей также любовь к честности: честные пользовались у нас бóльшим уважением, чем бесчестные, и мы указывали, что честные живут богаче бесчестных, что жизнь их более похожа на жизнь свободных людей, и ее самое относили к чис-
14 лу таких людей. После всего этого, Сократ, я сказал жене, что от всего этого не будет никакого толку, если она сама не будет заботиться, чтобы каждая вещь всегда сохраняла свое место. Я указывал ей, что и в благоустроенных городах граждане считают недостаточным издавать хорошие законы, а помимо этого выбирают блюстителей законов, которые имеют надзор за гражданами: соблюдающего закон хвалят, а кто поступает вопреки законам, того наказы-
15 вают. Так вот, я советовал жене, чтоб и она считала себя блюстительницей законов над всем находящимся в доме, проверяла бы вещи, когда найдет нужным, наподобие того, как комендант крепости проверяет часовых, осматривала бы, в хорошем ли со-

стоянии каждая вещь, подобно тому как Совет осматривает лошадей и всадников[3], и, как царица, хвалила бы и награждала, чем может, достойных, бранила бы и наказывала, кто этого заслуживает.

16 Кроме того, я внушал ей, что с ее стороны было бы несправедливо тяготиться тем, что на нее я возлагаю больше трудов по хозяйству, чем на слуг: я указывал, что участие слуг в хозяйских вещах ограничивается тем, что они их носят, держат в порядке, берегут, а пользоваться ни одной вещью им нельзя без разрешения господина; все принадлежит хозяину, так что он может любой вещью распорядиться,

17 как хочет. Поэтому, кто получает больше всех пользы от сохранения вещей в целости и больше всех убытка от уничтожения их, тому, объяснял я, должно быть и больше всех заботы о них.

18 И что же, Исхомах? спросил я. Твоя жена после этих наставлений послушалась ли тебя хоть сколько-нибудь? А то как же? отвечал он. Она сказала мне, Сократ, что я неправильно сужу о ней, если думаю, будто налагаю на нее тяжелую обязанность, внушая ей, что необходимо заботиться о хозяйстве. Тяжелее было бы, прибавила она, если бы я налагал на нее обязанность не заботиться о своем добре,

19 чем заботиться о нем. Так, видно, устроено, закончила она: как о детях заботиться порядочной женщине легче, чем не заботиться, так и об имуществе, которое радует уже тем, что оно свое, заботиться порядочной женщине приятнее, чем не заботиться.

Глава 10

ОТУЧЕНИЕ ЖЕНЫ ОТ КОСМЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПРИУЧЕНИЕ К УКРЕПЛЕНИЮ ТЕЛА ЗАБОТАМИ О ХОЗЯЙСТВЕ

1 Тогда, продолжал Сократ, услышав, что жена ему так ответила, я сказал: клянусь Герой[4], Исхомах, жена твоя, судя по твоим словам, обнаружила мужской склад ума.

Я хочу рассказать тебе, отвечал Исхомах, еще

и о других случаях, в которых она выказала очень высокий ум, когда она по первому моему слову сейчас же послушалась меня.

Какие же это случаи? спросил я. Расскажи: мне гораздо приятнее слушать о высоких качествах живой женщины, чем если бы Зевксид[2] показал мне портрет красавицы.

3 Тогда Исхомах стал рассказывать. Так вот, Сократ, я как-то увидал, что она сильно набелена (хотела казаться белее, чем она есть) и сильно нарумянена (хотела казаться румянее, чем в действительности)[3] и что на ней башмаки на высокой подошве (хотела казаться выше своего натурального роста)[4]. Скажи мне, жена, спросил я: когда ты считала бы меня, как владельца общего с тобою состояния, более заслуживающим любви,— если бы я показал тебе, что есть в действительности: не хвастался бы, что у меня больше, чем есть, и не скрывал бы ничего, что есть, или же если бы вздумал обмануть тебя: рассказывал бы, что у меня больше, чем есть, показывал бы серебро поддельное, цепочки с деревом внутри[5], пурпурные одежды[6] линючие и выдавал бы их за настоящие? Она сей-
4 час же сказала в ответ: Что ты, что ты! Я не хочу, чтоб ты был таким. Если бы ты стал таким, я не смогла бы любить тебя от всей души. Ну хорошо, сказал я: мы сошлись с тобою, жена, также и для телесного общения? Да, как люди говорят. Так, когда, по-твоему, я заслуживал бы больше любви, находясь в телесном общении с тобою,— если бы, отдавая тебе свое тело, я заботился, чтоб оно было здорово и сильно и чтобы благодаря этому у меня был действительно хороший цвет лица, или же если бы я показывался тебе, намазавшись суриком и наложивши краску под глазами, и жил бы с тобою, обманывая тебя и заставляя смотреть на сурик и ка-
6 саться его вместо моей собственной кожи? Мне меньше удовольствия было бы, отвечала она, касаться сурика, чем тебя, меньше удовольствия было бы смотреть на цвет краски, чем на твой собственный, меньше удовольствия было бы смотреть на твои глаза подкрашенные, чем на здоровые. Так, и я,
7 сказал Исхомах, уверяю тебя, жена, меньше люблю

цвет белил и румян, чем твой собственный. Нет, как боги устроили, что для лошади самое приятное существо лошадь, для быка — бык, для овцы — овца, так и человек считает самой приятной вещью тело
8 в его натуральном виде. Обманы эти еще как-нибудь могли бы обмануть посторонних и оставаться не открытыми; но люди, живущие всегда вместе, непременно попадутся, если вздумают обманывать друг друга: или, вставая с постели, попадутся, пока еще не успели привести в порядок одежды, или пот их выдаст, или слезы откроют, или купанье покажет их в настоящем виде.

9 Что же она ответила тебе на это? Скажи ради богов, спросил я.

Ее ответом было то, что с тех пор она никогда ничем подобным уже не занималась, а старалась показываться в опрятном виде, одетая к лицу. Мало того, она меня спрашивала, не могу ли я ей чего посоветовать, чтобы ей быть на самом деле краси-
10 вой, а не только казаться. Конечно, Сократ, я советовал ей не сидеть все на одном месте[7], как рабыни, а с божьей помощью попробовать, как следует хозяйке, подойти к ткацкому станку, да поучить служанку, если что знает лучше других, а если что плохо знает, самой поучиться, присмотреть и за пекаршей, постоять и возле экономки, когда она отмеривает что-нибудь, обойти дом и наблюсти, все ли на том месте, где должно быть. Это, казалось
11 мне, будет зараз и заботой и прогулкой. Хорошее упражнение, говорил я, также мочить, месить, выбивать и складывать одежды и покрывала. От такой гимнастики, говорил я, она будет и кушать с большим аппетитом, и здоровье будет, и цвет лица бу-
12 дет у нее на самом деле лучше. Наружность жены, когда она, по сравнению с служанкой, и опрятнее и одета более к лицу, бывает привлекательной, особенно когда к этому присоединяется желание уго-
13 дить мужу, а не служить ему поневоле. А эти сидящие сидпем с важностью дамы подают повод сравнивать их с разряженными обманщицами[8]. И теперь, Сократ, уверяю тебя, моя жена одевается и держит себя так как я учил ее и как сейчас тебе рассказал.

Глава 11

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСХОМАХА

1 После этого я сказал: О занятиях жены твоей, Исхомах, мне кажется, с меня достаточно на первый раз того, что я слышал: они делают большую честь вам обоим. А теперь говори мне о своих занятиях: и тебе будет приятно рассказать о том, на чем основана твоя слава, и я, прослушав подробный рассказ о занятиях прекрасного и хорошего человека и составив о них себе, если можно, ясное представление, буду тебе глубоко благодарен.

2 Клянусь Зевсом, отвечал Исхомах, я буду очень рад рассказать тебе, Сократ, о своих повседневных работах; а ты укажи, в чем мне надо исправиться, если найдешь какие-нибудь мои действия неправильными.

3 Да по какому же праву, отвечал я, я стал бы исправлять такого идеального человека, когда я к тому же, по общему мнению, пустой болтун, занимающийся измерением воздуха[1], и, что является
4 особенно бессмысленным обвинением, называюсь бедным? Конечно, Исхомах, я был бы в полном отчаянии по поводу такого обвинения; но на днях я повстречал лошадь иностранца того, Никия[2]; за ней, увидел я, шло много зрителей; некоторые, как я услышал, вели о ней оживленные разговоры. Я подошел к конюху и спросил, много ли денег у лоша-
5 ди. Он взглянул на меня, как даже на сумасшедшего, раз я предлагаю такой вопрос, и сказал: Как же у лошади могут быть деньги? Тут я воспрянул духом, услыхав, что позволительно, стало быть, и бедной лошади быть хорошей, если у нее душа
6 от природы хорошая. Так вот, ввиду того, что и мне позволительно быть хорошим человеком, расскажи подробно о своих занятиях: попробую и я следовать твоему примеру в том, что смогу усвоить себе из твоего рассказа; начну с завтрашнего дня: это счастливый день[3], прибавил я, чтобы вступить на путь добродетели.

7 Хоть ты и шутишь, Сократ, отвечал Исхомах, но я все-таки расскажу тебе о своих занятиях, в ко-

торых я, насколько хватает моих сил, стараюсь про-
8 водить жизнь. Я пришел к убеждению, что боги не дали возможности людям жить счастливо без понимания своих обязанностей и старания исполнить их и что разумным и старательным они одним дарują счастье, а другим нет. Ввиду этого я первым делом почитаю богов, но стараюсь поступать так, чтоб они по моим молитвам даровали мне и здоровье, и телесную силу, и уважение в городе, и любовь в кругу друзей, и благополучное возвращение с войны с честью, и умножение богатства честным путем.

9 Выслушав это, я сказал: Как видно, Исхомах, ты интересуешься тем, чтоб быть богатым и, имея большой капитал, иметь большие хлопоты и заботы о нем?

Конечно, интересуюсь тем, о чем ты спрашиваешь, отвечал Исхомах: приятна, мне кажется, пышность в служении богам, приятно и помогать друзьям в случае нужды, приятно и отечество не оставлять без денег, насколько это от меня зависит.

10 Да, действительно, хорошо все это, о чем ты говоришь, и доступно только чрезвычайно богатому человеку, не правда ли? — когда много на свете людей, которые не могут жить без помощи других, много и таких, которые рады бывают, если им удается добыть хоть столько, чтоб самим хватало на жизнь. Значит, кто может не только справляться со своим хозяйством, но и иметь излишек, чтоб и родной город украшать и друзьям облегчать нужду, как же тех не считать богатыми и сильными?

11 Но, прибавил я, хвалить таких много нас найдется. А ты, Исхомах, расскажи мне, с чего и начал: как о здоровье ты заботишься? Как о телесной силе? Как удается тебе даже с войны с честью возвращаться? А о способах обогащения твоего, сказал я, достаточно будет времени послушать и потом. Все

12 это, Сократ, сказал Исхомах, как мне кажется, связано одно с другим. Так, когда у человека есть питание в достаточном количестве, то, зарабатывая его трудом, он вернее, мне кажется, сохранит здоровье; зарабатывая его трудом, скорее разовьет силу; занимаясь военными упражнениями, с боль-

шей честью уцелеет на войне; заботясь надлежащим образом и не предаваясь лени, надо думать, скорее увеличит состояние.

13 Все, что ты говорил до сих пор, Исхомах, я понимаю, заметил я. Ты хочешь сказать, что благодаря труду, заботе и упражнению человек скорее достигнет благосостояния. Но какого рода труд применяешь ты для того, чтоб быть здоровым и сильным, как упражняешься в военном деле, как заботишься о получении излишка, дающего возможность и друзьям помогать и город усиливать,— вот о чем хотелось бы мне знать.

14 Так вот, Сократ, отвечал Исхомах, вставать с постели я привык в такой час, когда могу еще застать дома, кого мне нужно повидать. Если у меня есть какое дело в городе, то исполнение его служит
15 мне прогулкой; а если в городе у меня нет никакой надобности, то слуга мой отводит лошадь вперед меня в деревню, а мне прогулкой служит дорога в деревню,— это, пожалуй, полезнее, Сократ, чем гулять в галерее. По приходе в деревню, сажают ли
16 там у меня деревья, или подымают пар, или сеют, или подвозят хлеб, я смотрю, как идут работы, и приказываю работать по-иному, если знаю какой лучший способ. После этого по большей части я са-
17 жусь на лошадь и произвожу верховые эволюции, возможно более похожие на те, которые нужны на войне, не избегая ни косогоров, ни подъемов, ни оврагов, ни канав; стараюсь только, по возможности, не искалечить лошадь при таких маневрах. По окон-
18 чании этого слуга, дав лошади выкататься[4], отводит ее домой и вместе с тем несет из усадьбы в город, что нам нужно; а я то шагом, то бегом возвращаюсь домой и чищу себя скребницей[5]; потом завтракаю, Сократ, и ем столько, чтобы весь день быть ни голодным, ни слишком сытым.

Клянусь Герой, Исхомах, сказал я, мне нравит-
19 ся твой образ жизни: такое одновременное сочетание способов для укрепления здоровья и силы с военными упражнениями и заботами о богатстве,— все это, по-моему, восхитительно. И действительно,
20 ты представляешь веские доказательства того, что ты идешь правильным путем для достижения всех

этих целей: благодаря богам мы видим тебя обыкновенно и здоровым и сильным и знаем, что ты считаешься одним из самых искусных наездников и богатых людей.

И вот, Сократ, по случаю такого моего образа
21 жизни, очень многие... доносят на меня; а ты, чаю, думал, я скажу, что многие называют меня прекрасным и хорошим.

А еще вот о чем я хотел спросить тебя, Исхомах,
22 сказал я, заботишься ли ты еще о том, чтобы быть в состоянии дать отчет, кому понадобится, и потребовать его от других?

А разве, по-твоему, Сократ, отвечал он, я не готовлюсь постоянно именно к этому, к защите, тем, что никому не делаю зла, а делаю добро многим по силе возможности? А к обвинению разве, по-твоему, не готовлюсь тем, что замечаю, как многие делают зло отдельным гражданам, а некоторые и всему государству, а добра не делают никому?

23 А готовишься ли ты к тому, спросил я, чтоб такие мысли выражать словами? Вот это еще, Исхомах, расскажи мне.

Да, Сократ, отвечал он, я не перестаю практиковаться в произнесении речей. То, заслушав обвинение или защиту со стороны кого-нибудь из слуг, я стараюсь доказать, что он неправ; то в разговоре с друзьями браню или хвалю кого-нибудь; то мирю каких-нибудь знакомых, стараясь доказать, что им
24 полезнее быть друзьями, чем врагами; то, собравшись у стратега, мы выражаем порицание кому-нибудь или заступаемся за кого-нибудь, если на него несправедливо жалуются; то между собою обвиняем кого-нибудь, кто не по заслугам пользуется почетом. Часто и на совещании проект, желательный нам, хвалим, а нежелательный критикуем. Мно-
25 го раз, Сократ, я своей собственной персоной попадал под суд: разбирали, какому наказанию или штрафу меня подвергнуть.

Кто же это, Исхомах? спросил я. Я этого не знал.

Жена, отвечал он.

Ну, и как же ты защищаешься? спросил я.

Когда правду полезно говорить, очень хорошо;

а когда ложь, то, клянусь Зевсом, Сократ, не в силах я дело неправое изобразить как правое [6].

Тут я сказал: Да, пожалуй, Исхомах, изо лжи не сделаешь правды.

Глава 12

УПРАВЛЯЮЩИЙ. ВЫБОР ЕГО И ПОДГОТОВКА

1 Однако, сказал я, не задерживаю ли я тебя, Исхомах? Может быть, ты хочешь уже уйти?

Клянусь Зевсом, нет, отвечал он: я не могу уйти, Сократ, пока не разойдется совсем народ на площади.

2 Клянусь Зевсом, заметил я, ты сильно остерегаешься, как бы тебе не потерять своего прозвища «прекрасный и хороший человек». Вот, например, сейчас, может быть, у тебя есть много дел, требующих твоей заботы; но, раз ты уговорился с иностранцами, ты дожидаешься их, чтобы не нарушить своего слова.

Нет, Сократ, отвечал Исхомах, уверяю тебя, у меня и те дела, которые ты разумеешь, не ос-
3 таются в забросе: у меня в деревне есть управляющие [1]. Что же, Исхомах, спросил я, когда тебе нужен управляющий, ты разузнаешь, нет ли где человека, способного к этой должности, и стараешься купить его, вроде того как, нуждаясь в плотнике, ты разузнаешь, я уверен, не увидишь ли где человека, знающего это дело, и стараешься приобрести его,
4 или же сам обучаешь управляющих? Клянусь Зевсом, Сократ, отвечал он, сам стараюсь обучать. Если человек в мое отсутствие должен вполне удовлетворительно заменять меня в заботах по хозяйству, что же иное он должен знать, как не то, что я? А ведь если я способен руководить работами, то, разумеется, и другого мог бы научить тому, что сам знаю.

5 В таком случае, заметил я, первое, что ему надо иметь, это — расположение к тебе и к твой семье. Ведь без расположения что толку в знании управляющего, как бы велико оно ни было?

Никакого, клянусь Зевсом, сказал Исхомах; поэтому, конечно, я прежде всего стараюсь внушать ему расположение к себе и к своей семье.

6 А как же, скажи ради богов, спросил я, ты учишь желательного тебе человека иметь расположение к тебе и к твоей семье?

Клянусь Зевсом, отвечал Исхомах, я ему оказываю добро, когда боги пошлют нам что-нибудь из земных благ в изобилии.

7 Ты хочешь сказать, заметил я, что человек, пользующийся твоим добром, становится расположенным к тебе и желает тебе счастья?

Да, Сократ, в этом я вижу лучшее средство расположить к себе человека.

8 Ну, а если он станет расположен к тебе, Исхомах, спросил я, будет ли он годен для должности управляющего по этой причине? Разве ты не видишь: хотя все люди, пожалуй, желают себе добра, однако многие не хотят заботиться, чтобы у них были те блага, которых они желают?

9 Нет, клянусь Зевсом, отвечал Исхомах, когда я хочу поставить такого человека в управляющие, я учу его и быть заботливым.

10 Как же? спросил я. Скажи ради богов. Ведь я думал, что этому научить совершенно невозможно.

Да, Сократ, отвечал он, действительно, всех как есть научить быть заботливым нельзя.

11 Так кого же можно? спросил я. Определи мне их поточнее.

Прежде всего, Сократ, отвечал он, человека, невоздержного в употреблении вина, не сделаешь заботливым: пьянство заставляет его забывать обо всех нужных делах.

12 Так, только невоздержные в этом, спросил я, неспособны к заботе или еще и другие какие?

Клянусь Зевсом, отвечал Исхомах, еще и неумеренные по части сна: когда спит человек, он ни сам не может исполнять своих обязанностей, ни других заставлять.

13 Так что же? спросил я. Только эти окажутся у нас неспособными к обучению заботливости или кроме них есть еще и другие какие-нибудь?

Мне кажется, отвечал Исхомах, и людей, чрезмерно преданных любовным наслаждениям, невозможно научить заботиться о чем-нибудь больше, чем
14 об этом: нелегко найти надежду или заботу приятнее заботы о любимом мальчике, и, наоборот, трудно изобрести наказание, более тяжелое, чем разлука с предметом любви, когда предстоит какое-нибудь дело. Поэтому, когда я узнаю про кого-нибудь, что он такой, я даже и не пробую ставить его в управляющие.

15 А что? спросил я. Кто влюблен в наживу, и тех нельзя обучить заботе о сельских работах?

Нет, совсем наоборот, отвечал Исхомах: они легко поддаются обучению заботливости: ничего другого не нужно, как только показать им, что заботливость — дело прибыльное.

16 А прочих, сказал я, если они обладают требуемой тобою воздержностью и не очень падки к наживе, как ты обучаешь заботиться о том, в чем желаешь видеть их заботливость?

Очень просто, Сократ, отвечал он. Когда я вижу с их стороны заботливость, я хвалю их и стараюсь отличать; а когда вижу небрежность, стараюсь и говорить и поступать так, чтобы уколоть их.

17 Ну, Исхомах, сказал я, оставим эту тему о людях, обучаемых заботливости; скажи мне вот что еще об ученых: если человек сам небрежен, может ли он делать других заботливыми?

18 Нет, клянусь Зевсом, отвечал Исхомах, это так же невозможно, как невежде делать других учеными[2]. Когда учитель показывает что-нибудь неправильно, трудно выучиться делать это правильно, и, когда барин подает пример небрежности, трудно
19 слуге стать заботливым. Словом сказать, у плохого барина, не помню я, чтобы замечал слуг хороших; у хорошего видел плохих, но они не оставались без наказания. А кто хочет сделать человека способным к заботливости, должен уметь присмотреть за работами, понимать в них толк, быть готовым за хорошее исполнение отблагодарить исполнителя
20 и без колебания подвергнуть нерадивого заслуженному наказанию. Хорошо, по-моему, заметил Исхомах, ответил персиянин, как рассказывают, царю.

Царь однажды получил хорошую лошадь, и ему хотелось поскорее ее откормить; он спросил кого-то, считавшегося специалистом по части лошадей, что всего скорее утучняет лошадь; тот, говорят, ответил: «хозяйский глаз». Так и во всем, Сократ, закончил он, по-моему, хозяйский глаз — самый лучший работник.

Глава 13

КАЧЕСТВА УПРАВЛЯЮЩЕГО

1 А когда ты вобьешь в голову человеку, спросил я, что он должен заботиться, о чем ты хочешь,— будет такой уже годен в управляющие или ему придется еще чему доучиваться, чтобы быть годным управляющим?

2 Да, клянусь Зевсом, отвечал Исхомах, конечно, ему еще остается узнать, что надо делать, когда как; а то без этого что толку в управляющем? Разве больше, чем во враче, который заботился бы о пациенте только тем, что посещал бы его и утром и вечером, а не знал бы, что может помочь больному.

3 А если он выучится, как надо исполнять ему свои работы, еще что-нибудь ему нужно будет, спросил я, или он будет у тебя уже идеальным управляющим?

Думаю, отвечал он, ему нужно выучиться начальствовать над рабочими.

4 Так, и ты, спросил я, обучаешь управляющих уменью начальствовать?

Да, стараюсь по крайней мере, отвечал Исхомах.

Как же, спросил я, обучаешь ты их, чтобы они умели начальствовать над людьми? Скажи ради богов.

Очень просто, Сократ, отвечал он, так что, пожалуй, тебе и слушать-то смешно будет.

5 Нет, это не такое дело, чтоб над ним смеяться, Исхомах, сказал я. Кто может сделать другого способным начальствовать над людьми, тот, очевидно, может научить его уменью быть господином, а кто

может этому научить, тот может сделать его также способным быть царем. Таким образом, могущий это делать, мне кажется, заслуживает не насмешки, а большой похвалы.

6 Так вот, Сократ, отвечал он, всех животных обучают послушанию двумя способами: наказанием, когда они вздумают оказать непослушание, и хоро-
7 шим обращением, когда они охотно подчиняются. Вот, например, жеребят учат повиновению берейторам тем, что, когда они слушаются, им дают что-нибудь вкусное, а когда упрямятся, не дают покоя,
8 пока они не подчинятся воле берейтора. Точно так же и щенят, хотя они гораздо ниже людей и по разуму и по языку [1], тем не менее учат бегать кругом, кувыркаться и разным другим штукам таким же способом: когда они слушаются, то получают что-нибудь им нужное, а когда бывают невнимательны,
9 их наказывают. А людей можно делать послушнее одним даже словом, показывая им пользу от повиновения. Что касается рабов, то даже считающийся пригодным лишь для животных способ обучения очень полезен, чтобы научить их повиновению: удовлетворяя, сверх других потребностей, их аппетит, можно многого добиться от них [2]. На честолюбивые натуры сильно действует и похвала: у некоторых натур жажда похвалы не меньше, чем у других
10 стремление к пище и питью. Всем этим средствам, которые я сам применяю, рассчитывая делать людей послушнее, я обучаю тех, кого хочу поставить в управляющие, и еще вот чем помогаю им: платья и башмаки, которые я должен давать рабочим, я делаю не все одинаковые, а одни похуже, другие получше, чтобы можно было хорошему работнику
11 дать в награду что получше, а плохому что похуже. Мне кажется, Сократ, заметил он, у хороших работников является горькое чувство разочарования, когда они видят, что работу исполняют они и тем не менее одинаковую с ними награду получают те,
12 кто не хочет нести в нужный момент ни трудов, ни опасностей. Поэтому я и сам ни в каком случае не равняю наградами хороших работников с плохими и управляющего хвалю, когда он раздает наиболее достойным лучшие вещи; а если замечу, что

у него пользуется предпочтением кто-нибудь за лесть или за другое какое бесполезное угождение, я не спускаю этого управляющему: делаю ему выговор и стараюсь внушить, Сократ, что он поступает в этом случае даже вопреки собственному интересу.

Глава 14

ЗАКОНЫ ДЛЯ СЛУГ О ЧЕСТНОСТИ

1 А когда, Исхомах, спросил я, управляющий станет уже у тебя настолько способным к власти, что может делать людей послушными, считаешь ли ты его идеальным управляющим или все еще чего-то не хватает такому обладателю упомянутых тобою свойств?

2 Да, клянусь Зевсом, отвечал Исхомах, он не должен касаться барского добра, не должен воровать. Ведь, если заведующий полевыми плодами осмелится тащить их столько, что оставшееся количество не будет оправдывать расходов на эксплуатацию, какой толк будет от земледелия под его управлением?

3 Так и этой честности учить ты берешься? спросил я.

Конечно, отвечал Исхомах; однако не все склонны, как я нахожу, подчиняться этому учению. Но 4 я все-таки пробую направлять слуг на путь честности: для этого беру кое-что из законов Дракона, кое-что из законов Солона[1]. Мне кажется, и эти мужи при издании многих законов задавались 5 целью учить такой честности. Так, в законе сказано: наказание за кражу: пойманный на месте преступления подвергается лишению свободы, а оказывающий вооруженное сопротивление осуждается на 6 смертную казнь. Очевидно, стало быть, что законодатели хотели посредством этого закона сделать для бесчестных людей эту позорную страсть к наживе бесполезной. Так вот я, применяя некоторые статьи из этих законов и, кроме того, еще некоторые из царских[2], стараюсь внушить слугам честность по 7 отношению к тому, что у них на руках. Наши законы только определяют наказания для виновных,

а царские не только наказывают бесчестных, но и награждают честных: поэтому, видя, что честные становятся богаче бесчестных, многие, несмотря на свое корыстолюбие, твердо держатся правила избе-
8 гать бесчестных поступков. Когда же я замечу, что кто-нибудь, несмотря на хорошее с ним обращение, все-таки имеет поползновение к бесчестным поступкам, того, как неизлечимого корыстолюбца, я сей-
9 час же отрешаю и от должности. Когда, напротив, я замечу, что кто-нибудь стремится быть честным не из-за одной выгоды, доставляемой честностью, но желает и похвалы от меня, с тем я обращаюсь уже как со свободным, не только обогащая его, но и ува-
10 жая как человека прекрасного и хорошего. Тем, по-моему, Сократ, отличается человек честолюбивый от корыстолюбивого, что он готов ради похвалы и уважения и трудиться, где нужно, и подвергаться опасностям, и воздерживаться от позорной наживы.

Глава 15

НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧАТЬ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

1 Когда ты внушишь человеку доброжелательное к тебе отношение и заботу о том, чтобы счастье осуществлялось для тебя на деле, сверх того дашь ему знание, как исполнять какую работу с большей пользой, да еще сделаешь его способным властвовать и в довершение всего этого он будет радоваться не меньше тебя самого, представляя тебе обильный и своевременный урожай, я уж не буду больше спрашивать, не нужно ли такому человеку иметь еще какие качества: при таких достоинствах, мне кажется, он был бы уже превосходным управляющим. Но не оставь без разъяснения, Исхомах, сказал я, того вопроса, которого мы в своей беседе коснулись лишь слегка.

2 Какого это? спросил Исхомах.

Ты сказал, отвечал я, что очень важное дело научиться, как исполнять какую работу; иначе, говорил ты, и от заботливости нет никакого толку, если не знаешь, что надо и как надо делать.

3 Тут Исхомах сказал: Ты просишь меня теперь изложить тебе самую технику земледелия, Сократ?

Да, отвечал я, вероятно, она-то и есть причина того, что знающий бывает богат, а не знающий, несмотря на большой труд, живет в бедности.

4 Сейчас, Сократ, ты услышишь, сказал он, как это занятие человеколюбиво. Если земледелием заниматься очень приятно, если оно в высшей степени полезно, прилично, любезно и богам и людям, если к тому же очень легко ему научиться, разве оно не благородное занятие?[1] А благородными, как известно, мы называем и животных, которые красивы, велики, полезны и в то же время ласковы к человеку.

5 Из твоего разъяснения, Исхомах, сказал я, кажется, я понял в достаточной степени, как следует учить управляющего: я понял, как, согласно твоему указанию, надо привязать его к тебе, сделать заботливым, способным к власти, честным. Но, что ка-

6 сается твоего замечания, что для рационального наблюдения за земледелием надо выучиться также тому, что следует делать, как и когда какую работу следует делать, этого вопроса, кажется, мы косну-

7 лись в своей беседе лишь слегка. Это все равно, как если бы ты сказал, что для умепья писать под диктант и читать написанное надо знать азбуку. Услышав это, я услышал бы только, что надо знать азбуку; но оттого, что я буду знать это, думается мне, я не буду нисколько более знать азбуку. Точно

8 так же и в данном случае: для рационального наблюдения за земледелием надо знать его, в этом ты меня легко убедил; но оттого, что я знаю это, я не знаю нисколько более, как надо обрабатывать

9 землю. Нет, если бы мне вздумалось сейчас обрабатывать землю, то, кажется мне, я был бы в положении врача, который посещает больных и осматривает, но не знает средств, помогающих больным. Так вот, чтобы мне не быть в таком положении, научи

10 меня самой практике земледелия. Нет, Сократ, сказал он, земледелию не так трудно научиться, как другим профессиям, при изучении которых ученик дойдет до изнеможения раньше, чем будет зарабатывать на хлеб. Нет, стоит тебе посмотреть, как работают, а отчасти даже только послушать об этом,

и ты сейчас же поймешь настолько, что сможешь даже учить других, если захочешь. Да я думаю, что
11 ты много понимаешь в земледелии, сам того не замечая. Все специалисты почему-то скрывают важнейшие детали своей профессии; а земледелец, отлично сажающий деревья, будет очень рад, если на него смотришь; точно так же и отлично сеющий; и, когда спросишь о чем-нибудь, что хорошо сделано, он не скроет от тебя, как он это сделал. Таким об-
12 разом, Сократ, земледелие, как видно, даже облагораживает характер человека, занимающегося им.

13 Прекрасное предисловие, сказал я: оно не заставит слушателя прекратить дальнейшие вопросы! Но если земледелию так легко научиться, то тем более ты должен рассказать мне о нем: тебе нет стыда объяснять такие мелкие вещи; гораздо скорее мне стыдно не знать их, тем более если они полезны.

Глава 16

ПОЧВА И ОБРАБОТКА ЕЕ

1 Так вот, Сократ, сказал он, прежде всего я хочу доказать тебе, что не трудно то, что называют самой трудной проблемой земледелия люди, излагающие очень подробно теорию его, но практически им не занимающиеся: именно, говорят, что для рацио-
2 нальной обработки земли прежде всего надо знать свойства почвы.

И правильно говорят, заметил я: кто не знает, что может земля производить, не может знать, думаю, даже и того, что надо сеять, какие деревья са-
3 жать. Так, и при взгляде на чужой участок земли, сказал Исхомах, можно понять, что может производить земля и чего не может: стоит посмотреть на хлебные злаки и на фруктовые деревья. А когда поймешь это, бесполезно уже спорить с богом: как ни старайся сеять и сажать, что тебе нужно, все-таки будешь иметь припасов не больше, чем сколько
4 земля захочет родить и вырастить. А в случае, если, по нерадению хозяев, она не может показать свойственную ей силу, часто бывает можно по соседнему

участку составить о ней более верное представление, чем путем расспросов у соседнего владельца.

5 Да и пустуя, она все-таки показывает свои качества: земля, производящая дикие растения в прекрасном виде, может при уходе производить и садовые растения прекрасные. Таким способом качество почвы могут различать и люди, не имеющие ника-

6 кого понятия о земледелии. Ну, насчет этого, Исхомах, отвечал я, как будто я уже достаточно успокоился: из боязни не узнать свойства почвы мне нет

7 надобности отказываться от земледелия. Да, я вспомнил рыбаков: они работают на море, не останавливаются для осмотра, не замедляют хода, а пробегают много полей: и все-таки, видя полевые плоды на берегу, нисколько не затрудняются высказать свое мнение о земле, какая хороша и какая плоха: одну хулят, другую хвалят, и вот, как вижу, они по большей части высказывают о хорошей земле совершенно то же мнение, как и люди, опытные в зем-

8 леделии. Так с чего же, Сократ, спросил он, начать мне напоминание[1] тебе о земледелии? Ведь очень многое из того, что я буду говорить тебе о способах земледелия, я уверен, ты уже знаешь.

9 Мне кажется, Исхомах, отвечал я, первое, чему я желал бы научиться (всякое знание годится для философа), как обрабатывать землю, если бы мне это захотелось, чтобы получать очень большой урожай ячменя и пшеницы.

10 Знаешь ты, что для посева надо предварительно подготовить новь?[2]

Знаю, отвечал я.

11 Что, если бы мы начали пахать землю зимою? сказал он.

Нет, была бы грязь, отвечал я.

Ну, а летом, как, по-твоему?

Тверда будет земля, отвечал я, плугом не вспашешь.

12 Должно быть, весной, сказал он, надо начинать эту работу.

Конечно, отвечал я, в это время года земля всего больше рассыпается при паханье.

И трава, переворачиваемая плугом, Сократ, сказал он, тогда уже доставляет удобрение земле, а еще

не бросает семян, от которых могла бы вырасти
13 вновь. Думаю, и то еще ты знаешь, что для того, чтобы новь [2] была хороша, надо очистить ее от сорных трав и как можно сильнее высушить на солнце.

14 Конечно, отвечал я, и это, думаю, должно быть так.

А как ты думаешь, спросил он, можно ли это сделать лучше, чем если летом возможно чаще переворачивать землю?

Вполне знаю, отвечал я, что сорные травы будут оставаться на поверхности и сохнуть от жара, а земля будет высушиваться солнцем всего лучше тогда,
15 если ее среди лета в полдень пахать плугом.

А если люди, обрабатывая новь, будут копать землю лопатой, спросил я, не ясно ли, что и они должны отделять землю от сорных трав?

Да, сказал я, и сорные травы бросать на поверхности, чтобы сохли, а землю переворачивать, чтобы сырые части ее сушились.

Глава 17

ПОСЕВ

1 Относительно нови, Сократ, сказал он, наши мнения, как видишь, сходятся.

Да, сходятся, отвечал я.

Что же касается сева, Сократ, сказал он, не правда ли, ты находишь, что надлежащее время сеять — это то, которое как все прежние люди, так и теперешние на основании опыта признали самым
2 лучшим? А когда наступит осеннее время, чуть не все взирают на бога в ожидании, когда он пошлет дождь на землю и дозволит им сеять.

Да, Исхомах, отвечал я, все признали также и то, что не следует сеять в сухую землю, насколько это зависит от воли человека: очевидно, тем, кто сеял, не получив раньше повеления от бога, приходилось бороться с большими потерями.

Так, в этом, сказал Исхомах, все мы согласны.

3 Да, отвечал я, чему бог учит, в том бывает такое согласие: вот, например, все без исключения нахо-

дят, что зимой лучше носить толстый плащ, если кто может, и зажигать огонь все без исключения считают нужным, если есть дрова.

Но, что касается сева, сказал Исхомах, многие
4 держатся разных мнений относительно того, какой сев лучший — ранний, средний или самый поздний [1].

Бог устраивает годы, сказал я, не одинаково: один год благоприятен для раннего сева, другой — для среднего, третий — для самого позднего.

5 Как же, по-твоему, лучше, Сократ, спросил он,— выбрать один из этих сроков для сева,— все равно, много ли сеешь или мало,— или же сеять, начиная с самого раннего сева и кончая самым поздним?

6 Тогда я сказал: По-моему, Исхомах, всего лучше сеять при каждом севе: гораздо лучше, я думаю, получать каждый год хлеба достаточное количество, чем то очень много, то слишком мало.

Значит, и в этом, Сократ, сказал он, ты одного мнения со мною, ученик с учителем, да еще высказываешь свое мнение раньше меня.

7 А что, спросил я, искусство бросать семена не одинаково?

Давай рассмотрим, Сократ, сказал он, и этот вопрос всесторонне. Что семена надо бросать рукой, и ты, чай, знаешь.

Да, видел, отвечал я.

Но бросать, сказал он, одни умеют ровно, другие нет.

Значит, для этого уже нужно упражнение, сказал я, чтобы рука, как у кифариста [2], умела подчиняться рассудку.

8 Разумеется, отвечал он, а если земля одна — тощая, а другая — жирная?

Что ты хочешь этим сказать? спросил я. «Тощая» — не то же ли, что «слабая», а «жирная» — не то же ли, что «сильная»?

Да, это я и хочу сказать, отвечал он, и спрашиваю тебя, равное ли количество семян станешь ты давать той и другой земле или которой больше?

9 К вину, думаю я, надо подливать тем больше воды, чем оно крепче, отвечал я; на человека, чем он сильнее, тем больше тяжести надо накладывать, если что нужно нести, и, если нужно кого содержать,

я приказал бы богатым содержать большее число людей. А становится ли слабая земля сильнее, как подъяремный скот [3], если в нее бросать больше плодов, это ты мне объясни.

10 Исхомах засмеялся и сказал: Шутишь ты, Сократ. Однако, уверяю тебя, если бросить семя в землю и затем, пока земля получает много питания с неба, снова запахать побеги от семени, это будет земле корм, у нее явится сила, как от навоза; но, если дать земле питать семя все время до плода, то трудно будет слабой земле много плодов довести до зрелости. Да и свинье слабой трудно выкормить много поросят, пока они вырастут.

11 Ты хочешь сказать, Исхомах, спросил я, что в слабую землю надо бросать меньше семян?

Да, клянусь Зевсом, Сократ, отвечал он, и ты с этим согласен, раз ты говоришь, что, по твоему мнению, всех слабых надо заставлять делать меньше.

12 А для чего вы посылаете, Исхомах, спросил я, рабочих на поля окапывать посевы?

Ты знаешь, конечно, сказал он, что зимою бывают сильные дожди [4]?

Как же не знать? ответил я.

Так вот, предположим, что некоторая часть посева закрыта илом, нанесенным дождями, и некоторые корни от тока воды обнажились. Да и сорные травы вследствие дождей часто начинают расти вместе с хлебом и заглушают его.

Да, отвечал я, все это должно быть.

13 Так, не находишь ли ты, спросил он, что как раз в это время посеву нужна какая-то помощь?

Конечно, отвечал я.

Что же, по-твоему, надо делать, чтобы помочь покрытому илом посеву?

Снять с земли бремя, отвечал я.

А что делать, чтобы помочь растениям, у которых обнажены корни? спросил он.

Присыпать к ним новой земли, отвечал я.

14 А что делать, если сорные травы растут вместе с посевом, заглушают его и расхищают у растений питание, подобно тому, как ни на что не годные трутни расхищают у пчел, что они сработают и уберут про запас для собственного питания?

Клянусь Зевсом, следовало бы выкопать травы, сказал я, точно так же, как удаляют трутней из улья.

15 Так разумно мы поступаем, по-твоему, что посылаем рабочих окапывать? спросил он.

Конечно. Но вот что мне пришло в голову, Исхомах, сказал я: как хорошо приводить кстати сравнения. Ведь я страшно разозлился на сорные травы, когда ты упомянул про трутней,— гораздо больше, чем когда ты говорил о самих травах.

Глава 18

УБОРКА ХЛЕБА И ОЧИСТКА ЗЕРНА

1 Однако, сказал я, после этого надо жать. Так поучи меня и насчет этого, если что знаешь.

Хорошо, ответил он, если только не окажется, что ты и по этой части знаешь то же, что и я. Так вот, что хлеб надо срезать, ты знаешь.

Как же не знать? отвечал я.

Так как же ты будешь срезать, спросил он,— ставши, откуда ветер дует, или против ветра?

Нет, не против, отвечал я: и глазам и рукам бывает трудно жать против колоса и ости.

2 И резать станешь верхушку колоса или у земли?

Если короток колос, сказал я, то стану резать снизу, чтобы солома была пригоднее; а если длинен, правильно поступлю, думаю, если буду резать посередине, чтобы ни при молотьбе, ни при веянье не тратить лишнего труда без всякой надобности. А оставшуюся часть колоса, полагаю, можно или сжечь для удобрения земли, или бросить в навоз для увеличения его количества.

3 Вот видишь, Сократ, сказал он, ты и попался: и насчет жатвы ты знаешь то же, что и я.

Кажется, что так, отвечал я; мне хочется еще посмотреть, умею ли я и молотить.

Так это-то знаешь ты, что хлеб молотят подъяремным скотом? сказал он.

4 Как же не знать? отвечал я. Знаю и то, что для молотьбы употребляется всякого рода подъяремный скот: волы, мулы, лошади.

Так как ты думаешь, спросил он, они только лишь всего и умеют — топтать хлеб, когда их погоняют?

Да что же еще могут уметь животные? сказал я.

5 А чтобы они топтали, что нужно, и чтобы обмолот шел равномерно, чья это забота, Сократ? спросил он.

Очевидно, отвечал я, что молотильщиков: они будут гонять животных по кругу и подбрасывать под ноги им то, что не вытоптано, и таким образом, очевидно, будут отлично уравнивать[1] гумно и очень скоро оканчивать молотьбу.

Так, и это, заметил он, ты знаешь нисколько не хуже меня.

6 После этого, Исхомах, сказал я, мы будем веять зерно, чтобы его очистить.

Скажи мне, Сократ, сказал Исхомах, знаешь ли ты, что если ты начнешь веять на той части гумна, откуда ветер, то мякина полетит через все гумно?

Непременно, отвечал я.

7 Стало быть, сказал он, она должна падать и на зерно.

Да, важно, сказал я, чтобы мякина перелетала через зерно на пустую часть гумна.

А если начать веять, спросил он, на подветренной стороне?

Очевидно, сказал я, мякина будет сейчас же в ее приемнике.

8 А когда очистишь зерно до середины гумна, сказал он, сейчас ли, пока еще зерно лежит так рассыпанное, будешь веять остальное зерно, не очищенное от мякины, или же сгребешь чистое зерно к столбу[2] на возможно узкое пространство?

Да, сгребу, клянусь Зевсом, отвечал я, чистое зерно, чтобы мякина у меня перелетала на пустую часть гумна и не было надобности два раза веять одно и то же зерно.

9 Значит, Сократ, сказал он, ты и другого мог бы поучить, как всего скорее очистить зерно!

Как видно, сказал я, я и сам не замечал, что это знаю. Да я давно уж думаю, не могу ли я быть золотых дел мастером, флейтистом, живописцем, хоть и сам этого не замечал: ведь и этому меня никто не

учил, как и земледелию; но, как я видел земледельцев, так видал и людей, занимающихся разными ремеслами.

10 Так вот, сказал Исхомах, я уж давно твержу тебе, что земледелие — самое благородное занятие даже и потому, что ему очень легко научиться.

Ну, хорошо, Исхомах, ответил я, знаю это: видно, я сам не замечал, что знаю, как сеять [3], хоть и знал это.

Глава 19

САДОВОДСТВО

1 Не относится ли к земледелию, спросил я, и посадка деревьев?

Конечно, относится, отвечал Исхомах.

Так разве это возможно, что, как сеять, я знаю, а как сажать деревья, не знаю?

2 Будто ты этого не знаешь? сказал Исхомах.

Как знаю? сказал я. Да я не знаю, ни в какую землю сажать дерево, ни какой глубины и ширины рыть яму для растения, ни какой длины должно быть растение, когда его сажаешь, ни при каком положении в земле оно может лучше всего расти.

Ну, так учись тому, чего не знаешь, сказал Исхо-3 мах. Какие ямы роют для растений, я уверен, ты видал?

И много раз, отвечал я.

Так, видел ли ты когда яму глубже трех футов [1]?

4 Нет, клянусь Зевсом, отвечал я, даже и в два с половиной фута не видал.

А шириною больше трех футов яму видел?

Нет, клянусь Зевсом, отвечал я, даже и в два фута не видал.

Ну, еще вот на что ответь мне, сказал он, видал ты яму глубиною меньше фута?

Нет, клянусь Зевсом, отвечал я, даже и в полтора фута не видал: ведь при окапывании будут вырывать растения, если они посажены так уж чересчур близко к поверхности.

5 Итак, Сократ, сказал он, ты вполне знаешь, что не роют яму ни глубже двух с половиною футов, ни меньше полутора.

Нельзя этого не видеть, отвечал я, когда это так бросается в глаза.

6 А отличаешь ты с первого взгляда сухую землю от сырой? спросил он.

Сухою считаю я, например, землю около Ликабетта [2] и подобную ей, сказал я, а сырую — в Фалерской низине [3] и подобную ей.

7 Так в какой же земле будешь ты рыть для растения глубокую яму — в сухой или в сырой? спросил он.

В сухой, клянусь Зевсом, отвечал я: если в сырой рыть глубокую, то встретишь воду: нельзя уже будет сажать в воду.

Прекрасно, сказал он. Так вот, когда ямы вырыты, в какое время года надо сажать растения в сухой и в сырой земле? Видал ты это?

Конечно, отвечал я [4].

8 Так, если хочешь, чтобы растение поскорее прилилось, то как ты думаешь, когда скорее ветка пустит корни в жесткий грунт,— через рыхлую ли землю, если подсыпать под нее обработанной земли, или через необработанную?

Очевидно, сказал я, что через обработанную оно скорее пустит корни, чем через необработанную.

9 Значит, надо подсыпать земли под растение?

Почему не подсыпать? сказал я.

А как, по-твоему, лучше укоренится ветка,— если ты поставишь ее всю прямо, верхушкой к небу, или если часть ее положить горизонтально под подсыпанной землей так, чтобы она лежала на манер повернутой гаммы [5]?

10 Вот так, клянусь Зевсом: больше будет глазков под землей; а из глазков, как я вижу, и поверх земли растут побеги; думаю, и с глазками под землей то же самое делается. А если много будет ростков под землей, то растение, думаю, пойдет скоро и сильно.

11 Так и насчет этого, сказал он, ты одного мнения со мною. Что же? Ты только нагребешь кучку земли вокруг растения или и утопчешь ее хорошенько?

Утопчу, клянусь Зевсом, отвечал я. Если не утоптать, то от дождя, наверно, неутоптанная земля превратится в грязь, а от солнца высохнет до глубины; таким образом, есть опасность, что растение будет гнить от сырости и сохнуть от засухи, когда корни подвергаются жару.

12 Значит, и насчет посадки винограда [6], Сократ, ты во всем одного мнения со мной.

И смоковницу, спросил я, так же надо сажать?

Думаю, отвечал Исхомах, и все другие фруктовые деревья. Ведь, если что полезно при посадке винограда, что из этого не одобрить для посадки других растений?

13 А маслину как мы будем сажать, Исхомах? спросил я.

Ты хочешь испытать меня и насчет этого, сказал он, хоть сам превосходно это знаешь. Ты ведь видишь, конечно, что для маслин ямы роют глубже, потому что их роют главным образом по сторонам дорог [7]; видишь, что у всех молодых растений есть пеньки; видал, что на голове у всех растений наложена грязь и верхняя часть у всех растений защищена покрышкой [8].

Вижу все это, сказал я.

14 А если видишь, заметил он, то чего о них ты не знаешь? Или не знаешь, Сократ, как сверху на грязи положить черепок?

Клянусь Зевсом, Исхомах, отвечал я, все, о чем ты говорил, мне известно. Но мне опять пришло в голову, почему это, когда ты раньше предложил мне общий вопрос, умею ли я сажать, я дал ответ отрицательный. Мне казалось, что я не мог бы ничего сказать о способах посадки; но, когда ты стал предлагать мне вопросы по отдельным пунктам, я даю тебе ответы, совпадающие с мнением, которого держишься ты, такой великий специалист по части земледелия. Неужели, Исхомах, вопросы служат одним 15 из методов обучения [9]? Только теперь я понял, как ты мне предлагал вопросы по отдельным пунктам: ты ведешь меня через факты, мне известные, указываешь на сходство с ними тех, которые я считал неизвестными, и чрез это заставляешь меня верить, будто я и их знаю.

16 Так неужели, сказал Исхомах, если бы я спросил тебя о серебряной монете, настоящая она или нет, я мог бы заставить тебя верить, что ты умеешь отличать настоящие деньги от поддельных? Или, спрашивая об игре на флейте, убедил бы тебя, что ты умеешь играть, или о живописи и обо всех подобных искусствах?

Может быть, отвечал я, раз ты заставил меня верить, будто я умею обрабатывать землю, хоть я знаю, что никто никогда не учил меня этому делу.

17 Нет, Сократ, это невозможно, сказал он; но, как я тебе и раньше говорил, земледелие — такое любящее человека, гуманное занятие, что, у кого есть глаза и уши,
18 тому оно тотчас дает знание себя. Многому оно само учит, как лучше всего с ним обращаться. Вот, например, виноградная лоза поднимается на дерево, если есть дерево вблизи: она учит нас, что надо ее держать в вертикальном положении; раскидывает она листья, пока гроздья у нее еще нежны: она учит, что в эту пору надо затенять гроздья, на-
19 ходящиеся на солнце; а когда придет время ягодам уже наливаться сладостью от солнечных лучей, она сбрасывает листья и учит человека обнажать ее и дать плодам созреть. Наконец, благодаря обилию плодов своих, она представляет нашему взору одни гроздья уже зрелыми, другие — еще зеленоватыми: она учит срывать с нее плоды, как собирают смоквы,— те, которые в данный момент уже поспели.

Глава 20

ЗАБОТЛИВЫЕ И НЕРАДИВЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

1 Тут я сказал: Если земледелию так легко научиться и все одинаково знают, что надо делать, отчего же это бывает, Исхомах, что не у всех и материальное положение одинаково: одни живут богато и имеют излишки, другие не только не могут добыть себе необходимых средств, но даже еще впадают в долги?

2 Это я скажу тебе, Сократ, отвечал Исхомах. Не знание и не незнание делает одних земледельцев
3 богатыми, других — бедными. Не слыхать таких разговоров, будто хозяйство разорено оттого, что сеятель посеял неравномерно, что садовник посадил деревья не в ряд; что хозяин не разобрал, какая земля годится для винограда, и посадил его в неподходящем месте; что он не знал, что для посева полезно предварительно обработать новь; что он не знал, что
4 полезно к земле примешивать навоз. Нет, гораздо чаще приходится слышать вот какие толки: такой-то не получает хлеба со своего именья, потому что не заботится, чтобы поле у него было засеяно или чтобы оно было унавожено. Или: у такого-то нет вина, потому что он не заботится о посадке новых виноградных деревьев и чтобы имеющиеся у него приносили плод. Или: у такого-то нет ни масла, ни смокв потому что он не заботится и не принимает мер
5 к тому, чтоб это было у него. Вот, Сократ, какое различие между земледельцами, почему и материальное положение их различно,— гораздо лучше поло-
6 жения того, кто придумает какое-нибудь гениальное, как он воображает, изобретение по части земледелия [1]. Равным образом и стратеги в некоторых стратегических операциях бывают одни хуже, другие лучше не потому, чтобы они отличались друг от друга талантом, но несомненно заботливостью: одни начальники исполняют, а другие не исполняют то, что и стратегам всем известно и большинству рядовых.
7 Так, например, все знают, что, идя по неприятельской стране, лучше идти таким строем, при котором, в случае надобности, было бы выгоднее всего сражаться. Так вот, зная это правило, одни его соблю-
8 дают, другие не соблюдают. Часовых ставить и днем и ночью лучше перед лагерем: это правило все знают, но и о нем одни заботятся, чтоб оно исполнялось,
9 а другие не заботятся. Точно так же очень трудно найти человека, кто бы не знал, что когда бывает нужно идти где-нибудь по узкому проходу, лучше заранее
10 занимать выгодные позиции. Тем не менее одни заботятся об исполнении этого, другие — нет. Вот и про навоз все говорят, что это превосходная вещь для земледелия, и видят, что он получается сам собою:

и все-таки, хоть и прекрасно знают, как он получается, и хоть легко наготовить его большое количест-
11 во,— одни заботятся, чтобы и он собирался, другие относятся к этому небрежно. А между тем дождь бог посылает с неба, и все углубления обращаются в лужи, а земля производит всякого рода сорные травы; землю должен очищать всякий, кто хочет сеять, и если бросать в воду сор, удаляемый с земли, то время уже само сделает из него то, что любит земля: какой сор, какая земля в стоячей воде не об-
12 ратится в удобрение? Также, как сильно нуждается в уходе земля — слишком сырая для посева или слишком солепая для садоводства,— это знают все, а равно и то, как отводить воду канавами и как исправлять солончаковую почву примесью разных веществ, жидких и сухих, не содержащих соли; одна-
13 ко и об этом одни заботятся, другие — нет. Но предположим, что кто-нибудь совершенно не в состоянии разобрать, что может производить земля, что ему нельзя увидать ни плода ее, ни растения и не от кого услышать правду о ней: не гораздо ли легче всякому испытать землю, чем лошадь или человека? Земля ничего не показывает с целью обмана, но с простотою открывает, на что она способна и на что не способна, и говорит правду. Мне кажется, земля
14 служит превосходным средством отличить дурного человека от хорошего благодаря тому, что все дары ее легко понять и изучить: не работающему нельзя оправдываться незнанием, как в других профессиях, так как всем известно, что земля за добро платит
15 добром. Леность при земледелии — явный показатель дурной души: что человек мог бы жить без хлеба насущного, в этом никто не уверит себя; стало быть, кто не хочет заниматься земледелием и не имеет никакой другой профессии, дающей средства к жизни, тот, очевидно, думает жить воровством или грабежом, или попрошайничеством, или уж он — дурак набитый. Большое влияние на выгодность или убыточность земледелия оказывает то, когда один хозяин, имея большее или меньшее число рабочих, прилагает некоторую заботу, чтобы рабочие у него были вовремя на работе, а другой не заботится об этом. Один человек, пожалуй, стоит целого десятка

17 благодаря тому, что он работает в свое время, а другой — благодаря тому, что не уходит раньше времени. А если позволить людям целый день работать кое-как, то разница, пожалуй, окажется в по-
18 ловину всей работы. Подобно этому бывает, что во время пути на протяжении двухсот стадий[2] один обгонит другого на сто стадий, хотя оба путника и молоды и здоровы, если при этом один идет, выполняя цель, к которой стремится, а другой с легким сердцем отдыхает и около источников и в тенистых местах, смотрит по сторонам, ловит
19 мягкий ветерок. Точно так же большая разница и в исполнении полевых работ между работниками, делающими дело, к которому они приставлены, и не делающими его, а находящими предлог не работать, когда им дозволяют бездельничать.
20 Между хорошей работой и плохим выполнением ее такая же большая разница, как между абсолютной работой и абсолютным ничегонеделанием. Так, например, когда при вскапывании для очищения винограда от сорных трав рабочие вскапывают землю так, что сорные травы растут обильнее и пышнее, как не назовешь это ничегонеделанием? Так вот ка-
21 кие причины гораздо более разоряют хозяйство, чем полное незнакомство с делом. Когда деньги на расход полностью уходят на хозяйство, а работы исполняются не так, чтобы приход перевешивал расход, ничего мудреного нет в том, что вместо излишка по-
22 лучается дефицит. Но для людей, умеющих заботиться о деле и усердно обрабатывающих землю, земледелие — самое эффективное средство обогащения. Мой отец и сам так вел хозяйство и меня научил. Он никогда не позволял мне покупать землю хорошо обработанную, а такую, которая, по небрежности ли хозяев или по недостатку средств у них, не обработана и не засажена; такую он советовал поку-
23 пать. Обработанная, говорил он, и стоит дорого, и улучшать ее нельзя; а если нельзя ее улучшать, то она не доставляет столько удовольствия; напротив, всякая вещь и скотина, которая идет к улучшению, очень радует хозяина. Так вот, нет ничего способного к большему улучшению, как земля, которая из запущенной становится в высшей степени плодород-

24 ной. Уверяю тебя, Сократ, что, благодаря нашим стараниям, стоимость многих участков земли стала во много раз больше первоначальной. Эта мысль — такая драгоценная, и так легко ее понять, что, хотя ты ее только сейчас услышал, но будешь ее знать не
25 хуже меня и другого научишь, если захочешь. Да и отец мой не у другого научился этому и пришел к этой мысли не путем теоретического размышления, но, как утверждал он, по любви своей к земледелию и труду; он захотел иметь подобный участок, чтобы и руки приложить к нему и получать удовольствие
26 от доставляемого им дохода. Да, Сократ, прибавил он, мой отец по натуре своей, как мне кажется, любил сельское хозяйство больше всех афинян.

Выслушав это, я спросил его: Что же, Исхомах, отец твой сам владел всеми этими именьями, которые он привел в цветущее состояние, или также и продавал, если мог получить хорошую плату?

Да, клянусь Зевсом, и продавал, отвечал Исхомах, но тотчас же, по своей любви к труду, взамен одного покупал другое именье, но запущенное.

27 Судя по твоим словам, Исхомах, сказал я, отец твой, действительно, по натуре своей любил сельское хозяйство не меньше, чем купцы любят хлеб. Ведь и купцы, по своей чрезвычайной любви к хлебу, как прослышат, что где-нибудь его очень много, так и едут туда за ним, переплывают и Эгейское, и Евксин-
28 ское, и Сицилийское море[3]. Потом наберут его как можно больше и везут по морю, да еще на том судне, на котором сами едут. Когда им понадобятся деньги, они не выбрасывают хлеб зря, по дешевым ценам, куда попало, а, напротив, где, по слухам, цены на хлеб всего выше и где больше всего им дорожат, к тем и везут его на продажу. В таком же роде, должно быть, и отец твой был любителем сельского хозяйства.

29 На это Исхомах сказал: Ты шутишь, Сократ, а я ничуть не меньше считаю даже любителями строительства тех, которые, выстроив дом, продают его, а потом строят новый.

Нет, клянусь Зевсом, Исхомах, возразил я, я верю тебе: это так естественно, что все любят то, из чего надеются извлечь себе выгоду.

Глава 21

УМЕНЬЕ ОБРАЩАТЬСЯ С ЛЮДЬМИ И ПОВЕЛЕВАТЬ ИМИ

1 Однако вот что пришло мне в голову, Исхомах, сказал я, как ловко ты обратил весь разговор в защиту своего тезиса. Ты выставил тезис, что земледелие легче других искусств для изучения: и теперь, на основании всего сказанного тобою, я вполне убедился, что так оно и есть.

2 Да, клянусь Зевсом, отвечал Исхомах, но в отношении того, Сократ, что играет одинаковую роль во всякой профессии, будет ли то земледелие или общественная деятельность, хозяйство или военное дело,— я разумею способность властвовать,— в этом отношении, согласен с тобою, существует очень большая разница между людьми в зависимости от их духов-
3 ных свойств. Возьмем для примера военный корабль: когда нужно бывает в открытом море пройти в течение дня известное пространство, один келевст [1] умеет словом и делом зажечь в людях желание работать, а другой так несообразителен, что на тот же путь приходится употребить с лишком вдвое больше времени. Одни выходят на берег вспотевшие, довольные друг другом,— келевст и его подчиненные,— а те, которые приезжают без пота, полны ненависти к своему
4 начальнику и ему ненавистны. И между командирами в этом отношении есть разница: одни не могут внушать солдатам ни любви к труду, ни любви к опасностям; их солдаты не хотят им повиноваться, считая это для себя унизительным, кроме как в случае необходимости, а, напротив, гордятся своим про-
5 тивлением начальнику. Эти командиры не могут внушить солдатам даже чувства стыда, если войско покроет себя позором. Наоборот, начальники, любимые богами, хорошие, знающие, приняв под свою команду этих же самых солдат, а часто и других, еще худших, умеют внушить им чувство стыда к позорным поступкам, внушить им мысль о важности повиновения, так что каждый из них с радостью повинуется, воодушевить их всех желанием работать общими силами, когда потребуется работать. Как у отдельных

6 лиц иногда бывает врожденная любовь к труду, так
подобно этому хороший командир может внушить и
целому войску и любовь к труду и честолюбивое же-
лание, чтобы подвиг солдата был замечен командо-
7 ром. К какому командиру так относятся подчинен-
ные, тот и есть сильный начальник, а вовсе не тот,
клянусь Зевсом, кто физически сильнее самих сол-
дат, кто бросает копье или стреляет из лука лучше
всех, кто, имея лучшего коня, кидается в опасность
впереди всех как самый лучший всадник или пел-
таст [2],— но тот, кто умеет внушить солдатам долг
идти за ним и в огонь и в любую опасность. Того
8 с полным правом можно назвать человеком, одарен-
ным великим умом, за кем идет много людей, про-
никнутых его мыслью; про того можно по справед-
ливости сказать, что он идет с большой массой, воле
которого готова служить масса рук [3]; великий муж
поистине тот, кто может совершать великие подвиги
9 не столько силою тела, сколько силою ума. То же
бывает и в домашних делах: поставленный во главе
дела человек, в должности ли управляющего или
надсмотрщика [4], если он умеет внушить работникам
охоту к работе, энергию, усердие, такой человек
добьется хорошего результата и большой создаст
10 перевес прихода над расходом. Если при появлении
барина на работе,— барина, который может и жесто-
ко наказать плохого работника и отлично наградить
усердного, если при этом среди рабочих не произой-
дет никакой заметной перемены, такому хозяину я
не позавидую. Напротив, если при виде хозяина ра-
бочие встрепенутся, если у каждого из них пробу-
дится сила, взаимное соревнование, честолюбивое
желание отличиться во всем,— про того я скажу, что
в его душе есть что-то царственное. Вот это-то и есть
11 самое важное, по-моему, как во всяком деле, где что-
нибудь исполняется человеческими руками, так рав-
но и в сельском хозяйстве. Но, клянусь Зевсом, я уже
не скажу, что этому можно научиться, взглянувши
или раз послушавши; нет, чтобы иметь эту силу,
нужно и образование, и природные дарования, и, са-
12 мое главное, милость богов. Да, это благо, как мне
кажется, совершенно не зависит от воли человека,
но от воли богов,— это искусство властвовать над

людьми по их добровольному признанию; несомненно, оно дарується тому, кто поистине посвящен в таинства добродетели. А власть над людьми против их воли, мне кажется, боги дают тому, кого считают заслуживающим жизни Тантала [5], который, как рассказывают, пребывает в царстве Аида в вечном страхе умереть вторично [6].

СТАТЬИ
И КОММЕНТАРИИ

КСЕНОФОНТ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Сведения о жизни Ксенофонта приходится почерпать почти исключительно из его собственных сочинений. Правда, до нас дошла его биография, составленная Диогеном Лаэртским (уроженцем города Лаэрты в Киликии), компилятором II века н.э., но она, как и биографии других лиц, составленные этим автором, дает сведения и слишком недостаточные по количеству, и иногда, может быть, даже малодостоверные, хотя он ссылается на более древние источники.

Уже год рождения Ксенофонта неизвестен: приходится определять его приблизительно путем комбинирования отрывочных сведений, как будто противоречащих друг другу. Так, по сообщению Диогена (II, 5, 22) и Страбона (IX, 403), Ксенофонт участвовал в сражении при Делии в Беотии в 424 году и был спасен Сократом. Так как молодые люди с 18 до 20 лет несли военную службу только внутри Аттики (см. примеч. 24 к «Воспоминаниям», III, 5) *, то Ксенофонту в 424 году должно было быть не менее 20 лет, и потому годом его рождения надо считать 444-й или еще более ранний. С этим выводом вполне сходится собственное свидетельство Ксенофонта в начале его «Пира» о том, что он сам присутствовал на этом пире, который устроен был Каллием в честь победы его любимца Автолика на гимнастическом состязании. Год этого состязания, а следовательно, и пира определен в точности — 422-й. А так как все гости на этом пире были взрослые молодые люди,

---

* В цитатах принято такое обозначение: римская цифра означает книгу; первая арабская цифра означает главу этой книги, вторая арабская цифра означает параграф, т. е. мелкое деление этой главы (на полях маленькие цифры). Например, 1, 3, 2 значит: первая книга, третья глава, второй параграф, т. е. цитата находится во втором параграфе третьей главы первой книги; в случае ссылки на несколько параграфов той же главы номера параграфов отделяются точкой.

лет двадцати с лишком, то надо заключить, что и Ксенофонт был не ребенком, т. е. что в 422 году ему было более 20 лет: это опять приводит нас приблизительно к тому же году рождения его. Такой же вывод надо сделать на основании года его смерти. Правда, этот год нельзя определить с точностью: по показанию Стесиклида (у Диогена, II, 6, 56), он умер в 360 году; но ввиду того, что в «Истории Греции» (VI, 4, 36) Ксенофонт упоминает одно событие 357 года и что его трактат «О доходах» написан, судя по некоторым данным, в 356 году, годом смерти его можно считать только 356-й или более поздний. А так как, по свидетельству Лукиана («Долголетние», 21), Ксенофонт прожил с лишком 90 лет (по свидетельству Деметрия у Диогена, II, 6, 56, «умер достаточно старый»; по свидетельству Диодора Сицилийского, XV, 76,— «крайне старый»), то опять-таки это указывает на рождение его между 450-м и 440-м годами. Этого мнения и держались прежние филологи. Но английский историк Митфорд (Mitford) в своей «Истории Греции» («The history of Greece», 1822, т. V, гл. 23), а потом знаменитый голландский критик Кобет (Cobet), не упоминая Митфорда, в своих «Новых чтениях» («Novae lectiones», 1858, с. 534 и след.) указали на целый ряд мест в Ксенофонтовом «Анабасисе», на основании которых можно заключить, что Ксенофонту во время похода Кира в 401 г. (см. об этом ниже) было меньше 30 лет и что поэтому рождение Ксенофонта надо относить к какому-нибудь году между 430-м и 425-м. Большинство новых биографов Ксенофонта принимает эту дату *. Тем не менее она едва ли верна, и, по-видимому, надо вернуться к мнению прежних ученых. Дело в том, что все указанные Кобетом места в «Анабасисе» очень неопределенны (III, I, 14; III, I, 25; VII, 3, 46; VI, 4, 25; VII, 6, 34): в них

* Из филологов сравнительно нового времени, не принявших гипотезу Кобета, могу указать на Редпанца (Rehdantz) в его 3-м издании «Анабасиса» 1873 года, с. XXI, примеч. 40а; Г. Зауппе (G. Sauppe) в его издании всех сочинений Ксенофонта 1865 года, с. VIII; на проф. Ф. Ф. Зелинского в его литографированных «Лекциях по истории греческой литературы» 1919 года, часть II, с. 73—74.

как будто говорится о молодости Ксенофонта; но при растяжимости понятия «молодой»,— в древних языках даже значительно большей, чем в новых,— можно было назвать молодым и человека лет 43. К. В. Крюгер (K. W. Krüger) в своем исследовании о жизни Ксенофонта («De Xenophontis vita» в «Historisch-philologische Studien», 1851, II, S. 262 u.ff.) прекрасно доказал недостаточную убедительность выводов на основании этих мест «Анабасиса».

А между тем Кобету и его последователям приходится, ради этих неопределенных мест «Анабасиса», считать недостоверным известие об участии Ксенофонта в сражении при Делии (в 424 году). «Хорошо,— говорит Кобет (с. 539),— что у нас есть лучший свидетель, очевидец, который в Платоновом „Пире" (221 A) очень интересно рассказывает, как Сократ отступал после этого поражения: Алкивиад, верхом на лошади, сопровождал Сократа и Лахета и довел их до безопасного места». Гуг (Hug) в примечании к этому месту Платонова «Пира» высказывает предположение, что известие о спасении Ксенофонта Сократом в сражении при Делии основано на смешении его с Алкивиадом. Но в таком случае пришлось бы предположить двойное смешение — не только лиц, но и сражений, потому что Алкивиад был спасен Сократом в сражении при Потидее в 432 году. Рассказ Алкивиада в Платоновом «Пире», пожалуй, еще может бросить тень подозрения на детали известия о спасении Ксенофонта Сократом, по крайней мере в Страбоновой версии (IX, 7),— о том, что Сократ, «во время бегства увидя Ксенофонта упавшим с лошади и лежавшим, взял его на плечи и спас на много стадий, пока не прекратилось бегство». Но в Диогеновой версии последней детали нет: Сократ в сражении при Делии «спас Ксенофонта, упавшего с лошади, взяв на себя». А в таком виде, может быть, нет противоречия между этим рассказом и рассказом Алкивиада: тут могут разуметься разные моменты сражения; рассказ Алкивиада относится к более позднему времени бегства, чем спасение Ксенофонта в самом сражении. Но, даже если все известие о спасении Ксенофонта Сократом признать за вымысел, то нет основания считать вымыслом ос-

новную часть известия — участие Ксенофонта в сражении при Делии (что только и важно для биографии Ксенофонта); этой части известия рассказ Алкивиада во всяком случае не противоречит. К тому же надо заметить, что неупоминание Ксенофонта в Алкивиадовом рассказе не доказывает того, что Ксенофонт не был каким-либо действующим лицом в описываемой сцене: древние ученые — Афиней (XI, 540 E), Диоген (III, 34), Авл. Геллий (XVI, 3) — высказали предположение, что между Платоном и Ксенофонтом была вражда. Новые критики, правда, доказали (особенно Бёк) (Böckh) несостоятельность этой гипотезы. Но факт остается фактом, и довольно странным: Платон в своих сочинениях ни разу не упоминает Ксенофонта, а Ксенофонт упоминает Платона один раз, и то вскользь («Воспоминания», III, 6, 1). Поэтому Алкивиадов рассказ у Платона не может свидетельствовать против известия об участии Ксенофонта в сражении при Делии.

Но мало того, что Кобету и его последователям, в угоду их гипотезе, приходится отвергать известие об участии Ксенофонта в сражении при Делии; они не верят и заявлению самого Ксенофонта в начале «Пира» о том, что он лично присутствовал на пире Каллия и, следовательно, в 422 году был уже взрослым. Это заявление автора критики или совсем замалчивают, или считают его вымыслом, литературным приемом,— без всякого основания. Между тем Ксенофонт говорит это вполне серьезно*: прибегать к такой фрикции здесь ему не было никакой надобности: он мог бы дать описание этого пира с чужих слов, как Платон делает это в своем «Пире» и в других диалогах; напротив, было бы смешно и явно указывало бы на фикцию, если бы Ксенофонт говорил о своем присутствии там, где он не мог быть по возрасту**.

---

* Это признает и Бёк в статье «О вражде между Платоном и Ксенофонтом, перепечатанной в его «Kleine Schriften», B. IV, 13—14.

** И действительно, Афиней (V, 216 d) упрекает Ксенофонта во лжи за то, что он в «Пире» назвал себя в числе гостей — «он, который, может быть, даже не был рожден

Однако Ксенофонт в «Защите» и в «Воспоминаниях», IV, 8, не говорит, что он лично присутствовал на суде и при последних днях Сократа, а слышал об этом от Гермогена; точно так же в «Воспоминаниях» в одних случаях он говорит, что сам слышал беседу Сократа или присутствовал при ней: например, II, 4, 1; II, 5, 1; IV, 3, 2; в других случаях он употребляет выражение «говорят»: например, о разговоре Сократа с Критием в I, 2, 30, о разговоре Алкивиада с Периклом в I, 2, 40; в некоторых случаях говорит довольно неопределенно «мне известно»: например, IV, 4, 5; IV, 5, 2. Ввиду этого нет основания сомневаться в правдивости заявления Ксенофонта о его присутствии на пире Каллия в 422 году.

Итак, на основании приведенных известий и соображений надо думать, что Ксенофонт родился не позже 444 года, а умер не раньше 356 года до н. э.

Во всяком случае прожил он долго — лет 90, как мы видели. О первой половине его жизни, до 401 года, у нас нет почти никаких сведений. Каково было социальное и материальное положение его отца, неизвестно; но, судя по тому, что он дал сыну образование, достаточное для литературной деятельности, и судя по тому, что Ксенофонт служил в кавалерии, как видно из известия о сражении при Делии, надо думать, что он не принадлежал к бедным людям.

Так как большая часть первого периода его жизни прошла во время долгой войны, которую вела Спарта с Афинами (431—404 годы), то, несомненно, по достижении 18-летнего возраста он должен был принимать участие в военных операциях. На это отчасти указывает и его опытность в военном деле во время похода Кира: нельзя думать, что войско выбрало его вождем в том опасном положении, в каком оно находилось в Азии, если бы не видело в нем человека, хорошо знакомого с военным делом. По одному известию, о котором мы только что упо-

(в то время) или находился в детском возрасте». Но слова «может быть, даже не был рожден» показывают, что Афиней не имел точных сведений о годе рождения Ксенофонта.

минали, он участвовал в сражении при Делии во время Пелопоннесской войны; но, как мы видели, этот факт возможен только при предположении, что он родился не позднее 444 года; поэтому новейшие биографы его, относящие его рождение ко времени около 430 года, считают это известие не заслуживающим веры. Есть еще известие, что он был взят в плен в каком-то сражении с беотийцами и во время плена слушал беседы софиста Продика. Но достоверным фактом из первого периода его жизни является его знакомство с Сократом; сохранился даже рассказ (впрочем, может быть, вымышленный) о том, как произошло это знакомство. Сократ будто бы однажды встретил Ксенофонта в узком переулке, загородил ему дорогу палкой и спросил, где продаются разные съестные припасы. Когда Ксенофонт ответил, Сократ спросил его опять, где люди делаются добродетельными. Ксенофонт не знал, что ответить. Тогда Сократ сказал: «В таком случае иди со мною и учись». Вот и все, что мы знаем о жизни Ксенофонта до 401 года.

В 404 году кончилась война, принесшая Афинам поражение и позор; произошла перемена образа правления: вместо демократии была установлена олигархия; во главе правления были «Тридцать тиранов». Что делал Ксенофонт в это время? На чьей стороне он был — аристократии или демократии? Судя по тому, что он относился к демократии враждебно, вероятно, он был в это время на стороне Тридцати. Если верно предположение некоторых его биографов, что он по происхождению принадлежал к классу всадников и в правление Тридцати служил в кавалерии, то надо думать, что после свержения Тридцати и восстановления демократии он очутился в весьма неприятном положении, так как люди, служившие в кавалерии при Тридцати и бывшие верными исполнителями их воли, были особенно ненавистны демократической партии. Если это так, то вполне понятным является желание Ксенофонта покинуть отечество и пойти на службу к персидскому царевичу.

Это событие, бывшее поворотным пунктом в жизни Ксенофонта, произошло так.

В Персии с 424 года до н. э. царствовал Дарий II Ноф. У него было двое сыновей: Артаксеркс и Кир. Кир был любимым сыном матери их, Парисатиды, и она хотела сделать наследником престола Кира, который хотя и был младшим братом, но родился уже после вступления отца на престол. Но Дарий распорядился иначе. Когда Кир достиг 17-летнего возраста в 407 г., он сделал его сатрапом, т. е. правителем области, занимавшей большую часть Малой Азии, а Артаксеркса назначил наследником престола.

Молодой сатрап окружил себя греческими выходцами и имел наемный отряд греческих солдат. Он принимал участие в греческой политике и помогал спартанцам против афинян в конце Пелопоннесской войны. Незадолго до смерти отец вызвал его к себе в Вавилон (404 год). Лишь только Дарий умер, как Кир был обвинен в заговоре против брата, вступившего на престол. Он не избег бы смерти, если бы мать не выпросила ему помилования и не отправила его обратно в его сатрапию.

Вернувшись туда со злобой в сердце, он немедленно приступил к тайной организации задуманного им плана мести. Распустив слух, что соседний сатрап Тиссаферн имеет замыслы против греческих городов в Малой Азии, он стал собирать новый отряд греческих солдат для их защиты. С этой целью он поручил спартанскому эмигранту Клеарху, беотийцу Проксену, приятелю Ксенофонта, и другим греческим искателям приключений, собравшимся при его дворе, набирать для него войско под предлогом похода против Тиссаферна или горного населения Писидии. Город Сарды был сборным пунктом, Писидия — мнимой целью; все замыслы против Артаксеркса были тщательно скрыты. В это время сам «великий царь» находился в полном неведении относительно намерений брата: он думал, что один сатрап собирается воевать с другим, что случалось нередко и не заслуживало его внимания.

Одним из приглашенных в собираемое войско был Ксенофонт. Проксен, находившийся в Сардах у Кира, прислал Ксенофонту письмо с приглашением прибыть к Киру, обещая сделать его другом

Кира, которого, как он писал, он ценит дороже своего отечества. Ксенофонт посоветовался с Сократом по поводу этой поездки. Сократ, согласно со своими религиозными воззрениями, а к тому же опасаясь, как бы Ксенофонту сограждане не поставили в вину дружбу с Киром, помогавшим во время войны Спарте против Афин, посоветовал Ксенофонту поехать в Дельфы и вопросить бога об этом деле. Ксенофонт спросил Аполлона, кому из богов надо приносить жертвы и молиться, чтобы наилучшим образом совершить путь, который он имеет в виду, и благополучно вернуться. Аполлон указал ему, каким богам надо приносить жертвы. Вернувшись в Афины, Ксенофонт сообщил ответ оракула Сократу. Сократ упрекнул его, что он не спросил предварительно о том, что лучше ему — ехать или остаться, а сам решил, что надо ехать, и спросил лишь о том, как лучше всего совершить этот путь. «Но раз ты так спросил,— прибавил Сократ,— то надо исполнить все, что бог повелел». Тогда Ксенофонт, принеся жертвы богам, которых указал Аполлон, отплыл из Афин и застал в Сардах Проксена и Кира уже готовыми выступить в поход. Проксен представил его Киру, который так же, как и Проксен, желал, чтобы Ксенофонт остался, и обещал отпустить его тотчас по окончании похода. Поход, по словам Кира, был направлен против писидийцев. Таким образом, Ксенофонт согласился принять участие в походе, обманутый Киром, но не Проксеном, который не знал, что поход будет против самого царя; и никто другой из греков этого не знал, кроме одного Клеарха. Так рассказывает сам Ксенофонт об этом событии, решившем судьбу остальной его жизни («Анабасис», III, 1).

Что побудило Ксенофонта участвовать в этой экспедиции? Выше мы сказали, что его положение в Афинах после восстановления демократии, вероятно, было незавидное, если он скомпрометировал себя в правление Тридцати. Но, как он сам говорит в приведенном сейчас месте «Анабасиса», Сократ указывал ему на опасность дружбы с Киром: она должна была скомпрометировать его еще больше в глазах сограждан. Таким образом, участие в похо-

де лишь временно избавляло его от тяжелого положения на родине, а в будущем грозило ему еще большими неприятностями. Надо думать, что к Киру его влекли те же соображения, которыми руководился его приятель Проксен, а именно надежда «приобрести громкое имя, большое влияние и много денег» («Анабасис», II, 6, 17). Правда, Ксенофонт говорит, что в войске Кира он не был «ни стратегом, ни лохагом (т. е. сотником), ни рядовым». Но в таком случае совершенно непонятно, что же он делал в войске. Нельзя предполагать, что он был на положении простого туриста, желавшего посмотреть невиданные страны: такой ничего не делающий человек был бы только обузой в дальней экспедиции, и, конечно, ни Проксен не пригласил бы его, ни Кир не стал бы уговаривать его остаться, если бы не видел в нем полезного человека. Вероятно, не занимая официально никакой должности, все-таки какую-нибудь роль он играл: может быть, был при Кире советником или кем-то в этом роде. И в сражении при Кунаксе (см. ниже) он участвовал («Анабасис», I, 8, 15), только в качестве не наемника, а добровольца. Да и невероятно, чтобы впоследствии, когда греческое войско лишилось командиров, лохаги проксеновского отряда выбрали вождем Ксенофонта («Анабасис», III, 1, 26), если бы он не выказал так или иначе знания военного дела.

Весной 401 года Кир выступил в поход против Артаксеркса с войском, в котором было около 13 000 греческих наемников. Дойдя беспрепятственно до деревни Кунакса (недалеко от Вавилона), Кирово войско встретилось с войском Артаксеркса. В происшедшем здесь сражении Кир был убит, но греческое войско одержало победу. Со смертью Кира для греков исчезла и цель похода. Надо было возвращаться в Грецию, от которой они были очень далеко, окруженные врагами. Греческих военачальников персы заманили к себе как бы для переговоров и отправили к Артаксерксу, который велел их казнить. Греческий отряд решился с оружием в руках проложить себе дорогу в Малую Азию и возвратиться на родину. Они выбрали себе новых пред-

водителей, в числе которых, и притом одним из главных, был Ксенофонт.

В очень тяжелой борьбе с врагами и с природой грекам удалось дойти, после восьмимесячного похода, до южного берега Черного моря, потеряв около трети своего состава, а оттуда они перешли во Фракию, где большая часть их нанялась опять на военную службу к фракийскому царю Севту. После этого Ксенофонт отвел преданное ему войско на службу спартанцам, начавшим в это время (399 год) войну с персами в Малой Азии, и, по-видимому, сам остался в Азии, не вернувшись на родину; а когда в Азию явился спартанский царь Агесилай (396 год), Ксенофонт сблизился с ним, и Агесилай навсегда остался для него любимым героем. Вместе с ним возвратился он в Грецию и находился при нем во время битвы при Коронее (394 год), где спартанцы сражались не только против фиванцев, но и против афинян, бывших в союзе с фиванцами. Вернуться на родину Ксенофонту так и не пришлось (да, может быть, он и сам не стремился): он был заочно приговорен афинянами к изгнанию из отечества. Когда именно последовал такой приговор, в точности неизвестно: вероятно, постановление об этом состоялось уже после сражения при Коронее. Во время Коринфской войны (394—387 годы) Ксенофонт, по-видимому, сопровождал Агесилая в его походах. Спартанцы отблагодарили его за оказанные им услуги, стоившие ему изгнания из отечества: они подарили ему дом и участок земли в местечке Скиллунте в Элиде близ Олимпии. Здесь он жил с женой и двумя сыновьями, Гриллом и Диодором, и провел много лет вдали от общественной жизни,— занимался сельским хозяйством, охотой, литературными трудами и принимал друзей. Эта спокойная, идиллическая жизнь в очаровательном уголке продолжалась до 371 года, когда во время войны между Спартой и Фивами фиванцы разбили спартанцев при Левктрах и Ксенофонт вынужден был оставить Скиллунт и переселиться в Коринф зимою 370/369 года. В 369 году Афины и Спарта заключили союз между собою, и приговор об изгнании, тяготевший над Ксенофонтом, был отменен (когда именно, не-

известно). Тем не менее на родину он не вернулся, но в 362 году послал обоих сыновей в Афины, и они в числе афинских всадников участвовали в кавалерийском сражении, которым началась битва при Мантинее (в Аркадии) между спартанцами и афинянами с одной стороны и фиванцами с другой. В этом сражении Грилл был убит. Когда известие об этом пришло к Ксенофонту, он совершал жертвоприношение. Услышав о смерти сына, он снял с головы венок; но, когда гонец добавил, что сын его умер смертью храбрых, он снова надел венок и сказал: «Я знал, что сын мой смертен». Это — последний рассказ из жизни Ксенофонта. Но он еще долго жил после этого в Коринфе, где и умер в глубокой старости — не ранее 356 года.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КСЕНОФОНТА

Ксенофонт — писатель плодовитый и разносторонний. Все, что им написано, по-видимому, дошло до нас; вероятно даже, что некоторые из сочинений, носящих его имя, на самом деле не принадлежат ему; но это — вопрос очень спорный: одно и то же сочинение признается одними учеными за подлинное, другими — за подложное. Сочинения, дошедшие под его именем, принято делить на следующие группы: 1) исторические: «Анабасис», «История Греции», «Агесилай», «Киропедия»; 2) философские: «Воспоминания о Сократе», «Защита Сократа на суде», «Домострой», «Пир», «Гиерон»; 3) политические: «Государственное устройство Спарты», «Государственное устройство Афин», «Доходы (Аттики)»; 4) дидактические: «Гиппархик», «О верховой езде», «Кинегетик».

В «*Анабасисе*» (состоящем из 7 «книг» в древнем смысле), описаны поход Кира против Артаксеркса и отступление «десяти тысяч» греков, кончая передачей этого войска спартанскому полководцу Фимброну. Замечательно, что в «Истории Греции» (III, 1, 2) Ксенофонт говорит: «Как Кир собрал войско и с ним пошел на брата, как произошло сра-

жение и он был убит, как после этого греки дошли до моря,— это описано сиракузцем Фемистогеном». Эта фраза дала повод к двум толкованиям. Одни предполагают, что Фемистоген, как и Ксенофонт, также написал книгу об экспедиции Кира; что это сочинение, далеко уступавшее сочинению Ксенофонта, было вытеснено им и забыто, но Ксенофонт по скромности упомянул его вместо своего. Второе предположение принадлежит Плутарху («О славе афинян, гл. I): по его мнению, Ксенофонт, вдвойне заинтересованный в «Анабасисе», как автор и как действующее лицо в описанных там военных событиях, ставил выше славу в качестве действующего лица, чем славу в качестве автора сочинения, и потому, чтобы внушить полное доверие к своему повествованию, в котором есть доля самовосхваления, он приписал авторство «Анабасиса» другому лицу. Вторая гипотеза, кажется, более правдоподобна; тогда это — первый случай в истории литературы употребления псевдонима. Древние единогласно признавали «Анабасис» произведением Ксенофонта; новые критики также не выражают сомнений в его подлинности, и на «Анабасисе» главным образом основана слава Ксенофонта.

«*История Греции*» (в 7 книгах) содержит в себе описание событий с 411 года до битвы при Мантинее включительно (362 год). Это сочинение распадается на две различные по манере изложения части. Первая часть, обнимающая две первые книги (до конца Пелопоннесской войны), служит продолжением неоконченной истории Фукидида; начинается она без всякого вступления, прямо с того момента, на котором остановился Фукидид, словами: «После этого спустя немного дней...» Изложение — краткое, сухое, в хронологическом порядке, как у Фукидида. Вторая часть, начинающаяся с правления Тридцати, напротив, вообще отличается живым, пространным, ярким изложением, с приведением многих, нередко длинных речей. Написано это сочинение, очевидно, не в один, а в несколько приемов, в разное время: первые две книги составлены, вероятно, вскоре после 403 года, а последние — под конец жизни Ксенофонта, уже после 357 года, так

как в них упоминается событие, относящееся к этому году. В первой части изложение сравнительно объективно, но во второй видны большое пристрастие автора к Спарте, особенно к столь чтимому им Агесилаю, и враждебное отношение к Фивам.

«*Агесилай*» — небольшое сочинение, представляющее собою панегирик или некролог этого спартанского царя, казавшегося Ксенофонту олицетворением идеала человека и полководца.

«*Киропедия*» (т. е. воспитание Кира) в 8 книгах есть нечто среднее между историческим и философским сочинением: по своей цели — это философское сочинение; исторический элемент служит в нем только декорацией для поучительного содержания; но древние ставили «Киропедию» наряду с собственно историческими сочинениями Ксенофонта — «Анабасисом» и «Историей Греции». Это род исторического романа, где описывается, как Кир Старший, основатель персидского царства (умерший в 529 году), был воспитан, как он отличался в качестве государственного человека, полководца и царя, какие советы давал на смертном одре своим сыновьям и министрам. Исторические факты здесь искажены до крайности; даже нет верного изображения персидских идей и обычаев; скорее, это похвальное слово сократовским принципам и спартанской практике; Кир сам — наполовину Сократ, наполовину Агесилай. Рассказ об ассирийском царевиче Абрадате, прекрасная жена которого, Панфея, лишила себя жизни, когда он пал в сражении за Кира, есть самая древняя любовная повесть в европейской литературе. У римлян, в Византии и в новой Европе XVII века «Киропедия» пользовалась большим успехом и вызвала многочисленные философские романы. Для нас она интересна в том отношении, что характеризует политические, нравственные и педагогические идеалы Ксенофонта и служит свидетельством его увлечения восточными обычаями и нравами.

О «*Воспоминаниях о Сократе*», «*Защите Сократа на суде*», «*Пире*» и «*Домострое*», этих четырех «Сократических сочинениях», см. комментарии к каждому из них.

«*Гиерон*» — диалог, в котором сиракузский тиранн, Гиерон II, описывает поэту Симониду тяжелое положение такого властителя, как он, а Симонид указывает ему средства, какими он все-таки может приобрести любовь подданных.

В «*Государственном устройстве Спарты*» автор описывает спартанские учреждения, как они были установлены Ликургом, в которых он видит идеал государственного строя. На самом деле во времена Ксенофонта спартанцы далеко отошли от этого идеала.

«*Государственное устройство Афин*» в настоящее время все критики признают не принадлежащим Ксенофонту, а считают его сочинением неизвестного автора с олигархическими тенденциями, написанным ранее 424 года, так что этот трактат является древнейшим памятником аттической литературной прозы. Основная мысль автора такова: он не может одобрить выбранную афинянами демократическую форму правления, но признает, что, раз уже они выбрали ее, они прекрасно поддерживают ее и с этой точки зрения поступают целесообразно.

В трактате «*Доходы*» Ксенофонт подает советы афинянам, как возвысить государственные доходы путем увеличения числа метеков (иностранцев), платящих налог, или путем разработки серебряных рудников посредством рабского труда.

«*Гиппархик*» — наставление гиппарху, т. е. главному командиру афинской кавалерии, о средствах к улучшению конницы.

Сочинение «*О верховой езде*» написано после «Гиппархика», который в этом сочинении цитируется. Оно обращено к простому кавалеристу и дает практические советы о покупке и дрессировке лошади и о вооружении всадника.

«*Кинегетик*», т. е. трактат об охоте с собаками, содержит восхваление охоты и дает много практических указаний о дрессировке охотничьих собак, об охоте на зайцев, оленей, львов и других зверей. Интересен конец, где автор предостерегает молодых людей от увлечения софистами как преподавателями мудрости и добродетели и убеждает их отдать пред-

почтение охоте как занятию более пригодному для приобретения добродетели.

Характерные черты Ксенофонта как человека можно наблюсти в «Домострое» лучше, чем в остальных Сократических сочинениях его, потому что в «Домострое» он выражает свои собственные взгляды (см. введение к «Домострою»), тогда как в «Воспоминаниях», «Защите» и «Пире» он излагает лишь мысли других лиц.

Как писателя Ксенофонта очень ценили в древности. Его называли аттической музой, аттической пчелой; Цицерон находит, что его речь слаще меда и что его голосом как бы говорили Музы («Оратор», IX, 32 и XIX, 62); «сами Грации сложили его речь», по словам Квинтилиана (X, 1, 82).

Восторженный отзыв о Ксенофонте, особенно о речах в «Анабасисе», дает Дион Златоуст (около 100 года н.э.) в речи XVIII (т. I, с. 284 издания Диндорфа) (Dindorf), где он говорит об авторах, на которых следует учиться будущему оратору. «Ксенофонт, думаю я, даже один — из древних может быть достаточным для государственного деятеля. Будет ли кто полководцем на войне, или правителем города, или оратором в народном собрании, совете, суде и пожелает не только как оратор, но и как государственный деятель и царский сановник сказать речь, действительно соответствующую такому мужу,— самый лучший, самый полезный для всего этого автор, по моему мнению, Ксенофонт. Мысли его ясны, просты, для всякого доступны; способ выражения мягок, приятен, увлекателен; много в нем силы убеждения, много прелести, украшений, так что его искусство похоже не только на мастерство слова, но даже на очарование. Вот, например, если пожелаешь хорошенько вчитаться в его „Анабасис", то не найдешь ни одной темы, на которую тебе представится возможность говорить, чтобы у него не было на нее рассуждения, и он может служить образцом для всякого, кто хочет им руководиться или ему подражать. Нужно государственному деятелю ободрить упавших духом,— он много раз показывает, как это делать. Нужно к чему-нибудь склонить и побудить,— на всякого знающего греческий язык подействуют увеща-

тельные речи Ксенофонта; у меня по крайней мере дух приходит в волнение, я плачу иногда, читая речи среди таких великих деяний. Нужно побеседовать разумно с людьми, имеющими о себе преувеличенное понятие, и не навлечь на себя неприятности от их недовольства и в то же время не унизиться до позорного раболепства перед ними, но при этом всячески постараться доставить им удовольствие,— и это есть у него. Как вести тайные переговоры с высшими военными чинами (губернаторами) без народа, а равно и переговоры с народом; каким образом вести беседы с царскими сановниками; как обманывать врагов с целью вредить им, а друзей — для их пользы; как людям во время фальшивой тревоги говорить правду безобидно и внушить им доверие; как не следует легкомысленно верить людям сильным; к каким обманам прибегают сильные; какие военные хитрости употребляют люди и на какие они попадаются,— все это в достаточном количестве содержат его сочинения. Так как, думается мне, он примешивает к действиям речи, не понаслышке известные ему и не сочиненные в подражание действительным, но которые он произносил при своих действиях, то они вышли у него очень убедительными во всех сочинениях, а особенно в упомянутом мною выше. Будь уверен, ты ни в коем случае не пожалеешь об этом: нет, и в совете и в народном собрании ты почувствуешь, что он протягивает тебе руку помощи, если ты ревностно будешь стремиться беседовать с ним».

Более сдержанный отзыв дает о нем Дионисий Галикарнасский, говоря, что речь его, хотя и приятна в высшей степени, но не красива, насколько должна бы быть («О сочетании слов», гл. X). Смысл этой фразы тот, что в речи Ксенофонта нет высоты стиля и полновесности, какая есть, например, у Фукидида; поэтому, как замечает Цицерон, речь Ксенофонта не годится оратору для подражания. А приятность его стиля заключается в простоте и ясности; у него нет риторических прикрас. Сократические сочинения в этом отношении тоже не представляют исключения: тут легкая, разговорная, но и изящная речь. Но один упрек Дионисия справедлив: у Ксено-

фонта нет «этопеи» (какой особенно отличается Лисий): он не старается придать речам говорящих у него лиц соответствующий им колорит, так что «людям необразованным и варварам он влагает в уста иногда речи философские»: это относится всего больше к «Киропедии». Но и в «Домострое» звучит неестественно в устах Сократа упоминание о заботах персидского царя о земледелии и особенно упоминание Кира и его похода (IV, 18—19).

Кроме своего основного значения, как свидетельство непосредственного слушателя Сократа о его жизни, действиях и учении, Сократические сочинения Ксенофонта представляют для современного читателя еще большой исторический и культурно-бытовой интерес. В них много жанровых картинок, в которых ярко рисуется афинская жизнь в конце V века до н.э. *

С. Соболевский

* Как бы продолжением описания этой книги служат бытовые картинки в речах Лисия, изображающие афинскую жизнь по окончании Пелопоннесской войны, в начале IV века.

КОММЕНТАРИИ

Текст публикуется по изданию: *Ксенофонт Афинский.* Сократические сочинения. М.; Л., Academia, 1935.

Сохранены грамматические и стилистические особенности перевода С. И. Соболевского, оставлено без изменений оформление прямой речи в диалогах и библиографических ссылок.

Издательская фирма благодарит Л. С. Давыдову за оказанную помощь.

ВОСПОМИНАНИЯ О СОКРАТЕ

СОДЕРЖАНИЕ «ВОСПОМИНАНИЙ»

«Воспоминания о Сократе» в 4 книгах (по древней терминологии) написаны Ксенофонтом с целью реабилитировать Сократа в общественном мнении и доказать, что он казнен несправедливо. Этой апологетической цели Ксенофонт старается достигнуть двумя способами: отрицательным и положительным. Как обыкновенно бывает в судебных речах, так и в этом сочинении Ксенофонт сперва доказывает несостоятельность обвинений, предъявленных Сократу противной стороной, будто он был вредным для государства человеком, а затем приводит факты из жизни и учения Сократа, свидетельствующие о том, что он был полезным членом общества. Первая часть — собственно защита — очень коротка: она заключается в двух первых главах первой книги; всю остальную часть сочинения, начиная с третьей главы первой книги, занимает вторая часть, в которой излагаются преимущественно беседы Сократа с разными лицами на разные темы. Ввиду того, что эта вторая часть во много раз больше первой, все сочинение названо в подлиннике «Apomnemoneumata», что буквально значит «рассказы по памяти о достойных упоминания вещах»; может быть, это название дано даже не автором, а кем-либо в более поздние времена. На самом деле, ввиду основной цели сочинения, правильнее было бы озаглавить его «Апология (т. е. защита) Сократа», как и озаглавлено другое, меньшее сочинение Ксенофонта, посвященное той же цели. Мы теперь называем это сочинение по большей части латинским словом «Меморабилии» (т. е. достойные упоминания вещи).

Беседы Сократа изложены Ксенофонтом не в систематическом порядке, т. е. не представляют собою систематического свода учения Сократа; по группировка их по темам до некоторой степени все-таки проведена. С I, 3 до II, 1 трактуются преимущественно темы о благочестии, воздержности, хвастовстве. С II, 2 до II, 10 речь идет о благодарности и обязанностях по отношению к родным и друзьям. Таким образом, первые две книги посвящены

темам о добродетелях и обязанностях, касающихся всех людей. В III книге приведены беседы Сократа с разными лицами об их занятиях, ремеслах, искусствах (военное дело, государственное управление, определение понятий в диалектике, живопись, скульптура, искусство любви) и о некоторых случаях в практической жизни (например, о неполучении ответа на приветствие, о несоблюдении хорошего тона за обедом). В IV книге (за исключением главы 4, содержащей разговор Сократа с софистом Гиппием о справедливости) представлен образ действий Сократа по отношению к разного рода юношам. В последней главе IV книги — заключение, резюмирующее все свойства Сократа.

Порядок бесед, как я сказал, нельзя назвать систематическим. Но в сумме получается довольно цельный очерк философии Сократа. Мы видим, что он был занят исключительно нравственной философией, этикой, и в «Воспоминаниях» даны ответы на все главные вопросы этики. Древние делили этику на три части: 1) учение о благах и о высшем благе, 2) учение о добродетелях, 3) учение об обязанностях.

I. Благо, к которому должен стремиться человек, по учению Сократа у Ксенофонта, есть полезное; а полезное — то, что служит к достижению цели (IV, 6, 9.) Поэтому нет абсолютного блага, а есть только благо относительное,— полезное к тому, для чего оно полезно. Таким образом, что для одного полезно, для другого может быть вредно. Высшая цель, к которой человек должен стремиться, есть счастье жизни. Следовательно, благо есть то, что полезно для достижения этой высшей цели, счастья жизни, и высшее благо есть счастье жизни. Но это счастье заключается не во внешних благах, а в таких благах, которые человек приобретает себе трудом, деятельностью. Телесное здоровье составляет также долю счастья, потому что без него не может быть духовного здоровья. Чем меньше человек зависит от внешних предметов, тем больше он подобен божеству.

Блага, сумма которых составляет высшее благо, т. е. счастье жизни, упоминаются следующие:

1) Хорошее здоровье и телесные силы, потому что они содействуют нравственной жизни. Надо заниматься гимнастическими упражнениями, потому что они укрепляют не только тело, но и душу (III, 12).

2) Духовное здоровье, умственные способности и все способности души (III, 12, 6).

3) Искусства и науки, потому что они очень полезны для хорошей и счастливой жизни; однако заниматься ими надо лишь до того предела, пока они полезны для жизни, а занятие предметами, далекими от жизни и скрытыми от глаз человека, бесполезны и отвлекают нас от изучения полезных вещей (IV, 7).

4) Дружба — тоже ценное и полезное благо. Но она может быть только между хорошими людьми. Она возникает в нас от восхищения добродетелью другого; это восхищение внушает нам благожелательность и старание привязать к себе друга благодеяниями разного рода. Основа дружбы — правдивость. Поэтому самый краткий и верный путь к дружбе — стараться быть такими, какими мы хотим казаться другу (II, 4, 5, 6).

5) Согласие между родителями, детьми и братьями, потому что они созданы божеством для взаимной помощи (II, 2, 3).

6) Гражданская община или государство, потому что, если оно благоустроено, обеспечивает всем гражданам великие выгоды (III, 7).

II. Для достижения благ, на которых зиждется счастье, мы должны украшать душу добродетелью, т. е. такою силою, при помощи которой мы можем усвоить себе блага, доставляющие счастье. Чтобы представить яснее образ добродетели, древние философы разлагали добродетель на четыре главные части (основные добродетели): мудрость, храбрость, справедливость, воздержность (или самообладание). Сократ принимал только три основных добродетели: воздержность (или самообладание), храбрость и справедливость, а мудрость он не считал за отдельную добродетель. Мудрость, т. е. знание, как различать хорошее и дурное (или, по Сократу, полезное и вредное) и как первое применять, а второго избегать, он отождествлял с добродетелью вообще, так что храбрость, справедливость и воздержность (самообладание) суть только части мудрости (III, 9, 1—5). Поэтому мудрый — тот, кто познал хорошее (полезное) и согласно этому направляет жизнь, потому что, кто познал хорошее (полезное), тот будет всегда делать то, что находится в согласии с хорошим (полезным). Что совершается добродетельным образом, т. е. воздержно, справедливо и храбро, то хорошо и полезно; что противоположно добродетели,— дурно и вредно. Кто познал добродетели, будет поступать добродетельно; кто не познал их, тот, если бы даже и хотел, не может поступать добродетельно. Таким образом, знание (хорошего или дурного) и действие (хорошее или дурное) неотделимы (III, 9, 5).

1. Воздержность Сократ называл основой добродетели. Она состоит в обуздании страстей и подчинении их рассудку. Без нее мы не можем делать ничего хорошего и доставлять пользу и удовольствие себе и другим. Благодаря ей мы с радостью беремся за труд. Без труда боги не дают нам ничего хорошего. Во всяком положении она дает нам выбирать наилучшее и делает нас способными к деятельности (I, 5; II, 1; IV, 5).

2. Храбрость есть знание, как справляться с опасностями умно и неустрашимо. Только того следует считать храбрым, кто знает опасности и умеет в них действовать, как должно (IV, 6, 10—11).

3. Справедливость есть знание, как соблюдать законы, существующие у людей. Есть два рода законов: писаные и неписаные. Соблюдение писаных законов есть основа благоденствия государства (IV, 6, 5—6; IV, 4, 10—18; IV, 2, 13—19). Неписаные законы — те, которые даны самими богами человеческому роду и соблюдаются во всех странах одинаковым образом (IV, 4, 19—24).

III. Обязанность есть закон, которому мы должны следовать в жизни. Но этот закон должен быть в согласии с учением о высшем благе. Так как, по воззрению Сократа, хорошее и полезное — одно и то же, то закон предписывает нам обязанность при всяком действии руководиться тем, что мы считаем наиболее полезным (IV, 2, 14—17). Сопоставление главнейших обязанностей находится в II, 1, 28. Ввиду непрочности благ человеческой жизни, надо стремиться иметь как можно меньше потребностей (IV, 2, 34; I, 6, 10). Если человеческий ум слишком слаб, чтобы понять, что надо делать, следует узнавать это от богов посредством гаданий. Что боги существуют, властвуют над миром и заботятся

о роде человеческом, об этом свидетельствуют порядок мира, устройство человеческого организма и другие факты. Мы должны поэтому чтить богов и если будем это делать, то можем быть уверены, что они готовы оказывать нам помощь в делах, скрытых от человеческого ума (I, 4; IV, 3).

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ «ВОСПОМИНАНИЙ»

Сократ излагал свои мысли в устной форме, в разговорах с разными лицами; до нас дошли сведения о содержании этих разговоров в сочинениях его учеников, Платона и Ксенофонта, и лишь в ничтожной доле в сочинениях Платонова ученика, Аристотеля. Ввиду большого числа и объема сочинений Платона и Ксенофонта, может казаться, что философия Сократа нам известна с полной точностью. Но тут есть препятствие: Платон и Ксенофонт во многих отношениях представляют учение Сократа различно. Достаточно привести один пример. У Ксенофонта («Воспоминания», II, 6, 35) Сократ разделяет общее мнение, что врагам надо делать больше зла, чем они могли бы сделать; а у Платона («Критон», 49 С) Сократ, вопреки общему мнению говорит, что не следует платить обидой и злом никому на свете, какое бы зло ни сделали люди. Отсюда в науке возник вопрос, который из них представляет учение Сократа в более чистом виде. Вопрос этот породил целую литературу и решается совершенно различно: одни ученые видят в Ксенофонте самый чистый источник сведений о Сократовой философии; другие, напротив, считают Ксенофонта никуда не годным или мало годным свидетелем и отдают предпочтение Платону. Некоторые утверждают, что единственным достоверным источником для характеристики Сократа служит комедия Аристофана «Облака», где Сократ представлен софистом и безбожником. Наконец, многие признают важными показания о Сократе всех трех основных свидетелей: Платона, Ксенофонта и Аристотеля.

Для нашей цели важно рассмотреть вопрос, насколько достоверны свидетельства Ксенофонта, заключающиеся в «Воспоминаниях». Пригодность «Воспоминаний» для этого подвергается сомнению в трех отношениях.

1) Одни говорят, что «Воспоминания» сильно интерполированы, т. е. что автором большей части этого сочинения был не Ксенофонт, а какие-то другие лица более позднего времени и что эти дополнения к «Воспоминаниям» потом были соединены с подлинным текстом Ксенофонта в одно целое.

2) Другие находят, что Ксенофонт намеренно изобразил учение Сократа не таким, каким оно действительно было.

3) Третьи думают, что Ксенофонт был неспособен понять учение Сократа и потому ненамеренно представил его философию в искаженном виде.

Рассмотрим эти теории.

Родоначальником первой теории — об интерполяциях в обширных размерах — был Людвиг Диндорф, который в предисловии к своему оксфордскому изданию «Воспоминаний» (1862 г.) выставил гипотезу о том, что это сочинение переработано кем-то в более позднюю эпоху. Представители этого направления впослед-

ствии дошли до абсурда: руководясь чисто субъективными мотивами о том, что Сократ у Ксенофонта изображен недостойным его образом, или соображениями, касающимися языка, они считают подложной большую часть «Воспоминаний». Если взять сумму мест, которые Крон (Krohn) и Гартман (Hartman) считают подложными, то окажется, что из 145 страниц греческого текста «Воспоминаний» в стереотипном издании только 10 страниц принадлежат Ксенофонту! Лучшим опровержением этой теории служит то, что сами представители этого направления противоречат друг другу: Гартман, например, признает подлинными, ввиду литературных достоинств, как раз те места, которые Крон по другим соображениям решительно считает подложными, и, наоборот, Гартман считает подложными многие места, которые Крон считает подлинными. Это направление теперь в значительной степени вышло из моды.

Представители второго направления — о намеренном изображении учения Сократа самим Ксенофонтом не в истинном его виде, указывают на то, например, что Ксенофонт имел в виду только апологетическую цель, пропускал в своем сочинении те элементы Сократовой философии, которые он считал непригодными для этой цели. И действительно, Ксенофонт в I, 3, 1 указывает, что он приведет из запаса своей памяти факты и беседы, доказывающие пользу, которую Сократ приносил друзьям. Наоборот, в I, 1, 16 он перечисляет много тем, на которые Сократ вел беседы, но на некоторые из этих тем он не приводит ни одной беседы (например, о том, что такое государство и государственный муж),— вероятно, потому, что они не нужны были для апологетической цели.

Что «Воспоминания» заключают в себе не все беседы Сократа, это видно не только из приведенного сейчас свидетельства самого Ксенофонта, но вполне понятно и само собою: в I, 1, 10 Ксенофонт говорит, что Сократ ежедневно и утром и вечером ходил в многолюдные места и там говорил на разные темы: «по большей части он говорил, так что всякий мог его слушать». Если даже считать знакомство Ксенофонта с Сократом кратковременным (хулители Ксенофонта стараются возможно более уменьшить время их знакомства, хотя это противоречит некоторым древним известиям и свидетельству самого Ксенофонта: см. введение к «Пиру»), все-таки в таком маленьком сочинении, как «Воспоминания», невозможно было бы воспроизвести все рассуждения Сократа. Да из приведенных слов Ксенофонта (в I, 3, 1) видно, что Ксенофонт не все их и запомнил. Но такой же упрек, конечно, можно сделать и Платону.

Однако эта неполнота не умаляет ценности собранного Ксенофонтом материала: во всяком случае, как видно из приведенного выше обзора содержания «Воспоминаний», взгляды Сократа на большую часть тем этики изложены в «Воспоминаниях». К тому же, как указывает Гиппий Сократу в виде упрека, с которым Сократ соглашается (IV, 4, 6), Сократ говорил «всегда» одно и то же на одни и те же темы, и потому можно с достаточной вероятностью предполагать, что у Ксенофонта в памяти осталось хоть по одному разговору на каждую тему, который он и использовал в «Воспоминаниях», если он нужен был для его апологетической цели.

Но представители этого направления идут гораздо дальше,— предполагают, что апологетическая тенденция есть только фикция, служащая Ксенофонту прикрытием для изложения отчасти собственных мыслей, отчасти заимствованных у Антисфена, ученика Сократова, основателя кинической школы философов. Последняя гипотеза неубедительна уже ввиду недостаточности наших сведений об учении Антисфена, и к тому же нельзя ручаться, что мысли, считающиеся Антисфеновыми, на самом деле не принадлежат Сократу и что Антисфен, ревностный ученик Сократа, не заимствовал сам эти мысли у него.

Если бы можно было доказать с полной вероятностью, что «Пир» и «Домострой» первоначально составляли с «Воспоминаниями» одно целое (такое предположение существует: см. во введениях к этим сочинениям), это было бы некоторым доказательством в пользу фиктивного характера «Воспоминаний», так как в обоих этих сочинениях (особенно в «Домострое») можно предполагать с некоторым правом, что автор, по крайней мере иногда, влагает собственные мысли в уста Сократа *. Но так как мнение об их первоначальном единстве с «Воспоминаниями» есть лишь гипотеза, то и этот аргумент не свидетельствует против исторической достоверности «Воспоминаний».

Против мнения, что Ксенофонт в «Воспоминаниях» пользуется именем Сократа для изложения собственных мыслей, говорит, между прочим, то обстоятельство, что Ксенофонт сам является действующим лицом лишь в одном разговоре (I, 3, 9 и след.). Если бы он стремился к изложению своих мыслей, что помешало бы ему выводить себя как можно чаще действующим лицом? Ведь, наверное, он не один этот раз беседовал с Сократом, но не считал эти беседы подходящими для цели своего сочинения и потому не поместил их. Таким образом, мы видим в «Воспоминаниях» такую же скромность со стороны Ксенофонта, как в «Пире», где он, хотя и говорит о своем личном присутствии на описываемом торжестве, ни разу больше о себе не упоминает. Даже в «Домострое», где, по предположению критиков, под именем Исхомаха скрывается сам Ксенофонт, он не пожелал выставить себя действующим лицом.

Представители третьего направления думают, что Ксенофонт не мог понять учение Сократа и по этой причине изложил его философию в искаженном виде. Это предположение основано в первую очередь на очень низкой оценке некоторыми новыми критиками умственных способностей Ксенофонта. Одним из представителей этого направления является и Гомперц (Gomperz) (автор известного сочинения «Греческие мыслители», часть которого переведена на русский язык). Гомперц, например, говорит о «скудости его ума» («Греческие мыслители», т. II, с. 94). «Мы охотно верим ему,— продолжает Гомперц,— когда он со вздохом восклицает: разобрать все его (Сократа) определения понятий было бы очень трудным делом. Иными словами, можем мы сказать: старому офицеру на покое очень трудно углубиться в диалектические тон-

* Но даже в таком случае это не было бы сильным доказательством: разве не возможно, что «Воспоминания» содержали бы подлинные беседы Сократа, а «Домострой» и «Пир» — вымышленные?

кости» (там же, с. 103). «Если бы великий афинянин (Сократ) обращался к юношам в гимназиях и к взрослым на рынке только с теми скучными, елейными и позитивно-догматическими речами, совершенно лишенными исследования понятий и диалектической формы, которым уделено так много места в «Меморабилиях», то он, конечно, не привлек бы к себе даровитых людей своего времени и не мог бы оказать на них никакого влияния» (там же, с. 102). «Простые, легко понятные мысли (Сократа) переданы невыносимо пространно и придавлены грузом примеров, из которых каждый был бы излишним. Как бесконечно подробно в разговоре с Лампроклом, старшим сыном Сократа, развивается мысль, что неблагодарность дурна и что самый дурной род ее есть неблагодарность к родителям» (там же, с. 102). Вся эта критика Гомперца субъективна и не имеет никакого реального основания. Мы совершенно не знаем, как разговаривал Сократ со своими случайными собеседниками: но, судя по тому, что многие из них были очень невысокого социального положения, надо скорее предполагать, что он выражался просто, доступно для понимания даже самого простого человека. Поэтому, может быть, ему надо было выражаться пространно и приводить много примеров. Ксенофонт указывает, что педагогические приемы Сократа были различны смотря по человеку (IV, 1, 3), и вполне естественно, что в разговоре с сыном своим Лампроклом (II, 2), по-видимому, мальчиком лет тринадцати, он нашел нужным выражать свои мысли пространно; если бы Сократ разговаривал на эту тему с таким профессором философии, как Гомперц, то, наверное, не стал бы так развивать эту мысль. К тому же упрек в пространности надо отнести не только к Ксенофонту, но и к Платону: способ выражения Платонова Сократа часто еще пространнее, чем Ксенофонтова *.

Если беседы Сократа, записанные в «Воспоминаниях», были так скучны для его слушателей и не могли оказывать на них влияния, как говорит Гомперц, то как объяснить тот факт, что Ксенофонтовы «Воспоминания» казались древним читателям интересными? Из огромной греческой литературы до нас дошли лишь очень немногие сочинения,— конечно, те, на которые был спрос в древности, которые поэтому переписывались. Ксенофонтовы сочинения дошли до нас все, и притом в большом количестве рукописей: это служит доказательством, что они находили читателей: очевидно, вкусы древних были не одинаковы со вкусами Гомперца и подобных ему критиков, и беседы Сократа в «Воспоминаниях» не казались древним читателям такими скучными, елейными и т. д., какими они кажутся этим критикам.

Диалектические тонкости как раз были редко уместны в популярных беседах, и Ксенофонт, может быть, мало приводит их именно по этой причине, а не потому, чтобы углубляться в них считал трудным делом. К тому же насмешка Гомперца над старым офицером основана на неверном понимании слов Ксенофонта в IV,

* О Платоне есть известие, что однажды его лекцию о душе мог дослушать до конца только один Аристотель, тогда как другие слушатели мало-помалу исчезли, и что в другой раз почти то же произошло во время его лекции о благе. Несомненно, если бы Сократ пускался в чересчур философские тонкости при своих повседневных беседах, с ним происходило бы то же самое.

6, 1: Ксенофонт говорит здесь не о трудности понять Сократовы определения понятий, а о том, что *все* определения приводить было бы «делом большим» (poly ergon), т. е. требующим много времени и работы: следовательно, говорит не о качестве, а о количестве работы; в этом смысле подобная работа была бы трудна и для самого Гомперца. Ни о каком «вздохе» в словах Ксенофонта нет и помина.

Никакого реального основания нет считать Ксенофонта неспособным понять философию Сократа. Правда, мы не знаем ничего о его социальном положении, воспитании: но уже сам факт, что он был учеником Сократа, показывает, что у него были духовные запросы; к Сократу он был близок, как видно из его рассказа о совещании с Сократом перед поездкой к Киру в 401 году (см. выше в биографии Ксенофонта); обществом Сократа он пользовался довольно долго (до отъезда к Киру в 401 году),— сколько именно, мы не знаем; одни говорят — год, другие — три года, третьи — десять лет; но ничто не мешает предполагать, что и еще больше, если считать годом рождения его 444-й или еще более ранний и верить его заявлению в начале «Пира», из которого видно, что уже в 422 году он пользовался обществом Сократа (см. «Пир», I, 1 и введение к нему). Слог его сочинений, простой, но вместе с тем изящный *, показывает значительную степень его образования; недаром в древности так восхищались им, называя его аттической музой, аттической пчелой и т. д. К тому же Сократ, как я уже упомянул, несомненно, выражался очень просто и удобопонятно для всякого. Почему же думать, что только Ксенофонт не понимал того, что понимали все его сограждане?

Таким образом, именно малое количество исследований понятий и чересчур тонкой диалектики скорее говорит в пользу того, что у Ксенофонта Сократ изображен ближе к действительности, чем у Платона. Этот же вывод надо сделать и из того, что у Ксенофонта беседы Сократа имеют сравнительно малые размеры, тогда как Платоновы диалоги, иногда большие и даже огромные, вроде «Государства», производят впечатление, хотя и прекрасного, но все-таки искусственного литературного произведения, а не действительной беседы.

Вообще говоря, если читать «Воспоминания» без всякой предвзятой мысли, получается впечатление правдивости рассказа. Недоверие к Ксенофонту основано лишь на предвзятой теории, что такой мудрец, как Сократ, не мог говорить о таких обыденных вещах и так просто, как он говорит у Ксенофонта. Критики думают, что подобными речами Сократ не мог бы оказывать влияние на афинян: и это ни на чем реальном не основано. В Платоновом диалоге «Евфидем» выведены два софиста, говорящие совершенно нелепые софизмы, и тем не менее они пользовались большим успехом у публики. Влияние Сократа основано было на какой-то чарующей прелести его речей, по-видимому не вполне поддававшейся определению. Вот что говорит Алкивиад в Платоновом

* Так, Ксенофонт тщательно избегает повторения одного и того же слова на близком расстоянии, выражая одно понятие разными синонимами (что, между прочим, представляет значительную трудность для перевода), например, в I, 2, 25 понятие гордости выражено 4 синонимами.

«Пире» по этому поводу: «Когда кто-нибудь слушает тебя или твои рассуждения в передаче другого, хотя бы он и плохо говорил, мы все, слушатели, будет ли то женщина, или мужчина, или мальчик, бываем вне себя и находимся под властью их» (215 D). «Если бы кто захотел слушать беседы Сократа,— продолжает Алкивиад,— они показались бы ему сначала крайне смешными... Он говорит о вьючных ослах, о каких-нибудь медниках, сапожниках, кожевниках; как будто он всегда твердит одно и то же в одних и тех же выражениях, так что всякий невежественный и недалекий человек посмеялся бы над его рассуждениями. Но стоит раскрыть их и заглянуть в их внутреннее содержание, сейчас же окажется, что они более, чем какие-либо другие рассуждения, имеют внутренний смысл, глубоко божественны, заключают в себе множество образов добродетели и затрагивают множество вопросов или, вернее сказать, все, что надлежит иметь в виду всякому, желающему сделаться нравственным человеком» (221 E — 222 A). Едва ли диалектические определения понятий могли бы производить такое впечатление, особенно на женщин (совсем необразованных) и детей!

Таким образом, нет оснований думать, что Ксенофонт намеренно или ненамеренно искажал учение Сократа. Конечно, «Воспоминания» — не стенографическая запись бесед Сократа: автор писал через много лет после разлуки с Сократом в 401 году; неточности непременно должны быть. Но даже и в этом случае неточности могут быть меньше, чем нам кажется. По свидетельству Ксенофонтова биографа, Диогена Лаэртского, Ксенофонт делал записи бесед Сократа. В этом нет ничего неправдоподобного: в Платоновом диалоге «Феэтет» (143 A) Евклид сообщает о своих записях одного разговора Сократа, который сам делал к нему дополнения и исправления. И, может быть, по этой причине возможна была и устная передача Сократовых рассуждений спустя много времени после их произнесения: так, разговоры в диалогах «Федон» и «Пир» изображены Платоном как происходящие задолго (в «Пире» даже за несколько лет) до передачи их. Из слов Платона надо заключить, что на замечательные беседы Сократа в его кругу смотрели как на важные события, о которых каждый желал получить сведения. Так, Аполлодор в Платоновом «Пире» (172 C) сообщает, что он во время своего почти трехлетнего общения с Сократом старается знать каждый день, что говорит и делает Сократ. В пользу предположения о записях Сократовых бесед Ксенофонтом говорит другое предположение, что Ксенофонт во время похода в Азии вел какие-то записи, как это ни странно: иначе едва ли можно объяснить его сообщения о числе пройденных в день войском парасангов и тому подобных подробностях, помнить которые спустя много времени было бы невозможно.

На основании всего вышеизложенного надо признать все сомнения относительно соответствия действительности мемуаров Ксенофонта недостаточно обоснованными; напротив, в них мы имеем ценный исторический материал, и Ксенофонт должен быть поставлен наряду с Платоном (и Аристотелем) как источник для изучения философии Сократа. Вся древность была такого же мнения о «Воспоминаниях».

В противовес мнениям разных хулителей Ксенофонта приведу мнение проф. Ф. Ф. Зелинского («Древнегреческая литература

эпохи независимости», 1919 г., ч. 1, с. 149): «Ученики Сократа распадаются на две довольно четко разграниченные группы: одни видели в нем учителя жизни, другие — вождя на пути философских исканий. К первым принадлежали: его ровесник и друг Критон, Алкивиад, Критий... но еще в большей мере был таковым уже знакомый нам Ксенофонт. Для его справедливой оценки надо помнить это,— что он принадлежал к первой, а не ко второй группе и вовсе не стремился быть творцом в области философского мышления; при этом условии потеряет всякое значение тривиальный вопрос, „понял" ли он или „не понял" своего великого учителя: он брал у него то, в чем сам нуждался, а именно диалектически обоснованную науку жизни. Защищая его впоследствии от нападений софистически настроенных людей, пытавшихся затмить его посмертную славу, он написал свое главное философское произведение, свои *благородные* „Воспоминания о Сократе" в 4 книгах. Начиная со скромной и сдержанной защиты Сократа как гражданина, автор в дальнейшем дает ряд сократовских бесед в том виде, в каком они после многих лет остались в его памяти,— о сыновней и братской любви, о дружбе, о долге гражданина, ремесленника, военачальника и т. д. *Это — одна из драгоценнейших книг, оставленных нам древностью*; она была признана таковою за все время духовного развития человечества и заслуживает этого признания и поныне. Надо только уметь быть справедливым и помнить, что то, что в наших глазах портит ее впечатление,— ее излишнее подчас многословие и пояснение того, что и без того уже ясно,— было неизбежным последствием стремления именно к *диалектическому* обоснованию нравственных правил при молодости самой диалектической науки».

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

[1] Слово «приблизительно» показывает, что Ксенофонт не имел подлинного текста жалобы; вероятно, он узнал его по сообщению кого-либо из знакомых; но он одинаков с подлинным, как его передает со слов Фаворина Диоген Лаэртский (разногласие лишь в одном слове).

[2] В подлиннике «daimonion», что буквально значит «божественное». Какова сущность этого демония, было непонятно уже ученикам Сократа. В «Защите», параграф 12, Сократ сам определяет его как «голос бога, указывающий, что следует делать». В «Воспоминаниях» Ксенофонт говорит (ниже, параграф 4), что благодаря указаниям этого голоса он давал советы друзьям и всегда советы эти оправдывались. Таким образом, по словам Ксенофонта, Сократ признавал за собою дар пророчества. Но свидетельство Платона гласит совершенно иначе. Он ничего не сообщает ни о предсказаниях, ни о положительных велениях, обращенных к Сократу, ни о каких бы то ни было советах друзьям. «У меня это началось с детства,— говорит Сократ в Платоновой „Апологии" (31 D),— является какой-то голос и, когда явится, всегда отвращает меня от того, что я намереваюсь делать, и никогда не побуждает.

Некоторые считают этот демоний за предчувствие или голос совести» *.

[3] Ксенофонт считает демоний Сократа главным основанием для обвинения в том, что он вводит новые божества, т. е. как будто допускает, что были и другие поводы для этого; но нам решительно ничего неизвестно другого, что могло бы подать повод к этому.

[4] Греки верили в полную зависимость всех явлений природы и всей человеческой жизни от воли богов и в то, что боги иногда открывают свою волю человеку посредством разных знамений. К числу явлений, посредством которых можно узнать волю богов, относятся голоса, сны, приметы, жертвы и вещие птицы. Под голосами разумелись случайно услышанные слова людей, например прохожих на улице. Так, Одиссей, намереваясь произвести избиение женихов Пенелопы, услышал голос служанки, желавшей гибели женихов («Одиссея», XX, 98 и след.), и принял это за доброе предзнаменование. Гадание по птицам было основано на вере, что птицы, поднимаясь высоко над землею, приближаются к небесным жилищам богов и потому, преимущественно перед другими живыми существами, являются вестниками воли богов. При их появлении наблюдалось множество специальных примет как относительно рода птиц, так и относительно способа их полета, места появления, крика и т. д. Наиболее вещими считались орел, коршун, ворон и ворона. Наряду с гаданием по птицам было распространено гадание по разным метеорологическим и астрономическим явлениям (что в нашем месте и разумеется под словом «приметы»), каковы: гром, молния, солнечные и лунные затмения, кометы, падающие звезды и т. п. Напротив, гадание по звездам (все, что относится к астрологии) в цветущие времена Эллады почти не было известно. Астрологические предсказания стали распространяться только со времени Александра Македонского и не вошли в состав религиозного культа. Гадания по жертвам были главным образом двух видов: а) наблюдение и объяснение различных знаков при заклании животного и горении жертвенных частей; б) гадания по внутренностям жертвенных животных. При жертвоприношениях наблюдалось много признаков, из которых выводились хорошие и дурные предзнаменования. Так, например, считали очень хорошим знамением, если животное добровольно шло к алтарю и даже кивком головы давало согласие на убиение (чего, впрочем, достигали маленькими хитростями), и, напротив, дурным, если оно упиралось; еще хуже было, если оно вырывалось и убегало от жертвенника и т. п.

---

* Плутарх в своем диалоге «О Сократовом демонии» (гл. 10, с. 701 издания Дидо) рассказывает такой интересный случай (может быть, анекдот). Однажды Сократ шел со своими друзьями; им надо было дальше идти по одной улице. Вдруг Сократ остановился, углубился в себя, потом, ссылаясь на указание демония, пошел по другой улице, позвавши назад и тех, которые успели уже пройти несколько вперед по первому направлению; но некоторые из них не послушались и пошли прямым путем, чтобы доказать лживость демония. Внезапно навстречу им попалось стадо покрытых грязью свиней; посторониться от них некуда было; одних свиньи опрокинули, других выпачкали грязью.

[5] «Я никогда не был ничьим учителем», говорит Сократ в Платоновой «Апологии» (33 А); «если кто хотел слушать, что я говорю, и видеть, что я делаю, молодой ли, пожилой ли, я никому никогда не отказывал». Поэтому и Ксенофонт никогда не называет собеседников Сократа учениками, а по большей части употребляет выражение «находившиеся с Сократом». Я перевожу это словами: «друзья», «собеседники» и т. п.

[6] Под «необходимыми» делами разумеются дела обыденные, исход которых уже по опыту известен.

[7] Примером этого может служить сам Ксенофонт, которому Сократ посоветовал обратиться к оракулу для решения вопроса, следует ли ему ехать к Киру. См. выше биографию Ксенофонта.

[8] В этой фразе в оригинале есть «анаколуф», т. е. неправильное построение; оно оставлено мною и в переводе.

[9] Сократ имеет в виду возможность изгнания из отечества «влиятельных лиц», причем той же участи подвергнется и их родственник.

[10] По словам Геродота (II, 109), греки заимствовали у вавилонян солнечные часы, солнечный показатель и деление дня на двенадцать частей. Тем не менее в повседневной жизни время определяли не часами, а более общими обозначениями: утро, когда площадь бывает полна народа, полдень, время после полудня, сумерки. Время, когда площадь бывает полна народа, соответствует приблизительно нашим 10—12 часам утра.

[11] Слово «космос» буквально значит «порядок». Пифагор первый стал употреблять его в смысле «вселенная» вследствие господствующего в ней порядка. В таком значении это слово перешло в философский язык, например к Платону, где оно означает отчасти «мировой порядок», отчасти «вселенная», отчасти «мир» (в противоположность земле), «небо». У Аристотеля космос есть «мир» и «мировой порядок», причем космос пространственно распадается на подлунный мир и горний — надлунный. У стоиков космос имеет троякое значение: «душа мира» (божество), «мир» (как благоустроенная система небесных тел), «мировое целое» (состоящее из соединения мировой души и мирового тела). В смысле «земля», в каком смысле и мы употребляем слова «мир», «вселенная», слово «космос» стало употребляться лишь после эпохи Птоломеев, например, в языке Нового завета.

[12] Об отношении Сократа к физическим наукам см. введение к «Воспоминаниям», IV, 1, 2 сл.

[13] Что мир составляет одно целое, учили Фалес, Пифагор и другие; что он составлен из бесчисленного множества неделимых частиц (атомов), было мнением Левкиппа и Демокрита.

[14] Что все вечно движется и рождается, учил Гераклит; что ничто никогда не движется и не рождается, учил Зенон.

[15] Афинский Совет пятисот делился на 10 секций по 50 человек, принадлежавших к одной филе, которые составляли постоянную комиссию. Каждая такая секция по очереди заведовала делами в течение десятой части года (35—36 дней), подготовляла предложения для внесения в Совет, созывала и руководила заседаниями Совета и Народного собрания. Эти 50 человек назывались пританами. Из пританов ежедневно избирался на сутки эпистат, который может быть назван президентом Афинской республики. Он председательствовал в Совете и в Народном собрании и пред-

лагал на баллотировку вновь внесенные предложения. Если же он находил, что такое предложение противоречит законам, то мог не ставить его на голосование.

[16] В 406 году, в конце июля или в начале августа, афинский флот одержал блестящую победу над пелопоннесским при Аргинусских островах (близ острова Лесбоса). Но последствия этой победы были самые неожиданные: победителей-стратегов в Афинах ожидали вместо награды суд и казнь. Дело в том, что победа сопровождалась тяжкими потерями: не менее 12 судов, попорченных и негодных к плаванию, посились после сражения по волнам; на этих судах были живые люди. После сражения стратеги поручили Ферамену и Фрасибулу подать помощь потерпевшим крушение и спасти, кого можно. Но разразившаяся буря помешала этому. Таким образом, не только не были оказаны подобающие почести павшим в бою, но многие граждане погибли не от руки врага и не в самом сражении, а уже после него, в волнах моря, потому что им не была оказана помощь. В Афинах говорили, что виновники этого — стратеги, что они не приняли надлежащих мер. Восемь стратегов, участвовавших в битве, были смещены. Двое из них, предчувствуя беду, не поехали в Афины; остальные шесть явились. Они были арестованы и преданы суду. В Народном собрании главным обвинителем их выступил Ферамен, который, по-видимому, опасался, что вина падет на него, если не будут обвинены стратеги. При общем возбуждении против них они были лишены возможности защищаться; их дело рассматривалось не обычным судебным путем, не в суде присяжных, а в Народном собрании, причем, вопреки обычному порядку судопроизводства, по которому следовало судить каждого виновного индивидуально, Совет пятисот предложил голосовать обо всех сразу. Сократ, бывший в этот день эпистатом, отказался поставить это предложение на голосование. Однако оно было принято Народным собранием *. Приговор был смертная казнь, которая и была приведена в исполнение по отношению к шести стратегам, бывшим налицо.

Глава 2

[1] Разумеются атлеты, обжорливость которых вошла в пословицу.

[2] Кого разумеет Ксенофонт под словом «обвинитель»? У старых читателей и комментаторов не было сомнения, что он разумеет Мелета. Но у новых критиков очень распространено мнение, что в 1, 2, 9, 12, 26, 49, 51, 52, 56, 58 под обвинителем разумеется

* Надо заметить, что в нашем месте Ксенофонт, по-видимому, неверно называет Сократа эпистатом: сам он в своей «Истории Греции» (1, 7, 14) говорит только, что Сократ был одним из пританов; также в Платоновой «Апологии» (32) Сократ называет себя единственным из пританов, воспротивившимся незаконному предложению. Если Сократ был, действительно, эпистатом и упорствовал до конца, то надо предположить еще один противозаконный момент в этом деле: кто-нибудь другой поставил на голосование предложение Совета пятисот и вообще руководил действиями Народного собрания. Подробное об этом см: *Busolt.* «Griechische Geschichte» III, 1605—1606.

Поликрат, о котором я упоминал во введении. Впервые это мнение высказал известный голландский критик Кобет в книге «Novae lectiones», 1858, с. 664 и след. Поликрат был софист, написавший в конце девяностых годов IV века до н. э. памфлет «Обвинение Сократа». Он до нас не дошел, но о содержании его можно судить по сочинению Либания, софиста и ритора IV века н. э., «Апология Сократа», которая написана (как и Платонова «Апология») в виде речи, произнесенной на суде одним другом Сократа в его защиту. Поликрат в ней, конечно, не упоминается; но критики предполагают, что в этой «Апологии» Либаний опровергает доводы его. Гипотеза очень остроумная; но так как о содержании Поликратова памфлета мы ничего не знаем (кроме того, что Исократ приводит из него об Алкивиаде), то все рассуждение построено на догмах и потому проблематично. Вследствие этого далеко не все ученые и после Кобета верят в эту гипотезу. В доказательство того, что Ксенофонт в указанных сейчас местах имеет в виду Поликрата, приводят, между прочим, то, что в них обвинитель обозначается словом kategoros, а там, где речь идет несомненно о Мелете и его товарищах, употребляется слово grapsamenos (1, 2, 64) и grapsamenoi (1, 1, 1). Я считаю эту гипотезу недоказанной; это — только одна из возможностей. Укажу другую возможность (нисколько не думая придавать ей решительного значения). В лексиконе Свиды есть сообщение, что Поликрат написал две речи против Сократа — для Анита и Мелета; другие поздние авторы тоже с некоторыми вариациями передают подобное известие. Критики отвергают эти известия (Кобет даже с бранью по адресу этих авторов, называя их stercoreos homines). Однако разве есть в этих известиях что-нибудь абсолютно невозможное? Напротив, очень вероятно, что Анит, кожевенный торговец, заклятый враг софистов, человек ограниченный (по характеристике у Платона), вероятно, мало образованный, не сам сочинил речь для произнесения на суде против Сократа, а обратился за помощью к «логографу», специалисту по писанию судебных речей (см. о логографах введение к моему переводу речей Лисия, с. 13 и след.). Таким логографом и мог быть Поликрат, «искусный ритор» (у Свиды); известный в древности памфлет его мог быть вторым изданием этой речи (с какими-нибудь добавлениями и изменениями), вследствие чего аргументы, приведенные в нем, вполне совпадают с аргументами речи, произнесенной Анитом на суде. По предположению критиков, памфлет Поликрата имел форму речи, произнесенной именно Анитом. Таким образом, «обвинитель» у Ксенофонта в указанных местах, может быть, и есть Анит. Ввиду спорности этого вопроса я перевел слова grapsamenos и kategoros разными терминами: «кто возбудил судебный процесс» и «обвинитель».

[3] По афинским законам, должностные лица назначались или по выбору в Народном собрании, или по жребию. По выбору замещались лишь немногие должности, требовавшие политической или военной опытности или каких-либо специальных познаний, например, военные начальники, финансовые чиновники; остальные должности замещались по жребию. Но и в том и в другом случаях кандидат на какую-либо должность подвергался до вступления в нее «докимасии», т. е. испытанию, при котором обращалось внимание не на способности кандидата, знание им законов и обязанностей службы, а на поведение, гражданские права и соответствие

некоторым формальным условиям, требовавшимся для данной должности. В таком замещении должностей по жребию древние видели гарантию демократического равенства: Аристотель, например, определяет демократию как «государственное устройство, в котором делят должности по жребию» («Риторика», 1,8 = = с. 1365 b 32). Однако такой способ употреблялся и в олигархиях. Введение жребия как института было тесно связано с религиозными верованиями: это был выбор, указанный богами; введение жребия должно быть приписано не Клисфену или Аристиду, а отнесено к гораздо более древней эпохе, когда религия вообще оказывала несравненно более непосредственное влияние на все государственные учреждения и когда все магистраты еще были облечены жреческим достоинством. Жеребьевка производилась так: ставили два сосуда, из которых в одном были таблички с именами кандидатов на должности, в другом — соответственное количество белых и черных бобов; в одно время вынимались табличка и боб; белый боб был избирательный, черный — неизбирательный.

[4] *Критий* — родился около 460 года, был богат, знатен (см. ниже, параграф 25). В 411 году был членом олигархической коллегии Четырехсот. В 407 году был изгнан из Афин и удалился в Фессалию, где возмущал пенестов (крепостных, вроде спартанских илотов) против крупных землевладельцев с целью произвести там государственный переворот и учредить демократию, хотя сам был ярым врагом демократии. В 404 году он вернулся в Афины и был главою коллегии Тридцати. В 403 году был убит в сражении с Пирейской партией при Мунихии. Подробнее см. введение к речи XII Лисия в моем переводе, с. 163—172.

[5] *Алкивиад* — родился незадолго до 450 года, был богат и знатен. По смерти отца в 447 году он воспитывался у своего родственника и опекуна Перикла. В 432 году участвовал вместе с Сократом в сражении при Потидее, а в 424 году с ним же в сражении при Делии, потом был несколько раз стратегом. В 415 году был отправлен в должности стратега в Сицилийскую экспедицию, но так как на него пало подозрение в изуродовании гермов, то был отозван обратно в Афины. По пути ему удалось бежать. Он был заочно осужден, перешел на сторону спартанцев и причинил много зла своему отечеству; между прочим, в 413 году посоветовал им занять в Аттике Декелею, откуда они делали набеги на страну. После неудачного для спартанцев сражения при Милете в 412 году спартанцы стали относиться к нему с подозрением и хотели его убить. Он бежал к персидскому сатрапу Тиссаферну, с помощью его стал вредить спартанцам и обратился к стратегам, начальствовавшим над афинским флотом при Самосе, с предложением вместо ненавистной для него со времени его осуждения в 415 году демократии ввести в Афинах аристократическое правление, обещая в случае такого переворота убедить Тиссаферна оказать помощь афинянам (в ноябре 412 года). Но только после падения олигархии Четырехсот Алкивиад был восстановлен в правах летом 411 года, однако в течение 4 лет не возвращался в Афины, а вел войну со спартанцами. Одержанные им победы доставили ему большую популярность: он с триумфом возвратился в Афины, после чего был избран стратегом с неограниченными полномочиями (в июне 408 года). Однако первая же неудача в действиях флота при Нотии сразу лишила его популярности (осенью 407 года).

На последовавших вскоре после этого выборах стратегов он не был более избран и добровольно удалился вновь в изгнание в Херсонес Фракийский (теперешний полуостров Галлиполи),— на этот раз навсегда. Когда Афины были взяты спартанцами в 404 году, Алкивиад, считая берега Фракии недостаточно безопасным для себя убежищем, удалился в Азию к сатрапу Фарнабазу и там пал от рук подосланных убийц, причем инициатива его убийства, по-видимому, исходила от Крития. Подробнее см. введение к речи XII Лисия в моем переводе, с. 152—172.

[6] Под олигархией разумеется господство Тридцати (приблизительно с апреля по декабрь 404 года); под демократией — время до этой олигархии.

[7] Первая цитата — из Феогнида (ст. 35—36), поэта из Мегар, жившего во второй половине VI века. Его правоучительное сочинение дошло до нас лишь в отрывках, содержащих наставления молодому аристократу Кирну. Вторая цитата взята из неизвестного нам автора.

[8] Фессалийская аристократия имела дурную репутацию: «там страшный беспорядок и необузданность» (Платон, «Критон», 52 D). См. выше, примеч. 4.

[9] *Евфидем*, по прозванию «Красавец»,— тот самый, о котором Ксенофонт рассказывает в главах 2, 3, 5, 6 книги IV. Упоминается еще в Платоновом «Пире», 222 B. Больше о нем ничего не известно.

[10] *Харикл* сперва принадлежал к демократической партии, впоследствии был одним из Тридцати, друг Крития, также жестокий, второй после него по влиянию в коллегии. См. о нем введение к речи XII Лисия в моем переводе, с. 149, 169, 173.

[11] Невежественная публика была убеждена, что ученые занимаются вопросами о небесных и подземных явлениях и искусством кривду представлять правдой и правду кривдой.

[12] Членами Совета пятисот могли быть граждане не моложе 30 лет. См. выше примеч. 15 к I, 1.

[13] Разумеются выводы, которые делал Сократ из приводимых им примеров,— о справедливости, благочестии и т. д.

[14] Слово «тиранн» первоначально не имело того оттенка жестокости, который оно получило впоследствии и который имеет наше слово «тиран»; оно обозначало такого верховного властителя, который достигал власти незаконным образом и правил народом не по определенным законам, а по собственному произволу, т. е. был узурпатором власти (см. ниже, IV, 6, 12). Таким образом, главное значение в этом слове имела незаконность достижения власти, а не способ пользования ею; поэтому самый жестокий правитель не мог быть назван тираном, если он имел власть законную; а такой сравнительно кроткий властитель, как Писистрат, был тираном, потому что незаконно присвоил себе власть.

[15] Речь идет о законе, в силу которого сын, доказавший, что отец его в уме расстроен и поэтому неспособен управлять хозяйством, мог возбудить против него иск перед судом присяжных и ходатайствовать о передаче имущества в руки его сына. По одному известию (не особенно достоверному) поэт Софокл был привлечен к суду своим сыном Иофонтом по иску о сумасшествии. Софокл будто бы прочел на суде отрывок из только что сочиненной им трагедии «Эдип в Колоне» и этим доказал неосновательность иска. По словам Ксенофонта, обвинитель Сократа говорил,

что Сократ искажал смысл этого закона, доказывая, что на основании его всякий человек с образованием может заключить в оковы необразованного.

[16] *Гесиод* — древнейший после Гомера эпический поэт, сочинения которого дошли до нас. О времени его жизни сами древние не имели точных сведений; новые историки литературы относят его к IX или VIII веку до н. э. Он родился и жил в деревне Аскра в Беотии. Из его сочинений до нас дошли две поэмы, написанные дактилическими гексаметрами: 1) «Работы и дни», где содержатся наставления нравственного, политического и экономического свойства (есть в русском переводе В. Вересаева, 1927 г.); 2) «Феогония» — о происхождении мира и богов. Третья поэма, дошедшая под именем Гесиода, «Щит Геракла», считается современными критиками не принадлежащей Гесиоду. Цитируемый в нашем месте стих взят из первой поэмы (с. 311).

[17] Цитируемые стихи взяты из «Илиады», II, 188—191 и 198—202.

[18] Из последователей Сократа Аристипп, основатель киренской школы, первый, говорят, стал преподавать философию за деньги.

[19] *Лих* — современник Сократа, прославившийся во всей Элладе щедростью, с которою он угощал иностранцев, приезжавших в Спарту на праздник Гимнопедии. Праздник этот справлялся ежегодно в июне в продолжение 6—10 дней в память спартанцев, павших в сражении при Фирее в Арголиде в 546 году.

[20] Стены домов делались из дерева и необожженного кирпича и были настолько мягки, что воры их прокапывали.

[21] Похищение свободного гражданина и продажа его в рабство или похищение раба у его владельца считалось большим преступлением и каралось смертной казнью. Были специалисты, занимавшиеся таким грабежом; особенной известностью в этом отношении пользовалась Фессалия.

Глава 3

[1] *Пифия* — жрица Аполлона в Дельфах.

[2] Этот стих взят из «Работ и дней» Гесиода (ст. 336). См. примеч. 16 к I, 2.

[3] *Кирка* (*Цирцея*), дочь Гелиоса (Солнца),— мифическая волшебница, жившая на острове Эе, к которому пристал Одиссей со своими спутниками при возвращении из-под Трои. Его спутники, которых он послал на разведку острова, вкусили волшебного напитка, предложенного им Киркой, и после этого обратились в свиней,— все, кроме одного Еврилоха, который и принес эту весть Одиссею. Одиссей получил от Гермеса особый корень «моли», который охранял его против чар; поэтому он выпил волшебный напиток без вреда и потом заставил Кирку возвратить его спутникам человеческий образ. Об этом рассказано в X песне «Одиссеи» Гомера.

[4] О Критобуле см. введение к «Пиру».

[5] Об Алкивиадовом сыне см. примеч. 7 к «Пиру», 4.

[6] См. описание этого в «Пире», 2, 11 и 7, 3.

[7] Фраза, заключенная в скобки, считается новыми критиками не принадлежащей Ксенофонту, а чьей-то позднейшей заметкой. Диндорф в своем оксфордском издании ссылается на то, что Эроты

во множественном числе были неизвестны Ксенофонту и его современникам. Но это замечание едва ли верно: уже у Пиндара и Еврипида наряду с одним Эротом есть упоминание и Эротов как спутников Афродиты. У Еврипида также впервые придан Эроту лук. См. Рошер (Roscher), «Ausführliches Lexikon der Mythologie», 1, 1348, и примечание Бруна (Bruhn) к стиху 405 «Вакханок» Еврипида.

Глава 4

[1] *Аристодем* — лицо неизвестное.

[2] *Дифирамб* — песнь в честь Диониса, или Вакха, бога вина, сопровождавшаяся мимической пляской.

[3] Нам известны два поэта этого имени, дед и внук, с острова Мелоса; здесь разумеется младший, современник Сократа.

[4] *Софокл* — знаменитый трагик, живший в 496—406 годах.

[5] *Поликлет* — знаменитый скульптор из Сикиона, или Аргоса, современник Перикла и Фидия, живший во второй половине V века. Он славился особенно изображением людей, тогда как Фидий — изображением богов.

[6] *Зевксид* — знаменитый живописец из города Гераклеи в Южной Италии, живший в конце V и начале IV века. Из его картин особенно славились «Кентавры», «Геракл, душащий змею» и «Елена». Как видно из Домостроя, 10, 1, очень славились его портреты женщин. Вскоре после начала Пелопоннесской войны он приезжал в Афины.

[7] Под советниками Архедем разумеет демонний Сократа. См. примеч. 2 к I, 1.

[8] *Стадий* равен 177 метрам.

Глава 5

[1] *Гера* — супруга Зевса. Клялись Герой преимущественно женщины; но и Сократ часто употреблял эту клятву (у Ксенофонта и у Платона).

Глава 6

[1] *Софист Антифонт* известен только по этому сочинению Ксенофонта. Некоторые отождествляют его с оратором Антифонтом, другие считают их разными лицами.

[2] *Гиматий* — плащ, верхняя одежда; *хитон* — нижняя одежда.

[3] Под словами «у нас» Сократ, вероятно, разумеет общественное мнение, а не мнение только своего кружка.

[4] Оплачиваемый труд считался в Афинах позором для гражданина; к нему может побудить его лишь самая настоятельная крайность, и он извиняется только общим бедствием, вызванным Пелопоннесской войной. Не только физическая работа, но даже и умственная и художественная не пользовались почетом. Плутарх («Биография Перикла», гл. 2) является отличным выразителем взглядов античного общества: «Ни один способный юноша,— говорит он,— видевший в Писе (= Олимпии) Зевса (разумеется статуя Зевса работы Фидия) или Геру в Аргосе (разумеется статуя Геры работы Поликлета), не пожелал бы быть Фидием или

Поликлетом. И точно так же он не пожелал бы быть Анакреонтом, или Филетом, или Архилохом, хотя и восхищался их произведениями. Если нам нравится какое-нибудь произведение искусства, то из этого еще не следует, что творец его достоин нашего подражания». Если с понятием платного наемного труда у многих связывались аристократические предрассудки, то торговать словом, а не делом, торговать мудростью казалось тоже предосудительным. Погоня за популярностью, иногда примесь шарлатанства, наконец самый образ жизни этих странствующих профессоров нередко возбуждали недоброжелательство или иронию. Эти особенности, несмотря на громадный успех софистов, объясняют несколько пренебрежительное отношение к ним со стороны общества и даже со стороны их поклонников. Молодой Гиппократ, который еще до зари приходит будить Сократа, чтобы идти посмотреть на знаменитого Протагора, краснеет при одной мысли, что его могут заподозрить в желании сделаться софистом, и говорит, что ему было бы стыдно представиться соотечественникам в этом качестве (Платон, «Протагор», 312 А),— высказывая ту же мысль, которая выражена Плутархом в приведенной сейчас цитате. Очень ярко выражает Платон неодобрение софистам по поводу взимания ими платы за учение, например, в диалоге «Софист» (223—224): «Софистика оказалась видом занятий: приобретать, менять, продавать, торговать духовными товарами, и именно исследованиями и знаниями, касающимися добродетели». О взглядах на труд см. ниже, II, 7, разговор с Аристархом, и «Домострой», гл. 4, и примеч. 1 к ней.

Глава 7

[1] Нечто вроде клакеров. Такие «хлопальщики» существовали и в древности. У Лукиана в статье «Учитель риторов», гл. 21, дается такое наставление ритору: «Приятели пусть постоянно вскакивают [и топают ногами в знак одобрения] и платят этим за обеды; если когда заметят, что ты запнешься, пусть протянут руку помощи и дадут возможность найти нужное слово во время хвалебных возгласов: тебе надо позаботиться и о том, чтобы обзавестись собственным хором, поющим с тобою в лад».

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1

[1] *Аристипп* был родом из Кирены, богатой греческой колонии на африканском берегу; время его жизни было приблизительно 435—360 годы. В Грецию привлекла его слава Сократа, одним из ревностных почитателей которого он и сделался. После смерти Сократа он сам выступил в качестве софиста, т. е. профессионального и оплачиваемого учителя,— сперва в Афинах и в других местах, а потом явился в Сиракузы к царю Дионисию. В Кирене он основал школу, получившую название киренской, или гедонической. Он был известен своей житейской ловкостью, с какою приноравливался «и к месту, и к времени, и к лицу, и во всяком положении ловко играть роль» (Диоген Лаэртский, II, 66). Цель жизни, по его учению, есть удовольствие, потому что мы по при-

роде чувствуем стремление к нему и вполне бываем довольны, если его имеем, а ничего не избегаем так, как противоположного ему, страдания. См. примеч. 18 к 1, 2.

[2] Закон дозволял мужу даже убить соблазнителя жены. Но большей частью мужья довольствовались или денежным вознаграждением, или каким-нибудь унизительным, но не опасным для жизни наказанием виновного. См. речь I Лисия и введение к ней в моем переводе (*Лисий*. Речи. «Academia», 1934 г.).

[3] *Синис, Скирон* и *Прокруст* — три знаменитых мифических разбойника. Синис на Коринфском перешейке убивал прохожих, привязывая их к верхушкам двух пригнутых им сосен, которые затем, распрямляясь, разрывали их. Скирон, живший на скале между Аттикою и Мегарами, грабил прохожих, потом заставлял их мыть себе ноги и во время этого сталкивал их в море. Прокруст, живший в Аттике, истязал пойманных им путников тем, что клал их на кровать, и если они были больше кровати, то отрубал им ноги, а если меньше, растягивал их соответственно длине кровати. Отсюда выражение «прокрустово ложе». Они все были убиты Тесеем (см. примеч. 7 к III, 5).

[4] Каждый грек вне пределов своего родного государства везде был иностранцем и не пользовался никакими правами. Только гуманность и издревле освященный религией обычай гостеприимства могли защищать его от насильственных посягательств на его жизнь и свободу. Все чужестранцы были под покровительством Зевса Гостеприимца, и нанесение им какой-либо обиды считалось тяжким религиозным преступлением. Кроме религиозных мотивов, основанием для гостеприимного отношения к чужестранцу служила надежда встретить и от него радушный прием, если со временем придется побывать в его родном городе, так как тот, кто был радушно принят кем-либо на чужбине, считал себя обязанным ответить тем же принявшему его.

[5] Довольно характерная черта для такого свободомыслящего космополита,— вероятно, намеренно указанная Ксенофонтом, который, по замечанию Диогена Лаэртского (II, 65), относился к Аристиппу враждебно.

[6] О *Гесиоде* см. примеч. 16 к I, 2. Цитата взята из поэмы «Работы и дни», ст. 286 и след.

[7] *Эпихарм* — древний поэт, один из авторов дорической комедии. Он родился на острове Косе около 540 года до н. э., в детстве был привезен в Сицилию и большую часть жизни провел в Сиракузах при дворе царя Гиерона, где и умер 90 лет. Он придал комедии правильную форму. Язык его был изящный; в комедиях было много нравоучительных сентенций. До нас дошли лишь мелкие отрывки.

[8] *Продик*, софист, уроженец острова Кеоса, родился около 470 года до н. э., долго жил и учил в Афинах, и слава о его мудрости во всей Элладе была так велика, что выражение «умнее Продика» вошло в поговорку. Он был не только философ, но и специалист по языку и работал над тонким разграничением синонимов; как чтец и декламатор он собирал толпы восторженных слушателей. Сократ относился к нему с уважением. Приводимый здесь рассказ составлял часть более обширного сочинения.

[9] Разумеются диагонально расположенные подставки под кровати, производившие качание кровати.

Глава 2

[1] У Сократа были три сына: Лампрокл, Софрониск и Менексен. Их мать и жена Сократа была пресловутая Ксантиппа, о которой Антисфен в «Пире» (2, 10) говорит Сократу: «Как же ты не воспитываешь Ксантиппу, а живешь с женщиной, сварливее которой ни одной нет на свете, да, думаю, не было и не будет?» У позднейших греческих писателей имеется много рассказов об ее сварливости; но, судя по словам Сократа в этом разговоре, она была хорошей матерью и любила мужа (Платон, «Федон», 60 А). По-видимому, Сократ женился поздно (но все-таки не позже 422 года, к которому относится время действия Ксенофонтова «Пира»), как видно из слов его в Платоновой «Апологии» (34 D) о том, что у него есть трое сыновей — один уже отрок и двое маленьких, и из рассказа в Платоновом «Федоне» (116 В), что перед смертью Сократа к нему были приведены его сыновья — двое маленьких и один большой (вероятно, Лампрокл). По сообщению позднейших авторов, у Сократа, кроме Ксантиппы, была другая жена, Мирто,— по одним до Ксантиппы, по другим после нее, по третьим одновременно с нею. Но ни Ксенофонт, ни Платон об этом ничего не говорят. Новые критики считают это известие не соответствующим действительности уже на основании хронологических соображений: она была будто бы матерью двоих младших сыновей: тогда надо предположить, что она была или после Ксантиппы или одновременно с нею; а между тем Ксантиппа была жива при смерти Сократа, а двоеженство по афинским законам не дозволялось.

[2] Сократ имеет в виду докимасию, о которой сказано в примеч. 3 к I, 2. При докимасии кандидату на должность предлагались вопросы о гражданском полноправии, о возрасте, об исполнении военных и податных повинностей по отношению к государству и об исполнении обязанностей детей по отношению к родителям.

Глава 3

[1] *Херефонт* и *Херекрат* — друзья Сократа, упоминаемые выше, в I, 2, 48, в числе тех, которые «искали его общества не с тем, чтобы сделаться ораторами в Народном собрании или в суде, но чтобы быть благородными людьми и хорошо исполнять свои обязанности по отношению к семье, слугам, родным, друзьям, отечеству, согражданам». Херефонт спросил оракула в Дельфах, есть ли кто мудрее Сократа, и получил ответ, что никого мудрее его нет (Платон, «Апология», 21 А). Он умер раньше Сократа; Херекрат присутствовал на суде его.

[2] После жертвоприношения обыкновенно устраивали обед, на который приглашали родных и знакомых.

[3] См. выше, примеч. 4 к II, 1.

[4] Так как иностранцы не имели в чужом городе никаких гражданских прав, то они должны были иметь в этом городе «покровителя» из граждан, который служил посредником во всех сношениях его с государственными властями или перед судом.

[5] Этот принцип древней этики о мщении врагам, судя по словам Ксенофонта (II, 6, 35), разделял и Сократ, а по Платону

(«Критон», 49 С), Сократ держался противоположного мнения. См. также IV, 2, 16.

[6] Тут в подлиннике поставлено слово orgyia, которое означает расстояние, обхватываемое в ширину человеком с распростертыми руками.

Глава 5

[1] Об *Антисфене*, основателе кинической школы, см. введение к «Пиру».

[2] *Мина* — сумма денег (не монета), равная приблизительно 24 серебряным рублям. *Талант* — сумма в 60 мин, равная приблизительно 1456 серебряным рублям. В древних Афинах покупная сила денег была значительно выше, чем в теперешнее время.

[3] *Никий* — афинский государственный деятель и полководец, один из самых богатых людей в городе, прославился еще при жизни Перикла своими военными талантами; после смерти Перикла в 429 году он был пять раз выбираем в стратеги во время Пелопоннесской войны. В 415 году афиняне решили послать экспедицию в Сицилию и во главе ее поставили Никия, Алкивиада и Ламаха. Поход этот окончился неудачей: афинское войско было разгромлено, Никий был взят в плен неприятелями и казнен. Подробнее о нем сказано в примечании к моему переводу речей Лисия («Academia», 1934, с. 498).

[4] В Греции добывались три главных металла: медь, золото и серебро. Из всех мест, богатых рудниками, самым известным был Лаврий, гора в южной Аттике, где имелась в изобилии свинцовая руда, содержавшая в себе серебро. «Серебряные копи,— говорит Ксенофонт („О доходах", 4, 3, 4),— не только не уменьшаются, но, как видно, все расширяются. Даже тогда, когда в них находилось максимальное количество рабочих, никто не оставался без дела, а, напротив, работа превышала число рабочих рук. И теперь ни один владелец рабов в рудниках не сокращает числа их, но каждый прикупает постоянно рабов, сколько может». По афинским законам участки, на которые были разделены рудники, отдавались государством на концессию частным предпринимателям за определенную плату. Концессионер был обязан разрабатынать рудник и выплачивать государству ежегодный взнос, равный одной двадцать четвертой части добытого металла. Неисполнение этого обязательства могло повлечь за собою отмену такой концессии. Одним из таких концессионеров и был Никий, который, по словам Плутарха («Биография Никия», гл. IV, с. 627, 37 и след. издания Дидо), «ежедневно приносил жертвы богам и, держа гадателя у себя в доме, делал вид, что гадает о государственных делах, а гадал по большей части о своих личных и особенно о серебряных рудниках: у него было их много в местности Лаврия, и они приносили ему большой доход, но разработка их была не без риска; он содержал там массу рабов и большую часть состояния имел в серебре». Употребление машин было неизвестно; все работы исполнялись рабами. Несовершенство тогдашних металлургических процессов не давало возможности афинянам извлекать из руды все содержавшееся в ней серебро, так что даже в настоящее время лаврийские заводы заняты лишь переплавкой шлаков, оставшихся от древних времен. Тем не менее разработка рудников

в то время была делом очень выгодным. Во времена Ксенофонта рудники были еще довольно богаты, но потом стали истощаться, так что уже в конце IV века доходы с них были весьма сомнительны. См. ниже, III, 6,12.

Глава 6

[1] *Критобул* — сын Критона, упомянутый выше в I, 3, 8 и след., одно из действующий лиц в «Пире» и «Домострое». См. введения к этим сочинениям.

[2] *Сирены* — морские нимфы, одаренные силой очаровывать пением всех, слушавших их. Когда Одиссей проезжал мимо острова, на берегу которого они сидели и старались прельстить его и его спутников, он заленил уши спутников воском, а себя велел привязать к мачте корабля и в таком положении слушал их пение. Цитируемый стих взят из «Одиссеи» (XII, 184).

[3] Сократ хочет сказать, что Перикл пользовался славой и уважением в глазах народа преимущественно благодаря своему красноречию, а Фемистокл был любим народом за услуги, оказанные им отечеству. Но этим Сократ не умаляет заслуг Перикла, как видно из сравнения этих лиц в «Пире» (8, 39), где сказано, что Фемистокл был велик делами, Перикл — советами, Солон — мудростью.

[4] *Скилла* — морское чудовище, лаявшее наподобие собаки, с двенадцатью ногами и шестью головами, в каждой из которых было три ряда острых зубов. Она жила в пещере, против которой была скала, где находилась Харибда, другое чудовище. Скилла хватала проезжавших мимо моряков.

[5] Критобул употребляет слово «прекрасный» в смысле внешней красоты, а Сократ — в смысле нравственной красоты, но слово «безобразные» — в смысле внешнего безобразия.

[6] См. выше, примеч. 5 к II, 3.

[7] *Аспасия* — знаменитая гетера, родом из Милета. Она приехала в Афины и пленила Перикла не только красотой, но и духовными дарованиями. Он развелся с женой и остальную жизнь провел с Аспасией, но вступить в брак с ней не мог, так как афинский закон запрещал брак между гражданином и иностранкой. Его политические враги возбудили против Аспасии судебный процесс в нечестии, и Периклу пришлось употребить все свое влияние, чтобы добиться ее оправдания. Дом Аспасии был «салоном», где собиралась афинская интеллигенция; ее посещал и Сократ. По смерти Перикла в 29 году Аспасия жила с Лисиклом, который благодаря ее наставлениям сделался первостепенным оратором.

Глава 7

[1] *Аристарх, Керамон, Навсикид, Демей, Менон* — лица неизвестные.

[2] Дата этого разговора относится к 403 году. После взятия Афин спартанцами в 404 году, что положило конец многолетней Пелопоннесской войне, в Афинах было установлено олигархическое правление Тридцати. Тираны действовали жестоко; против них возникла оппозиция. Многие демократы бежали или были изгнаны из Афин и нашли себе приют за пределами Аттики, например

в Мегарах, в Халкиде на острове Евбее и особенно в Фивах. Во главе их стал Фрасибул. Им удалось овладеть пограничной горной крепостью Филой и образовать там центр, куда стекались все недовольные. Вскоре дело дошло до вооруженного столкновения. Несмотря на численный перевес олигархов, противники их без труда овладели сначала холмом Мунихией, господствовавшим над Пиреем, а затем и самим Пиреем. Во время битвы погиб сам Критий, глава олигархической партии. Таким образом, в ту пору в Аттике были как бы два лагеря, две партии — «Городская» и «Пирейская». К этому времени и относится описываемое в этой главе положение дел. Аристарх, как видно, принадлежал к Городской партии; его свойственники, мужья его сестры, племянниц, двоюродных сестер, примкнули к Пирейской партии. Доходы у Аристарха от земли прекратились, потому что вся Аттика, кроме Афин и Элевсина, была в руках Пирейской партии.

[3] Т. е. не считал рабов.

[4] Даже и в богатых домах дочери обучались кулинарному искусству, пряже, ткацкому, чтобы в будущем, ставши хозяйками, они могли смотреть за работами служанок: все нужное по части пищи и одежды порядочный дом должен был производить сам. Так, в «Домострое» (7, 6) Исхомах рассказывает Сократу, что его жена, придя к нему из родительского дома, умела сделать плащ из шерсти, которую ей дадут, и видала, как раздают пряжу служанкам. Хлебные и ткацкие фабрики, упоминаемые в нашем месте, работали, вероятно, только на бедных людей и на рабов, занятых на других фабриках.

[5] Вместо постоянного подоходного налога в Афинах, были натуральные повинности — «литургии». Главные виды литургий были: снаряжение военного корабля (триеры), снаряжение хора для драматического представления или музыкального состязания («хорегия») и устройство гимнастических игр. Отправлять литургии было обязанностью богатых граждан и метеков. Всякий гражданин, которому казалась обременительной или неправильно наложенной та или другая литургия, мог предложить ее более богатому и, в случае отказа последнего, имел право потребовать от него поменяться имуществом. Подробнее об этом см. примеч. 2 к гл. 2 «Домостроя».

[6] О презрении древних к ручному труду сказано выше в примеч. 4 к I, 6. Весь разговор Сократа с Аристархом может служить иллюстрацией к тому, что сказано там.

Глава 8

[1] *Евфер* — лицо неизвестное.

[2] Разумеется Пелопоннесская война. Отсюда видно, что разговор этот происходил после 404 года.

Глава 9

[1] *Критон* — друг и ровесник Сократа, богатый человек, именем которого озаглавлен один из Платоновых диалогов.

[2] Этот разговор Сократа с Критоном и рассказ Хармида в «Пире» (4, 30 и след.) иллюстрируют характер борьбы между богатыми и остальной массой свободных в Афинах. Борьба между

богатыми и бедными, на общей рабовладельческой основе, принимала уродливые формы. Аристотель («Политика», V, 4, 1=1 304 b 22) объясняет это влиянием демагогов, которые возбуждают против состоятельных людей народную массу. Однако корень этого явления был глубже. Характерной чертой афинского судопроизводства было отсутствие государственной обвинительной власти. У них не было лица, соответствующего теперешнему прокурору, на котором лежала бы обязанность преследовать от имени общества виновников различных правонарушений и преступлений. Это право принадлежало потерпевшей стороне. В преступлениях, затрагивавших общественные интересы, право преследования принадлежало любому гражданину. Этот обычай повлек за собою большое злоупотребление. Некоторые лица, называвшиеся «сикофантами», избирали своею специальностью подобные доносы, лично их не касавшиеся; эта профессия пользовалась очень дурной репутацией. Нельзя, однако, сказать, что роль добровольного обвинителя в Афинах сама по себе приносила какое-либо бесчестие: лица, безупречные в нравственном отношении, как, например, оратор IV века Ликург, не раз брали на себя эту роль; но они всегда тщательно старались оправдать свое выступление на суде одним из двух мотивов, которые греческая мораль признавала почти одинаково почтенными,— желанием защитить общественные интересы или личной местью. Напротив, сикофант — профессиональный доносчик, руководящийся только стремлением к наживе. Источников наживы у сикофанта было много. В некоторых судебных процессах часть имущества осужденного лица и штраф, наложенный на него судом, поступали в пользу обвинителя. Этот способ обогащения, хотя и считавшийся позорным, был, по крайней мере, законным. Но были и бесчестные способы: например, возбудив процесс, они брали отступное за то, чтобы прекратить его; часто бывало достаточно угрозы, чтобы заставить жертву откупиться деньгами; иногда люди, почему-либо боявшиеся сикофанта, сами заранее старались его задобрить. Многие из сикофантов были на жалованье какого-нибудь государственного деятеля и действовали против его врагов. Донос, мошенничество, шантаж — вот что составляло приемы сикофантов. Их целью была нажива. Но, несомненно, успешность их действий определялась в значительной степени тем, что эти действия, направленные против богатых, встречали сочувствие у представителей низших слоев, принимавших участие в суде, и не имевших возможности выразить свое отношение к богатым в иной, более последовательной и принципиальной форме. «В суде,— говорит один клиент Исократа (XVIII, 9—10),— дело принимает часто оборот неожиданный: решение скорее зависит от случая, чем основывается на справедливости; поэтому мне выгоднее истратить небольшую сумму, но избавиться от тяжкого обвинения, чем ничего не платить, но подвергаться такому большому риску». Сикофанты держали в страхе состоятельных граждан; кроме Критона и Хармида, о которых рассказывает Ксенофонт, можно указать еще на известного полководца Никия (см. выше, примеч. 3 к II, 5). «Он давал деньги,— говорит Плутарх в биографии его (гл. 4 и 5),— как тем, что мог ему делать зло, так и тем, кто заслуживал благодеяний, и вообще его трусость была доходной статьей для скверных людей... Он так боялся сикофантов, что не обедал ни у кого из сограждан, не вступал в разговоры, не имел общения,

но, когда занимал должность, до ночи был в палате стратегов (см. примеч. 2 к III, 1), из совета уходил последним, а приходил туда первым». Несмотря на бесстыдство и продажность сикофантов, они считались до некоторой степени нужным элементом в государстве. Без таких добровольных обвинителей закон и суды были бы бессильны, а между тем далеко не всякий готов был взять на себя эту роль. Сами они указывали на себя как на ревностных патриотов. Некоторому риску они все-таки подвергались: по закону, всякий обвинитель, не получивший в свою пользу одной пятой части голосов судей, подвергался штрафу в 1000 драхм (около 242 серебряных рублей) и лишался права на будущее время возбуждать судебное преследование против кого-нибудь. Однако, несмотря на это, Афины были полны сикофантами, по словам историка Феопомпа у Афинея (VI, 254 B). Вот отзыв одного из клиентов Лисия о сикофантах: «Цель сикофантов — привлекать к суду даже людей ни в чем не повинных, потому что от таких людей они могут всего больше поживиться» (Лисий, XXV, 3). Яркую характеристику сикофанта дает Демосфен, сравнивая его со змеей и скорпионом, которых следует уничтожать. «Сикофант, по выражению некоторых, это — собака демоса, которая тех, кого выдает за волков, не кусает, а, наоборот, овец, которых будто бы защищает, сама пожирает. Его ум не направлен ни на одно доброе государственное дело. Сикофант не занимается ни искусством, ни земледелием, ни ремеслом, ни с кем не вступает в дружественное общение. Он ходит по площади, как ехидна или скорпион, подняв жало, устремляясь то туда, то сюда, высматривая, кому бы причинить беду, поношение, зло и, нагнав на него страх, взять с него денег. Непримиримый, блуждающий, необщительный, он не знает ни расположения, ни дружбы, ничего такого, что испытывает порядочный человек. Он ходит, окруженный тем, чем окружены нечестивые в Аиде, как и рисуют живописцы,— проклятием, руганью, завистью, раздором, враждой» (Демосфен, речь XXV, 40, 52).

[3] *Архедем* — вероятно, тот самый, который был влиятельным членом радикальной демократической партии и в 406 году, после сражения при Аргинусских островах (см. примеч. 16 к I, 1) выступил обвинителем одного из полководцев, Эрасинида. Лисий дает о нем неодобрительный отзыв: «Алкивиад (сын известного Алкивиада) еще в детстве пьянствовал у Архедема Гнойноглазого, который немало наворовал у вас» (речь XIV, 25). Аристофан («Лягушки», 417 и след.) насмехается над его неафинским происхождением. Отзыв Ксенофонта, напротив, очень хороший, но, очевидно, характеристика его, данная здесь, относится к значительно более раннему времени, когда Архедем был беден и не играл политической роли. Из этого видно, что разговор Сократа с Критоном происходил раньше 406 года (намного ли, определить нельзя).

[4] О *жертвоприношениях*, см. примеч. 2 к II, 3.

Глава 10

[1] *Диодор* — лицо неизвестное.

[2] О *Гермогене* см. введение к «Пиру», где он — одно из действующих лиц. См. также «Защиту».

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1

[1] *Дионисодор* — софист, который вместе с своим братом Евфидемом выведен Платоном в диалоге «Евфидем». И там оба они являются преподавателями военного искусства, но также и искусства спорить — «эристики».

[2] Главную силу афинского сухопутного войска составляла пехота, численностью и устройством далеко превосходившая кавалерию. В пехоте служили гоплиты (или тяжеловооруженные), легковооруженные и пелтасты. Вооружение гоплитов было: шлем, панцирь, наколенники, большой щит, длинное копье и меч; легковооруженные были без доспехов и щита, а только с метательными копьями; пелтасты занимали средину между тяжелою и легкою пехотою и носили короткое копье, длинный меч и легкий круглый щит (pelte, от которого и получил название этот род войска). Соответственно делению населения Аттики на 10 фил (см. о них ниже, примеч. 4 к III, 4), пехота делилась на 10 полков (taxis). Каждый полк делился на лохи (lochos); число людей в полку и лохе не всегда было одинаково. При начале Пелопоннесской войны (431 год) афиняне имели 19 000 гоплитов, из которых 13 000 были вполне годны для боевой службы в поле. Воинская повинность в Афинах была безусловно обязательна для всех граждан с 18 до 60 лет. Ежегодно стратеги (см. ниже) вместо с членами Совета пятисот и старшинами демов (см. примеч. 4 к III, 4) составляли по филам список («каталог») граждан, достигших 18-летнего возраста; в него вносились только граждане трех высших классов (по делению Солона: пентакосномедимны, всадники, зевгиты); феты (граждане четвертого класса) не включались. Полный каталог граждан, подлежавших воинской повинности, состоял, таким образом, из 42 годовых списков. Когда предстояла война, Народное собрание определяло, какого возраста граждане должны быть призваны на действительную службу. Набор производили стратеги сообразно с постановлением народа. Списки призываемых выставлялись во всеобщее сведение. Юноши от 18 до 20 лет и граждане старше 50 лет обыкновенно служили для обороны страны и редко были посылаемы в поле; лишь в крайних случаях призывались на службу граждане всех возрастов, числившиеся в призывных списках. Главными военными начальниками были стратеги, числом 10, ежегодно назначавшиеся по выборам (не по жребию) из числа граждан, женатых законным образом и владевших недвижимою собственностью. Все вместе они составляли коллегиальное начальство, имевшее особую палату, и все имели равную власть. В более древние времена стратеги выступали в походы или все вместе, или в числе нескольких, причем один был главнокомандующим, и все начальствовали поочередно, как было в Марафонской битве. Впоследствии в походы выступал лишь один или двое; прочие оставались в Афинах или шли на другие места военных действий.. Деятельность стратегов была обращена на все, что непосредственно относилось к военному делу или находилось в какой-либо связи с ним: они были не только главными начальниками военных сил, но стояли во главе всего военного и флотского управления. Должность стратега была очень важна и поль-

зовалась большим почетом, так что ее искали знатнейшие граждане, хотя могли получать и люди простого происхождения, отличавшиеся военными дарованиями (как Ификрат). Отдельными полками тяжелой пехоты командовали подчиненные стратегам таксиархи, числом 10, назначавшиеся также по выборам. Они составляли вместе с стратегами военный совет и были вообще их ближайшими помощниками. Лохами начальствовали лохаги, которых назначали таксиархи.

[3] «Илиада», III, 170 и след.

[4] *Кифара* — струнный иструмент, похожий на лиру.

[5] Кирпичи не причислены к разряду материалов не размягчающихся потому, что разумеются кирпичи, не обожженные в огне, а сделанные из глины с примесью соломы и высушенных на солнце.

Глава 2

[1] «Илиада», II, 243.

[2] «Илиада», III, 179.

[3] Т. е. Сократ ограничивал свое исследование о достоинстве хорошего вождя только вопросом, делает ли он счастливыми тех, кого ведет.

Глава 3

[1] См. примеч. 2 к III, 1. Кавалерия афинская до Персидских войн вовсе не упоминается. Со времен Фемистокла кавалерия была постоянною, и численность ее дошла до 300, а впоследствии, со времени Пелопоннесской войны, до 1000 человек. Все граждане, принадлежавшие к первым двум классам (пентакосиомедимнов и всадников), обязаны были содержать годных к военной службе лошадей; эта обязанность считалась литургией (см. примеч. 5 к II, 7). Кавалерией начальствовали 2 гиппарха и подчиненные им 10 филархов, служившие по выборам, соответственно 10 филам, на которые делилась кавалерия. Гиппархи были подчинены стратегам как главному военному начальству, но они имели важное политическое значение, действовали во многих делах совершенно самостоятельно. На обязанности гиппархов лежало обучение всадников приемам кавалерийской службы, а также осмотр и испытание лошадей. В конце каждого года Совет пятисот производил инспекторский смотр (докимасию) всадников, и только те из них, которые выдерживали его удовлетворительно, заносились на следующий год в список всадников; остальные должны были служить гоплитами. В мирное время кавалерия участвовала в праздничных процессиях для придания им большего блеска и пышности.

[2] Кроме правильной, тяжеловооруженной кавалерии, которая состояла из более знатных и богатых граждан, у афинян было еще 200 конных стрелков, набиравшихся из числа государственных рабов, преимущественно скифов и фракийцев. Поэтому служба в этом отряде считалась для афинского гражданина неприличной.

[3] В древности стремена были неизвестны: греческие всадники сидели на неоседлепной лошади или, самое большее, покрытой чем-то вроде попоны, без стремян (по-гречески и по-латыни нет даже слова в значении «стремя»). Поэтому в сражении приходилось считаться с возможностью, что всадник упадет с лошади

и должен уметь легко вскочить на нее. Ксенофонт в своем сочинении «О верховой езде» (VII, I) дает такое наставление: «Когда уже лошадь подана всаднику, левой рукой он должен легко взять положенную на челюсти или переносицу привязь,— и притом так легко, чтобы никоим образом не рвануть лошадь, садится ли он, хватаясь за гриву около ушей, или вспрыгивает при помощи копья *,— а правой должен взяться за повод на загривке вместе с гривой, чтобы никоим образом не рвануть уздой за морду. Садясь таким способом, он левой рукой подпирает тело, а правой себя поднимает,— этим избегается и некрасивый вид сзади; но не надо сгибать колен или класть колено на спину лошади; нужно перекинуть ногу на правую сторону и затем положить свою заднюю часть на лошадь. Если же всадник ведет лошадь левой рукой, а в правой держит копье, то нужно уметь вскакивать и с правой стороны». Два изображения вскакивания на лошадь имеются в «Dictionnaire des antiquités grecques et romaines» Дарамберга (Daramberg) и Сальё (Saglio), v. I, p. 748—749.

[4] Конные упражнения производились на площади афинской или в крытых помещениях, усыпанных песком.

[5] Здесь имеется в виду праздник Делий ** в честь Аполлона на его священном острове Делосе в память победы Тесея над Минотавром (см. примеч. 7 к III, 5). Праздник этот совершался раз в четыре года. Он состоял главным образом из хоровых песен и плясок в честь бога и различных состязаний, увеличению блеска и пышности которых много содействовали священные посольства («феории»), прибывавшие с островов, из Афин и из некоторых других государств собственно Эллады. Особенным великолепием отличалась афинская феория, устройство которой («архифеория») было одной из литургий (см. примеч. 5 к II, 7) богатых граждан. Устроители праздника брали с собою целые хоры певцов и музыкантов исключительно из среды граждан (об этих хорах и говорится в нашем месте), богатые жертвы и т. д. К ним присоединялись, иногда в значительном количестве, граждане, отправлявшиеся на праздник из религиозного чувства, любви к зрелищам или просто с меркантильными целями, и таким образом составлялись многолюдные и блестящие посольства.

Глава 4

[1] См. примеч. 2 к III, 1.

[2] *Никомахид* и *Антисфен* — лица неизвестные.

[3] В примеч. 5 к II, 7, сказано, что одним из видов литургий была хорегия, снаряжение хора для драматического представления или музыкального состязания. Первая обязанность хорега состояла в наборе музыкантов и певцов для хора (исключительно из среды граждан), содержании их во время обучения и выплате жалованья; на его же обязанности было предоставление помещения для занятий хора в его доме или в нанятой для этой цели квартире. Если сам поэт или рекомендованный им человек не прини-

* Для этой цели на древке копья приделывался выступ, который служил своего рода ступенькой.

** Тот самый праздник, благодаря которому казнь Сократа была отсрочена на месяц. См. «Воспоминания», IV, 8, 2.

мал на себя дело обучения хора, то хорег должен был пригласить особого учителя за плату; он же выплачивал вознаграждение музыкантам. Для представления хорег заготовлял хоревтам богатые костюмы и маски и сам являлся в роскошном праздничном платье и с венком на голове. После состязания хорег, лучше всех исполнивший свои обязанности, был признаваем победителем и получал в награду венок; в память победы он ставил в храме доску с записью о победе. Подобно тому как в музыкальном состязании хорег посвящал богам треножник, так после представления комедии хорег посвящал костюмы. Хорегия была весьма почетной обязанностью, но она требовала очень больших расходов. Хореги отчасти из тщеславия, желая отличиться друг перед другом, отчасти же из благочестия не щадили расходов, чтобы исполнить свою литургию как можно лучше. Трагический хор обходился дороже, чем комический. Один из клиентов Лисия (речь XXI, 1—4) указывает, сколько денег он истратил на хорегии. «Ставши хорегом трагического хора, я истратил на него 30 мин (около 750 рублей), а через три месяца, на празднике Фаргелий, я одержал победу мужским хором, на который истратил 2000 драхм (около 500 рублей). При архонте Главкиппе, на Великих Панафинеях, я истратил на пиррихистов (танцоров) 800 драхм (около 200 рублей). Кроме того, будучи хорегом мужского хора на Дионисиях, при том же архонте, я одержал победу и истратил на это, считая с посвящением треножника, 5000 драхм (около 1250 рублей), и при Диокле, на Малых Панафинеях, на комический хор — 300 драхм (около 75 рублей)... Потом я стал хорегом детского хора и издержал 15 с лишком мин (более 375 рублей). При архонте Евклиде я снаряжал комический хор для Кефисодора и одержал победу, истратив на него, считая с посвящением одежды, 16 мин (около 400 рублей); на Малых Панафинеях я был хорегом безбородых пиррихистов и истратил 7 мин (около 175 рублей)». Таким образом, этот гражданин на одни хорегии (не считая других повинностей) истратил в течение нескольких лет 3725 рублей! А деньги тогда были гораздо дороже, чем в новые времена. Были, конечно, и скупые хореги, плохо исполнявшие свою повинность. Такой хорег, например, описан в речи оратора Исея (V, 36 и след.). В нашем месте, повидимому, разумеется хорегия на музыкальных состязаниях, так как именно музыкальные состязания происходили между филами, и честь победы присваивалась прежде всего той или другой филе, а затем уже хорегу, бывшему ее представителем; а драматические хорегии исполнялись не по филам; между тем ниже (параграф 5) Сократ говорит, что Антисфен несет расходы для победы хора со своей филой.

[4] Население Аттики со времен Клисфена делилось на 10 фил, каждая фила — на 10 демов (нечто вроде волости); подразделением дема была фратрия.

Глава 5

[1] *Перикл*, незаконный сын знаменитого Перикла и Аспасии (см. примеч. 7 к II, 6), родился около 445 года. По афинским законам, первым условием права гражданства было происхождение от законного брака гражданина с гражданкою. Дети, прижитые вне брака или происшедшие от смешанных браков (т. е. граждан

с неграждапками или наоборот), признавались незаконными и не имели прав гражданства. После смерти от чумы в 430 году двух старших законных сыновей Перикла Перикл-сын получил по народному постановлению права гражданства. В 407/6 году он был выбран в стратеги и был одним из полководцев, участвовавших в сражении при Аргинусских островах в 406 году. После этого он вернулся в Афины и вместе со своими коллегами был казнен. См. примеч. 16 к I, 1. Таким образом, эта беседа могла происходить лишь раньше выбора Перикла в стратеги.

[2] Число афинских граждан в V и IV веках колебалось между 20 000 и 40 000 взрослых мужчин, так что все гражданское население, с женщинами и детьми, можно принимать от 100 000 до 140 000.

[3] В 457 году афиняне под начальством Миронида победили беотийцев при Энофитах, вследствие чего Беотия вошла в состав Афинского союза. Но в 447 году аристократическая партия, изгнанная после битвы при Энофитах, завладела городами Херонеей и Орхоменом. Афиняне под начальством Толмида пошли в Беотию, завоевали Херонею, но на возвратном пути подверглись нападению орхоменских беглецов и были разбиты около Коронеи или Лебадеи. Вследствие этого афиняне принуждены были отказаться от гегемонии над Беотией; города ее стали автономными, и олигархия в них была восстановлена. Зимою 424/3 года афиняне вновь сделали попытку подчинить Беотию и вторглись в нее под начальством Гиппократа, но были разбиты при Делии (храме Аполлона с рощей). В этом сражении участвовали Сократ и Алкивиад и, может быть, Ксенофонт (см. биографию Ксенофонта).

[4] Мифограф Аполлодор рассказывает этот миф так. «Кекроп, произведенный самой землей, имевшей тело человека и змеи, был первым царем Аттики и по своему имени назвал Кекропией эту страну, называвшуюся прежде Актой. В его царствование, говорят, боги решили взять себе города, в каких кто хотел пользоваться почитанием. Так вот, Посейдон первый пришел в Аттику и, ударив по земле трезубцем, произвел посредине Акрополя море (= колодезь с соленой водой), которое теперь называют Эрехтеидой *. После него пришла Афина и, взяв Кекропа в свидетели того, что она берет себе эту страну, посадила маслину, которую теперь показывают в храме Пандросы (дочери Кекропа). Между ними произошел спор из-за этой страны. Зевс уладил этот спор,— дал судей, по не Кекропа и Краная и не Эрехфея, как некоторые рассказывают, а двенадцать богов. На основании их приговора страна была присуждена Афине, так как Кекроп засвидетельствовал, что она первая посадила маслину. Афина по своему имени назвала город Афинами, а Посейдон в гневе затопил Фриасийскую равнину и Аттику погрузил в море». Как видно из этого, Аполлодор полемизирует против той версии этого мифа, которой придерживается Сократ,— что Кекроп и близкие ему люди были судьями; у Аполлодора роль Кекропа состоит лишь в том, что он был свидетелем посадки маслины Афиной.

---

* По другой версии, Посейдон создал коня, и суд был не о том, кто из них двоих первый взял в свое владение Аттику (как у Аполлодора), а кто создал более полезный предмет.

[5] *Эрехфей* — также один из мифических царей афинских. Он был сын Земли и воспитан Афиной. Афина передала его дочерям Кекропа в ящике, запретив его открывать; но две из них, несмотря на это, открыли ящик и, увидав змееобразного (или обвитого змеей) ребенка, от страха сошли с ума и бросились со скалы Акрополя. В царствование Эрехфея жители Элевсина в союзе с фракийцами предприняли поход против Афин. Оракул предсказал победу афинянам, если Эрехфей принесет в жертву одну из своих дочерей. Он это сделал, победил врагов и оттеснил к северу фракийцев, которые до этого времени занимали «весь пограничный материк»,— жили у самых границ Аттики.

[6] *Гераклиды* — сыновья Геракла (Геркулеса). Афиняне гордились тем, что защищали слабых, несправедливо обиженных сильными (см. ниже параграф 12). Сократ имеет в виду следующий миф. По смерти Геракла Еврисфей, царь микенский, по приказанию которого Геракл совершил 12 подвигов, преследовал его детей, опасаясь, как бы они не отняли у него царскую власть. Афиняне вступились за них, дали им у себя приют, и, когда Еврисфей вследствие этого начал войну с афинянами, они разбили его в сражении, в котором он и был убит. Иллюстрацией к словам Сократа о доблести древних афинян может служить следующее место из речи II Лисия (параграфы 11—14). «В более позднее время, когда Геракл исчез из мира людей, детей его, бежавших от Еврисфея, все эллины гнали от себя из страха перед силой Еврисфея, хотя им стыдно было за свои поступки. Придя в наш город, они с мольбою сели на алтарях. Несмотря на требование Еврисфея, афиняне отказались их выдать: уважение к доблести Геракла было у них сильнее страха перед собственной опасностью. Они предпочитали сражаться за слабых, имея на своей стороне правду, чем, в угоду сильным, выдать угнетенных им. Когда Еврисфей, в союзе с тогдашними властителями Пелопоннеса, пошел на них войной, то они пред лицом близкой опасности не изменили своих убеждений, а держались того же мнения, как и прежде; а между тем отец их никакого особенного благодеяния им не оказал, а каковы будут дети, достигши зрелого возраста, они не знали. Однако они приняли на себя такую борьбу за них, потому что считали это справедливым, несмотря на то, что у них не было прежде вражды с Еврисфеем и никакой выгоды им не представлялось, кроме доброй славы. Они сделали это потому, что жалели угнетенных, ненавидели насильников, одним старались поставить преграду, другим хотели помочь. Свободу они видели в том, чтобы не делать ничего против своей воли, справедливость — в том, чтобы помогать угнетенным; храбрость — в том, чтобы, в случае надобности, сражаться и умирать за ту и за другую».

[7] *Фесей* (Тезей), мифический герой Аттики, был сын Эгея, царя афинского, и впоследствии сам был царем. Он, подобно Гераклу, совершил много подвигов (см. примеч. 3 к II, 1). Одним из славных его подвигов был поход его против Амазонок, воинственных женщин, царицу которых, Антиопу, он увел, и она стала его женой. В отмщение за это Амазонки пошли войной на Аттику и проникли в Афины; решительная битва, в которой Фесей одолел их, была среди города. Но особенно чтили афиняне Фесея за освобождение Афин от дани Миносу. Критский царь (полумифический) Минос из мести за убийство афинянами его сына Андрогея, пред-

принял поход на Афины и заставил афинян присылать каждые 9 лет по 7 юношей и 7 девушек на съедение Минотавру, чудовищу, получеловеку и полубыку. Когда Минос в третий раз потребовал присылки этих жертв для Минотавра, Фесей вызвался добровольно отправиться в числе других и обещал отцу убить Минотавра. В лабиринте (см. примеч. 16 к IV, 2) он одолел это чудовище и вышел из запутанных ходов лабиринта при помощи нити, полученной им от дочери Миноса, Ариадны. См. примеч. 3 к гл. 9 «Пира».

[8] Разумеются войны с персами. «Одни» боролись афиняне против персов в сражении или Марафоне в 490 году; «в союзе с пелопоннесцами» — во время второй войны с персами в 480 году (сражение при Саламине и др.). «Замечательные дела» персов — прорытие канала на Афоне и устройство моста на Геллеспонте.

[9] Философ Платон в одном из своих диалогов («Менексен», 237 В) с гордостью упоминает, что жители Аттики были не пришельцы, а автохфоны, что почва Аттики — родная мать им, а не мачеха. По словам Фукидида (I, 2; II, 36), Аттика вследствие скудости своей почвы в древности не привлекала жадности завоевателей, так что население ее не перемешалось; жители других областей Эллады, принужденные вследствие войн или восстаний выселяться из отечества, стекались в Аттику, как в мирный и безопасный уголок. Геродот называет афинян древнейшим народом и единственным из эллинов, не менявшими места своего поселения (VII, 161). См. выше, примеч. 6. Сократ и Перикл, как и все их современники, считали историческими эти мифические события, которые мы называли, и не только ораторы (Лисий, Исократ) говорили о них в похвальных речах в честь родного города, но даже дипломаты приводили такие события в виде доказательств: так, например, Каллий в речи своей перед спартанцами (371 год), доказывая им, что они не должны воевать с афинянами и опустошать их поля, ссылается на то, что Триптолем (тоже мифическая личность) первый показал таинства Деметры и Коры (Элевсинские мистерии) их вождю Гераклу и их согражданам Диоскурам и что семя плода Деметры первому дано было Пелопоннесу (*Ксенофонт*, История Греции, VI 3, 6).

[10] На основании этой фразы можно заключить, что Сократ был сторонником возвращения к «государственному строю отцов». Такая тенденция в конце Пелопоннесской войны была очень распространена; это слово служило как бы общим девизом и могло объединить все партии. Но каждая партия под этим выражением подразумевала разное и понимала этот строй по-своему. Аристотель («Афинское государственное устройство», гл. 34), рассказывая о положении дел после несчастного для афинян морского сражения при Эгос-Потамосе (в сентябре 405 года), говорит, что спартанский полководец Лисандр овладел Афинами. Был заключен мир между спартанцами и афинянами на условии, что афиняне введут у себя государственный строй отцов. «Демократы,— говорит Аристотель,— пытались спасти демократию, а из аристократов одни, именно те, которые принадлежали к гетериям (политическим клубам), и возвратившиеся после заключения мира изгнанники желали олигархии, другие — не принадлежавшие к гетериям и в то же время бывшие не хуже кого другого из граждан — стремились действительно к строю отцов». Тридцать тиранов сперва тоже делали

вид, будто стремятся к древнему строю. Главным образом под этим разумелась конституция Солона.

[11] Сократ говорит о спартанцах. Разумеется, такое мнение Сократа заострено против афинской демократии: восхваление во время войны порядков аристократической Спарты было характерно для аристократов; многие афинские аристократы, ненавидевшие демократию, сочувствовали Спарте: в частности, в комедиях Аристофана есть указания на это. Так, в комедии «Осы» (поставленной еще в 422 году), хор, состоящий из стариков-гелиастов, бранит своего противника Бделикпеона (что значит «чувствующий отвращение к Клеону») «врагом народа, любителем монархии, сносящимся с Брасидом» (спартанским полководцем). Эти «лаконисты» выражали свои симпатии спартанцам и внешним образом, подражая им тем, что носили длинные волосы, косматую бороду, грубый плащ. Лаконисты (к которым принадлежали афинские всадники) были, конечно, в подозрении у демократов: в комедии Аристофана «Всадники» (ст. 580) хор, состоящий из всадников, просит не относиться к ним с недоброжелательством за то, что они носят длинные волосы. Точно так же лет через тридцать после постановки комедии молодой Мантифей, для которого написана речь XVI Лисия, просит судей «не относиться с ненавистью к человеку за то лишь, что он носит длинные волосы» (параграф 18).

[12] По поводу уважения старших спартанцами можно привести следующее место из трактата Цицерона «О старости» (параграф 63). «Спартанец Лисандр говорил, что Спарта — самое почетное место жительства старости: нигде не придают такого значения возрасту, нигде старость не пользуется большим почетом. Мало того: в истории есть такой факт. В Афинах во время праздника в театр вошел один старик. Хотя много народа сидело там, но его сограждане нигде не дали ему места. Когда же он подошел к спартанцам, которые, как послы, сидели на определенном месте, то они все, говорят, встали и дали старику место для сидения. Когда все сидевшие в театре стали им рукоплескать, то один спартанец сказал: „Афиняне знают, что́ правильно, но делать этого не хотят"».

[13] С резким выпадом против «крайностей» демократии Сократ выступает также у Платона в «Государстве» (с. 562 С): «Когда демократическое государство, жаждущее свободы, попадается в руки дурных виночерпиев, стоящих во главе его, и напьется допьяна сверх надлежащей меры этой свободой в неразбавленном виде, оно наказывает правителей, если они не совершенно мягки и не предоставляют полную свободу, обвиняя их как негодяев, стремящихся к олигархии. Людей, послушных властям, оно топчет в грязь, как добровольных рабов, ничего не стоящих; напротив, правителей, подобных управляемым, и управляемых, подобных правителям, оно превозносит похвалами и награждает почетом и в частной жизни и в общественной». Об уважении спартанцев к властям см. ниже, примеч. 6 к VI, 4.

[14] Это находится в странном противоречии с мыслью, высказанной в параграфе 2 о том, что афиняне благожелательно относятся друг к другу. Ниже, в параграфе 17, опять говорится о страшной вражде и ненависти среди граждан.

[15] Аристофан не раз смеялся над страстью своих соотечественников к сутяжничеству. Так, например, в комедии «Птицы» (ст. 39—41) Евельпид говорит: «Цикады поют на судебных про-

цессах». В кемедии «Облака» (ст. 494—497) на вопрос Сократа: «Что ты делаешь, если тебя бьют?» Стреспиад отвечает: «Я даю себя бить, а потом, немного спустя, прошу присутствующих быть свидетелями, а потом, опять чуточку погодя, начинаю судиться». Когда ученик Сократа показывает Стрепсиаду географическую карту, на которой обозначены и Афины, Стрепсиад не верит, потому что не видит на ней сидящих судей (ст. 207—208). В «Мире» (ст. 505) Гермес говорит афинянам: «Вы ничем другим не занимаетесь, как только судитесь». Эта страсть афинян послужила Аристофану сюжетом для целой комедии «Осы». У Лукиана («Икароменипп», гл. 16) Менипп, перечисляя характерные национальные страсти, говорит: «Финикияне путешествовали; киликийцы совершали разбойничьи набеги; лаконцы сами себя бичевали; афиняне судились».

[16] В этих словах делается намек на казнокрадство. Оно было очень распространено в Афинах. Упреки государственным деятелям по поводу этого часто делаются, например, Аристофаном и ораторами. У Ксенофонта («Анабасис», IV, 6, 16) спартанец Хирисоф замечает, что «афиняне — мастера воровать казенные деньги, хотя и очень велика опасность для вора». Один клиент Лисия говорит (речь XIX, 57): «Есть некоторые, заранее тратящие деньги для того только, чтобы получить от вас государственную должность и вернуть израсходованную сумму в двойном количестве».

[17] Под словами «такие люди» разумеются только что упомянутые матросы и атлеты, принадлежавшие к низшим слоям населения, и мальчики и юноши во время гимнастических состязаний и танцев хора, хотя от них нельзя требовать такого сознательного отношения к дисциплине, как от взрослых мужчин.

[18] В тяжелой пехоте и кавалерии служили только граждане высших классов — по греческой терминологии, «прекрасные и хорошие». См. примеч. 2 к III, 1; примеч. 1 к III, 3.

[19] *Ареопаг* (точнее: Совет Ареопага) был очень древним учреждением. Он состоял из архонтов и бывших архонтов, которые дали удовлетворительный отчет в своей годичной служебной деятельности. Под словами «выдержавших испытание» разумеется докимасия, которой подвергались все кандидаты на государственную должность. См. примеч. 3 к I, 2. Таким образом, Ареопаг представлял собою коллегию испытанных людей, и так как доступ в него был возможен только уже в зрелом возрасте, а члены его занимали свою должность пожизненно, то значительное число их должно было состоять из людей престарелых, даже очень старых: это придавало коллегии известную величавость. Уважение к Ареопагу увеличивалось еще оттого, что он находился в близком отношении к религии, и притом к той части ее, которая могла иметь нравственное влияние, чего нельзя сказать о всех частях религии: именно члены Ареопага были до известной степени служителями тех богинь, которые поддерживали среди людей уважение к вечному праву, соблюдению священных обязанностей, наказывали в качестве гневных Эринний (Фурий) преступников, защищали в качестве благодетельных Евменид добродетельных людей. По верованию афинян, Ареопаг был учрежден самой богиней Афиной, покровительницей их родного города, как об этом сказано в Эсхиловой трагедии «Евмениды» (ст. 681 и след.), где сама Афина

говорит: «Внемли моему повелению, народ афинский! И на будущее время вечно это будет совет судей для Эгеева народа!.. Здесь уважение граждан и страх, брат его, будут удерживать от преступлений и день и ночь, если сами граждане не будут делать нововведений в законах... Пока вы будете со страхом взирать, как и должно, на такое досточтимое учреждение, вы будете иметь спасительную ограду страны и города, какой не имеет никто в мире,— ни у скифов, ни в краях Пелопа. Я установляю этот совет, которого не коснется прибыток, почтенный, велемудрый, бдительную охрану страны для защиты спящих». Таким же уважением к Ареопагу проникнут Исократ (VII, 37—50). Изображая в идеальном виде состояние, в котором находились Афины, пока Солонова конституция была в неиспорченном виде, он видит причину лучшего положения вещей в то время сравнительно с современным в двух обстоятельствах: во-первых, в том, что тогда должности замещались не по жребию, а по выбору и потому доставались тем, кого граждане считали способными и достойными; во-вторых, во влиянии Ареопага, который зорко смотрел за поведением граждан и пресекал проступки против добрых нравов увещаниями, угрозами и наказаниями.

[20] Не только низшие офицеры, но даже и стратеги выбирались из людей, совершенно не подготовленных к военной карьере. Известен пример, что в 441 году знаменитый поэт Софокл был выбран в стратеги только по случаю того, что его трагедия «Антигона» очень понравилась публике. Нечто подобное случилось в 425 году: афиняне осаждали отряд спартанцев на острове Сфактерии. Клеон, кожевенный фабрикант, стал критиковать стратегов. Тогда афиняне послали его, никогда раньше не занимавшегося военным делом, несмотря на его желание уклониться от похода. Демосфен (XIX, 237) говорит о нескольких лицах, из которых один занимался расписыванием ящиков для парфюмерных флаконов, другой был подьячим, что они были удостоены высокого почета, в том числе и стратегии: «Эти занятия,— замечает он,— конечно, ничего бесчестного в себе не содержат, но все-таки не дают права на стратегию». У Аристофана («Ахарняне», 1078) одно из действующих лиц говорит о стратегах, что они отличаются больше количеством, чем качеством. В фрагменте 117 одной комедии Евполида говорится: «Мы, старики, не так прежде жили: во-первых, у нас в городе стратеги были из самых важных домов, первые по богатству и роду, которым мы молились, как богам,— они и были такими,— так что мы жили в безопасности. А теперь, когда придется, мы предпринимаем походы, выбирая в стратеги всякую дрянь». В другом фрагменте (205) Евполида сказано так: «Кого прежде вы не выбрали бы даже в надсмотрищики за вином (мелкие должностные лица), теперь мы имеем стратегами». Афинских стратегов остроумно высмеял царь македонский Филипп (Плутарх, «Остроумные изречения царей и полководцев», с. 211 издания Дидо): «Счастливые афиняне! Они каждый год находят возжным выбирать по десяти стратегов, а я во много лет нашел только одного стратега,— Парменнона». Плохая подготовка стратегов вполне понятна, если принять во внимание, что «в Афинах не было организовано государственное обучение военному делу» (см. ниже III, 12, 5), а учителями военного дела объявляли себя разные философы, вроде Диносидора (см. выше III, 1), которые, вероят-

но, не были практиками этого дела. Очень интересен рассказ Цицерона о подобном философе, Формионе («Об ораторе», II, 18, 75): «Когда Ганнибал, изгнанный из Карфагена, пришел в Эфес к Антиоху и был приглашен послушать перипатетика Формиона, то этот болтун несколько часов говорил об обязанности полководца и вообще о военном деле. Все слушатели были в восторге и просили Ганнибала высказать мнение о философе. Ганнибал отвечал, что он много видал выживших из ума стариков, но такого безумного, как Формион, никого не видал. И совершенно справедливо. Могла ли быть большая наглость и болтливость, чем та, что Ганнибалу, столько лет боровшемуся из-за власти с римским народом, победителем всего мира, давал наставления о военном деле какой-то грек, никогда не видавший лагеря, никогда не касавшийся ни в малейшей доле никакой общественной должности?»

[21] Разумеется гора Киферон и др.

[22] Посредине Аттики находятся горы Парнет, Ликабетт, Пентеликон, Гиметт и др.

[23] *Мисийцы* — народ в северо-западной части Малой Азии у Геллеспонта. *Писидийцы* — в южной части Малой Азии. «Царем» без всякого определения (или со словом «великий») греки называли персидского царя.

[24] Молодые афиняне по достижении 18-летнего возраста признавались совершеннолетними и вступали в число «ефебов». В течение двух лет они получали военное образование, конечно, по преимуществу практическое. В первый год они учились владеть оружием и изучали тактику; в конце этого года они выступали перед народом в театре на торжественном смотре, после которого им вручали копье и щит на защиту отечества. Во второй год ефебы изучали крепостную и полевую службу: они составляли гарнизоны аттических крепостей и несли военную службу на границах Аттики. В нашем месте и имеются в виду такие молодые люди в возрасте 19—20 лет («периполы»).

[25] Сократ имеет в виду защиту от набегов разбойников из Беотии. Иллюстрацией к этому может служить место из Аристофановой комедии «Ахарняне» (ст. 1073 и след.), где стратегу Ламаху приходит приказ охранять проходы в Аттику (о которых сказано у нас в параграфе 25), потому что беотийские разбойники хотят сделать набег.

Глава 6

[1] *Главкон* — брат (младший) философа Платона, выведенный действующим лицом в Платоновых диалогах «Государство» и «Парменид». В Платоновом «Государстве» (368 А) сказано, что Главкон вместе с братом своим Адимантом отличился в сражении в Мегарах. Комментаторы предполагают, что здесь разумеется сражение, происходившее в 409 году, о котором рассказывает Диодор (XIII, 65). Кирхнер в своей «Prosopographia attica» (I, 199) это также признает. Но в то же время Кирхнер высказывает предположение, что Главкон был моложе Платона, на основании следующей аргументации. Платон стал слушателем Сократа 20 лет от роду, в 407 году («Prosopographia attica», II, 204); а так как Ксенофонт в нашем месте говорит о дружбе Сократа с Платоном, то надо предположить, что с начала этой дружбы до разговора

Сократа с Главконом, которому еще не было тогда 20 лет, прошло значительное время. Кирхнер странным образом не замечает хронологического противоречия между этими фактами. Если Главкон участвовал в сражении 409 года, то ему в этом году было уже больше 20 лет, потому что, как сказано мною в примеч. 24 к III, 5, молодые люди с 18 до 20 лет несли военную службу только внутри Аттики. А если Главкон был моложе Платона, а Платону в 407 году (даже в 409 году, как некоторые источники сообщают) было 20 лет, то Главкону в 409 году не могло быть больше 20 лет, и он не мог участвовать в сражении. Очевидно, в какой-то из этих предпосылок есть ошибка; в которой именно, трудно определить. Всего более сомнительна дата сражения, в котором участвовал Главкон,— 409 год. Английские комментаторы Платонова «Государства», Джауэтт (Jowett) и Кэмпбелл (Campbell), вполне правильно замечают, что так как афиняне были в войне с мегарянами постоянно, то, может быть, здесь разумеется какая-нибудь мелкая стычка, не упомянутая в наших источниках. Очевидно, в таком случае разговор Сократа с Главконом надо отнести к какому-либо году после 407-го, а сражение, в котором участвовал Главкон по достижении 20 лет,— к еще более позднему времени, но, конечно, до окончания Пелопоннесской войны в 404 году.

[2] Под этим довольно неопределенным термином (буквально «предстатель») разумеется главный оратор-демагог, который действовал как опекун и представитель народа, подобно тому как обыкновенный «предстатель» был патроном метеков. Оратор в Афинах был не просто красноречивый человек: это был, по нашей терминологии, государственный деятель. Не занимая официально никакой должности, он присутствовал на заседаниях Совета пятисот и Народного собрания, часто брал слово, предлагал проекты постановлений. Он должен был быть всегда готовым предложить народу совет, какую-нибудь спасительную меру при затруднительных обстоятельствах, а для этого, конечно, мало было красноречия: нужно было иметь зрелость суждения и знание дела и людей. К тому же, как видно из речи Диодота у Фукидида (III, 42, 4), ораторы иногда старались терроризировать друг друга, так что «вследствие страха (граждан) государство лишалось советников». При таких обстоятельствах число ораторов-демагогов было невелико. Хотя по праву всякий гражданин мог говорить с кафедры, но одновременно, в известный период времени, активными политиками было каких-нибудь 30, много 50 человек; а среди них звездами первой величины, которые привлекали к себе общее внимание и играли первую роль, насчитывался, может быть, только десяток. По молчаливому соглашению, они делили между собою сферу управления. Один был специалистом по финансам, другой — по международным делам, третий — по коммерческим вопросам и т. д. Благодаря своему влиянию в Совете и в Народном собрании, ораторы были своего рода министрами в Афинах: они проводили свои предложения в виде постановлений («псефизм»); официальным должностным лицам, например стратегам, оставалось только исполнять их. Таким «первым министром» был, например, Перикл, в течение двадцати с лишком лет занимавший этот высокий пост. Демосфен был, так сказать, министром иностранных дел. Ввиду такого важного значения оратора-демагога нам понятны вопросы Сократа, в которых он предъявляет к Глав-

кону требования относительно знаний, необходимых для государственного деятеля, для такого «опекуна» или «старосты» государства.

[3] По достижении 18-летнего возраста афинянин признавался совершеннолетним, начинал пользоваться гражданскими правами, за исключением таких, для которых были ограничения по возрасту, обязан был исполнять повинности. Посещение Народного собрания немедленно по достижении совершеннолетия было дозволено законом, но не было в обычае и часто было невозможно вследствие того, что молодые люди с 18 до 20 лет несли военную службу на границах Аттики (см. примеч. 24 к III, 5). Наше место показывает, что если юноши моложе 20 лет являлись в Народное собрание и говорили к народу, то над ними смеялись и их стаскивали с ораторской кафедры. Не только посещение Народного собрания и активное участие в нем считалось неприличным для молодого человека, но даже прохождение через площадь (а для того, чтобы попасть на Пникс, место Народного собрания, надо было пройти через площадь). Поэтому в Аристофановых «Всадниках» (ст. 1373 и след.) Демос, превращенный волшебным образом в Демоса доброго старого времени, говорит, что ни одного безбородого не будет больше на площади и что он заставит всех таких прекратить составление псефизм и заниматься охотой. В «Облаках» (ст. 991) Правосуд обещает молодому человеку, что если он последует его советам, то будет ненавидеть площадь. Исократ (VII, 48) говорит, что в старое время молодые люди до такой степени избегали площади, что, даже если бывали вынуждены пройти через нее, делали это с большим стыдом и скромностью. Стаскивали с ораторской кафедры неугодных ораторов «скифы» или «стрелки», о которых не раз упоминает Аристофан. Это были государственные рабы, из которых составлена была городская полицейская стража. «Потом потащили его пританы и стрелки»,— говорит Колбасник, герой комедии «Всадники» (ст. 665): пританы отдали приказ, стрелки привели его в исполнение. В комедии «Женщины в Народном собрании» одна женщина рассказывает подругам, что делают мужчины в собраниях: «Они ругаются, словно пьяные, и того, кто дебоширит в пьяном виде, выносят стрелки» (ст. 143—4). В этой же комедии женщины производят репетицию того, как им вести себя в собрании; при этом Праксагора спрашивает подругу: «Вот еще остался не рассмотренным вопрос: если тебя потащут стрелки, что ты будешь делать?» (ст. 258). В Платоновом «Протагоре» (329 С) Сократ рассуждает о том, что в Народном собрании при рассмотрении какого-либо вопроса приглашают в советники специалистов, «но, если попробует давать совет кто-нибудь другой, кого афиняне не считают знатоком дела, они не принимают его мнения, а, напротив, смеются над ним и кричат до тех пор, пока пробовавший говорить или сам не отойдет вследствие их крпка, или пока стрелки не стащат или не выведут его по приказанию пританов».

[4] О *Хармиде* см. ниже, примеч. I к III, 7.

[5] Словом «варвары» греки называли всех негреков. Поэтому «у варваров» значит «за пределами эллинского мира».

[6] Аристотель в «Риторике» (I, 4, 8-1359 b) очень сходно с нашим разговором формулирует объем знаний будущего финансового советника. «Кому предстоит давать советы по части финансов, не-

обходимо будет знать все статьи государственных доходов — какие они и как велики, для того, чтобы, если какая из них забыта, прибавить ее, а если какая мала, увеличить ее; кроме того, необходимо знать и все статьи государственных расходов для того, чтобы, если какая из них лишняя, уничтожить ее, а если какая велика, сократить ее». Относительно общей суммы доходов, которые получало афинское государство, мы имеем несколько показаний, относящихся к V и IV векам до н. э. При начале Пелопоннесской войны (431 год) афиняне, по словам Ксенофонта («Анабасис», VII, 1, 27), получали ежегодно не менее 1000 талантов (около 1 455 710 серебряных рублей). Аристофан («Осы», с. 660) в 422 году определяет сумму годового дохода в 2000 талантов (около 2 911 420 серебряных рублей); такое значительное увеличение доходов объясняется тем, что в 425/4 году дань союзников была возвышена более чем вдвое. Во время финансовой деятельности оратора Ликурга (338—326 годы) ежегодный доход достигал средним числом 1575 талантов (около 2 292 700 серебряных рублей); при Димитрии Фалерском (317—307 годы) ежегодный бюджет доходил еще до 1200 талантов (около 1 746 852 серебряных рублей). При этом само собою разумеется, что в тяжелые военные времена суммы доходов значительно сокращались. Государственные доходы афинян могут быть разделены на 4 разряда: а) доходы с государственных имуществ и косвенные налоги; б) штрафы и конфискации имуществ; в) прямая подать и дань союзников; г) литургии (см. примеч. 5 к II, 7 и примеч. 3 к III, 4).

а) Доходы с государственных имуществ были обширны и разнообразны. Главною доходною статьею были Лаврийские рудники (см. примеч. 4 к II, 5). Косвенные налоги (пошлины) взимались со всех предметов ввоза и вывоза, обыкновенно в размере 2% стоимости товара. Взималась пошлина также за право торговли на рынке, за пользование гаванями, все равно, грузились ли товары или нет. Во избежание издержек и трудностей при взимании налогов и пошлин государство отдавало их, за исключением дани союзников, на откуп отдельным лицам или целым обществам откупщиков. б) Дальнейшим источником доходов были судебные и штрафные деньги. Штраф в 1000 драхм (около 242 серебряных рублей), который должен был платить обвинитель в судебном процессе, не получивший пятой части голосов, также вносился в государственную казну, равно как и суммы, которые должен был платить подсудимый в случае обвинительного приговора, и штрафы, налагаемые от имени Совета или отдельных должностных лиц. Конфискованное имущество шло также в пользу государства. в) Подушную подать платили только метеки. К прямым налогам на граждан афиняне прибегали только в крайних случаях: так, например, для покрытия военных расходов налагалась прямая подать на имущество граждан; впервые такая «эйсфора» была наложена в 428/7 году. Дань афинских союзников во время первого аттического союза (454—412 годы) составляла первоначально около 460 талантов (примерно 669 526 серебряных рублей), потом в 437/6 г. увеличилась до 600 талантов (около 873 426 серебряных рублей), а с 425/4 г. превышала 1200 талантов (около 1 746 852 серебряных рублей). Во время второго аттического союза (378—338 годы) платились взносы, о размерах которых мы не имеем достаточных сведений.

[7] Обыкновенные расходы в Афинах в мирное время заключались в уплате жалованья членам Совета, судьям и должностным лицам низшего разряда. Сюда нужно прибавить «феорик», расход, имевший целью дать бедным гражданам возможность посетить театр и вообще лучше справить праздник, расходы на общественные празднества и жертвоприношения, посольства, общественные постройки разного рода. Флот и армия тоже требовали больших расходов даже в мирное время, а во время войны расходы на эту статью увеличивались в огромных размерах. Три первые года Пелопоннесской войны стоили 7400 талантов (около 10 772 254 серебряных рублей). В бюджет входили также содержание сирот, раздача беднякам хлеба, денежные пособия инвалидам и сиротам и различные другие расходы.

[8] При начале Пелопоннесской войны (431 год) афиняне имели такое количество боевой силы, какого у них не было ни прежде, ни после, именно 19 000 гоплитов, из которых 13 000 были вполне годны для боевой службы в поле, и 1000 человек кавалерии. Флот в начале Пелопоннесской войны состоял из 300 вполне годных кораблей, а общее их количество доходило до 400. Во время похода в Сицилию (415 год) весь флот погиб; но афиняне скоро оправились от поражения, так что в сражении при Эгос-Потамосе (405 год) имели уже снова 180 судов.

[9] См. примеч. 25 к III, 5.

[10] О рудниках см. примеч. 4 к II, 5.

[11] *Аттика* — страна малоплодородная; по пространству она немного больше 40 квадратных миль; а между тем число жителей ее доходило в цветущее время до 500 000 человек, так что по густоте населения (более 1200 человек на 1 квадратную милю) она была похожа на теперешнюю Бельгию или Саксонию. Вследствие этого она не могла прокормиться своим хлебом и всегда нуждалась в хлебе привозном; хлеб привозился из разных мест, но главным образом из стран, прилегающих к Черному морю, особенно из Крыма. Еще во времена Солона собственного хлеба в Аттике едва хватало на прокормление земледельческого населения (Плутарх, «Биография Солона», гл. 22); впоследствии же, когда народонаселение значительно увеличилось, а крестьянское хозяйство неоднократно разорялось во время войн, особенно Пелопоннесской, страна производила средним числом немного более половины количества хлеба, потребного для народонаселения. Ежегодно ввозилось в Аттику до 800 000 медимнов (более 4 200 000 литров) хлеба на сумму до 140 талантов (около 203 800 серебряных рублей).

[12] То же сказано в «Домострое» (8, 22): «...во всем городе вещей в десять тысяч раз больше, чем у нас». Френкель (Fränkel) в примеч. 77 и 109 к книге Бёка «Die Staatshaushaltung der Athener», B. I, S. 82, 3 Aufl., ссылаясь на Ваксмута (Wachsmuth), «Stadt Athen», B. I, 564, указывает на то, что будто бы здесь разумеются не самые дома в смысле зданий, а хозяйства и что поэтому у нас нет сведений о числе домов в Афинах. Несмотря на авторитет Френкеля и Ваксмута, с этим мнением нельзя согласиться: в подлиннике поставлено слово oikia, которое означает «дом» именно в смысле здания, в отличие от oikos «хозяйство». Очень ясно видна синонимическая разница между этими словами в «Домострое» 1, 5, где хозяйство (oikos) определяется как (дом и) все, что человек имеет вне дома (oikia). Подробно об этом говорит

Шмидт (I. H. Schmidt) в своей «Synonymik der griechischen Sprache». B. II, S. 516.

[13] Разумеется Хармид, о котором см. примеч. 1 к III, 7.

[14] *Талант* — здесь мера веса, равная 26,2 килограмма. Как денежная мера — это вес серебра в 26,2 килограмма, по стоимости равный 1455 рублям 71 копейке.

Глава 7

Хармид — зять Аристона, Платонова отца, женатый на сестре Аристона, сын Главкона старшего, дядя (вернее, муж тетки) Платона и Главкона младшего. Его родственник и опекун, Критий, познакомил его с Сократом в 432 году. Он — одно из действующих лиц в Платоновом диалоге «Хармид» и в Ксенофонтовом «Пире»: см. введение к «Пиру».

[2] В Греции было четыре больших панэллинских праздника, на которых устраивались разного рода состязания,— гимнастические (например, бег взапуски, борьба, кулачный бой), конные, музыкальные, поэтические: Олимпийский праздник (в Олимпии), Пифийский (в Дельфах), Немейский (в Немее), Исфмийский (на Исфме, т. е. на Коринфском перешейке). Первоначально главной целью этих праздничных собраний было почитание того божества, которому была посвящена данная местность; но состязания постепенно стали считаться самой существенной частью празднества, так что благодаря им эти четыре праздника возвысились до значения общеэллинских. Множество народу съезжалось со всех концов Эллады не только из любопытства и жажды к зрелищам, но и по торговым делам. Победители на этих общеэллинских состязаниях получали венки; но были и состязания, на которых победителю выдавалась денежная награда; первая награда считалась выше. Победа на состязаниях ценилась чрезвычайно высоко и доставляла славу не только самому победителю, но и его родному городу. В день торжественной раздачи наград при вручении каждому победителю венка герольд провозглашал его имя и родину. Затем победители приносили жертвы богам; при этом хоры пели победные песни. Празднество заканчивалось торжественным пиром. При возвращении на родину победителя ожидали еще более блестящие почести. Его родственники, друзья и весь родной город считали себя прославленными пред лицом всей Эллады и выражали свою благодарность всевозможными средствами. Победитель въезжал в город в роскошной пурпуровой одежде, на колеснице, запряженной четверкой белых коней; родственники и друзья на конях и в экипажах сопровождали его; многочисленная толпа шла за ним; иногда для торжественного въезда его в город разбиралась часть городской стены, чтобы он въехал не как все, через обыкновенные ворота; по объяснению Плутарха («Застольные вопросы», II, 5, 2-с. 775, 25 издания Дидо), этот обычай имел тот смысл, что нет большой пользы от стен для города, который имеет мужей, могущих сражаться и побеждать. Шествие направлялось к храму городского божества, где победитель клал свой венок на алтарь как победный дар. Затем устраивался пир, во время которого, как и раньше при шествии, хоры пели гимны в честь победителя. Знаменитые поэты, как Пиндар, Симонид, Вакхилид, сочи-

няли такие гимны и прославили много победителей. Такие празднества иногда повторялись в течение нескольких лет в годовщину победы. Кроме того, благодарные общины чтили победителей и другими наградами, например денежными, почетным местом при всех празднествах и публичных зрелищах, пожизненным содержанием в пританее и статуями в общественных местах.

[3] *Кифара* — струнный инструмент, похожий на лиру, но более усовершенствованный; профессиональные музыканты предпочитали кифару.

[4] О ремесленниках см. примеч. 1 и гл. 4 «Домостроя». Как видно отсюда, Сократ был очень невысокого мнения о Народном собрании. По праву, все афинские граждане могли и должны были посещать Народное собрание; но в действительности туда ходил лишь небольшой процент граждан. Прежде всего, не могли посещать его афинские граждане, жившие за пределами Аттики, например на острове Лемносе. Но и среди тех, которые жили в Аттике, многим мешали приходить полевые работы, торговые дела. В самом городе даже люди богатые предпочитали оставаться дома; купцам также не было охоты бросать торговлю и заниматься политикой; во время войны масса граждан должна была идти в какой-нибудь дальний поход; наконец, были и такие, которых привлекала площадь с тенистыми платанами, красивыми зданиями, мастерскими цирульников и т. д. Ввиду всего этого можно предполагать, что как бы ни были важны обсуждаемые в Народном собрании вопросы, число голосующих никогда не превышало 5000 человек. А когда дела были пустые, то часто должно было случаться, что в собрании была какая-нибудь тысяча или две тысячи граждан, а иногда, может быть, даже и несколько сотен. Это и было причиной того, что за посещение собрания была назначена плата (около 395 года). Но плата эта была незначительна — 3 обола (около 12 копеек, впрочем, покупная сила 3 оболов была гораздо больше, чем наших 12 копеек).

Глава 8

[1] Об *Аристиппе* см. примеч. 1 к II, 1.

[2] Слово «прекрасный» есть буквальный перевод греческого kalós. Но греческое слово имеет значение более широкое, чем русское; оно может означать, что предмет «пригоден» для чего-нибудь, хотя бы он не был красив. На эту тему рассуждает Сократ в «Пире», гл. 5, где доказывает шутя красоту частей своего лица тем, что они целесообразны, пригодны для своего назначения (как известно, Сократ был по наружности безобразен).

[3] Так как в греческих домах отопления не было, то дом строили с таким расчетом, чтобы зимою солнце как можно более нагревало его; летом, наоборот, нужно было иметь как можно более прохлады. См. «Домострой», 9, 4 и примеч. 2 к этому месту.

[4] Здесь разумеются ленные украшения, как и в «Домострое», 9, 2. Потому ли, что они были крашеные, или по другим причинам для них, как и для картин, нужны были комнаты, недоступные для солнечных лучей. А такие комнаты зимой были холодны, и потому эти украшения больше отнимали удовольствий, чем доставляли.

[5] Обыкновенно храмы были окружены стеной или обсажены деревьями; Сократ же хочет, чтобы прохожие могли их видеть и помолиться.

[6] Где ходит много людей, там легко осквернпться и отвлечься от религиозного настроения, по мысли Сократа.

Глава 9

[1] Смысл: скифы и фракийцы, хотя и воинственные народы, все-таки не осмелились бы сражаться в непривычном для них вооружении, потому что они не учились так сражаться.

[2] В подлиннике поставлено слово sophrosyne, для которого не только в русском языке, но и в других новых языках нет соответствующего слова, обнимающего все его значение; поэтому приходится переводить его разными словами: «нравственность», «самообладание», «власть над собою», «благоразумие» и т. п. В общем, sophrosyne у Сократа означает добровольное самоограничение, при котором человек правильно сознает и избегает слишком многого и слишком малого — двух крайностей, между которыми находится добродетель.

[3] «Ни у кого нет времени» сказано в смысле «ни у кого не должно быть времени».

[4] О выборах по жребию см. примеч. 3 к I, 2.

[5] По мнению Сократа, власть должна принадлежать тем, кто умеет властвовать. Там, где знание само по себе не является властвующей силой, последняя должна по крайней мере соединяться со знанием, и тиранну, если он желает сохранить свою власть, в особенности нужно идти рука об руку с философом.

[6] Здесь непереводимая игра слов. В подлиннике поставлено слово eupraxia. Собеседник Сократа знает это слово только в его обыкновенном смысле, в каком оно употреблено в параграфе 8: «счастье», «счастливая жизнь» (в материальном отношении). А Сократ руководится этимологическим составом этого слова: во вторую часть его входит слово pratto — «делаю»; поэтому Сократ придает этому слову значение «хорошее деланпе», «хорошая деятельность». Ввиду двусмысленности этого термина я перевел его выражением «хорошая жизнь», которое может означать и счастливую в материальном отношении жизнь, и жизнь деятельную, полезную для общества.

Глава 10

[1] *Паррасий* — один из знаменитейших греческих живописцев, родом из Ефеса, современник Зевксида (см. примеч. 6 к I, 4). Он жил во время Пелопоннесской войны и, вероятно, некоторое время после нее. Он славился искусством придавать живость своим изображениям. Из картин его известны: «Безумие Одиссея», «Филоктет», «Прометей» и особенно изображение Демоса, в котором он выразил противоречивые свойства афинского народа. Известен рассказ о соперничестве его с Зевксидом (Плиний, «Естественная история», XXXV, 65): Зевксид нарисовал виноград так естественно, что птицы подлетали к нему, а Паррасий нарисовал полотно так, что Зевксид был введен в обман и требовал, чтобы Паррасий снял полотно и показал картину. Узнав свою ошибку,

Зевксид признал первенство за Паррасием, потому что он сам обманул птиц, а Паррасий — его, художника.

[2] О Клитоне ничего не известно из других источников.

[3] *Панкратиасты* — борцы в панкратии, сложном состязании, состоящем из борьбы с кулачным боем.

[4] О клятве Герой см. примеч. 1 к I, 5.

Глава 11

[1] *Феодота* — знаменитая гетера того времени, о которой афиней (XIII, 574 E) рассказывает, что она была возлюбленной Алкивиада и после убийства его в 404 году похоронила его.

[2] Такая приличная обстановка у гетеры была редкостью и потому обратила на себя внимание Сократа. Подробно о быте гетер изложено в сочинении Беккера (W. A. Becker) «Charikles», B. II, экскурс к второй сцене.

[3] Иностранцы, даже метеки, постоянно жившие в Афинах, кроме высшего разряда метеков, «исотелов» (каким был, например, оратор Лисий), не имели права владеть в Афинах недвижимой собственностью. Поэтому домами владели почти исключительно афинские граждане. А так как в Афинах было большое число иностранцев (одних метеков 45 000, не считая их рабов), то был спрос на квартиры. Ввиду этого некоторые граждане строили дома не только для себя, но и для отдачи внаймы жильцам; это было довольно выгодное предприятие: у оратора Исея (XI, 42) упоминается случай, где домовладение приносит 8 $^{1}/_{7}$% дохода в год. Доходность, конечно, колебалась в зависимости от количества населения: так, в «Воспоминаниях», II, 7, 2, Аристарх жалуется, что дохода от домов нет, потому что в городе мало народа по случаю анархии.

[4] Мастерские (можно сказать, фабрики) в Афинах обслуживались рабами. Хозяин или сам заведовал такой фабрикой, или отдавал своих рабов взаймы другому, или предоставлял рабам вести дело на собственный риск, платя ему известную сумму денег.

[5] Сократ уклонялся от общественной деятельности, как он сам говорит об этом в Платоновой «Апологии» (31 C, D, E): «внутренний голос (демоний) противится тому, чтобы я занимался государственными делами». Конечно, по законам афинским, он не мог уклоняться совершенно от государственной деятельности. В «Воспоминаниях», I, 1, 18, Ксенофонт рассказывает, что Сократ был членом Совета пятисот и даже эпистатом; вероятно, он посещал Народное собрание и не раз бывал членом суда присяжных. Слова, «что он не занимался общественными делами», надо понимать в том смысле, что он не стремился занимать какую-либо ответственную государственную должность, как он говорит это в Платоновой «Апологии» (32 A).

[6] Так Сократ называет в шутку своих учеников.

[7] О любовных зельях и заговорах (напевах) говорится также в II, 6, 10.

[8] Об *Аполлодоре* см. примеч. 14 к «Защите».

[9] Об *Антисфене* см. II, 5, 1 и введение к «Пиру».

[10] *Кебет* и *Симмий*, оба фиванцы, упомянуты также в I, 2, 48, как достойные ученики Сократа; с именем Кебета дошло до нас небольшое философское сочинение под заглавием «Картина», алле-

горически изображающее человеческую жизнь; однако новая критика доказала, что оно не принадлежит Кебету, ученику Сократа.

[11] В подлиннике поставлено слово iygx, которым означается вертишейка, из отряда лазающих птиц, с длинной шеей, маленькой головой. Она питается насекомыми, главным образом муравьями; для этого она высовывает свой тонкий, очень длинный язык, к которому насекомые и прилипают. В возбужденном состоянии и при защите, например, в руках человека, она вертит головой и шеей, распускает хвост, вращает глазами, ерошит на голове перья. Находясь в клетке, она при приближении человека старается его напугать — бросается вперед, вытянув шею и голову, распустив крылья и т. п. Древние в таком странном ее поведении видели волшебную силу, способную возбуждать любовь, вследствие чего и пользовались ею для привораживания. Ее привязывали к колесу, вертели колесо с припевом волшебных формул, думая этими манипуляциями возбудить любовь в намеченном человеке. Эта процедура очень картинно описана Феокритом в его второй идиллии «Колдунья». Затем это слово стало означать и самое колесо, к которому привязывали птичку.

Глава 12

[1] *Эпиген* упоминается также в Платоновой «Апологии» (33 Е) и в «Федоне» (59 В); более о нем ничего не известно.

[2] *Олимпия* — небольшая равнина в Элиде, области на западе Пелопоннеса, знаменитая тем, что здесь происходили Олимпийские игры (см. примеч. 2 к III, 7). На этой равнине была священная роща Зевса; в ней и в соседней с нею местности было много храмов, статуй и общественных зданий; все это и носило название Олимпии (города тут не было). Среди многочисленных храмов в этой роще самым знаменитым был храм Зевса Олимпийского, в котором стояла колоссальная статуя Зевса работы Фидия. Статуя была сделана из слоновой кости и золота; бог был изображен сидящим на троне из кедрового дерева, украшенном золотом, слоновой костью, черным деревом и драгоценными камнями. Олимпийские игры справлялись с незапамятных времен через каждые 4 года. Этот четырехлетний промежуток назывался олимпиадой; по олимпиадам греки вели счет времени начиная с 776 года до н. э.

[3] Взятие в плен было одним из источников рабства. Рабами становились не только пленные варвары, но во многих войнах между греческими государствами сами греки попадали в рабство к своим же соотечественникам. Так, например, после поражения афинян в Сицилии в 413 году пленные были проданы в рабство. Даже во время гражданских войн на острове Керкире каждая партия в период своего торжества осуждала другую на смерть или рабство. Пленного можно было выкупить из рабства; выкупная цена соответствовала цене обыкновенного раба; несколько раз в источниках упоминаются цены в 2, 3, 5 мин (мина — около 24 рублей 50 копеек). Но часто владелец пленного принимал в расчет его высокое положение или богатство и назначал большую выкупную цену: так, Платон (философ) был выкуплен за 20 или 30 мин. Филипп, царь македонский, в письме к афинянам жалуется, что афинский полководец Диопиф, обратив в рабство пленных жителей двух фракийских областей, потом арестовал

и македонского посла Амфилоха, пришедшего для переговоров о выкупе пленных и освободил его лишь за выкуп в 9 талантов (более 13 000 серебряных рублей).

[4] О недостаточной подготовленности афинского командного состава см. примеч. 20 к III, 5.

Глава 13

[1] *Акумен* — знаменитый афинский врач того времени, упоминаемый также Платоном.

[2] *Асклепий* (иначе Эскулап) — бог врачебного искусства, считавшийся сыном Аполлона. У Гомера он еще не божество, а просто «безупречный врач». Он был воспитан кентавром Хироном, который научил его врачебному искусству. Он не только лечил болезни, но даже воскрешал мертвых. Зевс, опасаясь, что люди могут совсем избежать смерти, убил его своей молнией; по просьбе Аполлона Зевс поместил его в число звезд. Главным местом культа Асклепия был Эпидавр, но и в Афинах был его храм, который и имеется в виду Сократом.

[3] *Амфиарай* — мифический пророк и герой аргосский, участвовавший в походе Семи против Фив, хотя он предвидел его несчастливый исход. Во время войны против Фив Амфиарай сражался храбро, но не мог избежать своей судьбы. Когда его преследовали враги, он бежал к реке Исмению, и земля разверзлась и поглотила его вместе с колесницей. Он сделался бессмертным и был почитаем как герой. Его храм и оракул находились в Беотии на том месте, где его поглотила земля. У храма был целебный источник, считавшийся святым.

[4] Об *Олимпии* см. примеч. 2 к III, 12.

[5] По афинскому обычаю люди сколько-нибудь состоятельные выходили на улицу, и тем более в какое-нибудь путешествие, в сопровождении слуги или даже нескольких слуг. Выше, в I, 7, 2, сказано, что хорошие флейтисты ходят в сопровождении массы слуг. В Лисиевой речи XXXII мать упрекает своего отца и опекуна ее детей, что он решился выгнать своих внуков из их собственного дома без слуги.

[6] *Постель* — непременная принадлежность путешествия, и несет ее всегда, конечно, слуга. У Аристофана несколько раз это упоминается, например в «Лягушках», ст. 525: «Не разговаривай, Ксанфий, а поднимай да неси опять постель».

[7] По мнению Сократа, свободный гражданин должен быть сильнее раба, потому что рабам не дозволялось заниматься гимнастическими упражнениями в палестре.

Глава 14

[1] Здесь идет речь об обедах в складчину, пикниках. Такие обеды были в большом употреблении; при этом каждый из участников или давал деньги тому, кто должен был устроить такой обед, или же приносил сам кушанья. Здесь имеется в виду второй вид пикника.

[2] Словами «закуски» и «мясо» я перевожу слово opson, которым обозначаются все кушанья, кроме хлеба: мясо, рыба, сыр, овощи.

[3] Атлеты, чтобы быть сильными, но не толстеть, употребляли особенную диету, в которой большую роль играло мясо.

[4] Сократ правильно (и с теперешней лингвистической точки зрения) видит в первом слоге этого слова наречие eu — «хорошо», но придает ему нравственный смысл: «хорошо есть» — умеренно, без вреда для тела и души.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

[1] Подобную мысль — о важности шутливых разговоров — высказывает Ксенофонт и в начале «Пира».

[2] О том, что домашнее хозяйство, как и управление государством, входило в программу философского образования и преподавания, см. введение к «Домострою». То же сказано и ниже, в IV, 2, 11.

[3] Философия Сократа носит вообще практический характер.

Глава 2

[1] Об *Евфидеме* см. примеч. 9 к I, 2. Его прозвище «Красавец» — в подлиннике Kalos — комментаторы и лексикографы по большей части понимают не в буквальном смысле, а в смысле вежливого эпитета, вроде нашего «дорогой», «милейший»; но это едва ли верно: Евфидем слишком молод, чтобы прилагать к нему почетный титул; к тому же то, что сказано в 1, 2, 29 об отношениях Крития к нему, скорее дает право понимать это слово в его буквальном значении «красивый».

[2] Как видно из этой фразы, в то время в Афинах уже были частные библиотеки; есть такое же известие об Еврипиде и Евклиде (афинском архонте). Но, по словам Страбона (XIII, 1), Аристотель первый «собрал книги и научил египетских царей составлению библиотеки». Вероятно, Страбон имел в виду какое-нибудь систематическое или обширное собрание книг.

[3] О возрасте для оратора в Народном собрании см. примеч. 3 к III, 6.

[4] Если народ в собрании высказывался в пользу обсуждения какого-нибудь дела, как это обыкновенно бывало при рассмотрении более важных дел, то председатель собрания обращался через глашатая к собранию с вопросом, кто желает говорить. В более древнюю пору был обычай вызывать на кафедру сперва людей старше 50 лет, а потом по порядку более молодых. Но этот обычай рано вышел из употребления.

[5] В большинстве греческих городов имелись особые общественные врачи, которые выбирались в Народном собрании. Такой врач, вероятно, заведовал лечебницей, которую предоставлял в его распоряжение город, снабжая ее лекарствами, медицинскими и хирургическими инструментами, постелями и проч. Он получал вознаграждение от государства и лечил бесплатно больных, приходивших к нему за советом; в его распоряжении был целый штат рабов, содержавшихся на счет государства. Одна афинская надпись III века до н.э. показывает, что в Афинах число общественных врачей было очень значительно. Они составляли особую кор-

порацию, связанную общими интересами и имевшую, без сомнения, свою кассу. Наряду с общественными врачами были и частные врачи, о которых Ксенофонт говорит («Домострой», 13, 2), что они посещают больных утром и вечером. У них были на дому лечебницы, куда помещали больных, как это в комической форме описано в комедии Плавта «Близнецы» (по греческому образцу), акт V, сцены 3—5 (с. 139—143 перевода А. В. Артюшкова): тут лекарь собирается держать мнимого больного в своей лечебнице «примерно двадцать дней». Определенной платы за лечение вообще не было, так что приходилось наперед уславливаться относительно ее размера, а иногда и уплачивать ее. Некоторые врачи поручали лечение бедных людей и рабов своим ученикам из рабов.

[6] *Феодор* — геометр, родом из Кирены, действующее лицо в Платоновых диалогах: «Феэтете», «Политике» и «Софисте».

[7] Такой же отзыв о рапсодах дает Никерат в «Пире» (3, 6): «Знаешь ли ты какой-нибудь род людской глупее рапсодов?». См. о них примеч. 2 к гл. 3 «Пира».

[8] См. примеч. 2 к IV, I.

[9] *Дельта* и *альфа* — начальные буквы слов dikaios — «справедливый» и adikos — «несправедливый».

[10] О похищении людей см. примеч. 2 к I, 2.

[11] Об этом принципе древней этики см. II, 6, 35 и примеч. 5 к II, 4.

[12] Если «знающий справедливое справедливее не знающего», то добровольный лжец и обманщик справедливее недобровольного. Такая теория противоречит учению Сократа, высказанному в III, 9, 4 и в IV, 6, 6: «Думаешь ли ты, что кто-нибудь, зная, что должно делать, думает, что должно не делать этого?». Следовательно, по учению Сократа, поступать несправедливо может только не знающий, что справедливо, а потому добровольным лжецом и обманщиком может быть только не знающий, что справедливо. А в таком случае добровольный лжец и обманщик не отличается от недобровольного: оба они не мудры по III, 9, 4. Вероятно, Сократ здесь намеренно употребляет этот софистический прием, чтобы сбить с толку много думающего о себе Евфидема. Ниже, в параграфе 40, Ксенофонт говорит: «...когда Сократ убедился в таком его (Евфидема) настроении, он уже перестал смущать его разными вопросами».

[13] Как сказано дальше, рабские натуры — это те люди, которые не знают «прекрасного, доброго, справедливого». Уже Гомер говорит («Одиссея», XVII, 322): «Половину добродетели отнимает широко гремящий Зевс у человека, когда его настигнет день рабства». Феогнид (см. примеч. 7 к I, 2) высказывает мнение, что «никогда рабская голова не бывает прямою (правдивою), но всегда крива и имеет повороченную шею (лжива)» и что никогда от рабыни не родится дитя с образом мыслей свободного (ст. 535—538). Поэтому Аристотель («Политика», I, 13, 2-1259 b 22 и след.) рассматривает вопрос: «Да мыслима ли у раба вообще какая-либо добродетель, помимо его пригодности быть орудием для работ и службы? Обладает ли раб другими, более высокими добродетелями, как, например, самообладанием, храбростью, справедливостью и тому подобными свойствами, или у раба никаких иных качеств, помимо физических, нет?». Поэтому, между прочим, на суде рабов

допрашивали под пыткой; без этого показанию раба веры не давали. Правда, в некоторых местах Софокла и Еврипида (во фрагментах, собранных Стобеем в главе 62: 1, 2, 26, 33, 38, 39) высказывается мысль, что раб может иметь свободный ум и быть столь же добродетельным и даже более добродетельным, чем свободный; но эти места доказывают только то, что мнение, с которым эти авторы полемизируют, было господствующим. Как видно, и Сократ держался этого взгляда. Ср. о рабах «Домострой», 13, 9.

[14] Сократ разумеет, конечно, рабство духовное, а не юридическое.

[15] Так как, по учению Сократа, добродетель есть знание, то нравственное совершенство невозможно без познания своих способностей и сил. В передней части Дельфийского храма на стене находились написанные золотыми буквами изречения «Семи мудрецов»; одним из них было «познай самого себя», которое приписывалось спартанцу Хилону.

[16] *Дедал* — знаменитый художник мифического времени. Он, по сказанию, был правнуком царя Эрехфея (см. примеч. 5 к III, 5) и из своей родины Аттики бежал на остров Крит вследствие убийства своего племянника Тала, которое он совершил из зависти к нему как художнику. На Крите он выстроил царю Миносу (см. примеч. 7 к III, 5) лабиринт, здание со многими запутанными ходами, для жилища чудовищу Минотавру и создал еще много удивительных произведений искусства. Но после того, как он оказал услугу жене Миноса, Пасифае, в одном любовном деле, Минос запер его в лабиринт вместе с его сыном Икаром. Оттуда он был освобожден Пасифаей и бежал с помощью искусственных крыльев, которые сделал для себя и для сына. Икар при полете упал в море и утонул, а Дедал прилетел в Сицилию, где нашел приют у царя Кокала. Когда Минос явился с флотом в Сицилию и потребовал его выдачи, то не только получил отказ, но даже, по настоянию дочери Кокала, был убит. На основании раскопок, произведенных в начале XX столетия англичанином Артуром Эвансом на острове Крит, можно думать, что сказание о доисторическом царе Крита Миносе и его политическом могуществе вовсе не является вымыслом позднейших историков. Добытые из недр земли остатки прошлого показывают, что здесь на Крите когда-то давно развивалась широкая политическая жизнь. Можно предполагать, что здесь не только существовало царство Миноса, но что целая миносская династия создавала могущество острова. Личность Миноса, разукрашенная в сказаниях позднейших историков баснословными чертами, при свете новых археологических открытий приобретает вполне реальные черты. Несомненно, что столицей царя Миноса был город Кносс. Огромные, несколько раз перестраивавшиеся дворцы (они-то и разумеются в сказании о лабиринте) ясно свидетельствуют о том, что представители царской власти располагали достаточными средствами. Можно думать, что Крит был сильным морским государством и что основой его морского могущества был огромный флот. Позднейшие греческие историки единогласно указывают на то, что Минос был владыкой Эгейского моря, что его власть распространялась на соседние острова, что он основывал колонии, уничтожал морские разбои и т. п. Новейшие исследователи вопроса, описывая дворцы Кноса, обратили внимание на ту особенность их, что здесь, в про-

тивоположность дворцам континентальной Греции, совершенно отсутствуют укрепления. Это обстоятельство станет вполне понятным, если иметь в виду, что Крит был могущественной морской державой; при сильном флоте об укреплениях на суше не приходилось заботиться.

[17] *Паламед* — один из участников Троянской войны. Перед началом этой войны Одиссей, не желая участвовать в походе, притворился сумасшедшим, но Паламед открыл его обман. За это Одиссей отомстил ему во время войны. Он, вместе с Диомедом[1] и Агамемноном, подкупил слугу Паламеда, чтобы он спрятал под постелью своего господина письмо, написанное к нему от имени Приама. После этого они обвинили Паламеда в измене; при обыске в его палатке письмо было найдено, и Паламед за это был побит камнями. По другому сказанию, Одиссей и Диомед утопили его, когда он ловил рыбу, или уговорили его спуститься в колодезь, в котором будто бы находился клад, и засыпали его камнями. Он считался мудрым и будто бы изобрел маяк, меры и весы, буквы, игру в кости и в шашки.

[18] О слове «тиранн» см. ниже, IV, 6, 12 и примеч. 14 к I, 2.

Глава 3

[1] Евфидем имеет в виду Сократов демоний, как и Аристодем в I, 4, 15. См. примеч. 2 к I, 1.

[2] Общение с богами посредством служения им казалось счастьем религиозному афинянину. У Пиндара (фрагмент 95) сказано, что по смерти добродетельные люди постоянно занимаются воскурением фимиама на алтарях богов. В Платоновом «Федоне» Сократ так описывает блаженную жизнь людей по смерти (111 В): «У них есть священные рощи и храмы богов, в которых на самом деле живут боги, так что люди получают от них ответы и откровения, видят их чувственным образом и имеют подобное общение с ними». У Еврипида в «Ипполите» (ст. 86) Ипполит считает высокой честью для себя, что он, один из смертных, находится в общении с Артемидой, разговаривает с ней, слышит ее голос, хотя и не видит ее очей. Надо думать, что одной из причин недостатка веры в богов у Евфидема была та, что он не может их видеть, и Сократ дает ему наставление по этому поводу. Аристодем (I, 4, 9) также основывает свой скептицизм на том, что он не видит хозяев вселенной.

[3] Та же мысль в I, 3, 3, где цитируется стих Гесиода на эту тему.

Глава 4

[1] О председательстве Сократа см. I, 1, 18 и примеч. 15 и 16 к I, 1. Здесь поставлено множественное число «в Народных собраниях», может быть, потому, что при суде над полководцами, победителями при Аргинусских островах, было по крайней мере два собрания, как видно из слов самого Ксенофонта («История Греции», I, 7). Однако два раза быть председателем едва ли было возможно; здесь всего скорее надо предположить ошибку в рукописях и поставить единственное число вместо множественного.

[2] О запрещении Сократу бесед с молодежью см. I, 2, 35.

[3] Здесь разумеется случай, о котором рассказывает Ксенофонт в «Истории Греции» (II, 3, 39) и Платон в «Апологии Сократа» (32 С). Сократ вместе с четырьмя другими гражданами получил приказ от Тридцати тиранов привезти с острова Саламин Леонта, богатого, именитого гражданина, бывшего стратегом в 407/6 году, который намеренно уехал на Саламин, чтобы избежать казни, так как видел, что тираны желают овладеть его богатством. Подобные поручения эти узурпаторы давали многим лицам с тем расчетом, чтобы как можно большее число граждан было соучастниками их преступлений.

[4] Такие приемы со стороны подсудимых возбудить сострадание судей к себе были нередки. Только в суде Ареопага закон воспрещал воздействовать на судей просьбами или слезами; по отношению к суду присяжных (Гелизе), где судили Сократа, такого воспрещения не было; но, вероятно, Сократ видел в этом уловку, противную духу законов.

[5] *Гиппий*, родом из Элиды,— знаменитый софист того времени, ездивший по разным городам Эллады, по обычаю других софистов, чтобы преподаванием и публичными лекциями приобретать деньги и славу. Он является действующим лицом в трех Платоновых диалогах — «Протагор», «Гиппий Большой», «Гиппий Малый» — как человек ученый, но пустой, хвастливый, много о себе думающий. В нашем месте он выставлен в лучшем свете, чем у Платона. Как видно отсюда, он и раньше уже приезжал в Афины.

[6] *Ликург* — древний законодатель спартанский, давший Спарте прочное государственное устройство, которое долгое время было для нее источником силы и могущества. Но относительно личности и времени жизни Ликурга у авторов замечается большое разногласие, так что самое существование такого законодателя нельзя считать достоверным историческим фактом. Плутарх начинает свою биографию Ликурга следующими словами: «О законодателе Ликурге решительно ничего нельзя сказать вполне достоверного: об его происхождении, путешествиях, кончине, а в особенности о законодательной и политической деятельности его ходят различные сказания; менее же всего согласны показания о времени, в которое он жил». Обыкновенно время жизни Ликурга относят к IX веку, именно ко времени около 884 или 828 года. По законам, приписываемым Ликургу, граждане спартанские, будучи освобождены от забот о материальной жизни, должны были всецело посвящать себя на служение отечеству. В них развивалась в высокой степени воинская доблесть, благодаря которой они покорили своей власти всю Лаконику, затем завоевали Мессению. Утвердив свое владычество в Пелопоннесе, Спарта в половине VI века стала во главе союза дорических государств, основанного в целях внешней защиты. Во время греко-персидских войн Спарта имела гегемонию (предводительство) не только над сухопутными, но и над морскими силами всей Эллады. Но вскоре высокомерие и притеснения Спарты возбудили неудовольствие союзников, и гегемония на море перешла к Афинам. Спарта стала относиться с завистью к возрастанию афинского могущества. В 431 году между Афинами и Спартой произошел явный разрыв, и началась жестокая 27-летняя борьба за преобладание в Элладе (Пелопоннесская война, 431—404 годы). Она окончилась полным разгро-

мом Афин и торжеством Спарты; однако торжество это было непродолжительно, и с этих именно пор Спарта начинает заметно клониться к падению. О повиновении законам в Спарте Ксенофонт подробно рассказывает в своем трактате «Спартанское государственное устройство», гл. 8: «Все мы знаем, что в Спарте полное послушание властям и законам. Но я думаю, что Ликург даже не попытался бы установить эту дисциплину, если бы предварительно не склонил к своему мнению высший слой населения государства. Доказательством этого для меня служит следующее соображение. В других государствах люди могущественные не желают даже, чтобы думали о них, будто они боятся властей, но считают это недостойным свободного человека. А в Спарте высшие люди более других держат себя подобострастно перед властями и гордятся своим унижением перед ними: когда их зовут, они, исполняя это приказание, бегом бегут, а не шагом идут, имея в виду, что если они сами будут подавать пример полного повиновения, то и другие последуют за ними. Так и случилось... Послушание они признали величайшим благом в государстве, в войске, в доме: чем более силы имеет власть, тем более страха она будет внушать гражданам для послушания, думали они».

Глава 5

[1] Человек разумный, разделяя предметы по родам, может таким методом отличить добро от зла и через это выбрать добро и быть нравственным, счастливым и способным к диалектике.

[2] Слово «диалектика» буквально означает «искусство разбирать».

Глава 6

[1] По поводу выражения «большое дело» см. введение к «Воспоминаниям».

[2] Т. е. «иначе, чем благо». О слове «прекрасный» см. примеч. 2 к III, 8.

[3] Сократ дает определение монархии, совершенно несогласное с обычным. По-видимому, он понимает под этим термином такое положение свободного государства (республики), при котором граждане добровольно подчиняются авторитету одного человека,— как, например, было в Афинах во времена Перикла, когда, по выражению Фукидида (II, 65, 9), «по имени это была демократия, на деле власть принадлежала первому гражданину».

[4] О тирании см. примеч. 14 к I, 2.

[5] *Плутократия* — слово, составленное из частей греческих слов ploutos — «богатство» и kratos — «сила», буквально значит «власть богатства».

[6] Здесь переход от общей мысли («по поводу чего-нибудь») к частной — к вопросу об отдельном гражданине. Мы должны для указания на это прибавить слово «например».

[7] Сократ имеет в виду место из «Одиссеи», VIII, 171: «Одиссей говорил уверенно».

Глава 7

[1] Ксенофонт обобщает здесь то, что сказал в IV, 2, 40 по поводу бесед Сократа с Евфидемом.

[2] Об отношении древних вообще и Сократа в частности к геометрии, астрономии и другим физическим наукам см. «Воспоминания», IV, 7, 2 и след.

[3] По учению древних, «одни небесные тела, неподвижные, вращаются вместе со всем небом, другие, блуждающие, движутся, но собственным движением» (Диоген Лаэртский, VII, 144).

[4] Блуждающие звезды — кометы.

[5] *Анаксагор* — родом из Клазомен (500—427 годы до н. э.), друг Перикла, изгнанный из Афин за безбожие. До нас дошли лишь отрывки из его сочинений.

Глава 8

[1] Об отношении этой главы к «Защите» см. Введение к «Защите».

[2] О божественном голосе Сократа см. примеч. 2 к I, 1.

[3] Сократу было уже более 70 лет во время судебного процесса.

[4] О *Делосском празднике* (Делии) см. примеч. 5 к III, 3. Здесь разумеются не главные Делии, справлявшиеся один раз в 4 года, а менее торжественные, справлявшиеся ежегодно.

[5] О *Гермогене* см. введение к «Пиру» и примеч. 1 к «Защите».

ЗАЩИТА СОКРАТА НА СУДЕ

Заглавие «Защита (или «Защитительная речь») Сократа на суде» (по-гречески «Апология») не соответствует содержанию этого сочинения, так как речь Сократа составляет лишь среднюю часть его: перед речью находится разговор Сократа с Гермогеном, после речи — описание действий и слов Сократа по окончании суда; при том речь не является даже главной частью сочинения, так как автор в самом начале заявляет, что цель его выяснить причину горделивого тона речи Сократа на суде: таким тоном, по мнению автора, он желал побудить судей вынести ему смертный приговор, так как считал смерть благом для себя. Поэтому речь приводится автором только как иллюстрация этого горделивого тона.

Что речь, по мысли автора, не имеет в его сочинении доминирующего значения, видно уже из его собственного заявления, что он приводит ее не целиком, а только выдержки из нее, доказывающие невиновность Сократа перед богами и людьми.

Это сочинение цитируется несколько раз древними авторами (Афинеем, Диогеном Лаэртским, Стобеем как Ксенофонтово; в новые времена также не было сомнений в принадлежности его Ксенофонту; только в конце XVIII века знаменитый голландский филолог Валькенар (Valckenaer) высказал мнение (впрочем, без всяких доказательств), что «Апология» совершенно недостойна гения Ксенофонта. Эта вскользь брошенная фраза вызвала целую литературу: одни филологи доказывали принадлежность «Апологии» Ксенофонту, другие приводили доводы против этого.

Так как в «Апологии» очень много общего (иногда почти буквально повторяемого) с последней главой «Воспоминаний о Сокра-

те» и с другими местами их, то представители направления *, отрицательно решающего вопрос об авторстве Ксенофонта, делают такое предположение об авторе «Апологии» и процессе возникновения ее: какой-то софист или грамматик, живший в период между Дионисием Галикарнасским и Афинеем, т. е. в I или II столетии н. э., сделал извлечения из «Воспоминаний о Сократе», главным образом из последней части их, ради упражнения или забавы,— извлечения, которые он считал пригодными для объяснения горделивого тона речи Сократа. Делая эти извлечения, он переписывал почти буквально те места из «Воспоминаний», где об этом говорилось достаточно кратко; в других случаях он сокращал оригинал. Однако он не мог удержаться от вставки материала, имеющего отношение к его теме, известного ему из других источников. По неразумию, свойственному софистам I века н. э., он прибавлял также анекдоты и рассказы, не имеющие связи с темой, которые казались ему интересными. Главные основания для такого мнения следующие: 1) сходство, иногда почти буквальное, многих мест Ксенофонтовой «Апологии» с соответствующими местами «Воспоминаний» и Платоновой «Апологией» Сократа; 2) противоречие свидетельства Ксенофонтовой «Апологии» в некоторых случаях свидетельствам Платоновой «Апологии»; 3) употребление в Ксенофонтовой «Апологии» некоторых слов и оборотов, не встречающихся в других сочинениях Ксенофонта.

Все эти возражения едва ли имеют большое значение.

Что касается возражения Валькенара (что «Апология» недостойна гения Ксенофонта), то оно слишком субъективно. Ему можно противопоставить отзывы других, тоже знаменитых филологов, и тоже голландских,— Хемстерхейза (Hemsterhusius) и Кобета, из которых первый назвал «Апологию» «изящнейшей защитой», а второй «приятнейшим сочинением». Но, даже если считать ее очень плохим сочинением, то и это не свидетельствует против признания автором ее Ксенофонта: у Ксенофонта, как и у всякого писателя, могли быть и слабые сочинения, черновые наброски, недостаточно отделанные этюды и т. д. К тому же, как выражается Гомперц («Греческие мыслители», т. II, с. 93), «прежние столетия чтили его (Ксенофонта) не в меру, а современность склонна относиться к нему с незаслуженной суровостью», и сам Гомперц (там же, с. 94) находит у Ксенофонта (столь же незаслуженно) «скудость ума»: если Ксенофонт не был гением, то нечего удивляться, если его «Апология» — не гениальное произведение.

Рассмотрим теперь детальные возражения отрицательной критики.

1) Сходство мест «Апологии» и «Воспоминаний» не может свидетельствовать против авторства Ксенофонта, потому что Ксенофонт сам мог делать заимствования из своих сочинений, перенося отдельные места из «Воспоминаний» в «Апологию» (если «Воспоминания» написаны раньше) или, наоборот, из «Апологии» в «Воспоминания» (если «Апология» написана раньше). Сходство с Пла-

* Я имею в виду главным образом двух представителей этого направления: Шмитца (Schmitz), статья которого приведена в оксфордском издании (Воспоминаний о Сократе» Диндорфа (с. XVI и след.), Гуга (Hug) в книге Кёхли (Koechly) (Academische Vorträge und Reden), S. 430 u. ff.

тоновой «Апологией» также не свидетельствует против авторства Ксенофонта, потому что Ксенофонт мог заимствовать у Платона (если Платонова «Апология» написана раньше) или, что еще проще, оба они взяли эти общие места из подлинной речи Сократа на суде.

2) Разногласие в некоторых пунктах, касающихся речи Сократа на суде, между Ксенофонтовой и Платоновой «Апологией» также не может служить доказательством против авторства Ксенофонта. Возможны такие, например, объяснения этих разногласий. Ксенофонт не присутствовал на процессе Сократа: он находился в это время в Азии (см. общее введение — «Ксенофонт, его жизнь и сочинения»); вероятно, и после ему не пришлось вернуться на родину (см. там же); поэтому он мог знать о речи Сократа только в передаче других (может быть, даже одного Гермогена, на которого он ссылается в «Апологии»), а потому легко мог изложить ее неточно. Но возможно, что, наоборот, Ксенофонтова версия в этих пунктах вернее, чем Платонова, так как Платонова «Апология» «не есть стенографический протокол судебного заседания, и она не есть точная запись защитительной речи Сократа» (С. Н. Трубецкой, «Рассуждение об «Апологии Сократа» в книге «Творения Платонова», т. II, с. 329) *.

3) Что язык «Апологии» Ксенофонта не отличается существенно от языка других его сочинений, это допускает и отрицательная критика, приписывая этот факт сознательному подражанию со стороны предполагаемого компилятора (Шмитц в предисловии Диндорфа к оксфордскому изданию «Воспоминаний», с. XVII). «Подлинность Ксенофонтовой „Апологии" доказывается прежде всего тщательным анализом ее языка: это несомненный подлинный язык Ксенофонта, с его излюбленными выражениями, его особенными отступлениями от чисто аттической речи, которые еще в древности объяснялись странствованиями и лагерной жизнью автора» (С. Н. Трубецкой в приведенной выше статье, с. 334). «Если бы „Апология" дошла до нас без имени автора, то на основании языка едва ли было бы можно приписать ее кому-нибудь другому, как не тому писателю, имя которого она теперь носит в предании. Эти признаки языка так случайны, так мало бросаются в глаза, что о сознательном подражании не может быть и речи» **.

---

* Также смотрит на Платонову «Апологию» Гомперц («Греческие мыслители», т. II, с. 74, 80, 81 и др.). Он вполне правильно указывает на сходство Платона в этом отношении с древними историками: «Ни один древний писатель не боялся изменять речи своих героев, прикрашивать их, приближать к тому, что ему казалось совершенством» (с. 80). Гомперц приводит несколько несомненных случаев, где Платон в «Апологии» отступает от истины. С такой характеристикой Платоновой «Апологии» согласен и проф. С. А. Жебелев (в книге «Сократ», с. 150): «Истина и вымысел в ней тесно переплетаются, и вряд ли когда-либо удастся отделить одно от другого». Также Дёринг (Döring) отрицает историчность Платоновой «Апологии» (в книге «Die Lehre des Sokrates als sociales Reformsystem», S. 544 u. ff.).

** Имиш (O. Immisch) в «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», 1900. S. 415.

Таким образом, нельзя согласиться с Диндорфом, который находил, что только сумасшедший может защищать «Апологию» (Предисловие к оксфордскому изданию «Воспоминаний», с. XXV). «В наши дни, когда сверхкритика поколебала авторитет показаний Платона, оценка маленькой „Апологии" Ксенофонта значительно повысилась: нашлись даже ценители, которые, отвергнув историческую ценность большой „Апологии", признали маленькую за подлинное историческое свидетельство о речи Сократа... Другие, наоборот, и притом столь авторитетные судьи, как Целлер или Виламовиц-Меллендорф, считают Ксенофонтову „Апологию" безусловно неподлинной и не имеющей никакой цены. По-видимому, однако, и то и другое мнения — крайности: „Апология" Ксенофонта несомненно уступает „Апологии" Платона во всех отношениях, и тем не менее она является и подлинной и ценной, поскольку она сохраняет отдельные исторические черты, опущенные этой последней, и дает нам важные указания для ее оценки и понимания» (Трубецкой, там же, с. 334). С этим согласен и проф. С. А. Жебелев: «Как литературное произведение „Апология" Ксенофонта не может, конечно, выдержать никакого сравнения с „Апологией" Платона. Некоторые очень видные ученые считали и считают „Апологию" Ксенофонта даже неподлинной и потому не имеющей никакой цены в ряду источников о процессе Сократа. Это — крайность: „Апология" Ксенофонта — подлинное произведение и имеет свое значение, так как в ней сохранились некоторые детали, опущенные Платоном» (там же, с. 151). Гомперц также признает Ксенофонта автором «Апологии» (там же, с. 192).

Вопрос о подлинности «Апологии» часто трактуется в связи с вопросом о подлинности последней главы «Воспоминаний», с которой «Апология» имеет очень много общего (см. выше). Критика перепробовала все возможные комбинации, касающиеся отношения между этими рассказами о последних днях Сократа. Одни считают главу «Воспоминаний» подлинной, «Апологию» подложной; другие, наоборот, утверждают, что «Апология» — подлинное сочинение Ксенофонта, а глава «Воспоминаний» — позднейшая вставка; третьи признают и «Апологию» и главу «Воспоминаний» неподлинными. Уже такая диаметральная противоположность в оценке обоих этих сочинений указывает на шаткость мотивов оценки. Поэтому, кажется, всего вернее возвратиться к традиционному взгляду и считать как «Апологию», так и главу «Воспоминаний» подлинными сочинениями Ксенофонта *.

Хронологически «Апология» предшествует как «Воспоминаниям» в целом их составе, так и их последней главе (как убедительно доказывает тот же Шанц, с. 84 и след.). Дело, по-видимому, надо представлять так. Ксенофонт когда-то написал «Апологию» со специальной целью — пополнить пробел, который он заметил в современной ему литературе о Сократе: все авторы, описывавшие до него процесс Сократа, говорили о горделивом тоне его речи на суде, но не указывали причины такого странного факта; Ксенофонт и написал свою «Апологию» с целью указать эту причину, которую он видит в желании Сократа быть осужден-

* См.: Шанц (M. Schanz). Введение к комментированному изданию его Платоновой «Апологии». С. 87.

ным. Позднее, когда он писал «Воспоминания» о Сократе, он воспользовался «Апологией», сделав из нее извлечения.

Вопрос о том, когда именно Ксенофонт написал «Апологию», не может быть решен с достаточной определенностью,— так же, как вопрос о времени написания других его сочинений. Правда, в ней есть упоминание о смерти Анита, одного из обвинителей Сократа (параграф 31). А так как в речи XXII, 8 Лисия сказано, что Анит был одним из хлебных приставов 388/7 года, то Трубецкой (там же, с. 340) вывел заключение, что «Апология» Ксенофонта «не могла быть написана до 387/6 года, когда Анит был еще жив, а следовательно, даже не ранее конца 80-х годов». Однако этот вывод довольно сомнителен. Дело в том, что у нас нет никакого основания отождествлять Анита, упомянутого в речи Лисия, с Анитом, обвинителем Сократа: может быть, оба они — одно лицо, но столь же возможно, что это разные лица *. Таким образом, единственным критерием для датирования «Апологии» служит фраза автора (§ 1), что о защите и конце жизни Сократа писали другие: из этого надо заключить, что «Апология» написана спустя довольно значительный промежуток времени после смерти Сократа, но раньше «Воспоминаний», как уже было сказано.

[1] *Гермоген* — тот же самый, который выведен Ксенофонтом в «Пире», бедный брат богатого Каллия.

[2] Разумеется известный демоний Сократа. См. примеч. 2 к «Воспоминаниям», I, 1.

[3] *Мелет* — главный из трех обвинителей Сократа. См. введение к «Воспоминаниям».

[4] См. примеч. 4 к «Воспоминаниям», I, 1.

[5] См. примеч. 4 к «Воспоминаниям», I, 1.

[6] В храме Аполлона в Дельфах предсказания давались так. В одной из скал находилась глубокая трещина, из которой выходили холодные испарения, приводившие всякого, кто приближался к ней, в беспамятство, вследствие чего он произносил бессвязные слова. Храм был построен так, что трещина приходилась в его «неприступном» месте (самой священной части). Над этой трещиной стоял высокий треножник, на который садилась пророчица, называвшаяся Пифией и избиравшаяся сначала из молодых девиц, а впоследствии из женщин не моложе 50 лет. Придя в экстатическое состояние вследствие поднимавшихся из трещин испарений, она произносила несвязные слова, которые, по верованию древних, исходили из уст Пифии под прямым наитием божества. Вопрос о том, слушали ли сами вопрошавшие изречения Пифии, или «пророки», состоявшие при храме, слагали из них связные от-

* Вероятно, Трубецкой был введен в заблуждение статьей Anytus в «Real-Encyclopädie» Паули (B. I, S. 1214), где тому же Аниту приписывается и предложение наградить Геродота 10 талантами (см. Трубецкой, с. 327). Но удивительно, что и в новом издании энциклопедии Паули—Виссова Лисиев Анит без всяких оговорок отождествляется с обвинителем Сократа, и даже такое светило философии, как Виламовиц-Меллендорф, категорически говорит: «Старый народный вождь Анит не пренебрег местом хлебного пристава» («Aristoteles und Athen», II, S. 376). Только Кирхнер в своей «Prosopographia Attica» (I, 91) совершенно отделяет Лисиева Анита от обвинителя Сократа.

веты, остается не выясненным. Более вероятно последнее предположение.

[7] *Херефонт* — друг детства Сократа и горячий его почитатель, слабого здоровья вследствие усиленных научных занятий.

[8] Разумеется осада Афин спартанцами в 404 году, окончившаяся капитуляцией Афин; во время осады там был сильный голод.

[9] Это — та же мысль, которую высказывает Антисфен в «Пире» (4, 41).

[10] В афинском судопроизводстве процессы разделялись на «ценимые» и «неценимые». Последним именем означались такие, в которых наказание было предусмотрено действующими законами, а первым именем — те, в которых наказание назначал суд. В таком случае после первой подачи голосов, когда решался вопрос, виновен ли подсудимый, следовало второе голосование, если вердикт был обвинительный, относительно меры наказания или штрафа. Наказание предлагал как обвинитель, так и подсудимый, причем последнему было невыгодно назначать себе слишком малое наказание, потому что тогда судьи могли склониться на сторону наказания, предложенного обвинителем. Пример этого мы имеем в процессе Сократа: как сказано в Платоновой «Апологии Сократа», он гордо говорил, что заслуживает не наказания, а содержания в пританее на государственный счет, и потом уже сказал, что сам он может заплатить только одну мину (около 25 руб.) штрафа, а с помощью друзей внести полталанта (около 730 руб.); тогда судьи подали голоса за смертную казнь, предложенную обвинителем Мелетом. В нашей «Защите» Сократ даже совсем отказывается назначать себе штраф.

[11] См. примеч. 20 к «Воспоминаниям», I, 2.

[12] См. примеч. 21 к «Воспоминаниям», I, 2.

[13] См. примеч. 21 к «Воспоминаниям», IV, 2.

[14] *Аполлодор* — один из близких учеников Сократа, упоминаемый Ксенофонтом в «Воспоминаниях», III, 11, 17 и Платоном в «Пире» и «Федоне»

[15] *Анит* — один из трех обвинителей Сократа, выведенный Платоном в диалоге «Менон».

[16] Рабским занятием называет Сократ кожевенное дело потому, что оно принадлежит к числу ремесленных занятий. С каким презрением отзывается Сократ о ремесленных занятиях, видно из «Домостроя», 4, 2.

ПИР

С какой целью написано это изящное сочинение, сам автор говорит в начале его: он желает предать памяти потомства дела добродетельных людей даже во время их забав. Для этого он описывает пир, устроенный богачом Каллием по случаю победы любимого им мальчика Автолика в гимнастическом состязании. На этом пире присутствовали Сократ и его друзья и знакомые, в том числе и сам Ксенофонт: пришли также незваные гости — шут Филипп и странствующий антрепренер сиракузянин со своей маленькой труппой, забавляющий гостей музыкой, пением, акробатическими представлениями, балетом. Но Сократ нашел, что для

гостей полезнее проводить время в беседах, чем в таких низменных развлечениях. И вот каждый из гостей рассказывает, чем он всего более гордится. Наиболее важную часть этого сочинения представляет речь Сократа на тему о превосходстве любви духовной пред любовью плотской.

«Пир», как и «Домострой», хотя и самостоятельное сочинение, тем не менее указывает своими начальными словами на связь его с каким-то другим сочинением: он начинается союзом «но». Единственным сочинением такого рода могут быть только «Воспоминания о Сократе». Таким образом, «Пир» противополагается «Воспоминаниям» и дополняется в том отношении, что в «Воспоминаниях» Ксенофонт воспроизводит серьезные беседы Сократа, в «Пире» — шутливые.

В каком году написан «Пир», неизвестно. Действие происходит во время праздника Великих Панафиней 422 года до н. э. Но из этого, конечно, не следует, что и написано это сочинение вскоре после этого года. До некоторой степени вопрос этот находится в связи с другим вопросом. Как известно, Платон также написал диалог «Пир». Оба «Пира» находятся в каком-то соотношении друг с другом, но в каком? Который из них написан раньше? Вопрос этот решается различно: одни ученые находят, что раньше написан Платонов «Пир», другие — что Ксенофонтов. Спор об этом идет уже более 100 лет; то одно мнение берет верх, то другое. И за то и за другое мнение высказывались крупные ученые. Уже отсюда видно, что вопрос этот неразрешим, так как никаких указаний на время написания нет ни в том, ни в другом сочинении, а сходные места в них можно с одинаковой вероятностью объяснять заимствованием Платона у Ксенофонта и Ксенофонта у Платона. За последние десятилетия главным защитником мнения о первенстве Ксенофонта является Гуг (Hug) в предисловии к изданию Платонова «Пира», защитником мнения о первенстве Платона — Брунс (Ivo Bruns) в своей статье «Attische Liebestheorien», 1900, перепечатанной в его «Vorträge und Aufsätze», 1905, S. 118—153. Но так как дата Платонова «Пира» тоже неизвестна, то и решение этого вопроса не прольет света на вопрос о дате Ксенофонтова «Пира». Некоторую (правда, слабую) опору для этого может доставить только такое соображение: Ксенофонт противополагает беседы в «Пире» вообще серьезным беседам. Из этого надо заключить, что «Пир» противополагается не только «Воспоминаниям», но и «Домострою» и что, следовательно, «Пир» написан не только после «Воспоминаний», но и после «Домостроя». А так как вероятным временем написания «Домостроя» можно считать пребывание Ксенофонта в Скиллунте, то и для написания «Пира» надо предполагать тот же период жизни Ксенофонта.

Действующие лица в «Пире»: Сократ, Каллий, Никерат, Автолик, Ликон, Антисфен, Хармид, Критобул, Гермоген, Филипп, сиракузянин (и Ксенофонт, хотя он не выступает активно, как, по-видимому, и другие лица).

Сократу в 422 году было 47 лет.

Каллий, один из членов знатного афинского рода, после смерти отца наследовал огромное (по тогдашнему масштабу) состояние, так что считался самым богатым человеком во всей Греции. В описываемое Ксенофонтом время (422 год) ему было более

30 лет (судя по тому, что его мать около 453 года развелась с его отцом Гиппоником и вышла замуж за Перикла). В это время он не имел никаких личных заслуг, а был известен только своим богатством. Сократ упоминает (VIII, 40) лишь о том, что он был жрецом Эрехфеевых богов, но этот сан был наследственным в роде Кериков, к которому он принадлежал. Равным образом от предков унаследовал он почетное положение проксена спартанцев. В дальнейшей жизни своей он также ничем не прославил себя: правда, он был архонтом (406—405 годы), но в этом не было никакой личной заслуги его, так как архонты выбирались из богатых граждан по жребию; позднее, во время Коринфской войны, в 390 году он был стратегом; но его коллега Ификрат отзывался о нем презрительно.

В общем, он вел жизнь праздную и распутную и промотал состояние, так что умер в бедности. В дни богатства ради тщеславия он любил принимать у себя знаменитых софистов и тратил на них много денег, желая позаимствовать от них мудрости и прослыть ученым (I, 5). Ксенофонт в «Истории Греции» (VI, 3, 3) говорит о нем, что он испытывал не меньше удовольствия, хваля себя, чем когда его хватили другие. Эта нелестная характеристика уясняет роль, которую он играет в «Пире». Несомненно, Ксенофонт и здесь хочет представить его в смешном виде: Каллий сам восхваляет свою мудрость (I, 6); образец этой мудрости дан в его речи (III, 4) о том, что при помощи денег он делает людей справедливее; против этой парадоксальной мысли Антисфен возражает, что в таком случае справедливость находится в кошельке, а не в душе человека.

В словах Сократа, обращенных к Каллию, звучит ирония, которую Каллий по тупости своей не понимает. Даже в той речи (VIII), в которой Сократ хвалит Каллия за его любовь к Автолику, он, «говоря комплименты Каллию, в то же время учит его, каким ему следует быть» (слова Гермогена в VII, 12). Вероятно, в ироническом смысле надо понимать и замечание Сократа (VIII, 40) о том, что город доверил бы руководство своими делами Каллию и что он считается из всех своих предков достойнейшим священного сана. Близким к Сократу человеком Каллий во всяком случае не был, как видно из слов Сократа в I, 5.

Благодаря такой тонкой иронии Сократа современникам Ксенофонта, знавшим, что представлял собою Каллий, «Пир» должен был казаться гораздо остроумнее, чем теперешним читателям его, уже не чувствующим этой иронии.

Никерат — сын знаменитого полководца Никия, приятель Каллия, лет 24, также очень богатый человек, любитель Гомера, знавший его поэмы наизусть. В общественной жизни он никакой роли не играл. В числе близких к Сократу людей он также не был. Он был казнен в правление Тридцати тиранов в 404 году.

Автолик — любимец Каллия, сын Ликона, мальчик, в честь которого Каллий устроил пир по случаю его победы на гимпастическом состязании. По своему возрасту и скромности он не принимает участия в беседе. Он тоже был казнен в правление Тридцати тиранов в 404 году.

Ликон — отец Автолика, человек бедный (III, 13), но знатный (VIII, 7), оратор-демагог, впоследствии с Мелетом и Анитом бывший обвинителем Сократа в его процессе.

Антисфен — ученик и горячий приверженец Сократа, лет 26, человек очень бедный, суровый, более склонный к порицанию, чем к восхвалению, остроумный, впоследствии ставший основателем кинической школы.

Хармид — молодой человек, лет 26—27, аристократ, родственник Крития, одного из Тридцати тиранов. Первоначально он был богат, но в описываемое время (422 год), в результате опустошения Аттики спартанцами в начале Пелопоннесской войны, потерял состояние. Он был близким человеком к Сократу, который уговорил его принимать участие в государственных делах (см. «Воспоминания», III, 7). В правление Тридцати тиранов он был на их стороне и занимал важную должность одного из десяти архонтов Пирея. Он был убит в сражении с демократами в 403 году. См. примеч. 1 к «Воспоминаниям», III, 7.

Критобул (тот же самый, который выведен в «Домострое» и в «Воспоминаниях», I, 3, 8 и II, 6, 1 и след.) — сын Критона, Сократова друга, и сам близкий к нему человек, богатый, но небрежно относившийся к своему состоянию. Он гордился своей красотой, предавался любовным наслаждениям; в «Пире» он представлен влюбленным в Клиния, двоюродного брата Алкивиадова.

Гермоген — брат Каллия, но почему-то лишенный отцом наследства или обедневший, хотя получил равную с Каллием долю наследства (если на это намекает Антисфен в IV, 35). Он был также близок к Сократу и присутствовал при его кончине. Характеристику его дает Сократ в VIII, 3. В «Защите Сократа» и в «Воспоминаниях», IV, 8, Ксенофонт с его слов рассказывает о том, что думал Сократ о защите и о конце жизни, когда его призвали к суду.

Как я уже сказал, неизвестно, чей «Пир» написан раньше. Во всяком случае, именно одному из них, Платону ли или Ксенофонту, принадлежит заслуга введения в литературу особого жанра, состоящего в описании застольных разговоров образованных людей, где серьезные темы трактуются в легкой, часто шутливой форме. Самым знаменитым произведением этого жанра является «Пир» Платона, который и затмил сочинение своего соперника. Инициатива эта скоро нашла подражателей. В древности было большое число произведений этого жанра: философы, грамматики, даже один врач охотно пользовались им для тем по своей специальности. Из этой массы сохранилось до нашего времени несколько сочинений: Плутарха «Пир семи мудрецов» и «Застольные вопросы», Лукиана «Пир, или Лапифы», Юлиана «Пир, или Праздник Кроноса», Афинея «Ученые сотрапезники», Петрония «Пир Тримальхиона», Макробия «Сатурналии», Мефодия «Пир, или О целомудрии».

Оба «Пира» — Ксенофонтов и Платонов — имеют сходство между собою не только в том, что в них описываются пиры и застольные беседы, но также и в том, что главною темою этих бесед (у Платона даже единственною) служит любовь. Поэтому оба эти сочинения относятся к категории «любовных речей», каких в греческой литературе было немало. Конечно, описание пира могло содержать речи и на другие темы, точно так же, как и любовные речи не были связаны с жанром пира. Ксенофонт и Платон были первыми известными нам творцами сочинений в жанре пира, но не были ни единственными среди своих современников, ни даже

первыми по времени, посвящавшими специальные сочинения теме о любви. Эта тема в те времена часто избиралась разными авторами. В трагедию ввел ее Еврипид, а затем ею стали пользоваться философы и ораторы. Первым нам известным образчиком любовной речи у оратора является речь Лисия, цитируемая Платоном в диалоге «Федр»; из более позднего времени до нас дошли в греческой литературе еще речи подобного жанра под именем Демосфена и Плутарха.

Глава 1

[1] *Панафинеи* — один из важнейших афинских праздников в честь богини Афины. Он совершался первоначально ежегодно; но со времени Писистрата раз в четыре года праздновался с особым блеском и назывался «Великими Панафинеями»; ежегодный праздник с тех пор стал называться «Малыми Панафинеями». Великие Панафинеи продолжались несколько дней; в первые дни происходили разные состязания — гимнастические, конные и музыкальные; к числу первых принадлежал и панкратий — сложное состязание, состоявшее из борьбы с кулачным боем. Участники состязаний делились по возрасту на три группы: детей, «безбородых» (т. е. юношей) и «мужей» (т. е. взрослых). Автолик, конечно, был в группе детей.

[2] *Стратеги* — главные военные начальники, числом десять. Деятельность их была обращена на все, что непосредственно относилось к военному делу или находилось в какой-либо связи с ним. Они были не только главными начальниками военных сил страны, но стояли во главе всего военного и флотского управления. См. о стратегах примеч. 2 к «Воспоминаниям», III, 1. *Гиппархи* — главные начальники кавалерии, числом два. Они были подчинены стратегам, но во многих случаях действовали самостоятельно. См. о гиппархах примеч. 1 к «Воспоминаниям», III, 3.

[3] *Протагор*, *Горгий*, *Продик* — известные софисты того времени; под многими другими разумеются тоже софисты, как, например, Гиппий, Евен.

[4] Хороший тон того времени требовал, чтобы приглашаемое лицо не сразу воспользовалось приглашением (поэтому и прибавлено слово «разумеется»); вежливыми формулами отказа были слова: «(очень) хорошо», «хвалю»; в нашем месте и поставлено последнее выражение: буквально «хвалили приглашение».

[5] Из слов подлинника не вполне видно, какие гости разумеются,— те ли, которые были только что упомянуты (в том числе и сам Ксенофонт), или еще какие-нибудь другие. Более вероятно первое предположение, потому что в дальнейшем рассказе ни о каких других лицах не говорится. В таком случае надо думать, что между моментом приглашения указанных лиц и их прибытием на обед прошел некоторый промежуток времени, в течение которого они успели заняться гимнастикой, умаститься маслом и принять ванну.

[6] В историческую эпоху греки за столом лежали; дети (как в данном случае Автолик) сидели. В героические времена (у Гомера) и взрослые ели сидя. Когда вошел обычай лежать за столом, неизвестно.

[7] Под одержимым богом автор разумеет приверженцев оргиастических культов, например корибантов (жрецов фригийской богини Кибелы), вакханок.

[8] Для развлечения гостей за обедом нанимались шуты, фокусники, комедианты, дававшие представления с подвижными куклами (марионетками), танцовщицы, акробаты и т. п. Все это было и в данном случае.

[9] Чью шутку разумеет Каллий — Филиппову или свою,— неясно; вероятно, свою, судя по тому, что он интересуется знать, какое впечатление она произвела на Автолика. Шутка Каллия (правда, малоостроумная) состоит в том, что он предлагает угостить Филиппа не обедом, а только кровлей, т. е. пустить его в комнату.

[10] В подлиннике последняя фраза представляет собою окончание стиха — дактилического гексаметра. Если это не случайность, то сделано для большего эффекта, чтобы придать этой фразе некоторую торжественность. В моем переводе слова «смех... погибнул» также составляют конец гексаметра.

[11] Шут разумеет здесь обеды в складчину, которые устраивались или на общий счет, или же из кушаний, приносимых участниками. Вероятно, это все-таки требовало от хозяина каких-нибудь расходов. Филипп хочет сказать, что в своей квартире он таких пикников не устраивает, а сам ходит по чужим обедам.

Глава 2

Греческий обед (по крайней мере, более или менее торжественный, с гостями) состоял из трех частей: собственно обеда, десерта и попойки («симпосион»). Гости ели, полулежа на койках (под левым локтем была довольно высокая подушка), по двое на каждой койке. Около каждой койки ставился столик, на который подавались кушанья. После первой части обеда, во время которой не пили (или очень мало пили) вина, умывали руки (так как вилок и салфеток не было, а ели руками) и выпивали глоток вина в честь «доброго гения». После этого столики уносились, кости и крошки с пола (на который гости бросали объедки) сметались, и гости совершали возлияние (т. е. выливали на землю немного вина) в честь богов и пели хором пеан (т. е. песнь религиозного содержания). Но в нашем описании пира, вероятно, под «столами» разумеются на целые столы, а столовые доски, на которых были принесены кушанья. Если бы унесены были столы, некуда было бы ставить кубки с вином. Кроме того, койки были поставлены в виде круга, как видно из гл. 2, 27; вероятно, они стояли вокруг одного большого стола: если бы они стояли параллельными рядами, одна позади другой, со столиком при каждой койке, то трудно представить, как гости могли бы вести общую беседу, смотря друг другу в спину.

[2] Общий смысл этой речи Сократа такой. Мужчине душиться благовониями нет надобности, потому что для мужчин он не станет этого делать, а женщины, которые сами душатся, желают, чтобы мужчина был сильным от гимнастических упражнений, а не надушенным; надушиться может и раб, а упражняться в гимнасии может только свободный (рабов в гимнасии не допускали).

[3] См. примеч. 7 к «Воспоминаниям», I, 2.

[4] Вероятно, здесь в тексте есть пропуск, или же Сократ не полностью высказывает свою мысль. Общий смысл такой: желая одержать победу в панкратии, Автолик пользовался твоим советом и выбирал хорошего учителя этого искусства; теперь, чтобы достигнуть нравственного совершенства, он тоже подумает с тобою и т. д. Под словом «этого» в следующих фразах разумеется добродетель (нравственное совершенство), только что упомянутая Сократом.

[5] См. примеч. 1 к «Воспоминаниям», II, 2.

[6] В этих словах намек на самого Антисфена, который представлен довольно неприятным человеком. «Если я переношу сварливость Ксантиппы,— хочет сказать Сократ,— то смогу переносить и твою сварливость».

[7] *Писандр* — демагог, один из главных деятелей, устроивших олигархию Четырехсот в 411 году, подвергавшийся насмешкам в комедии за свою трусость.

[8] Сократ разумеет такие виды упражнений, как борьба, при которой необходим партнер, тогда как при танце мальчика партнера не нужно.

[9] Разумеются обеденные койки (см. примеч. 1 к гл. 2); комната измерялась числом коек, которые можно было поместить в ней.

[10] Жестикуляция руками была принадлежностью греческих танцев.

[11] Рыночные смотрители проверяли все хлебы у хлебных торговцев. По-видимому, хлебы состояли из двух частей, верхней и нижней, равного веса.

[12] Т. е. флейтистка.

[13] Наркотическое растение.

[14] Горгий был известен вычурностью и искусственностью своей речи. Здесь Сократ употребляет слово, переведенное мною «нацеживать по каплям» (буквально «накапывать»), слово вообще редкое, по-видимому, заимствованное у Горгия.

Глава 3

[1] Гомера греки высоко ценили как источник всякой мудрости, между прочим и нравственности: по этой именно причине отец и заставил Никерата выучить его произведения.

[2] *Рапсоды* — певцы, декламировавшие отрывки из эпических поэм, главным образом из «Илиады» и «Одиссеи». Они переходили из города в город и давали такого рода представления в пышных костюмах. Как и современные декламаторы, они заботились не только о внешней форме произнесения поэм, но считали себя и специалистами по толкованию смысла. Как видно из нашего места, они имели репутацию довольно глупых людей и такими же изображены в «Воспоминаниях», IV, 2, 10 и в диалоге Платона «Ион».

[3] В те времена был очень распространен обычай объяснять Гомера аллегорически и видеть в его словах сокровенный смысл; например, думали, что боги у Гомера — только аллегорическое название явлений природы. Упомянутые здесь Стесимброт и Анаксимандр (о которых нам ничего не известно) были именно такими толкователями Гомера в аллегорическом смысле. Сократ

говорит здесь иронически,— по-видимому, не веря таким аллегорическим толкованиям.

[4] *Обол* — мелкая аттическая монета, около 4 копеек.

[5] При борьбе посыпали тело мелким песком, чтобы уменьшить скользкость и потение.

[6] Трагический актер.

Глава 4

[1] Этот стих находится в «Илиаде», III, 179.

[2] Разумеется возвышение на гипподроме, устроенное на повороте от одной половины его к другой, огибать которое надо было с большой осторожностью, чтобы не удариться об него.

[3] Эти стихи находятся в «Илиаде», XXIII, 335 и след.

[4] Это часть стиха из «Илиады», XI, 631.

[5] По-видимому, Сократ говорит иронически, что есть лук кто-то сочтет за гастрономию.

[6] Вероятно, Хармид.

[7] *Клиний* — сын Аксиоха, двоюродный брат Алкивиада, упоминаемый также в «Воспоминаниях», I, 3, 8, где он ошибочно назван сыном Алкивиада.

[8] В процессии во время праздника Панафиней.

[9] *Силен* — сын Гермеса или Пана и нимфы, постоянный спутник, наставник и воспитатель Вакха. Он имел вид всегда пьяного, веселого и добродушного старика, с тупым носом, лысого, круглого, как винный мех. В более позднюю эпоху предполагали существование нескольких Силенов, и они наравне с Сатирами постоянно являются действующими лицами в сатирических драмах, которые давались в театре после трагедий. Сходство между Сократом и Силенами (о котором и сам Сократ говорит ниже в гл. 5, 7) заключалось в том, что и сам Сократ был лысый, с приплюснутым носом (см. гл. 5, 6), с большим животом (см. гл. 2, 19).

[10] Иначе Парис; намек на то, как он судил трех богинь, споривших о красоте.

[11] Т. е. Клиний старше Критобула.

[12] *Горгоны* (числом три) — мифические существа, при взгляде на которые люди обращались в камень.

[13] Начало параграфа 26, заключенное в скобки, считается позднейшей вставкой.

[14] См. примеч. 20 к «Воспоминаниям», I, 2.

[15] *Сикофанты* — доносчики и шантажисты, возбуждавшие судебные процессы (иногда ложные) против богатых граждан с целью вымогательства денег или по личной злобе. Подробнее о сикофантах см. примеч. 2 к «Воспоминаниям», II, 9.

[16] Разумеются главным образом «литургии», натуральные повинности, которые государство налагало на богатых граждан; к числу таких литургий принадлежали: триерархия, т. е. снаряжение военного корабля; хорегия, т. е. покрытие издержек на музыкальные, орхестические и драматические представления; гимнасиархия, т. е. устройство гимнастических игр во время некоторых праздников. См. примеч. 5 к «Воспоминаниям», II, 7 и примеч. 2 к гл. 2 «Домостроя».

[17] Т. е. находившихся за пределами Аттики. Лишился он этих имений вследствие Пелопоннесской войны.

[18] Разумеется плата за участие в суде и в Народном собрании, первоначально 1 обол, потом 3 обола.

[19] Богами — отвратителями несчастий считались Зевс и Аполлон; Геракл также причислялся к таким божествам.

[20] См. примеч. 21 к «Воспоминаниям», I, 2.

[21] Антисфен говорит иронически. Смысл: у меня очень мало всего, так что я насилу нахожу необходимые вещи.

[22] Подразумевается: не дождавшись аппетита.

[23] Вино с острова Фасоса высоко ценилось как особенно ароматическое.

[24] Никерат здесь с насмешкой противополагает себя Антисфену: Антисфен научился у Сократа довольствоваться столь малым, чтобы ни в чем не нуждаться; Никерат, и без того богатый, напротив, желает быть настолько богатым, чтобы уже не нуждаться в дальнейшем увеличении богатства. Цитату из Гомера («Илиада, IX, 122 и 264) он приводит тоже с насмешкой в доказательство того, будто и Гомер учит все считать и вешать и тем поощряет умножение богатства.

[25] См. примеч. 4 к «Воспоминаниям», I, 1.

[26] *Гераклея* — город в Малой Азии на южном берегу Черного моря. Под приезжим из Гераклеи разумеется живописец Зевксипп, упоминаемый в «Протагоре» Платона, 318 В. Но возможно, что это сам Зевксид, знаменитейший из греческих живописцев, тоже уроженец Гераклеи, упоминаемый Ксенофонтом в «Домострое», 10, I и в «Воспоминаниях», I, 4, 3.

[27] Об Эсхиле из Флиунта, города в северной части Пелопоннеса, ничего не известно.

Глава 5

[1] *Наяды* — нимфы, богини материковых вод.

[2] См. примеч. 9 к гл. 4.

[3] Т. е. судьи, именно мальчик и девушка. Голосование в суде производилось посредством камешков.

[4] О Сократовом и Антисфеновом богатстве сказано в гл. 4, 34 и 43.

[5] Ленты, как и венки, давались в награду победителям на общественных играх; их привязывали к рукам, к ногам, к голове победителя. Ксенофонт описывает шутки Сократа как подражание настоящему судебному процессу.

Глава 6

[1] Т. е. у сиракузянина.

[2] Гермогену, как человеку серьезному и благочестивому, по-видимому, не нравились эти шутки гостей. Судя по словам «и тут молчал», надо думать, что он и раньше молчал, т. е., вероятно, когда остальные кричали «конечно» (в гл. 4).

[3] По-гречески — это одно слово «paroinia», которое не имеет такого определенного значения, как выражение, употребленное мною в переводе. Поэтому просьба Сократа определить это понятие имеет больше основания, чем в моем переводе.

[4] Сократ нарочно делает вид, что считает себя побежденным.

[5] Каллий хочет прекратить спор посредством музыки, во время которой все должны молчать.

[6] Но Гермоген принимает слова Каллия в другом смысле и обиженно спрашивает, не хотят ли его заставить говорить под музыку.

[7] Известный трагический актер того времени. Как видно из этого места, особенность в его игре была та, что он декламировал тетраметры (т. е. восьмистопные ямбические и трохаические стихи) в диалоге пьесы под музыку, тогда как обычно стихи диалога произносились без музыки.

[8] Но Сократ пользуется замечанием Гермогена, чтобы пошутить над его, как видно, малоприятными речами.

[9] В данном случае под флейтисткой надо разуметь танцовщицу, потому что именно танцовщица сопровождала танцы мимикой. Так как эти оба искусства шли рядом, то танцовщица знала и музыку, а флейтистка умела и танцевать; поэтому танцовщицу можно было назвать и флейтисткой.

[10] Каллий, все еще не забывший обиды, нанесенной ему Антисфеном (гл. 4, 2 и след.), спрашивает Сократа, какая нужна мелодия для успокоения подобных спорщиков. Но Антисфен очень ловко вывертывается, говоря, что для побежденного в споре подходящей мелодией будет свист.

[11] Я употребил в переводе искусственное слово «мыслильщик» потому, что и в оригинале поставлено столь же искусственное слово, выдуманное Аристофаном для обозначения Сократа («Облака», 266).

[12] Сиракузянин, как и все вообще необразованные люди того времени, считает преступлением против богов вторгаться в их небесную область. Обвинение это против Сократа было выставлено Аристофаном в комедии «Облака» и оттуда распространилось в народе, как указывает сам Сократ в Платоновой «Апологии» (18 В). Но Ксенофонт в «Воспоминаниях» (I, 1, 11 и след.) свидетельствует, что Сократ подобными вопросами не занимался.

[13] Шутка Сократа, действительно, «холодна»: она основана на частичном созвучии слов: anopheles — «неполезный» и anothen ophelousin — «сверху приносят пользу», т. е. Сократ считает слово anopheles как бы происшедшим из anoopheles. Я передал в переводе эту шутку столь же «холодным» производством слова «неполезный» от «с неба полезный». Можно бы было в упреке сиракузянина поставить слово «бесполезными», а в ответе Сократа «с небес полезный»: созвучие получилось бы еще большее; но у древних греков не было представления о множественности небес.

[14] Эта насмешка заимствована также из «Облаков» Аристофана (ст. 144 и след.), где ученик Сократа рассказывает Стрепсиаду, как блоха прыгнула с брови Херефонта на голову Сократа и как Сократ решил вопрос Херефонта, скольким блошиным ногам равняется ее прыжок.

[15] Или: если находишь, что все у него лучше, чем у других.

Глава 7

[1] В предыдущей главе сказано, что Филипп — мастер делать сравнения: тут имеется в виду одна из забав греческого пира — сравнивать сотрапезников с каким-нибудь предметом ради шутки.

В Платоновом «Пире» (215 А) Алкивиад сравнивает Сократа с деревянными изображениями Силенов.

[2] *Хариты* (в римской мифологии — Грации) — богини красоты, числом три. *Горы* — богини порядка в природе, времен года, числом тоже три.

Глава 8

[1] Сократ, называя Эрота, бога любви, ровесником присносущих богов, следует древнему представлению о нем, выраженному Гесиодом в «Феогонии» (ст. 120), который относит Эрота к числу древнейших богов. Художники более древнего времени изображали его в виде юноши. Позднейшие поэты и художники представляют его в виде мальчика с луком и стрелами и считают его самым молодым из богов. Это представление об Эроте (или Амуре) сохранилось и у поэтов нового времени. См. примеч. 7 к «Воспоминаниям», I, 3.

[2] Таким же изображен Хармид и в Платоновом диалоге, озаглавленном его именем: он приходит в палестру, окруженный толпой поклонников, и все в палестре, даже дети, были поражены его красотой.

[3] Когда Никерат был казнен Тридцатью тиранами, жена его, говорят, не пережила этого горя и лишила себя жизни.

[4] Разумеется известный «демоний» Сократа, который он считал «голосом бога» и который давал ему указания, что надо делать и чего не надо делать («Воспоминания», IV, 8, 1 и 5; «Защита», 4, 12, 13).

[5] Может быть, в буквальном, физическом смысле; некоторые комментаторы понимают в смысле «не изводи меня своими ласками».

[6] Сократ выводит заключение о присутствии таких похвальных свойств у Автолика из того, что он одержал победу в панкратии. Чтобы сделаться таким хорошим борцом и бойцом, очевидно, нужна была долгая и суровая тренировка.

[7] Сократ, очевидно, сомневается в существовании двух Афродит; но народ верил в это, как видно из того, что алтари и храмы были для каждой из них отдельные и жертвы приносились разные. Павсаний в Платоновом «Пире» (180 D) считает такое верование общим. Всенародной Афродите приносились в жертву козы как животные сладострастные, а небесной Афродите — телки, и возлияния совершались без вина.

[8] Таковы прозвания Зевса: «высочайший», «спаситель», «покровитель города», «защитник домашнего очага», «покровитель чужестранцев» и др.

[9] *Хирон*, один из кентавров (мифических существ, имевших вид человека с лошадиной нижней частью туловища), и *Финик* — наставники Ахилла. В «Илиаде» (IX, 442) Финик говорит Ахиллу об отце его Пелее:

С тем он меня и послал, да тебя всему научу я:
Быть и витией в речах, и в делах деловым человеком.

[10] *Диоскуры* — Кастор и Полидевк (Поллукс), близнецы, дети Зевса от Леды, жены спартанского царя Тиндарея.

[11] *Ганимед* — сын троянского царя Троса. В «Илиаде» (XX, 233 и след.) о нем сказано:

Был он прекраснее всех среди смертных людей, без сомненья.
Боги его унесли на Олимп в виночерпии Зевсу
Ради его красоты, чтобы он пребывал средь бессмертных.

[12] Таких выражений буквально у Гомера нет, но отдельные части их есть.

[13] Объяснение имени «Ганимед» в смысле «радующий мыслями» неверно уже потому, что глагол ganymai, от которого происходит первая часть имени, значит не «радую», а «радуюсь», как и сам Сократ понимает его. Впрочем языковедение в те времена допускало и еще более произвольные толкования, как видно особенно из Платонова диалога «Кратил».

[14] *Орест* и *Пилад*, *Фесей* и *Пирифой* — две пары мифических друзей.

[15] *Павсаний*, влюбленный в Агафона, трагического поэта, выведен одним из действующих лиц в Платоновых диалогах «Протагор» и «Пир».

[16] Действительно, по словам Цицерона («Законы», II, 11, 28), в Афинах был храм Бесстыдства. Статуи Стыдливости были и в Спарте и в Афинах.

[17] С постепенным расширением политических и коммерческих сношений между разными государствами Греции развилась постепенно «проксения», или государственное гостеприимство. Если гражданин одного государства неоднократно оказывал гостеприимство и услуги гражданам другого государства, приезжавшим в его родной город по своим частным или общественным делам (например, послам), и лица, получившие такие услуги или гостеприимство, доводили о них до сведения правительства своего государства, то последнее выражало свою признательность данному лицу посредством назначения его своим «проксеном». Таким образом, это было почетное звание, которое налагало, однако, на получившего его нравственную обязанность продолжать и на будущее время те хлопоты, которым он был обязан этой честью. Вместе с почетною обязанностью и как бы в вознаграждение за нее проксену давались разные привилегии. У Каллия проксения по отношению к спартанцам переходила из рода в род с давних времен (Ксенофонт, «История Греции», VI, 3, 4).

[18] Культ *Деметры* и *Персефоны* был установлен, по преданию, Эрехфеем, древним царем афинским. Эти две богини были главными в Элевсинских мистериях; кроме них на этом празднике почитался Иакх, которого считали сыном Зевса и Деметры или отождествляли с Вакхом, затем Плутон, неизвестные по именам бог и богиня и разные местные герои. Важнейшими лицами, исполнявшими служебные обязанности при празднестве, были гиерофант и факелоносец, избиравшийся из аристократического рода Кериков. В V и IV веках в течение нескольких поколений должность эта была наследственна в доме Каллиев. Наш Каллий, по словам Сократа, считался на этом празднике из всех своих предков наиболее достойным священного сана факелоносца. О помощи, оказанной элевсинскими богами афинянам во время нашествия на Аттику Ксеркса, Геродот (VIII, 65) рассказывает так: «Они (персы) увидели идущую от Элевсина пыль, как будто тысяч от тридцати человек, и, когда выражали изумление, какие люди могли бы поднять такую пыль, скоро услышали восклица-

ние, и восклицание это показалось им мистическим иакхом». Афинский изгнанник Дикей, бывший в войске персов, объяснил, что «голос этот — божественный и идет от Элевсина на помощь афинянам и их союзникам... То восклицание афиняне произносят в честь Иакха на Элевсинском празднике».

Глава 9

[1] Атлеты должны были всегда соблюдать известный режим, между прочим, прогуливаться. Действительная причина, почему Ксенофонт считает нужным удалить в этот момент Автолика, конечно, та, что он не должен присутствовать при следующей соблазнительной сцене.

[2] Как седалище для богов.

[3] *Ариадна*, дочь знаменитого Миноса, мифического царя Крита, помогла Фесею выбраться из лабиринта и бежала вместе с ним. Но Фесей покинул ее на острове Наксосе, а Дионис (Вакх) взял ее себе в супруги. См. примеч. 7 к «Воспоминаниям», III, 5.

[4] В параграфе 3 сказано, что все пришли в восторг от искусства балетмейстера. Можно предполагать, что свой восторг гости выражали рукоплесканиями и криками. Поэтому в параграфе 4 сказано, что гости «опять» стали это делать.

[5] По-видимому, в тексте есть пропуск, потому что сказуемое «поклялись бы» может относиться только к гостям, а не к Дионису. Вероятно, после слова «Дионис» выпало слово со значением «очень радовался».

ДОМОСТРОЙ

«Домострой» по содержанию делится на две части: в первой речь идет о домашнем хозяйстве, во второй — о земледелии.

По форме это диалог: в первой части Сократ разговаривает с Критобулом, во второй Сократ рассказывает Критобулу о своей беседе с Исхомахом, который, в свою очередь, передает Сократу свой разговор с собственной женой. Личность Сократа едва ли была подходяща для поучения о хозяйственных делах, так как Сократ ни домашним хозяйством, ни земледелием не занимался; но она уже была традиционной для такого рода философских диалогов. Мысли о хозяйстве и земледелии, вероятно, принадлежат самому Ксенофонту; возможно даже, что Исхомах — не кто иной, как сам Ксенофонт, так что изображение счастливой брачной жизни Исхомаха на самом деле показывает нам домашнюю жизнь самого Ксенофонта.

«Домострой» начинается словами: «Я слышал однажды такую его беседу также о домашнем хозяйстве». Получается впечатление, что это сочинение служит продолжением какого-то другого. Вследствие этого еще в древности была высказана гипотеза, что «Домострой» есть продолжение «Воспоминаний о Сократе», есть как бы пятая книга их. Из числа новых критиков одни согласны с этим мнением, другие возражают против него, указывая на то, что в таком случае и «Пир» надо считать продолжением какого-то сочинения, так как и в нем подобное начало.

«Домострой» Ксенофонта является, может быть, первым опытом литературной обработки теории домоводства. Само собою разумеется, что домоводству и прежде учились, но знание достигалось практическим путем, без теории. Первыми теоретиками домоводства были софисты, избиравшие предметом своего преподавания именно практические, житейские вопросы. Мы имеем прямое свидетельство Платона о том, что софист Протагор учил, «как лучше всего управлять своим домом и как сделаться способным государственным деятелем и оратором» («Протагор», 318 Е). В другом месте у Платона Сократ рассказывает, что Менон «желает обладать такими знаниями и качествами, при помощи которых люди хорошо управляют домами и городами, ухаживают за родителями и умеют принимать и провожать сограждан и чужеземцев, как следует порядочному человеку» («Менон», 91 А). Ту же мысль — о том, что домашнее хозяйство, как и управление государством, входит в программу философского образования и преподавания,— высказывает Сократ и в «Воспоминаниях» (IV, 1, 2 и IV, 2, 11). По-видимому, и в трагедиях Еврипида, близкого к софистам по воззрениям, попадались какие-то замечания по поводу домашнего хозяйства: у Аристофана одна женщина винит Еврипида, что он научил мужей запирать особыми замками и даже запечатывать кладовые, чтобы жены не могли распоряжаться припасами по своему произволу («Женщины на празднике Фесмофории», ст. 418 и след.). В первой половине IV века было уже много сочинений по разным практическим вопросам, как сельское хозяйство, коневодство, военное дело, даже кулинарное искусство. Таким образом, Ксенофонт в этом отношении не был единичным явлением.

В каком году или даже в какой период жизни Ксенофонт написал «Домострой», нельзя сказать, как и вообще хронология его сочинений неизвестна: мнения специалистов об этом часто расходятся до крайности. Видно только, что «Домострой» написан после «Анабасиса» (дата которого тоже неизвестна), т. е. после похода Кира, судя по упоминанию в главе IV Кира, Ариэя и забот персидского царя о земледелии. Всего вероятнее, что «Домострой» написан в Скиллунте, когда Ксенофонт приобрел достаточную опытность в сельском хозяйстве.

В последующие времена «Домострой» пользовался известностью: Цицерон перевел его на латинский язык; Феофраст (философ IV века до н. э.) в сочинении о домашнем хозяйстве (сохранившемся в числе сочинений Аристотеля) хвалит «Домострой»; Филодем (философ I века до н. э.) полемизирует с ним; Вергилий в своих «Георгиках» пользуется им. В новые времена он был любимым чтением (во французском переводе) у сельских хозяев во Франции.

Действующие лица в «Домострое» — Сократ и Критобул; Исхомах сам не участвует в беседе, а Сократ передает его разговор с женой. При разговоре Сократа с Критобулом присутствуют в качестве немых лиц еще «друзья» (3, 1).

Критобул, сын Критона, близкого друга Сократа,— еще молодой человек, богатый, но небрежно относящийся к своему состоянию, преданный любовным наслаждениям.

Исхомах, по-видимому, вымышленное лицо: правда, у Лисия (речь XIX, 46) упоминается какой-то богатый человек, носящий

это имя; но нельзя с уверенностью сказать, что он тождествен с нашим Исхомахом.

К какому времени Ксенофонт приурочивает этот разговор, видно из того, что в нем участвует Сократ: следовательно, разговор происходит раньше 399 года; с другой стороны, упоминается поход Кира, погибшего в 401 году. Таким образом, сценировку этого сочинения можно отнести только ко времени между этими двумя годами.

Глава 1

[1] Под словом «его» разумеется Сократ. См. введение.
[2] Свиные бобы — то же, что белена.
[3] О слове «тиранн» см. примеч. 14 к «Воспоминаниям», I, 2.

Глава 2

[1] *Мина* — сумма денег (не монета), равная 24,5 рубля, 5 мин равняются 122 рублям.

[2] Вместо постоянного подоходного налога в Афинах были натуральные повинности — «литургии», налагавшиеся на богатых граждан. Они разделялись на периодические и чрезвычайные. К первой категории относятся «хорегия», «гимнасиархия» и др., ко второй — «триерархия» и др. Здесь упоминаемая повинность на содержание лошадей состояла в обязанности содержать лошадей для беговых состязаний, процессий и религиозных праздников; кроме того, всякий гражданин, служивший в кавалерии, должен был содержать лошадь для военных целей на свой счет. Хорегия состояла в уплате расходов на обучение хоров для праздников, связанных с драматическими, музыкальными и орхестическими состязаниями во время праздников. Гимнасиархия состояла в устройстве гимнастических игр во время некоторых праздников, т. е. в наборе гимнастов и доставлении им всего необходимого. «Метеки» были иностранцы, оседло жившие в Афинах; они не пользовались правами гражданства; каждый из них обязан был выбрать себе из числа граждан «патрона», который был его представителем пред государством во всех делах. Конечно, и это требовало расходов со стороны гражданина. Впрочем, поставленное в подлиннике слово prostateia можно понимать и в смысле председательства в священном торжественном посольстве, которое государство отправляло на праздники и игры в разные места; председательство это, «архифеория», обходилось дорого. Триерархией называлась литургия по снаряжению военного корабля, «триеры». Государство передавало триерархам только остовы судов с мачтами, а триерархи обязаны были оснащать их, снабжать всем необходимым и набирать экипаж, получавший жалованье от государства. Триерархия продолжалась целый год, в течение которого триерарх командовал кораблем, заботился о том, чтобы он был постоянно годен к плаванию, и обязан был сдать его в исправном виде своему преемнику. «Военный налог», «эйсфора»,— прямая подать, взимавшаяся на военные надобности при затруднительном положении государства, всякий раз по особому народному определению, с граждан и метеков с таким расчетом, что более богатые люди платили не только в количественном, но и в процентном отношении более, чем бедные.

[3] Критобула изображает Ксенофонт также в «Воспоминаниях», II, 6, и в «Пире», гл. 4, преданным любовным наслаждениям. Поэтому данный мною перевод слов paidikois pragmasi надо считать более верным, чем перевод «ребячества», как предлагают некоторые комментаторы.

Глава 3

[1] Как видно из этих слов, разговор между Сократом и Критобулом происходил в присутствии еще каких-то лиц. Среди друзей Сократа всегда бывали люди, которые не принимали участия в разговоре, а только слушали и поучались. Такие «немые» лица сопровождали и знаменитых софистов: Платон в диалоге «Протагор», 315 А, В, изображает в несколько смешном виде, как Протагор, беседуя с избранными лицами, ходит взад и вперед по галерее, а за ним ходит «хор» его почитателей, молча внимая его мудрости.

[2] Театральные представления в Афинах происходили только несколько раз в год, в определенные праздники, и начинались с утра. Так как каждый драматический поэт представлял на состязание «трилогию» или «тетралогию», т. е. 3 или 4 пьесы, из которых каждая требовала для исполнения около $2^1/_2$ часов, и эти пьесы должны были быть сыграны в один день, то все представление длилось часов 10. Публика ела и пила в театре; зрители приходили и уходили, когда кто хотел.

[3] Аттика по природным свойствам своим была малопригодна для коневодства; лошадей держали главным образом для военных целей, в кавалерии. Но у золотой молодежи конский спорт процветал; за лошадей платили иногда безумные цены и разорялись. Пример такого любителя лошадей представляет Фидиппид в комедии Аристофана «Облака».

[4] Как сказано ниже в гл. 7, 5, жене Исхомаха не было еще 15 лет, когда она вышла за него замуж. Такие ранние браки были обычны.

[5] См. примеч. 6 к «Воспоминаниям», II, 6.

Глава 4

[1] Как видно из этого места и из других, ремесла в Греции считались недостойными свободного человека; ими занимались рабы и метеки. Афинянин часто предпочитал получать три обола (около 13 копеек) за участие в суде присяжных, чем заработать их тяжелым ручным трудом. Люди, не занимавшие никакой должности, могли заниматься ремеслом, и, несомненно, в Афинах было много ремесленников из числа граждан: Сократ в «Воспоминаниях» (III, 7, 6) говорит, что Народное собрание состоит из валяльщиков, башмачников, плотников, кузнецов, земледельцев, купцов и рыночных торговцев. Подробно этот вопрос рассмотрен в статье Эд. Мейера «Экономическое развитие древнего мира» (рус. перевод 1898 года). См. примеч. 4 к «Воспоминаниям», I, 6.

[2] *Персидский царь* — Артаксеркс II (405—359 годы), против которого восстал его брат Кир. См. вступительную статью. Об организации управления Персии, о которой здесь упоминается, Ксенофонт говорит подробно в «Киропедии», VIII, гл. 6 и 7.

[3] *Щитоносцы* — войска, которые носили щиты, сплетенные из ивовых прутьев, покрытые воловьей кожей.

[4] *Сатрап* — персидское название наместника провинции. Персидская монархия была разделена на 20 сатрапий. Как видно из параграфа 11, сатрап был не тот правитель, который упомянут в параграфе 5: правитель был в каждой провинции, а сатрап — не в каждой.

[5] *Парадис* — персидское слово. В таких парках, засаженных лучшими растениями, находились также дикие животные; охотой на них забавлялись персидские цари.

[6] Здесь разумеется Кир Младший, о котором Ксенофонт говорит в «Анабасисе»; см. выше, примеч. 2. Кир Старший — основатель персидской монархии, которого Ксенофонт идеализирует в «Киропедии».

[7] Война между Киром и Артаксерксом составляет тему «Анабасиса».

[8] *Арией* — друг и полководец Кира Младшего; после смерти его он перешел к Артаксерксу и участвовал в обмане, вследствие которого предводители греков попали в руки персов и были убиты. Об этом Ксенофонт говорит в «Анабасисе».

[9] *Лисандр* — спартанский полководец во время Пелопоннесской войны в конце V и в начале IV века до н.э., а вместе с тем очень ловкий и хитрый дипломат, сумевший снискать расположение Кира Младшего и через это добыть от него денежную помощь Спарте. Под союзниками разумеются союзники Спарты.

[10] *Сарды* — древняя столица Лидии на берегу реки Пактола. После завоевания Лидии персами Сарды вошли в состав персидской монархии.

[11] *Мифра* — персидский бог солнца.

Глава 5

[1] Слова «ты не упомянул о том» мною дополнены в переводе по смыслу; в оригинале находится только следующее придаточное предложение с союзом «что». Таким образом, здесь или пропуск в рукописи, или так называемый «анаколуф», т. е. неправильность речи, допущенная самим автором: Критобул после придаточного предложения поставил вводное «град», «иней» и т. д., и через это придаточное предложение осталось без главного.

[2] О вещих птицах см. примеч. 4 к «Воспоминаниям», I, 1.

[3] *Сочные плоды* — виноград и маслины, *сухие плоды* — пшеница, ячмень и другие хлебные плоды.

Глава 6

[1] О ремеслах см. примеч. 1 к гл. 4.

[2] Слова «прекрасный и хороший человек» — буквальный перевод греческого выражения kalos kagathos, которым обозначается человек, каким он должен быть в физическом, нравственном и умственном отношении. Главным образом при этом имеется в виду нравственная сторона человека, так что можно было бы перевести это выражение словом «благородный». Но пришлось перевести его буквально, так как из параграфа 15 видно, что Сократ понимал его тоже буквально и в первую очередь искал красавцев.

[3] Об *Исхомахе* см. введение.

Глава 7

[1] Разумеется портик (галерея), примыкавший к храму Зевса; прозвище «Освободитель» было придано Зевсу в данном случае потому, что портик был выстроен отпущенными на волю рабами. Портик находился на площади и был удобен Сократу для его бесед.

[2] Сократ хочет сказать, что Исхомах, судя по его наружности, здоров, а это было бы невозможно, если бы он вел сидячий образ жизни. В гл. 4, 2 сказано, что ремесло вредит телу, заставляя людей вести сидячий образ жизни, без солнца, или даже проводить целый день у огня.

[3] Здесь указаны две литургии: триерархия и хорегия; см. примеч. 2 к гл. 2. Всякий гражданин, которому казалась слишком обременительной или неправильно наложенной какая-либо литургия, мог предложить ее более богатому и, в случае отказа его, имел право потребовать от него поменяться имуществом. Обыкновенно вызванный отказывался от обмена, и тогда дело переходило на суд присяжных («гелиастов»), который и решал, кто из спорящих должен принять на себя литургию.

[4] В официальном языке к имени афинского гражданина прибавлялись имя его отца и название округа («дема»), к которому он принадлежал, например, Ксенофонт, сын Грилла, эрхиец (т. е. из дема Эрхии).

[5] О ранних браках греков см. выше, примеч. 4 к III, 13.

[6] В греческом тексте здесь стоит слово sophroneîn, которое в приложении к женщине вообще значит «быть целомудренной». Но оно значит также «быть разумным», и Исхомах в дальнейшем разговоре понимает его в этом смысле, тогда как мать, давая наставление дочери, вероятно, понимала его в первом смысле.

[7] Под «распахиванием нови» здесь и в других местах разумеется распахивание не девственной почвы, которая совсем еще не употреблялась для земледелия, но земли отдыхавшей. Греки после двух лет обработки оставляли поле на третий год невспаханным и только уничтожали на нем сорные травы.

[8] Здесь намек на известный миф о том, что Данаиды были наказаны в царстве Аида тем, что должны были вечно наливать воду в дырявую бочку.

Глава 8

[1] Разумеются нестроевые части войска, главным образом обоз.

[2] *Гоплиты* — тяжеловооруженная пехота.

[3] Речь идет о гребцах, которые, работая веслами, то наклоняются вперед, то откидываются назад по команде «келевста»; см. ниже, гл. 21, 3.

[4] Под деревянными снастями разумеются, например, руль, весла, сходни, багры; под плетеными — канаты разных назначений; под висячими — паруса и веревки, которыми они укрепляются.

[5] Под комнатой с десятью койками разумеется не спальня, а столовая: так как греки обедали лежа, то койки были необходимою принадлежностью столовой; числом их определялся размер комнаты.

[6] Круговой хор противополагается четырехугольному: в круговом хоре участники («хоревты») становились в круг и двигались вокруг алтаря бога (Диониса); в четырехугольном хоревты строились в виде четырехугольника. Первое построение употреблялось в музыкальных представлениях, второе — в драматических.

Глава 9

[1] В спальне хранили самые дорогие вещи; потому она и устраивалась в безопасной части дома.

[2] Мысль, выраженная здесь, подробнее развита в «Воспоминаниях», III, 8, 9. На задней стороне двора находилась открытая спереди зала; будучи обращена обыкновенно к югу, она устраивалась и выше и глубже для того, чтобы солнце зимой, стоя ниже над горизонтом, могло проникать в нее и согревать, а летом, стоя выше над горизонтом, освещало только крышу, но не бросало лучей внутрь залы.

[3] В конце каждого года Совет пятисот производил осмотр («докимасию») кавалеристов, и только те из них, которые были признаны годными, заносились на следующий год в список кавалеристов, состоявших на действительной службе.

Глава 10

[1] См. примеч. 1 к «Воспоминаниям», I, 5.

[2] О Зевксиде см. примеч. 6 к «Воспоминаниям», I, 4.

[3] Греческие женщины белились и румянились, подкрашивали ресницы, брови и места под глазами. Для этой цели употреблялись разные вещества. Это был общераспространенный обычай.

[4] Греки считали высокий рост необходимым условием женской красоты. См. «Воспоминания», II, 1, 22. «Анабасис», III, 2, 25.

[5] Т. е. сделанные из дерева и обложенные золотом или серебром.

[6] Обыкновенным цветом одежды был белый или бледно-желтый. Пурпуровые одежды употреблялись только в торжественных случаях; они были признаком роскоши и франтовства.

[7] Исхомах указывает жене на пользу от моциона. См. примеч. 2 к гл. 7, 2.

[8] Разумеются продажные женщины.

Глава 11

[1] В этих словах намек на комедию Аристофана «Облака», где Сократ изображен «ходящим по воздуху» и наблюдающим солнце.

[2] Какой Никий разумеется здесь, неизвестно; знаменитого полководца афинского Никия нельзя было бы назвать иностранцем.

[3] Сократ иронизирует здесь по поводу народного поверья о «счастливых» днях для начинания какого-нибудь дела.

[4] Древние считали полезным для усталой и вспотевшей лошади дать ей покататься в песке.

[5] «Чищу себя скребницей» — чтобы стереть пот и пыль.

[6] И здесь, как в параграфе 3, намек на Аристофановы «Облака», где Сократу приписывается искусство изображать неправое

дело как правое (буквально: «более слабое дело делать более сильным»), чем на самом деле занимались софисты (по крайней мере, некоторые), а не Сократ.

Глава 12

[1] Таких управляющих господа выбирали из рабов.

[2] Так как слово mousike имело значение не только «музыка», но также вообще «художественное и научное образование» (в противоположность гимнастике), то можно понимать это место двояко: или перевести, как я перевел его, понимая слова amousos и mousikos в общем смысле «невежда» и «ученый», или, понимая их в более узком смысле, перевести так: «человеку, незнакомому с музыкой, делать других музыкантами».

Глава 13

[1] «Язык» надо понимать здесь в смысле части тела, как в «Воспоминаниях», I, 4, 12: «...хотя все живые существа имеют язык, но лишь язык человека боги сделали способным произносить членораздельные звуки и сообщать друг другу все, что хотим».

[2] В противоположность этой презрительной характеристике раба можно указать на письмо 47-е Сенеки к Луцилию, проникнутое гуманностью к рабам: «Я с удовольствием узнал, что ты живешь с рабами по-дружески: это прилично твоему уму и образованию. „Они — рабы": нет, люди... „Они — рабы": нет, покорные друзья. „Они — рабы": нет, товарищи по рабству, если подумаешь, что судьба имеет одинаковую власть над теми и другими. Поэтому я смеюсь над теми, которые считают унизительным для себя обедать со своим рабом», и т. д.

Глава 14

[1] *Дракон* и *Солон* — известные афинские законодатели.

[2] Под царскими законами разумеются законы персидского царя.

Глава 15

[1] Земледелие названо благородным занятием именно потому, что оно предоставляет человеку легкую возможность изучить его. То же сказано в XVIII, 10 и XIX, 17.

Глава 16

[1] Здесь намек на учение Сократа (изложенное Платоном особенно в диалоге «Менон») о том, что обучение состоит только в напоминании человеку путем вопросов тех знаний, которые уже находятся в душе его, но как бы в дремлющем состоянии.

[2] См. примеч. 7 к VII, 20.

Глава 17

[1] Все три сева производились осенью. По словам Плиния («Естественная история», XVIII, 25), сеют хлеб с 11-го дня после осеннего равноденствия.

[2] *Кифарист* — музыкант, играющий на кифаре, струнном инструменте, похожем на лиру.

[3] Т. е. как подъяремный скот становится сильнее, если ему давать больше корма.

[4] Климат Греции в разных местах не одинаков. В Аттике зимой около середины января выпадает снег, но лежит недолго; после этого наступают дожди; в начале марта обыкновенно весна в полном разгаре. Жатву собирают в мае.

Глава 18

[1] Молотьба производилась посредством топтанья колосьев волами, мулами, лошадьми, которые ходили по кругу, подгоняемые рабочими. Молотильщики подбрасывали им под ноги колосья; уравнение гумна состояло в том, что они должны были по всему кругу подбрасывать колосья равномерно.

[2] Под столбом (polos) надо разуметь столб, поставленный посредине гумна, вокруг которого ходят молотящие колосья животные. По другому толкованию, здесь polos означает край гумна, его окружность.

[3] Под словом «сеять» разумеются все вообще действия, касающиеся семян.

Глава 19

[1] Аттический pus, буквально «стопа» (38 сантиметров), почти вполне равен нашему футу (34 сантиметра).

[2] *Ликабетт* — гора в Аттике, доходившая до самых стен афинских с северо-востока.

[3] *Фалер* — гавань афинская, соединенная с городом стеною около 6 километров.

[4] Вероятно, после слова «конечно» есть пропуск: нет ответа Сократа на предложенный ему вопрос о времени года.

[5] «*На манер* перевернутой *гаммы*» — т. е. так, чтобы часть ветки, находящаяся в земле, была в горизонтальном положении, а часть, находящаяся поверх земли,— в вертикальном.

[6] Говоря раньше о посадке растений, Исхомах все время имел в виду посадку винограда. Хотя греки и римляне сажали деревья, годные для постройки или для украшения, но делали это в очень ограниченном количестве, и притом близ домов, ради тени или украшения. Но нет указаний на то, что они сажали деревья с целью резать их для построек или отопления. Материал для этих целей они брали из естественных лесов.

[7] Маслины сажали охотно по сторонам дорог, потому что пыль, падающая на плоды их, способствует их скорейшему созреванию. Так утверждает автор компиляции о сельском хозяйстве, Кассиан Басс, X века н. э.

[8] Грязью и мохом покрывали верхушку растения для утепления его в зимнее время.

[9] Метод Сократа состоял именно в вопросах, обращенных к собеседнику, которыми он старался напомнить ему дремлющие в его душе знания. См. примеч. 1 к гл. 16, 8.

Глава 20

[1] Смысл этой не вполне ясной фразы такой: усердный земледелец, работающий по старым, испытанным методам, получает больший урожай и потому лучше живет в материальном отношении, чем тот, кто придумывает новые способы, но не так усердно работает. Консервативный взгляд на земледелие, высказываемый здесь Ксенофонтом устами Сократа, выражает застойный характер консервативных помещичьих хозяйств в Афинах.

[2] 200 стадий равны 35 ½ километра.

[3] См. примеч. 10 к «Воспоминаниям», III, 6.

Глава 21

[1] Чтобы все гребцы гребли одновременно и не мешали один другому, необходим был для общего руководства известный такт или ритм. Для этой цели на каждом большом корабле был начальник гребцов, «келевст», руководивший греблею или посредством подходящей песни, которую все гребцы подхватывали и пели, или (чаще всего) при посредстве такта, даваемого им особому музыканту, под звуки инструмента которого гребцы гребли. См. примеч. 3 к гл. 8, 8.

[2] Главную силу греческого войска составляли тяжеловооруженные гоплиты (см. примеч. 2 к «Воспоминаниям», III, 1). Легковооруженная пехота, которую в V веке до н. э. употребляли только в редких случаях, сделалась необходимою частью войска со времени похода Кира Младшего. Легковооруженные были двух родов: одни были вооружены метательным копьем, шлемом, кожаными поножами и небольшим деревянным обтянутым кожею щитом (pelte), от которого они и назывались пелтастами; другие не имели ни щита, ни шлема и пр. и назывались просто безоружными — гимнетами; к ним принадлежали копейщики, лучники (стрелки из лука) и пращники.

[3] В подлиннике здесь игра слов, основанная на том, что слово cheir может означать и «руку» и «отряд»; буквально: «по справедливости можно сказать, что с большой рукой (= с большим отрядом) идет тот, воле которого готовы служить многие руки». Я передал эту игру слов посредством повторения слова «масса».

[4] Управляющий (epitropos) был из рабов (см. примеч. 1 к гл. 12, 2), и круг его деятельности ограничивался земледелием; надсмотрщик (epistates) мог быть и из свободных, и его функции были обширнее: он смотрел за рабочими всякого рода.

[5] *Тантал* — мифический царь города Сипила во Фригии (в Малой Азии), за свои преступления против богов осужденный в царстве Аида на вечные муки: перед ним висели прекрасные плоды, но, когда он хотел их съесть, они поднимались вверх; он стоял до подбородка в воде, но когда он хотел ее пить, она от него убегала; таким образом, он вечно страдал от голода и жажды.

[6] Вопрос о том, на чем основывается авторитет человека, при каких условиях люди охотно повинуются начальнику, занимал Ксенофонта и составляет содержание всей главы 21. В «Киропедии» и «Гиероне» он рассматривает этот вопрос с двух противоположных сторон: в «Киропедии» изображен властитель, которому подданные охотно повинуются; в «Гиероне» — деспот, управляющий людьми против их воли. По своему религиозному характеру Ксенофонт в этой главе склоняется к мысли, что способность управлять людьми при их добровольном согласии не зависит от воли человека, что для этого нужна особенная милость богов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Единственный на русском языке перевод всех сочинений Ксенофонта принадлежит Г. А. Янчевецкому. Он состоит из 5 выпусков, под общим заглавием: Сочинения Ксенофонта. Перевел Г. А. Янчевецкий. I. Анабазис (Отступление 10 000 греков). Киев, 1876; II. Воспоминания о Сократе (Memorabilia). СПб., 1876; III. Киропедия. Киев, 1878; IV. История Греции (Hellenica). Митава, 1879; V. Мелкие статьи. Митава, 1880. Были и повторные издания некоторых выпусков.

Перевод этот сделан с любовью и усердием: прибавлены введения, оглавления, примечания, указатели; но в нем много не только мелких неточностей, но и ошибок, дающих право заключать о непонимании автором подлинника; есть пропуски слов, иногда необходимых по смыслу: в «Воспоминаниях» III, 4 не переведен (по-видимому, случайно пропущен) даже целый параграф 8; в III, 10, 8 не переведена средняя фраза. Пропуски эти не восполнены и в последующих изданиях, даже в издании IV 1887 г. Русский язык перевода оставляет желать много лучшего. Язык 4-го «исправленного» издания «Воспоминаний» даже хуже, чем предыдущих: по-видимому, автор хотел сделать из него пособие для учеников.

Кроме этого перевода, есть переводы отдельных сочинений Ксенофонта, частью в полном виде, частью в отрывках.

В полном виде переведены:

Анабазис в «Военной библиотеке», изд. И. Глазуновым, т. I. СПб., 1837. Перевод сделан с французского Р. М. Зотовым.

Киропедия: 1) Ксенофонта философа и полководца славного История о Старшем Кире, основателе Персидской монархии / С латинского на российский язык переведена при Имп. Акад. наук. СПб., 1759; 2-е изд. СПб., 1788. Переводу предпослано «Житіе Ксенофонта, сочинителя Исторіи о Кирѣ».

2) *Ксенофонт.* «Киропедія» в «Военной библиотеке», т. I. СПб., 1837. Перевод сделан с французского.

Воспоминания о Сократе были несколько раз переведены в полном виде:

1) Ксенофонта о достопамятных дѣлах и разговорах Сократовых четыре книги и оправданіе Сократово перед судіями / Пер. с греч. Григоріем Полѣтикою. СПб., 1762.

2) Сократово учение по Ксенофонту, в виде разговоров в четырех книгах / Пер. с греч. Иваном Синайским. М., 1857.

3) Меморабилии Ксенофонта / Пер. И. Е. Тимошенко. Киев, 1883.

Перевод довольно хороший, лучше перевода Янчевецкого как по отношению правильности понимания текста, так и по отношению русского языка.

4) Memorabilia Xenophontis / Перевод со словами и примечаниями К. Гальберштадта. Книги I и II. 5-е изд. Киев; Харьков,

Книги 3-я и 4-я. 2-е изд. Киев; Харьков (без обозначения года, но около 1890 г.).

Это обычный подстрочник для учеников: перевод буквальный, с многочисленными ошибками, сделанный плохим русским языком.

Кроме этих полных переводов, есть переводы отдельных книг «Анабасиса» (подстрочники) и отдельных мест из «Киропедии» и «Воспоминаний о Сократе».

Остальные сочинения не были переведены отдельно.

Мой перевод сделан по следующим изданиям:

1) *Воспоминания о Сократе*: Xenophontis commentarii recognovit Walther Gilbert. 1907. Lipsiae. In aedibus B. G. Teubneri.

2) *Защита Сократа* и *Пир*: Xenophontis scripta minora. Fasciculus prior Oeconomicum, Convivium, Hieronem, Agesilaum, Apologiam Socratis continens. Post Ludovicum Dindorf edidit Th. Thalheim. Lipsiae. In aedibus B. G. Teubneri. 1910.

3) *Домострой*: The Oeconomicus of Xenophon. With introduction, summaries, critical and explanatory notes, lexical and other indices, by the Rev. Hubert A. Holden. Fourth edition. London: Macmillan and Co.; New York, 1889.

Кроме этих изданий, я пользовался всеми важными критическими и экзегетическими изданиями названных сочинений, как русскими, так и иностранными.

Подзаголовки сделаны мною, отчасти по изданию Янчевецкого.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ СОБОЛЕВСКИЙ — УЧЕНЫЙ-ФИЛОЛОГ, ПЕРЕВОДЧИК, ПЕДАГОГ

Сергей Иванович Соболевский был нашим современником и учителем, хоть и родился 130 лет тому назад (25 августа 1864 года). Он был сыном адвоката и младшим братом известного ученого-слависта, академика Алексея Ивановича Соболевского.

Сергей Иванович прожил долгую жизнь (умер 6 мая 1963 года) и оставил значительный след в современной науке. А так как формировался он как ученый в XIX веке, то и нам, своим ученикам, дал возможность непосредственно прикоснуться к традициям прошлого.

Сергей Иванович в 1886 году блестяще окончил Московский университет по классическому отделению, был оставлен при кафедре и сразу же стал преподавать. Вся его педагогическая и научная деятельность проходила в Москве и длилась более 70-ти лет.

В 1890 году он стал приват-доцентом, а вскоре и профессором Московского университета. Весь первый период своей деятельности, т. е. все то время, что существовало в университете преподавание древних языков, вплоть до 1922 года, когда историко-филологический факультет был закрыт и пришлось остаться не у дел, Сергей Иванович не оставлял этой работы и вернулся к ней при первой возможности.

В эти годы Сергей Иванович вел курсы по чтению и толкованию авторов — Фукидида, Лисия, Аристофана, Эсхила, Софокла, Еврипида и Платона. Многие лекции этих курсов сохранились: одни в литографированном виде, другие в рукописи. Читал Сергей Иванович в университете также латинскую и греческую стилистику.

Параллельно с преподаванием блестяще разворачивалась научная деятельность С. И. Соболевского. Особенно много сделал он, разрабатывая во всех тонкостях грамматику (главным образом синтаксис) древнегреческого языка. Сергей Иванович начал с исследования языка

Аристофана, которому были посвящены и его магистерская (1890 г.) и докторская (1892 г.) диссертации. Обе эти работы, написанные на латинском языке и потому доступные не только русским ученым, были крупным вкладом в науку. Они до сих пор являются лучшими исследованиями синтаксиса Аристофана и сделали автора известным за пределами России. Аристофана Сергей Иванович называл своим любимым поэтом и занимался им всю жизнь. Он напечатал целый ряд заметок к отдельным местам в комедиях Аристофана в журналах «Филологическое обозрение» * и в Журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП) и написал в разное время несколько статей по языку Аристофана **. Рецензии на труды С. И. Соболевского появились в Германии, Франции, Англии, Чехии и Америке, а ссылки на его сочинения можно встретить во всех важнейших изданиях Аристофана и исследованиях о нем.

Завершающим работу над Аристофаном было подготовленное им уже в последние годы жизни и зданне комедии «Плутос» с обширным комментарием, но оно осталось невостребованным, незаконченным, ненапечатанным. Надо сказать, что после смерти Сергея Ивановича даже на классическом отделении МГУ Аристофана со студентами не читают.

Целый ряд статей и множество заметок и рецензий, написанных в основном до 1917 года, были посвящены исследованию различных синтаксических конструкций у греческих и латинских авторов. Сергей Иванович издал также критические и экзегетические заметки к Эсхилу, Фукидиду, Ксенофонту и писал статьи, уточняющие некоторые исторические события (например, о союзе Эгесты с Афинами в V веке на материале Фукидида VI, 6 (1905 г.)).

В конце концов многолетние грамматические штудии сложились в фундаментальную грамматику древнегре-

* «Филологическое обозрение — журнал классической филологии и педагогики» выходил с 1891 по 1902 год.

** Некоторые наиболее значительные работы С. И. Соболевского указаны в статье С. И. Радцига «Из истории кафедры классической филологии Московского университета» в сб. «Вопросы классической филологии», 1965, вып. 1, с. 204—206. См. также библиографию трудов С. И. Соболевского и статью о нем В. Ф. Беляева в сб. «Вопросы античной литературы и классической филологии» (М.: Наука, 1966 г.).

ческого языка, над которой Сергей Иванович работал плотно более десяти лет (с 1942 года). Но и эта работа не была завершена, так как автор отчаялся в том, что она может кому-нибудь понадобиться*. Далеко не полностью эти наблюдения нашли отражение в обиходной грамматике древнегреческого и латинского языков, т. е. распространены через учебные пособия.

Сергей Иванович занимался также палеографией. В 1908—1916 годах он читал в Московском археологическом институте, а также и в университете курс греческой палеографии, который сохранился в литографированном виде. В связи с чтением этих лекций он издал вместе с Г. Ф. Церетели двухтомный альбом (очень важное пособие к курсу) греческих рукописей, хранившихся в библиотеках Москвы и Петербурга.

С 1909 года Сергей Иванович преподавал греческий язык в Московской духовной академии. У него есть ряд работ на темы, сближающие классическую филологию с богословием. Так, в 1908 году в IX т. Православной богословской энциклопедии было напечатано его исследование общегреческого языка (койне), проведенное на библейских текстах и очень важное для истории греческого языка. Это была настолько интересная работа, что она тут же была переведена на современный греческий язык и издана в Александрии (Египет).

Двумя годами раньше вышла большая статья С. И. Соболевского «Суд над Христом и распятие его с точки зрения истории и археологии»; он писал о переводе и истолковании Евангелия Л. Н. Толстым (1909 г.), об отношении классической филологии к богословию (1910 г.) и на другие сходные темы.

В 20-е годы наступило трудное время и для развития классической филологии, и для тех, кто ею занимался. Сергей Иванович в 1924—1928 годах преподает древние языки в литературной студии, на курсах профессионального образования — крохотные островки, где теплился интерес к древности. Очевидно, для заработка он переводит с французского книгу Анри Оветта «Итальянская литература» (1922), с немецкого большой роман Бринк-

* Большая часть рукописей С. И. Соболевского хранится в Архиве Академии наук СССР в Москве (фонд 695). Сведения об этом взяты из библиографии трудов С. И. Соболевского, напечатанной в упомянутой выше книге.

мана «Серебро» (1923), оставшийся ненапечатанным, систематически составляет краткие заметки (их более 50-ти) о книгах по новейшей истории и международным отношениям для сборника «Международная летопись» (1924—1925) и даже не подписывает их своим именем — ставит только инициалы. На эти и другие мелочи приходится размениваться. Судя по публикациям, никакой серьезной работы в эти годы не велось, разве что «в стол».

Между тем Сергей Иванович был уже к этому времени крупнейшим специалистом в области классической филологии, понимаемой в старину в широком смысле этого слова, т. е. науки, включающей в себя всю совокупность знаний об античности; он был не только выдающимся знатоком этой науки, но филологом в прямом и буквальном смысле этого слова, и, может быть, надо было знать Сергея Ивановича, чтобы почувствовать всю основательность старой школы. Он необычайно глубоко проникал в текст, был верен духу античности, но не по интуиции, не по вдохновению, как это нередко бывало особенно в литературе и искусстве начала XX века, а только через слово, через точное его раскрытие.

Скрупулезный филолог, непосредственно изучающий текст и делающий свои наблюдения над ним основой всякого научного разыскания, Сергей Иванович внимательно следил за научной литературой (об этом говорит множество написанных им рецензий по различным вопросам классической филологии), тщательно отбирал нужное и полезное и отметил надуманные построения. «Бойтесь, друзья мои, необоснованных гипотез,— говаривал он в 30-е годы, время расцвета вульгарной социологии,— очень соблазнительно принять их за истину, строить на их основе новые, еще менее обоснованные гипотезы, а это ведет науку по ложному пути».

Другая важная мысль, которую Сергей Иванович внушал своим ученикам, была, по-видимому, связана с острым ощущением забвения исторической и культурной традиции, разрыва связи времен, нарушения непрерывности и преемственности культурного развития.

«Я родился всего три года спустя после отмены крепостного права,— говорил он нам,— моя няня была крепостная, оставшаяся жить у моих родителей, и дожила до советской власти. Мои родители жили в эпоху Пушкина. Они не так далеки были от времен Екатерины, а я бе-

седую с вами». Легко перебрасывая мостик в прошлое, приближая его к нам, своим ученикам, он показывал, что и до Византии рукой подать, а там и античность... Ощущение античности как живой эпохи усиливалось благодаря тому, что реалии греческого быта легко и непосредственно вплетались в любой комментарий к тексту. Кроме того, Сергей Иванович во время занятий показывал старые книги, схолии и комментарии средневековых ученых и, таким образом, давал возможность ощутить непрекращающуюся жизнь античного наследия в разных поколениях. И это, повторяю, во времена, когда вокруг, да и в нашем сознании, шло целенаправленное разрушение связей с прошлым.

С начала 30-х годов происходят некоторые изменения в педагогической деятельности Сергея Ивановича, меняется также характер его научной работы, приобретая, во-первых отчетливый популяризаторский характер, а во-вторых, креп в область литературоведения, которое он, строго говоря, не слишком жаловал.

Дело в том, что в 1934 году правительство приняло решение об усилении преподавания истории в вузах; в том же году, после I съезда писателей, решено было организовать литературный факультет. Факультет общественных наук реорганизовали в исторический факультет МГУ (с измененной программой), а существовавший в те годы КУПОН (аббревиатура: Коммунистический университет преподавателей общественных наук) превратился в ИФЛИ (Институт истории, философии и литературы) *.

Как только возобновилось преподавание латинского языка на истфаке МГУ, как только открылась кафедра классической филологии в ИФЛИ, Сергей Иванович сразу же стал там работать, не гнушаясь тем, что он, тогда уже ученый с мировым именем и член-корреспондент Академии наук СССР (им он стал в 1928 году), занимается, начиная с азов, со студентами, не имеющими никакой филологической подготовки.

Делал он это вдумчиво, серьезно, так как считал, что недостатки преподавания древних языков еще в дореволюционной гимназии в значительной степени способст-

* Об ИФЛИ — см. статью Г. Соловьева «Островок пытливой мысли» в журн. «Вопросы литературы», ноябрь-декабрь 1990 г.

вовали упадку классического образования.

Quod enim munus reipublicae affere majus meliusque possumus, quam si docemus atque erudimus juventutem *,—

говорил и писал он, цитируя Цицерона.

У Сергея Ивановича был очень определенный и только им проводившийся метод преподавания: он был решительным противником так называемых «самодельных» фраз и вымученных статей, которые составители гимназических учебников придумывали сами, приспосабливая их к определенным разделам курса древних языков. Сергей Иванович считал этот метод вредным, во-первых, потому, что он мешал изучению подлинного языка и стиля авторов во всем их богатстве и разнообразии, а во-вторых, ничего не давал для понимания античности.

Весь пафос преподавания Сергея Ивановича (и это отражено в составленных им уже в советское время учебниках) был направлен на устранение этого недостатка. Учить хорошему языку на классических образцах, с первых же уроков вводить студентов в мир античных авторов, давать сведения, помогающие понять мировоззрение древних, их быт и историю,— в этом видел он важнейшую задачу преподавания древних языков, эти принципы отразились и в созданных им учебных пособиях.

Метод Сергея Ивановича в нашей педагогической практике используется лишь частично, в комбинации со старыми принципами преподавания. Это связано с условиями (и потребностями) нынешнего обучения.

Сергей Иванович последовательно проводил принцип сопоставления явлений русского языка с древними. Для этой цели он широко практиковал переводы с русского на древние языки. А с продвинутыми студентами проводились специальные занятия по латинской и греческой стилистике. К сожалению, эта область занятий после ухода Сергея Ивановича у нас заглохла.

Работа Сергея Ивановича в университете была прекращена не по его инициативе: он вынужден был уйти в начале 50-х годов и тяжело переживал свое отлучение от университета, в котором проработал всю жизнь **.

* «Лучшее и прекраснейшее, что мы можем сделать для государства, это обучение и воспитание молодежи».

** В 1949 г. в газете «За педагогические кадры» в Московском педагогическом институте им. В. П. Потемкина, где тоже работал

Сергей Иванович очень дорожил своей связью с университетом и говорил, что именно ему хочет оставить свою совершенно уникальную библиотеку по классической филологии, содержащую более 40 тысяч томов. (С большим трудом и через ряд унижений и ходатайств перед властями сберег он в 20-е годы эту библиотеку, получив на нее охранную грамоту при попытках сделать из его квартиры коммуналку.) Теперь, огорченный и обиженный, он завещал книги Институту мировой литературы им. М. Горького, где с 1948 года заведовал сектором античной литературы. Книги долго валялись в сырой и запущенной церкви, в помещении, совершенно не приспособленном для книгохранения. Кое-что спасли, но большая часть погибла.

Педагогическая практика, колоссальная начитанность и длительная работа в области нормативной грамматики, реализовались во время работы в университете и в ИФЛИ не только в преподавании, но и в создании учебников и учебных пособий для практического изучения древних языков. Это комментарий к первым четырем книгам записок о галльской войне Цезаря (1946—1947) и книга «Публий Теренций. Комедия „Адельфы"» (1954). Книга эта имеет обширное введение, но особенную ценность в ней представляет исчерпывающий и необыкновенно тщательно выполненный комментарий.

Далее, Сергей Иванович издает учебник по древнегреческому языку (1948), грамматику латинского языка (первое издание вышло в 1938 году), учебник латинского языка (1953) и составляет двухтомную латинскую хрестоматию (ч. I — 1938 г., ч. II — 1947 г.), которая содержит несколько тысяч фраз и отрывков подлинных текстов авторов, безупречных по своему языку.

Сергей Иванович составлял хрестоматию много лет. В процессе своих бесконечных занятий выписывал он подходящие тексты и организовывал их по грамматическим темам. Эти фразы глубоко и полно характеризуют менталитет древних римлян, причем включал Сергей Иванович, как он писал в предисловии, такие тексты, «которые отражали не только положительные, но и отрицательные

Сергей Иванович до 1951 года, была напечатана касающаяся его редакционная статья, озаглавленная «Выкорчевать до конца буржуазный объективизм и космополитизм».

стороны морали древних: от изучающих литературу древних нельзя скрывать их пороков».

За несоответствие некоторых фраз духу времени (1938 год!) * часть I хрестоматии подвергалась сокрушительным нападкам и ее не рекомендовалось использовать при обучении. Тем не менее уже более полувека наши авторы учебников латинского языка в большей или меньшей мере, иногда прямо, а часто из вторых рук, пользуются этими текстами, следуя, очевидно, при этом римскому обычаю, сформулированному Сенекой: Quidquid bene dictum est ab ullo, meum est (все, что кто-нибудь хорошо сказал,— считаю своим).

Созданные С. И. Соболевским учебники и учебные пособия были совершенно оригинальными трудами, но из-за своего практического назначения они далеко не в полной мере отразили его научные разыскания, однако и они сами, и обращение к ним других авторов подняли преподавание древних языков на значительно более высокий уровень.

Сергей Иванович всегда много переводил. Наиболее значительные из его переводов — это вышедшие в издательстве Academia речи Лисия (1933) и лежащие перед ними «Сократовские сочинения» Ксенофонта (1935). Высокое качество перевода этих произведений обусловлено тем, что безукоризненное знание языка делает высказанную две тысячи лет тому назад мысль живой и ощутимой, богатой всеми оттенками и чуть ли не интонациями писавшего. Это то знание языка, которое стирает пропасть времени и воскрешает прошлое. И здесь, и в других своих переводах С. И. Соболевский дает почувствовать, что каждый автор имеет свой словарь, свой язык, свою форму выражения. Сергей Иванович как переводчик мог выразить, а как ученый обосновать любой оттенок мысли, объяснить, какой смысл, какую интонацию придает в греческом та или иная частица у того или другого автора, как меняется окраска периода от порядка слов у разных авторов. Об этом свидетельствуют речи персонажей Лисия (знаменитая этопоея — создание характера через речь говорящего), а также облик Сократа в «Сократических сочинениях» Ксенофонта, живой и реально ощутимый,

* В библиографии трудов С. И. Соболевского (см. выше) и других указателях ошибочно указан 1939 год.

Сократа, который здесь кажется гораздо более близким к действительности, чем у Платона, благодаря очень личной и живой разговорной интонации, которой нет в отточенных, совершенных литературно-философских диалогах Платона.

Сергей Иванович дорожил не только адекватностью перевода подлиннику (этого, по сути, достигнуть невозможно), но и тем, чтобы совершенное для древних произведение было воссоздано на уровне, соответствующем нашим эстетическим представлениям. Этим и объясняются чистота и прозрачность прозы в переводах С. И. Соболевского, напоминающие нам лучшие образцы художественной прозы XIX века (ведь именно там были его эстетические идеалы!), но в то же время сохраняющие не только языковую, но и стилистическую и даже интонационную точность.

Особенный интерес представляют комментарии к этим переводам. Наряду с обычными для такого типа изданий разъяснительными примечаниями здесь содержатся отдельные заметки, а также очень содержательные небольшие статьи, раскрывающие суть тех или иных исторических событий, разъясняющие реалии, рисующие подробности быта и т. п. Это — своего рода энциклопедия жизни афинян на исходе V века до н. э.

В предлагаемом издании немало таких статей. Вот взятые наугад: очерк о гаданиях (примеч. 3 к I, 1 Воспоминаний о Сократе), версия о том, кого имел в виду Ксенофонт, говоря об обвинителях Сократа (там же, примеч. 2 к I, 2), об особенностях афинского судопроизводства (там же, примеч. 2 к II, 9), об ареопаге (примеч. 19 к III, 5), о праздниках (примеч. 2 к III, 7) и много других.

Среди других переводов С. И. Соболевского следует выделить фрагменты Эпикура (в книге Лукреция «О природе вещей», т. II, 1947 г.) и несколько биографий для трехтомного издания «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (т. I — 1961 г., т. II — 1963 г.; третий том вышел уже без его участия).

Работа в античном секторе ИМЛИ, на которой пришлось сосредоточиться в послевоенные годы, С. И. Соболевского не вполне удовлетворяла. Переход к литературоведческим занятиям был вынужденным, связанным с невозможностью реализовать себя как языковеда-эллиниста (это доказывается ненапечатанными работами в области

языка). Конечно, его эрудированность, безукоризненное владение текстами, древними комментариями, схолиями и современной научной литературой (насколько она была ему доступна) делали и тут его работу безупречной.

Сергей Иванович пишет ряд глав для трехтомной истории греческой литературы (1946—1960), двухтомной римской литературы (1959—1962) и активно участвует в редактировании этих изданий. Он был очень требовательным редактором. Об этом можно судить по тому, как часто приходилось ему писать рецензии на отдельные главы. Многие главы после этого переделывались, другие заменялись, и их писали другие авторы.

В последние годы жизни Сергей Иванович возвращается к своему любимому автору — Аристофану.

В связи с 2400-летием со дня рождения Аристофана, которое отмечалось по постановлению Всемирного Совета Мира в 1954 году, Сергей Иванович, между 1954 и 1957 годами не только напечатал несколько статей об Аристофане, но и издал научно-популярную работу «Аристофан и его время» (1957), которую назвал рядом этюдов по анализу отдельных комедий. В книгу вошли также некоторые статьи, посвященные театру Аристофана.

По поводу этой книги Сергей Иванович в предисловии пишет: «Я имел в виду вообще образованную публику — не ученых-специалистов, но и не людей, совершенно чуждых древнему классическому миру. Поэтому я особенно заботился о том, чтобы мое изложение было понятно таким читателям, избегал „мудреных" слов, так как держусь мнения, что для изложения научной мысли нет надобности выдумывать необыкновенные, полуиностранные слова и выражения с очень неопределенным значением. По той же причине я сообщаю много элементарных сведений, которые необходимы для понимания комедий Аристофана и которые должны были бы быть известны всем,— твердо веруя вместе с Аристотелем, что даже „известное известно немногим" (Поэтика, глава IX)».

И еще две мысли из этого же предисловия, характеризующие метод приближающегося к своему столетию ученого:

«В методическом отношении везде, где возможно, я основывал свои мнения на текстах древних авторов, особенно самого Аристофана, а не на домыслах своих или чужих, относясь с сугубым недоверием к „смелым" гипотезам».

И вторая:

«Я старался воздерживаться от полемики, памятуя мудрое изречение о том, что при споре убедить противника трудно, а обидеть легко».

Начало XX века в России было временем необычайного расцвета философии, литературы и искусства, огромного духовного подъема, который можно сравнить с величайшими эпохами расцвета в мировой культуре. Этот подъем подготавливался исподволь также и наукой предшествующих десятилетий. И Сергей Иванович бережно пронес через всю свою деятельность лучшее, что дала филология XIX столетия, передал это культурным деятелям начала века, а благодаря своей долгой жизни и нам, своим ученикам. Он запечатлел свой труд в учебниках и статьях, переводах и комментариях. Лучший пример тому — предлагаемая книга.

Один из последних учеников Сергея Ивановича, В. Ф. Беляев, в статье памяти С. И. Соболевского с грустью писал: «Конец этой жизни, обнимающей столетие, знаменует собой завершение целой эпохи в истории русской филологической науки» *. Мне хочется добавить, однако, что счастливы те из нас, кто смог непосредственно приобщиться к старой школе и хоть самую малость воспринятого передать своим ученикам. В этом — та связь времен, мысль о которой руководила мною, когда я писала эту небольшую статью — воспоминание.

К. П. Полонская

* Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1963 г. Т. XXII, вып. 5, С. 463.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ О СОКРАТЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1. Опровержение первого пункта обвинения: Сократ не отрицал богов 5
Глава 2. Опровержение второго пункта обвинения: Сократ не развращал молодежь 9
Глава 3. Сократ был полезен ученикам примером и учением 22
Глава 4. Разговор с Аристодемом об отношении божества к человеку 26
Глава 5. Сократ внушал ученикам воздержание 30
Глава 6. Разговор Сократа с софистом Антифонтом . . . 32
Глава 7. О хвастовстве 35

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1. Разговор с Аристиппом об умеренности. Рассказ Продика о Геракле 37
Глава 2. Разговор с Ламироклом о признательности к родителям 46
Глава 3. Разговор с Херекратом о братской любви 50
Глава 4. Разговор о друзьях 54
Глава 5. Разговор с Антисфеном о выборе друзей 55
Глава 6. Разговор с Критобулом о выборе друзей 58
Глава 7. Разговор с Аристархом о помощи друзьям . . . 64
Глава 8. Разговор с Евфером о выборе работы 68
Глава 9. Разговор с Критоном о защите от сикофантов Архедем 69
Глава 10. Разговор с Диодором о приобретении друзей. Гермоген 71

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1. Разговор с Дионисодором об обязанностях стратега 73
Глава 2. Разговор об обязанностях стратега 75
Глава 3. Разговор об обязанностях гиппарха 76
Глава 4. Разговор с Никомахидом о стратеге и хозяине . . 79
Глава 5. Разговор с Периклом-сыном об афинянах 82

Глава 6. Разговор с Главконом о необходимости соответствующего образования для государственного деятеля . . . 87
Глава 7. Разговор с Хармидом о необходимости заниматься общественными делами 92
Глава 8. Разговор с Аристиппом об относительности понятий «хорошее» и «прекрасное» 94
Глава 9. Определение понятий «храбрость», «мудрость» и других 96
Глава 10. Разговоры с Паррасием, Клитоном и Пистием об их специальностях 100
Глава 11. Разговор с Феодотой о друзьях 104
Глава 12. Разговор с Эпигеном о крепости и слабости тела 108
Глава 13. Мнения Сократа по поводу разных вопросов . . 110
Глава 14. Об умеренности в пище 112

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1. О необходимости образования 114
Глава 2. Разговор с Евфидемом о необходимости учиться 115
Глава 3. Разговор с Евфидемом о богах 127
Глава 4. Разговор с Гиппием о справедливости 131
Глава 5. О воздержности 138
Глава 6. Диалектические определения понятий «благочестие», «справедливость» и других 142
Глава 7. О необходимости знаний для практической жизни 148
Глава 8. Опровержение обвинения Сократа по поводу демония. Заключение. 150

ЗАЩИТА СОКРАТА НА СУДЕ

Повод написания. Разговор Сократа с Гермогеном. Утешение друзей. Предсказание. Заключение 153

ПИР

Глава 1. Пир у Каллия в честь Автолика. Впечатление, произведенное Автоликом на гостей. Шут Филипп 160
Глава 2. Сиракузская труппа. Замечания Сократа. Танцы. Пародия Филиппа 163
Глава 3. Предложение Сократа. Новый характер пира. Вопросы и ответы гостей 168
Глава 4. Продолжение беседы о ценности обещанного каждым из гостей предмета 171
Глава 5. Спор о красоте между Критобулом и Сократом . . 182
Глава 6. Разговор Сократа с Гермогеном и сиракузянина с Сократом 184

Глава 7. Продолжение пира и предложение Сократа сиракузянину 186
Глава 8. Рассуждение Сократа об Эроте и о превосходстве любви духовной 188
Глава 9. Удаление Ликона с Автоликом. Мимический танец, изображающий брак Диониса с Ариадной. Конец пира . . 195

ДОМОСТРОЙ

Глава 1. Определение понятия о хозяйстве 197
Глава 2. Важность науки о хозяйстве. Богатство Сократа и бедность Критобула. Желание Критобула изучить эту науку 201
Глава 3. Хозяйство у дурных и хороших хозяев 205
Глава 4. Занятия ремеслами, военным делом и земледелием. Посещение Кира Лисандром 208
Глава 5. Похвала земледелию. Неблагоприятная сторона земледелия 212
Глава 6. Общие выводы. Исхомах 215
Глава 7. Знакомство Сократа с Исхомахом. Жена Исхомаха. Цель брака. Обязанности жены 217
Глава 8. Домашнее благоустройство 223
Глава 9. Об устройстве дома. Экономика. Значение хозяйки 227
Глава 10. Отучение жены от косметических средств и приучение к укреплению тела заботами о хозяйстве 230
Глава 11. Деятельность Исхомаха 233
Глава 12. Управляющий. Выбор его и подготовка 237
Глава 13. Качество управляющего 240
Глава 14. Законы для слуг о честности 242
Глава 15. Необходимость изучать земледелие 243
Глава 16. Почва и обработка ее 245
Глава 17. Посев 247
Глава 18. Уборка хлеба и очистка зерна 250
Глава 19. Садоводство 252
Глава 20. Заботливые и нерадивые земледельцы 255
Глава 21. Уменье обращаться с людьми и повелевать ими 260
СТАТЬИ И КОММЕНТАРИИ 263

С. И. Соболевский
Ксенофонт, его жизнь и сочинения 265
Биографические сведения 265
Литературная деятельность Ксенофонта 275

КОММЕНТАРИИ 282
Воспоминания о Сократе 282
Содержание «Воспоминаний» 282

Историческое значение «Воспоминаний» 285
Книга первая 291
Книга вторая 300
Книга третья 308
Книга четвертая 329
Защита Сократа на суде 335
Пир 340
Домострой 352

БИБЛИОГРАФИЯ 363

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сергей Иванович Соболевский — ученый-филолог, переводчик, педагог. *К. П. Полонская* 365

Научное издание

КСЕНОФОНТ

Воспоминания о Сократе

Утверждено к печати
редколлегией серии
«Памятники философской мысли»

Издательская фирма
«Наука — философия, право,
социология и психология»

Руководитель фирмы М. М. Беляев
Ответственный за выпуск М. Л. Хейфец
Художественный редактор Н. Н. Михайлова
Технический редактор Н. Н. Кокина
Корректоры Ю. Л. Косорыгин, Е. Л. Сысоева

ИБ № 203

ЛР № 020297 от 27.11.91

Сдано в набор 10.07.93
Подписано к печати 04.11.93
Формат 84×108$^{1}/_{32}$
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая
Усл. печ. л. 20,26. Усл. кр. отт. 20,26. Уч.-изд. л. 21,42
Тираж 15000 экз. Тип. зак. 181

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

Московская типография № 2 ВО «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6